

Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан

Тагир Каримов

ТАТАРСКИЕ ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ ВОЛОСТИ

Том 3
Енейская волость

Казань – 2025

УДК 94(470.4+470.5)
ББК 63.3(235.5)
К 23

*Книга подготовлена и издана в рамках
государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа»*

Научный редактор

доктор исторических наук, академик АН РТ *Р.Р. Салихов*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *Ф.Г. Ислаев*
кандидат исторических наук, доцент *А.А. Гафаров*

Каримов Т.Т.

К 23 Татарские поземельные волости. Том 3. Енейская волость /
науч. ред. *Р.Р. Салихов*. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2025. – 344 с., ил.

ISBN 978-5-94981-387-4

ISBN 978-5-94981-504-5 (т. 3)

Монография представляет собой фундаментальное исследование истории Енейской волости, охватывающее современную территорию Агрызского, Актанышского и Мензелинского районов Татарстана, Краснокамского района Башкортостана и Каракулинского района Удмуртии. Основное внимание уделяется процессу формирования волости с конца XVI в., включая становление сословия вотчинников, состоявших преимущественно из выходцев из Казанского ханства и других групп татарского населения, получивших специальное сословное наименование «башкирцы». Автор проводит глубокий анализ сословного состава населения, эволюции поземельных отношений, возникновения поселений и изменения статуса «тептярей» (татар и марийцев), которые после 1855 г. были включены в Башкирское войско и приобрели статус «башкирского» сословия. Это нашло отражение в материалах переписи 1859 г. и в других дореволюционных статистических источниках. Широкая база архивных материалов придаёт исследованию научную новизну и актуальность.

Монография заинтересует историков, этнографов, преподавателей и всех, кто стремится понять историю татарского населения Восточного Закамья и Приуралья.

ISBN 978-5-94981-387-4

ISBN 978-5-94981-504-5 (т. 3)

УДК 94(470.4+470.5)

ББК 63.3(235.5)

© Каримов Т.Т., 2025

© Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Ранняя история, население и поселенческая структура	8
§ 1. Возникновение и развитие Енейской поземельной волости	8
§ 2. Развитие волости во второй половине XVII в.	27
Глава 2. Социально-экономическое развитие волости в 1701–1760-х гг.	53
§ 1. Волость в первой четверти XVIII в.	53
§ 2. Волость во второй четверти XVIII в.	73
§ 3. Волость в 1750–1760-х гг.	102
Глава 3. Невотчинники Енейской волости по переписи 1762 г.	127
Глава 4. Развитие волости в последнем тридцатилетии XVIII в.	141
§ 1. Некоторые события из жизни вотчинников	141
§ 2. Татары тептяро-бобыльской сословной группы по ревизским сказкам 1795 г.	148
Глава 5. Волость в первой половине XIX в.	155
§ 1. Состав и сословная структура населения по материалам переписей 1811–1834 гг.	155
§ 2. Енейцы в Булярской волости в первой половине XIX в.: взгляд сквозь призму переписей	229
Глава 6. Население военного сословия («башкирцы»/«башкиры») по переписи 1859 г.	242
Глава 7. Стратегия перехода: к башкирскому сословию ради земли	313
Заключение	321
Приложение	325
Тексты архивных документов XVI–XVII вв.	325
Список использованной литературы	329
Географический указатель	332
Список сокращений	343

ВВЕДЕНИЕ

Поземельные волости, корни которых уходят в эпоху Казанского ханства, вступили в новый этап развития после создания Уфимского уезда в последней четверти XVI в. на новых землях Российского государства. Расположенные на обширных пространствах Приуралья и Южного Урала, эти волости имели важнейшее значение для истории татарского народа.

Несмотря на ключевое значение для понимания землевладения, этногенеза и социальной организации татарского населения, поземельные волости долгое время оставались на периферии внимания исследователей. Лишь в последнее время был признан их исключительный потенциал как уникальной модели взаимодействия традиционного образа жизни и российской государственной системы. Эти административно-территориальные единицы, имеющие поземельный характер, представляют собой синтез власти татарских общин и централизованного контроля империи, документируя историю формирования современных татарских поселений в Волго-Уральском регионе. Сохранившиеся документы этих волостей содержат ценный материал о правовых обычаях, хозяйственной жизни и культурных особенностях татарского населения на протяжении нескольких столетий.

Значительный прогресс в изучении данной проблемы достигнут благодаря публикации ряда фундаментальных работ последнего десятилетия. Основанные на глубоком анализе архивных источников – ясных книг, ревизских сказок, договоров и других – эти исследования открыли новые перспективы для осмысления роли поземельных волостей в истории региона. Особого внимания заслуживают труды, посвященные механизмам взаимодействия татарских вотчинников с иноэтничным населением, трансформации земельных отношений в условиях интеграции в административную систему Российской империи, а также сохранению традиционных институтов самоуправления в структуре уездного управления. Эти научные достижения не только восполняют существенный пробел в историографии, но и создают основу для переосмысления ключевых аспектов этнической истории татарского народа в эпоху позднего Средневековья и Нового времени.

Данная работа, посвященная истории Енейской волости, органично встраивается в масштабную исследовательскую серию «Татарские поземельные волости». Основной целью серии является системное изучение административно-территориальных образований Уфимского уезда с преимущественно татарским населением. Предыдущие тома, посвященные истории Булярской и Киргизской волостей, стали прорывом в историографии, предложив принципиально новую трактовку социальной организации и земельных отношений в регионе. Особая ценность этих исследований состоит в тща-

тельной документальной реконструкции исторических процессов и последовательном развенчании мифологизированных представлений, в частности, ошибочного отождествления сословного термина «башкирцы» с этнической принадлежностью. Анализ обширного корпуса архивных источников позволил автору не только воссоздать истинную картину землевладения и сословной структуры, но и выявить механизмы формирования этносословных идентичностей в рамках российской административной системы.

Публикация первых томов серии вызвала широкий резонанс в академическом и краеведческом сообществе, что выразилось в многочисленных положительных откликах. Историки и краеведы единодушно отметили значимость исследования, отметив его источниковедческую основательность и концептуальную новизну. Особенно ценным оказался вклад работы в краеведческую практику: многие читатели впервые получили доступ к систематизированным данным по истории своих населённых пунктов и генеалогии местных жителей. Многочисленные запросы о продолжении серии от академического сообщества и краеведческих организаций свидетельствуют о высокой востребованности подобных исследований. Настоящий том, посвящённый Енейской волости, отвечает этим запросам, продолжая важную работу по восстановлению исторической памяти и развенчанию устойчивых историографических мифов.

Следует подчеркнуть, что при подготовке предыдущего и настоящего томов мы тесно сотрудничали с опытными краеведами, такими как Денис Мухамадеев и Салават Хусаинов, обладающими глубокими знаниями архивных источников XVII–XVIII вв. и собственными наблюдениями. Благодаря предоставленным ими архивным материалам нам удалось существенно углубить исследование отдельных аспектов рассматриваемой темы.

Отдельные сюжеты, связанные с историей Енейской волости, были предварительно рассмотрены автором в ряде научных публикаций¹; их результаты, дополненные новыми данными, легли в основу данной монографии.

Важнейшим ориентиром для реконструкции границ волости послужил документ 1730 г., определяющий её территорию лаконичной, но ёмкой фор-

¹ Каримов Т.Т. Енейская поземельная волость Уфимского уезда в первой четверти XVIII в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 2. С. 26–29; Каримов Т.Т. Енейская поземельная волость Уфимского уезда в 30-е годы XVIII в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 4. С. 16–20; Каримов Т.Т. Енейская поземельная волость Уфимского уезда в 40-е годы XVIII в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 8. С. 17–22; Каримов Т.Т. Енейская поземельная волость Уфимского уезда в 50-е годы XVIII в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 9–2. С. 12–17.

мулой: «Волость Янейская по Ику и по Белым рекам и по Закамью, леса и степи»².

За этой формулировкой скрываются обширные пространства по берегам рек Ик и Белая, включающие районы Закамья с их лесами и степями. Указание природных ориентиров – рек, лесов и степей – отражает характерный для XVIII в. способ описания границ, подчёркивающий природное богатство и разнообразие ландшафтов волости. Такое сочетание предоставляло местному населению широкие экономические возможности: развитое земледелие, скотоводство, охоту и пчеловодство, а наличие крупных рек обеспечивало важные транспортные артерии. Таким образом, документ не только устанавливает границы, но и раскрывает экономический потенциал территории, основанный на её природных ресурсах.

Согласно данным 1834 г., вотчинники-татары Енейской поземельной волости компактно проживали в населенных пунктах, расположенных на территории современных Агрызского (Аккузино, Бетцимас, Исенбаево, Касаево, Кучуково, Новое Мастеево, Сляково, Утяганово), Актанышского (Адаево, Азибей, Буаскулево, Кадырметево, Калмашево, Картово, Нижние Урьяды, Новое Сафарово [в документах – «Саперово»]), Новые Бугады, Старые Бугады, Суксы, Султангулово, Терпеле, Ушар, Чалманарат, Шабызово), Мензелинского (Бикбулово, Калмурзино) районов Татарстана, а также Краснокамского района Башкортостана (д. Сауз; позднее к ним добавились Еней-Иткино и Саузбаш). Приведённый перечень отражает ключевые поселения, основанные непосредственно на землях волости к середине 1830-х гг.

После 1834 г. сеть енейских поселений продолжала расширяться за счёт внутренних миграций: часть населения основывала новые выселки или переселялась в существующие деревни. Кроме того, в состав волости входила часть современного Каракулинского района Удмуртии, где располагались поселения с нетатарским населением.

Система расселения енейцев не имела жёстких географических границ. Активные миграционные процессы привели к их оседанию далеко за пределами основных поселений, в составе других поземельных волостей. Вследствие этого некоторые изначально енейские деревни постепенно теряли население и прекращали своё существование. Эти исчезнувшие поселения также представляют особый интерес для исследователей, поскольку их изучение позволяет проследить динамику расселения и землепользования на протяжении нескольких столетий.

Население Енейской волости с момента её возникновения формировалось под влиянием интенсивных миграций из Казанского уезда, что способствовало укреплению единого татарского этнокультурного пространства со своей самобытной социальной структурой. Основу татарского населения составляли че-

² Материалы по истории Башкирской АССР (далее – МИБ). Ч. I. М.-Л., 1936. С. 137.

тыре ключевые сословные группы: вотчинники-башкирцы, обладавшие правами на землю; припущенники-башкирцы, получившие доступ к земле на договорных условиях; тептяри (бывшие ясачные татары); собственно ясачные татары, позднее переведённые в разряд государственных крестьян.

Знаменательным событием стало включение «тептярей» в состав Башкирского войска в 1855 г. Этот административный акт юридически уравнил их в гражданских правах с вотчинниками (хотя земельные привилегии сохранялись за последними). С этого момента «тептяри» стали фиксироваться как «башкиры», а в метрических книгах и статистике получили обозначение «новобашкиры». Это событие ознаменовало завершение процесса оформления башкирского сословия, включавшего группы тюркского и финно-угорского населения. При этом сохранялся принцип исключения из сословия (например, при переходе в православие) как для старых «башкир», так и для новоприсоединённых «тептярей».

Институциональная трансформация «тептярей» в «башкир» имела значительные демографические и идентификационные последствия. Резкий рост численности «башкир» в официальной статистике (включая переписи до 1917 г.) был обусловлен именно этим административным решением, а не естественными демографическими процессами. Примечательно, что дореволюционные документы сохраняли дифференциацию: метрические книги до 1917 г. различали «старых башкир» (потомственных вотчинников) и «новых башкир» (бывших тептярей), хотя в поселениях без традиционного «башкирского» населения последние могли фиксироваться без уточнения. Эта практика иллюстрирует механизм искусственного конструирования этносословных категорий в имперский период.

При этом, как неоднократно подчёркивалось, единство татарской общности проявлялось во всех сферах жизни – от брачных отношений между представителями разных сословий до повседневных хозяйственных практик. Это свидетельствует о глубокой интеграции различных групп в единое этнокультурное пространство, несмотря на формальные сословные различия, навязанные административной системой.

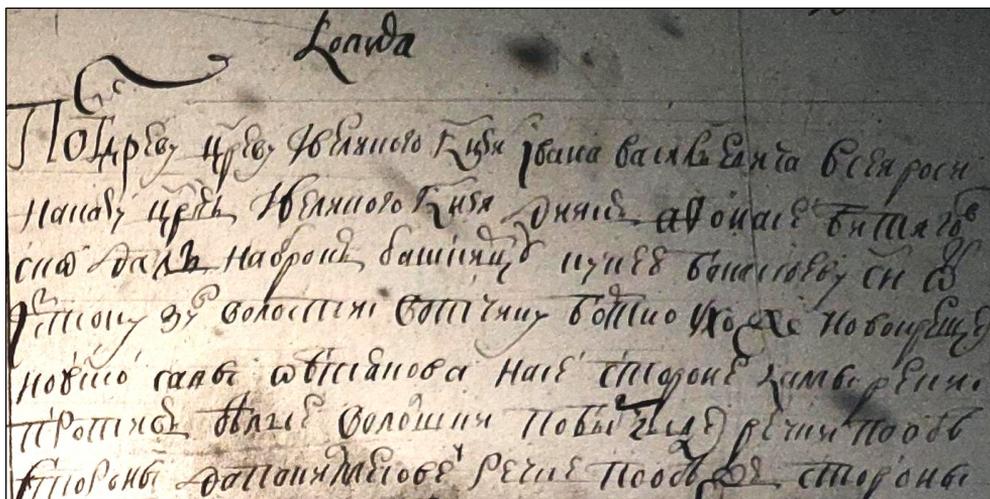
ГЛАВА 1

Ранняя история, население и поселенческая структура

§ 1. Возникновение и развитие Енейской поземельной волости

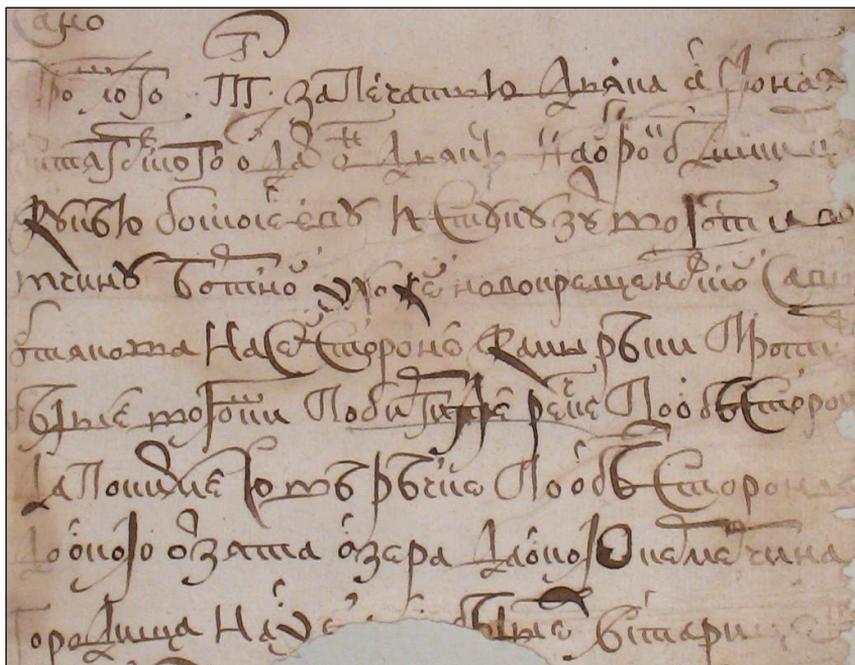
Древнейший документ о вотчинниках территории будущей Енейской волости относится к 1575 (7083) г. Важно отметить, что в этот период административное деление региона еще не устоялось окончательно, поэтому в источнике фигурирует Тугузская волость – предшественница Енейской, вошедшая в нее позднее как одна из составляющих туб.

Фрагмент копии документа 1575 г. (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 132. Л. 36)

Согласно документу, дьяк Афанасий Битяговский выдал грамоту на передачу оброчной вотчины новокрещенца Савы Обтякова «башкирцу» Кукею Боскосееву из Тугузской волости. В тексте говорится, что дьяк «дал на оброк башкирцу Кукею Боскосееву сыну ис Токузул волости вотчину бортной ухажей новокрещеновской Савы Обтякова на сей стороне Камы реки против

Белые Волошки по Быргыде речки по обе стороны да по Килмесове речке по обе ж стороны да около Олзята озера да около Керменчина городища на усть Белые ж, в старице. ... Владети, по тому ж, как владел тою вотчинную Сава Обтяков, а оброк ему дати в цареву и великого князя казну ... по четыре батмана меду да пошлин гривна. А оброк ему медвяной давати з башкирцы вместе» (полный текст см. в Приложении)¹.

Фрагмент документа, содержащий сведения об акте 1575 г. и с четко указанной датой (РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1337. Л. 10)

Анализ источника выявил необычное написание названия волости – Токузул. Более поздние документы указывают, что оно тождественно Тугузской волости (тюбе). Токузул (или Тугузул) – это татарский топоним, образованный от антропонима. Его корни – «токуз» («девять») и «ул» («сын»), что буквально означает «девятый сын», вероятно, указывая на порядковый номер рождения мальчика. К концу XVII в. появляется сокращенная форма – Тогуз, обозначающая как имя владельца земли, так и сам топоним. Эта форма сохранилась в названиях ряда поселений: Старый Тогуз (ныне д. Касаево), Новый Тогуз и Тогуз

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 132. Л. 36, 44 об.

Нарат (предположительно, современное с. Сосново). Возможно, топоним Новый Тогуз трансформировался в русское название Девятерня (все эти поселения расположены в Агрызском районе РТ). Корень «девять» в названии Девятерня является переводом татарского «тогуз». Первая известная фиксация названия Девятерня – 1722 г. («Большая Девятерня Тогуз тож»), что убедительно подтверждает его калькирование от татарского имени.

Продолжая рассматривать документ, отметим, что часть владения граничила с угодьями, ранее принадлежавшими Аккозину и Аксубину (в документе обозначенными как «выморок»), что указывает на их схожий статус – эти территории также ожидали перераспределения. Хотя вопрос об их административной принадлежности к Тугузской волости остается открытым, по аналогии с передачей угодий Кукею Боскосееву, ранее принадлежавших Саве Обтякову, можно предположить, что и эти земли вскоре обрели новых владельцев. Этот пример иллюстрирует, как происходил процесс трансформации вотчинного землевладения на казённых землях региона. Подобно Кукею Боскосееву, который, согласно генеалогическим источникам, был потомком каринского татарина, новые собственники, вероятно, также получали статус «башкирцев» – термин, введённый после создания Уфимского уезда для обозначения вотчинников.

Таким образом, этот уникальный источник содержит ценные сведения об оброчной системе землевладения, процедуре передачи угодий, размерах и характере повинностей, а также о территориальном размещении вотчин и правовом статусе их владельцев. Документ является ключевым для понимания формирования и развития вотчинной системы в Приуралье в XVI в. после его интеграции в состав Русского государства.

Оброчные угодья перешли по наследству потомкам нового владельца, которые в документах XVII в. называли его своим дедом – основателем их землевладения. Имя арендатора государственных земель в этом и других источниках упоминается как Кукей², а его фамилия фиксируется в разных вариантах (например, Боксеев). Именно он считается родоначальником вотчинников рода Кара-бека в Енейской волости. В генеалогическом предании (где его имя передано как Кугей) он справедливо указан как первый человек Тугузской тюбы, получивший от государства подтверждающую грамоту³.

Основным документальным источником, освещающим ранний период истории Енейской волости и её первых вотчинников, являются ясачные книги. Примечательно, что самые ранние зафиксированные платежи жителей волости в государственную казну датируются первой четвертью XVII в.

² Там же. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1337. Л. 10.

³ Ахметзянов М.И. Татарские родословные. С. 23.

Важное свидетельство содержится в позднем документе, который ссылается на записи ясачных книг прошлых лет. В нём приводится следующая информация:

«В ясаиных книгах прошлых лет со [7]129 [1621] году по [7]162 [1654] год написано: Енейские волости на старосте Илбахтке Канбарове и на сыне ево на Тименее Илбахтине да на ясаиных людях на 29 человек по 113 куниц; да тое же волости на башикирцах деревни Быргинды на Тинбае Давлеткилдееве да на Тименее Илбахтине с товарищи с оброчных с трех речек Збузда да с Машкары с Бляна 25 куниц на год»⁴.

Этот фрагмент отчетливо показывает, что уже к концу первой четверти XVII в. Енейская волость представляла собой хорошо организованное административное образование с отлаженной системой сбора ясака. Староста Илбахты Канбаров и его сын Тимей Илбахтин занимали ведущие позиции в управлении волостью, что подчёркивало их особое положение в местной социальной структуре. Любопытно, что фамилия Канбаров впоследствии закрепились как родовая среди нескольких поколений местных семей и даже послужила названием одной из тюрб при Генеральном межевании XIX в.

Кроме перечисленных лиц, в документе упоминаются и другие участники ясачной системы, например, Тинбай Давлеткилдеев из д. Быргинды. Этот факт подтверждает широкий круг лиц, принимавших участие в выплате натуральных податей (ясака), и свидетельствует о существовании данной деревни уже в указанный период.

Стоит особо подчеркнуть, что ясак включал не только регулярные обязательные платежи (фиксированное количество пушнины – 113 куниц), но и дополнительный натуральный оброк (25 куниц) за пользование водными ресурсами. Подобная сложная система налогообложения свидетельствует о высоком уровне государственного контроля, учитывающего как индивидуальные обязанности каждого плательщика, так и конкретные условия ведения хозяйства.

Таким образом, документ демонстрирует, что в конце первой четверти XVII в. Енейская волость была значимым административным и экономическим центром, а её жители активно участвовали в системе ясачных отношений. Документ также позволяет проследить характерную для того времени преемственность поколений в управлении волостью.

Следовательно, ясачные книги становятся важнейшим источником для изучения истории Енейской волости, ее социального устройства и экономических связей в XVII–XVIII вв.

Необходимо уточнить, что указанная сумма ясака (113 куниц плюс дополнительный оброк в 25 куниц) не отображает всего объёма налоговых обязательств Енейской волости. Согласно другим архивным материалам, в период с 1654 (7162) по 1678 (7186) гг. совокупный размер ясачных взносов сос-

⁴ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1236. Л. 3.

твлял уже 176 куниц ежегодно⁵. Увеличение размера платежей на 40% по сравнению с предшествующим периодом может быть обусловлено расширением круга налогоплательщиков, увеличением налогооблагаемых (оброчных) угодий или изменением фискальной политики центральных органов власти. Это важно учитывать при оценке финансового бремени местного населения и динамики налогового давления в регионе во второй половине XVII в.

Исторически сложилось так, что в источниках вотчинники-татары поземельных волостей именуется «башкирцами» по сословному признаку. Наиболее древние документы енейцев, свидетельствующие об их вотчинных правах, называются оберегальными (оберегательными) грамотами. Так, вотчинники Большого аймака Енейской волости имели на руках оберегальную грамоту от 23 марта 1632 (7140) г., подтверждавшую их оброчное владение озером Баргадак и прилегающей территорией. *«От царя и великого князя Михаила Федоровича всея Рос[с]ии на Уфу воеводе Ивану Федоровичу Желябужскому да подъячму Латухину бил нам челом Уфимскаго уезда башкирец Баичко Токтамышев, а сказал на **оброче** де за ним в Уфимском уезде рыбная ловля озеро Баргадак и около того озера пашня и сенные покосы, а платит он в нашу казну на Уфе с того озера Баргадака по петнатцети куниц да в Казань платит с пашни и сенных покосов оброку он по полупяти пуда меду на год».*

Грамота называлась оберегальной потому, поскольку существовала необходимость «в оберегании его (Баички Токтамышева. – Т. К.) от приходящих в то озеро (Баргадак. – Т. К.) горных и луговых черемис». Копия оберегальной грамоты 1632 г. была получена в 1803 г. правнуком первоначального владельца, Баички Токтамышева, Биктимером Кадыровым из д. Ушарово (Семиостровная). Оригинал документа был утрачен в результате ограбления, произошедшего во время народных волнений («неустройства») в данном регионе, где виновниками грабежа называли повстанцев («воров»)⁶.

Эта грамота 1632 г., как и упомянутая ранее древнейшая грамота 1575 г., наглядно демонстрирует механизм формирования вотчинных прав, изначально основанный на системе оброка. Государство в лице царской администрации сдавало угодья в аренду местному населению – независимо от этнической принадлежности – с обязательством регулярной уплаты ясака. Со временем эти угодья наследовались потомками первоначальных арендаторов, которые, оформляя оберегальные грамоты, закрепляли за собой права на землю. Таким образом, через институт наследственного оброка происходило юридическое оформление вотчинного права, а владельцы оберегальных грамот, наделяясь особым статусом, входили в сословие вотчинников, которое в официальных документах и стало именоваться «башкирцами».

⁵ Там же. Л. 2.

⁶ НА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 5511. Л. 35–36 об.

Далее обратим внимание на наказную память от 18 ноября 1634 г. – важный документ по истории налогообложения и управления в Уфимском уезде. Этот документ фиксирует распоряжение пятинщика М.С. Сыча, адресованное выборному человеку Ф.И. Строшникову и его товарищам, о сборе пятинных денег в поземельных волостях региона.

Пятинные деньги появились при царе Михаиле Федоровиче в 1610–1620-е гг. и являлись специальным налогом, равным пятой части дохода с земель. Сбор пятин был введен как экстренная мера для пополнения истощенной государственной казны после тяжёлых последствий Смутного времени. Таким образом, наказная память 1634 г. представляет значительный интерес для исследователей, так как отражает механизмы взимания налогов Московским государством в регионах с преимущественно нерусским населением.

Для нас важно, что в наказной памяти указаны три представителя Енейской волости: Байбахты Мельмушев, Байбахты Сюндюков (из д. Камаево) и Уразбахты Урекеев (д. Шюрач)⁷.

Примечательно, что Байбахты Мельмушев позднее упоминается под фамилией Мелкушев. Что касается остальных фигур, то отсутствие дальнейших упоминаний о них можно объяснить как их невысоким социальным статусом, так и возможной утратой сопутствующих документов. Аналогичная ситуация наблюдается и с топонимами: дд. Камаево и Шюрач больше не встречаются в известных источниках. Это может быть связано как с переименованием населенных пунктов (например, по имени новых владельцев), так и с их исчезновением в связи с переселением жителей.

Другие документы XVII в. расширяют круг известных нам вотчинников Енейской волости, открывая новые имена. Среди них выделяется грамота Приказа Казанского дворца от 12 февраля 1645 г., адресованная уфимскому воеводе Петру Дмитриевичу Пожарскому. Этот документ предписывал выдать оберегательную память на вотчинные земли ясачному «башкирцу» Янбахте Кудайбахтову (Кудабахтову)⁸ из Енейской волости Казанской дороги.

Челобитная, приложенная к грамоте, написана самим Янбахтой и его братом. В ней они обращаются с просьбой защитить их наследственные владения от посягательств третьих лиц. Владельцы заявляют, что имеют законное право на вотчину Бугады («Бугид») с установленными границами: верхняя граница проходит по урочищу Терпели, нижняя – по местности Талламас Башнатар по обоим берегам реки Талламас.

⁷ Документы и материалы по истории башкирского народа (1574–1798). Уфа, 2012. С. 31–32.

⁸ Правильное татарское написание имени и фамилии – «Янбакты Ходайбактин». Фамилия образована от личного имени «Ходайбакты», что отражает традиционный патронимический принцип образования фамилий у татар.

Главной проблемой для братьев Кудайбахтовых стали постоянные правонарушения со стороны пришлых людей: русские поселенцы, чуваша, черемисы и посторонние «башкирцы» самовольно охотились на пушного зверя, эксплуатировали бортевые леса и всячески нарушали права законных владельцев. В ответ на жалобу, приказ Казанского дворца поручил воеводе Пожарскому обеспечить охрану вотчинных прав «башкирских» владельцев, запретив любому лицу заниматься любыми видами хозяйственной деятельности на указанной территории. Взамен Янбахты Кудайбахтов обещал исправно платить ясак в царскую казну, отдавая каждый год один батман меда и две куницы⁹.

Документ отражает характерные для середины XVII в. механизмы регулирования земельных отношений на территории Уфимского уезда, демонстрируя политику царского правительства по сохранению вотчинных прав коренного населения при условии своевременной выплаты ясака. Грамота представляет значительный интерес для исследования системы землевладения, межэтнических отношений и фискальной политики Российского государства в Башкирии в XVII столетии.

Топоним «Бугид» (также известный как «Бугады») позволяет локализовать историческую вотчину на территории современной д. Старые Бугады Актанышского района РТ, что свидетельствует о существовании этого поселения в рассматриваемый период. Упоминания о Янбахте и его вотчине встречаются и в других исторических документах, подробный анализ которых будет представлен далее.

Строительство Мензелинского острога в 1645 г. на месте слияния рек Мензеля и Ик было осуществлено русскими властями без согласования с местным населением, что вызвало решительное сопротивление закамских «башкирцев». Согласно документам Печатного приказа, во главе протестного движения встал представитель Енейской волости Бучей Безерганов¹⁰, подчёркивая активную роль татар в отстаивании своих вотчинных прав в условиях расширяющейся русской колонизации региона.

Фамилия Безерганов (в источниках преимущественно фиксируемая как Безерганов) в документах Енейской волости, вероятно, указывает на представителей единого рода, что подтверждается как устойчивостью антропонимической формы, так и социальным статусом её носителей. Имя «Безерген», лежащее в основе фамилии, было достаточно распространённым в XVII в. – о чём свидетельствует, в частности, упоминание Тыпыя Безерганова¹¹ (очевидно, не связанного родством с енейскими Безергановыми) – основателя д. Тупеево Киргизской поземельной волости. При этом точная этимология данно-

⁹ Документы и материалы по истории башкирского народа (1574–1798). Уфа, 2012. С. 46–47.

¹⁰ Там же. С. 422.

¹¹ Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том 2. Киргизская волость. С. 120.

го имени остается неясной, что требует дополнительных лингвистических изысканий.

Вопрос защиты вотчинных угодий многократно возникает в источниках. Так, в декабре 1669 (7178) г. представитель Большого аймака Енейской волости Уркеня Чермышев обратился с новым прошением к царю Алексею Михайловичу, утверждая свое право на озеро Ушар и прилегающие к нему угодья по реке Белой. Ранее, в 1668 г., по подобному заявлению уже выдавалась царская грамота, предписывающая защиту этих земель от чужих посягательств. Однако, как отмечал Чермышев, опасность продолжала существовать, особенно со стороны старца Саввино-Сторожевского монастыря, стремившегося самовольно захватить рыбные ресурсы (Дектарный песок) и бортевые угодья. Представитель отметил, что земли принадлежали его роду испокон веков, никогда не передавались в аренду и служили основным средством существования¹².

Получив данную жалобу, Уфимская приказная изба под руководством воеводы Петра Кондырева приняла решение подтвердить вотчинные права «башкирцев», наложив запрет на любое внешнее вмешательство без предварительного судебного рассмотрения дела. Этот случай демонстрирует, насколько остро стояла проблема расширения земельной экспансии монастырей, что вынуждало коренное население постоянно искать поддержку у центрального правительства, защищая свои исконные территории с использованием существующих правовых механизмов.

Пример столкновения традиционного вотчинного права татар с активной моделью монастырской колонизации заслуживает особого внимания, так как он отражает общие тенденции того времени. Важно отметить, что аналогичные защитные документы (оберегальные грамоты) выдавались и жителям других частей обширной Енейской волости. Особое значение имеют сведения о земельных правах вотчинников Бугадинской тюбы, к которым мы и обратимся.

Земельные права вотчинников Бугадинской тюбы. Вернёмся к Янбахты, упоминаемому в документах под фамилиями Кудайбахтов и Кудайбахтин. Он фигурирует не только в грамоте от 12 февраля 1645 г., но и в других актах – от 3 марта 1640 (7148) и 30 мая 1646 (7154) гг., связанных с получением оберегательных грамот¹³. Особый интерес представляет содержание наиболее ранней из этих грамот, его мы рассмотрим ниже.

3 марта 1640 (7148) г. ясачные «башкирцы» Енейской волости Уфимского уезда Янбахты Кудайбахтин, Могозя Байбахтин и их товарищи подали челобитную, в которой писали: *«вотчина де дедов и отцов их и их вниз по Ику реке по обе стороны бортняы ухозя и всякие зверовые ловли и с озера, а межи де той вотчине по Ику реке вверх Тадуша озера исток, да нижнея*

¹² НА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 5511. Л. 38–39.

¹³ Там же. Д. 5129. Л. 17 об.

межа той вотчине по Ику реке вниз заводь Уртаря, да в той же вотчине озера Таралы и с истоками и всякими угодыи). Они жаловались, что «*в тое де их вотчину приезжают из Казани русские люди и чувашаи и черемиса и вотяки и в той де их вотчине в озерах и в ыстоках рыбу ловят и борти выдирают и насильства де им всякое чинять*», подчеркивая при этом, что с той вотчины они исправно платили ясак (10 куниц в Уфу, 9 куниц и 4,5 батмана меда в Казань). На основании этой челобитной воевода Иван Иванович Салтыков выдал оберегательную грамоту, запрещающую посторонним заниматься хозяйственной деятельностью на вотчинных землях без особого разрешения, что было скреплено государственной печатью Уфы¹⁴ и отражало политику царской администрации по защите прав ясачного населения при сохранении фискальных интересов государства.

В представленной челобитной 1640 г. вотчинники Енейской волости Янбахты Кудабактин и Могозя¹⁵ Байбахтин с товарищами апеллируют к традиционному праву владения вотчиной по реке Ик, подчеркивая ее наследственный характер («*вотчина де дедов и отцов их*»). Однако анализ формулировок документа позволяет сделать важное наблюдение: утверждение о дедовском владении, по всей видимости, относится лишь к периоду после падения Казанского ханства, то есть к концу XVI в., когда русская администрация начала оформлять земельные права местного населения в обмен на оброк и ясак. Это косвенно свидетельствует, что в ханский период предки данных енейцев не обладали здесь вотчинными правами в том виде, в каком они были зафиксированы позднее.

Документ отражает сложную этносоциальную ситуацию в регионе: наряду с коренным населением – татарами-вотчинниками башкирского сословия – здесь активно расселялись пришлые группы: русские, «чувашаи» (под этим термином подразумевались татары-выходцы из Казанского уезда), черемисы (марийцы) и вотяки (удмурты), занимавшиеся промысловой деятельностью (рыболовством и бортничеством). Анализ документа показывает, что конфликты возникали преимущественно не из-за полиэтничного состава населения, а вследствие нарушения сложившегося земельно-правового порядка: пришлое население присваивало промысловые угодыя (самовольный лов рыбы в вотчинных озерах, разорение бортей), что и побудило вотчинников ходатайствовать о выдаче оберегательной грамоты.

¹⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 132. Л. 55–55 об.

¹⁵ В источнике середины XIX в., содержащем пересказ данного документа в рамках спора о землях между вотчинниками Бугадинской тюбы и удельными крестьянами д. Азибей (позднее Русское Азибеево), имя вотчинника искажено и дано как «Голгозячко» (НА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 4682. Л. 5). Вместе с тем в тексте содержатся и другие серьезные ошибки.

Особую ценность документу придают содержащиеся в нем данные о размерах и структуре ясачных платежей, существенные для реконструкции экономической истории региона. Детальная фиксация границ вотчинных владений с указанием топонимов делает этот источник уникальным материалом для историко-географических и топонимических исследований.

Кстати, эта топонимия, например, название озера, нуждается в уточнении из-за имеющихся разночтений в источниках. Если в цитированном выше источнике указано как «Гадуш», то в другой публикации показано как «Тамдум»¹⁶, а неопубликованный источник дает формы «Тутуш» и «Гудуш»¹⁷. Эти разночтения характерны для исторических документов, где татарские топонимы часто искажались при записи русскими переписчиками. Сравнительный анализ позволяет считать формы «Гадуш» и «Тутуш» («Гудуш») более достоверными, так как они сохраняют общую корневую основу и фонетически ближе к возможным татарским оригиналам. Вариант «Тамдум», скорее всего, является результатом ошибки переписчика. Для окончательного установления правильной формы названия необходимо провести комплексное исследование, включающее сравнительный анализ всех известных вариантов, изучение исторической фонетики местных языков и сравнение с современной топонимикой региона. Такая работа позволит выяснить подлинное написание этого исторического гидронима и прояснить вопрос.

Именно этими документами – оберегательной грамотой от 3 марта 1640 (7148) г., двумя грамотами 1646 (7154) г. и решением Уфимской провинциальной канцелярии от 6 апреля 1756 г., ставшими правовой основой для Бугадинской тюбы, вотчинники дд. Старые и Новые Бугады обосновывали свои земельные права. Эти архивные источники, упомянутые в формулировке «на грамотах 7148, одной, 7154 двух и решении Уфимской провинциальной канцелярии 6-го апреля 1756 г.»¹⁸, составляли документальную базу вотчинных притязаний бугадинцев, подтвердив преемственность их прав на землю от середины XVII до середины XVIII в. Значимость этих документов заключалась в том, что ранние грамоты были выданы еще при царе Михаиле Федоровиче, что свидетельствовало о законности владения как перед местными жителями, так и перед государственной администрацией, а последующее решение 1756 г. утвердило эти права в новой обстановке землеустроительного порядка.

¹⁶ Асфандияров А.З. Аулы... С. 24.

¹⁷ НА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 4682. Л. 5, 32.

¹⁸ Там же. Д. 5129. Л. 17. В этом же источнике отмечено: «Тугузской тюбы к деревне Татарским Азибьям башкирцам» (Там же. Л. 19). Самоназвание деревни подчеркивает этническую принадлежность жителей, относимых к сословию «вотчинников-башкирцев». Между тем, вопреки таким очевидным свидетельствам, некоторые современные авторы продолжают настаивать на иной трактовке этнической природы населения, интерпретируя сословную принадлежность как признак отдельной этнической группы.

Кратко приведем содержание двух документов 1646 (7154) г. Первый документ, датированный 30 мая, сообщает, что вотчиннику Енейской волости Янбахты Куда[й]бахтину вместе с товарищами, терпевшими обиды от соседей, по их просьбе дана оберегательная память на вотчину при озере Кулегеш, *«чтоб русские люди, татаровя и черемисы в их вотчины насильством не въезжали и тех их вотчин не пустошали и рыб не ловили, что им от их насильства и обид в конец не погибнут и государеву ясаку не отбыть»*¹⁹.

Во втором документе, датированном 31 мая, говорится: *«Лета 7154-го [1646. – Т. К.] мая в 31 день по государеву ... указу воевода Федор Андреевич Алябьев велел дать оберегательную память Уфимского уезду Казанской дороги Енейской волости ясаиному башкирцу Янбахтейку Илбахтину [Кудайбахтину. – Т. К.] з братом»,* где *«написано владеть де он Янбахтейка в Уфимском уезде старинной их и отца своего вотчиною Бугоды, а той де ево вотчине верхняя межа Терпели, а нижняя межа Толамас»*²⁰.

Анализ этого документа в сопоставлении с полной копией из московского архива выявил некоторое несоответствие в написании фамилии владельца. Несмотря на это, остальные сведения полностью соответствуют оригиналу, что подтверждает подлинность документального источника и его значимость для изучения правовых отношений того периода.

Согласно оригиналу, вотчина досталась Янбахте Кудайбахтину по наследству от отца (владел «отца своего вотчиною Бугоды»). Владельцы вотчины платили государству ежегодный ясак в размере одного батмана меда и двух куниц. Мотивировка прошения Янбахты и его брата о выдаче оберегательной грамоты осталась неизменной: *«чтобы в ево, Янбахтекову, вотчину всякие люди насильством не ходили, зверя никакова не побивали и бортей с медом не подсекали»*²¹.

Енейская волость XVII в., расположенная на стратегической дороге между Казанским и Уфимским уездами, стала ареной острого колониционного противостояния. Таможенная застава на реке Толламас²², упомянутая ранее в оберегательной грамоте, не только свидетельствовала о присутствии русских властей (в лице уфимских целовальников), но и усугубляла земельные конфликты. Благодаря своей транспортной доступности, волость привлекала переселенцев из Казани, превращаясь в зону постоянного межсословного соперничества. На этом своеобразном «фронтире» колонизации особенно ярко проявилось столкновение традиционных вотчинных прав коренного на-

¹⁹ РГАДА. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 1059. Л. 11–11 об.; НА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 4682. Л. 18 об.

²⁰ НА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 4682. Л. 7 об.–8.

²¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 132. Л. 53–54.

²² Документы и материалы по истории башкирского народа (1574–1798). Уфа, 2012. С. 419.

селения с притязаниями новопоселенцев на промысловые угодья. Это приводило к частым обращениям местных жителей за оберегательными грамотами.

В материалах Енейской волости в связи с вышеназванным вотчинником Янбахты Кудайбахтиным упоминаются его соседи («*в другую сторону того озера Кулетеш [Кулегеш. – Т. К.] вотчина уфимских татар*») и вотчинники-ясачные татары д. Пустошь Мелкенево Зюрейской дороги Казанского уезда. О последних документ сообщает более подробно. Ясачные татары д. Мелкен Москов Давлетбахтин, Токай Текеев и их товарищи утверждали, что «*в прошлых де годах дана была отцу ево Каскину Текелку Еманкулову деда ево старинная ясаинная земля за Камою рекою Пустошь Мелкен за речкою Мелкеном в старых их межах и урочищах ... и на тое де пустошь отцу ево Текелку дана была ввозная грамота, а как де они башкирцы закамскую сторону раззорили, ввозную грамоту с иными письмами взяли и с тое пустоши платят они великого государя казну по семнадцати ясаков с полуясаком да по двадцати кунци на год и великой государь пожаловал бы их, велел бы им старинную есаинную их землю Мелкен вместо ввозной грамоты дать выпись. И в приходной хлебной книге прошлого 138 [1630. – Т. К.] года по Зюрейской дороге написано: марта в 9 день дана грамота чувашенину той дорогу пустоши Кулушевской Текелку Иманкулову, и велено ему жить на старинной деда и отца ево пустоши Мелькенево на старом целом ясаке, да на новом прибылом полуясаке, да в приходной же хлебной книге 189 [1681. – Т. К.] по Зюрейской дороге написано, деревни что была пустошь Мелькенево, а в ней 31 двор платят по 12 ясаков»²³. Выпись от 21 июня 1681 (7189) г. также являлась документом «Володимера Аблаева с товарищи» из д. Сарсаз Зюрейской дороги²⁴, которые в середине XVIII в. имели земельный спор с енейцами.*

Анализ документальных источников позволяет выявить ключевые принципы сословного деления в изучаемом регионе. Основным критерием для различения статусов «ясачных татар» и «башкирцев» служили административно-территориальная подчиненность и место уплаты ясака. Например, потомки чувашского вотчинника Текелки Иманкулова, приписанного к Казанскому уезду и платившего ясак в казну Казани, официально считались ясачными татарами. В то же время, татары-вотчинники Уфимского уезда, такие как потомки Янбахты Кудайбахтина, платившие налоги в Уфе, получили сословный статус башкирцев.

Такая административно-фискальная система объясняет многочисленные, но неудовлетворенные прошения ясачных татар в конце XVIII–XIX вв. о переводе в башкирское сословие – изменение статуса обещало улучшение зе-

²³ НА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 4682. Л. 14–14 об. В данном источнике также сообщается, что раньше в д. Сарсаз-Тралы жили вотчинники Енейской волости, которые «из одной деревни вышли в деревню Тамьян» (Там же. Л. 20–20 об.).

²⁴ Там же. Л. 13 об.

мельной обеспеченности. Примечательно, что даже при общности этнического происхождения, хозяйственного уклада и родственных связей, определяющим оставался исторически закреплённый адрес податного сбора. Эта ситуация наглядно демонстрирует, как государственная власть формировала сословные границы, ставя фискальные интересы выше объективной этнокультурной реальности и создавая искусственные административные барьеры между фактически родственными группами населения.

Итак, документы второй четверти XVII в. подтверждают вотчинные права татар Бугадинской тюбы. Подати за пользование государственными угодьями это население начало вносить примерно с последней четверти XVI в. Регулярные платежи с четко определенной территории, подкрепленные оберегательными грамотами и другими правовыми документами, стали важным этапом в юридическом оформлении и закреплении прав собственности на эти земли.

Изначально деревня Бугады, давшая название тюбе, была её единственным поселением. К середине XIX в. Бугадинская тюба уже объединяла четыре населенных пункта с татарским населением башкирского сословия: Старые Бугады, Новые Бугады, Кадырметьево и Султангулово (ныне все входят в Актанышский район РТ). Однако правовой статус этих поселений существенно различался: первые три деревни сохраняли традиционные вотчинные права, тогда как жители Султангулово, переселившиеся из Байлярской волости, таких прав не имели. Эта правовая неоднородность отражает сложную систему земельных отношений, сложившуюся в регионе к тому времени.

Земельные права вотчинников Канбарской тюбы. В 1640 г. вотчинники Енейской волости активно защищали свои права собственности, подав три челобитные с жалобами на действия пришлого населения. В одной из них, адресованной воеводе И.И. Салтыкову, Ярмамёт Илбахтин и Илмамёт Канбаров сообщали о самоуправстве казанца Токая Ногашева. Ногашев самовольно построил 165 бортей на их вотчинной земле и уничтожил 5 принадлежащих им бортей. Более того, нарушитель угрожал вотчинникам военной расправой, заявляя, что «придет по вас из Казани сын боярский да стрельцы да возьмут в Казань». Важность этого конфликта подчеркивалась тем, что вотчинники исправно платили значительный ясак с этих угодий: 25 куниц в Уфу и 6 батманов меда с 9 куницами в Казань²⁵, что делало их претензии экономически обоснованными и подчеркивало незаконность действий пришлых людей, посягавших на их традиционные источники дохода. Этот эпизод типичен для того времени и иллюстрирует конфликты между коренным населением и переселенцами, а также демонстрирует, как вотчинники защищали свои экономические интересы, используя систему челобитных.

²⁵ Документы и материалы по истории башкирского народа (1574–1798). Уфа, 2012. С. 419.

Генеалогический анализ и изучение антропонимических данных позволяют предположить, что Ярмамёт Илбахтин, подавший челобитную в 1640 г. вместе с Илмамётом Канбаровым, был сыном старосты Енейской волости Илбахты Канбарова и младшим братом Тименя Илбахтина. Этот вывод основан на нескольких факторах: образовании фамилий от имен вотчинников, хронологической последовательности упоминаний в документах, высоком социальном статусе семьи в волостной иерархии и привязке к одним и тем же вотчинным землям.

Особое значение имеет фамилия Канбаров. Ее наличие указывает на происхождение носителей от Канбара – влиятельного вотчинника, чье имя впоследствии закрепилось в названии Канбарской тюбы. Этот антропотопоним (топоним, образованный от имени человека) характерен для региона, где многие тюбы и роды получали названия по именам их основателей – владельцев царских жалованных и оберегальных грамот.

Распространенная в литературе ошибочная интерпретация происхождения названия Канбарской тюбы от гидронима (река Канбарка, приток Буя)²⁶ свидетельствует о недостаточной проработке данного вопроса. Подобные утверждения игнорируют историко-правовой контекст формирования тюб, где антропонимическая этимология (происхождение от личного имени) традиционно преобладает над гидронимической. Таким образом, Канбарская тюба является ярким примером того, как имя вотчинника закреплялось в территориальной идентичности через социально-генеалогические связи, а не путем вторичного наименования по географическому объекту.

Фамилия Канбаров во второй четверти – середине XIX в. была родовой для татар башкирского происхождения, проживавших практически во всех деревнях, входящих в состав Канбарской (Камбарской) тюбы (современная территория Актанышского района Республики Татарстан). К этим деревням относились Суксы, Калмашево, Картово, Шабызово²⁷ и Чалманарат. Примечательно, что жители д. Чалманарат, несмотря на статус припущенников в соседней Булярской волости, сохраняли вотчинные права в своей изначальной Енейской волости. Эта ситуация наглядно демонстрирует сложный земельный порядок региона, который позволял мигрировавшему населению поддерживать юридическую связь с прежними местами обитания, одновременно интегрируясь в новые территориальные объединения.

²⁶ Асфандияров А.З. Аулы... С. 26.

²⁷ Согласно документу от 26 июля 1811 г., который будет рассмотрен в связи с анализом ревизской сказки по д. Шабызово за тот же год, часть ее жителей (Кидряс Исангулов, Абдулмен Тугусеев и другие) относилась к Енейской тюбе. Это административное образование возникло на месте прежнего Большого аймака в результате Генерального межевания земель. Процедура размежевки проводилась по тюбам, в то время как категория «аймак», не свойственная многим другим волостям, вышла из употребления в официальном делопроизводстве.

Однако прежде чем официально именоваться Канбарской тюбой, данная поземельная единица долгое время носила название Канбарский аймак. Это подтверждается архивными материалами, в частности, документальными записями 1761 г. Следовательно, трансформация аймака в тюбу произошла на более позднем этапе развития поземельной структуры региона.

Влиятельный вотчинник Айгильде Байсарин: инициация и участие в правовых разбирательствах середины XVII в. Документ от 5 февраля 1645 г. (7153) – ценный исторический источник, повествующий о судебном разбирательстве между ясачными «башкирцами»: Айгильде Байсариным из Енейской волости и Танатаром Кибикеевым²⁸ из д. Буглы Варзинской волости. В центре конфликта – дерзкий побег Минлебая Чермышева, «чувашенина» из Казанского уезда, который служил Айгильде за 20 руб. Неожиданный поворот делу придал произвол елабужского приказчика («прикащика»).

Суть произошедшего такова: Минлебай похитил лошадь из хлева Айгильде и сбежал с семьей за реку Елабугу. Когда Айгильде разыскал беглецов и намеревался их вернуть, ему преградили путь Танатар, елабужский приказчик и их сообщники. Они жестоко избили и искалечили Айгильде, отняли у него Минлебая с семьей, а самого потерпевшего бросили в тюрьму и заковали в цепи. После недельного заключения, вымучив с Айгильде 6 руб., его наконец отпустили. Айгильде, который уже требовал возмещения ущерба в 40 руб., теперь просит взыскать дополнительные убытки в размере 10 руб. 50 коп. В заключительной части документа он обращается с просьбой рассмотреть его жалобу, обеспечить ему правовую защиту от действий Танатара, вызвать его в суд для личного разбирательства «с очи на очи» с истцом. Он настаивает на тщательном изучении иска, проведении следственных действий и скорейшем вынесении решения, которое установит законный порядок между сторонами²⁹.

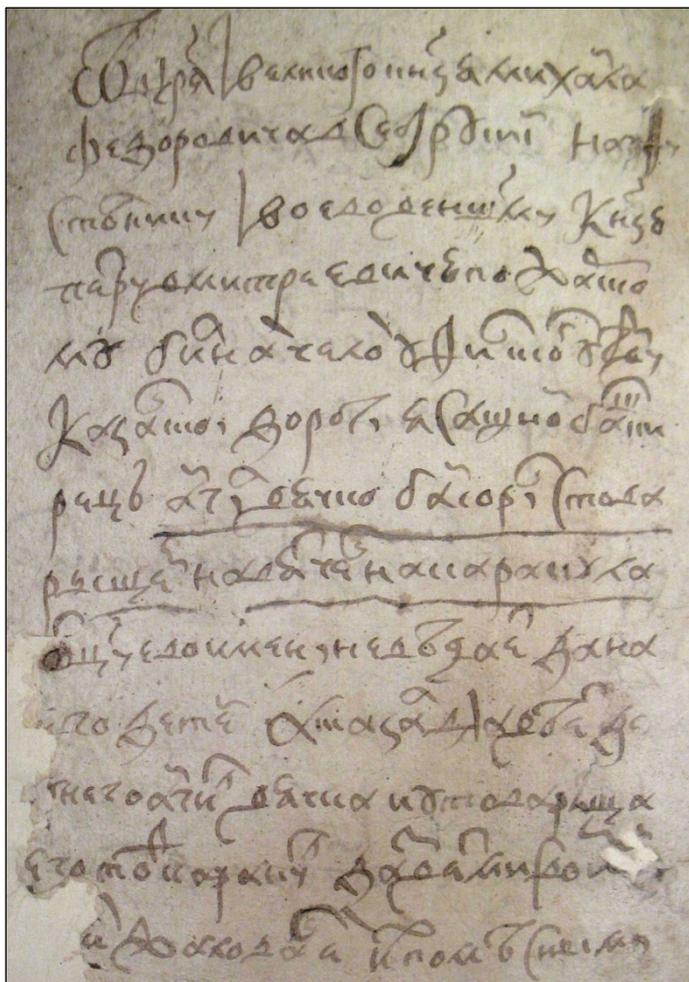
Этот случай представляет особый интерес для исследователей, поскольку иллюстрирует сложное взаимодействие традиционных и официальных судебных практик в середине XVII в. Документ позволяет проследить механизмы найма зависимых работников из числа нерусского населения, особенности разрешения бытовых конфликтов и злоупотребления местной администрации. В совокупности эти аспекты делают источник важным свидетельством о социально-правовых отношениях в Башкирии того периода.

Параллельно с разбирательством по делу о беглом работнике, Айгильде Байсарин с товарищем инициировал второй судебный процесс против вятско-

²⁸ В более поздних источниках (1673 г.) Танатар Кибекеев упоминается как каринский татарин и ясачный бобыль д. Варзи, выполняющий обязанности старосты (РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 642. Л. 1–6). Его сын, Курмаш Тангатаров, известен как ясачный татарин д. Варзи и предполагаемый основатель одноименной д. Курмашево Булярской волости.

²⁹ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 382. Л. 1–2 об.

го переселенца Каракула и его потомков. Этот земельный конфликт, продолжавшийся уже третий год, касался незаконного захвата значительных территорий, включавших ценные бортные угодья и рыбные промыслы. В своей жалобе Байсарин особо подчеркивал экономическую значимость спорных земель: они обеспечивали стабильную выплату крупного ясака – 40 куниц и 12 батманов меда ежегодно, что составляло существенную часть податей, поступавших в царскую казну от ясачного населения региона³⁰.

Фрагмент документа 1645 г. с жалобой Айгильдея Байсарина на вятчанина Каракула (РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 382. Л. 3 об.)

³⁰ РГАДА. Ф.1173. Оп. 1. Д. 382. Л. 3–5.

Конфликт с Каракулом отличался особой жесткостью. Помимо фактов насильственного захвата земель, в жалобе подробно описывались систематическая вырубка ценных бортовых деревьев, уничтожение межевых знаков и открытые планы русских переселенцев по возведению постоянного двора на спорной территории. Эти действия не только нарушали традиционные права татарского населения, но и создавали опасный прецедент для дальнейшего передела земель. Особую остроту ситуации придавало то, что Каракул, пользуясь своим положением переселенца, по-видимому, рассчитывал на поддержку местной русской администрации.

Совокупность этих судебных дел – уникальный материал для исследования социально-правовой системы Башкирии XVII в. Они раскрывают сложный механизм взаимодействия традиционного татарского землевладения с формирующейся имперской административной системой и демонстрируют многослойную этническую структуру региона. Здесь сталкивались интересы коренных татар-вотчинников, ясачного населения, русских переселенцев и зависимых работников. Айгильде Байсарин в этом контексте – показательная фигура. Его активная позиция в защите прав, знание судебных процедур и умение апеллировать к нормам и царскому законодательству свидетельствуют о появлении нового типа местной элиты, способной действовать в меняющейся правовой реальности. Его тяжбы стали важным прецедентом в разрешении земельных конфликтов в многоэтничном регионе.

Третий документ 1645 г., связанный с Айгильде Байсариним, проливает свет на земельные отношения и административное управление в Башкирии середины XVII в. Царская грамота Михаила Федоровича, адресованная уфимскому воеводе князю Петру Дмитриевичу Пожарскому, стала ответом на коллективную челобитную жителей деревни Зены. Во главе обращения стояли Айгильде Байсаров (Байсарин) и Асыл Кожбахтин (в источнике «Кожбахтех»). Вотчинники просили подтвердить их наследственные права на озеро Сауз и исток Кишкенди, ссылаясь на традиционное владение и утраченную в пожаре жалованную грамоту. *«Да у них же де под их деревнею озеро Сауз. И тем де озером исстари отцы их владели. И на то де озеро у отцов их была наша жалованная грамота. И как де их деревня погорела, и та наша жалованная грамота в тот пожар згорела ж»*, – говорилось в их челобитной.

Особый интерес вызывает стратегия аргументации челобитчиков. Они не только апеллировали к историческим правам предков, но и подчеркивали свою лояльность российскому престолу. Это выражалось в военной службе против калмыков и регулярной выплате ясака: 15 куниц и полутора батманов меда ежегодно. Такой комплексный подход демонстрирует, что местная элита, к которой принадлежал Байсарин, глубоко понимала как традиционные нормы землевладения, так и новые административные реалии.

Реакция центральной власти на обращение была тщательно продумана. Вместо автоматического восстановления прав, грамота предписывала провес-

ти всестороннее расследование. Оно включало установление исторических прав владения, анализ текущего статуса землепользования и сбор свидетельских показаний. Примечательно, что в приходных книгах Уфимского уезда за 1643 (7151) г. озеро Сауз и исток Кишкенди не значились ни у кого на оброке, что объективно укрепляло позиции челобитчиков³¹.

Этот документ раскрывает сложную систему землевладения того времени, где традиционные права на угодья переплетались с необходимостью их официального подтверждения перед центральной властью. Особый интерес представляет тот факт, что вотчинники не просто заявляли о своих правах, но и обосновывали их наследственным владением, подкрепляя претензии исторической преемственностью от предков. Это свидетельствует о развитой системе земельных отношений и понимании важности документального оформления прав, даже в условиях утраты первоначальных документов.

Кроме того, данный случай ярко иллюстрирует взаимодействие традиционных практик землепользования с формирующейся системой административного управления. Совокупность судебных дел, связанных с Айгильде Байсариним, позволяет рассматривать его как представителя новой волны местной элиты. Он успешно адаптировался к меняющимся политическим условиям и активно использовал все доступные правовые механизмы для защиты общинных интересов. Документы 1645 г. в своей совокупности представляют исключительную ценность для понимания трансформации социально-политических отношений в Башкирии в напряженный период середины XVII в. Они служат ценным свидетельством взаимодействия центральной власти с местным населением, демонстрируя как процедуры рассмотрения земельных споров, так и значение военной службы ясачного населения в системе их взаимоотношений с Российским государством.

Завершая анализ документов, связанных с Айгильде Байсариним, следует упомянуть дополнительную грамоту от 7 февраля 1645 г. Выданная уфимским воеводой Полкарским «башкирцу» Бекбову Исянгулову из д. Тугуз в правление царя Михаила Федоровича Романова, она официально подтверждала регистрацию Бекбова в ясачных книгах и закрепляла за ним вотчинные земли по берегам реки Кутмесь. Верхняя граница владений определялась по берегу Кады болота, а ниже по течению угодья простирались по обоим берегам реки³².

Бекбов Исянгулов принадлежал к роду Кара-бека. Согласно опубликованной генеалогии, его линия прослеживается следующим образом: Морат → Бакты суфи → Исянгул → Бикбау → Семеней → Исенбай → Бухармет → Давекай → Кулшарип → Ибрагим³³. Сопоставление данной генеалогической

³¹ РГАДА. Ф.1173. Оп. 1. Д. 382. Л. 5–7 об.

³² ГА РТ. Ф. 986. Оп. 1. Д. 489. Л. 15 об.–16 об.

³³ Ахметзянов М.И. Татарские родословные. С. 22.

схемы с другими историческими источниками позволяет локализовать коренное поселение (вотчину) под названием Тугуз на территории современной д. Исенбаево Агрызского района Республики Татарстан. Данное предположение подтверждается материалами переписи 1811 г., в которых потомки Исенбая – Кулшарип и его сын Ибрагим – зафиксированы именно в этой местности. Это указывает на трансформацию первоначального топонима деревни в антропоним, входящий в состав указанной генеалогической линии.

Этот факт свидетельствует о преемственности территориального размещения рода Кара-бека и подчеркивает устойчивость института родового землевладения на протяжении длительного периода. Настоящий документ иллюстрирует распространенную практику наделения вотчинными правами представителей коренных народов при условии регулярной выплаты ясака – натуральной подати, взимаемый государством с нерусского населения за пользование угодьями. Анализ подобных актов позволяет реконструировать систему регулирования земельных отношений на восточных окраинах России в XVII в.

§ 2. Развитие волости во второй половине XVII в.

В 1671 г. представители поземельных волостей Казанской дороги – Енейской (включая Иштерьяка Урумбетева, Юсупа Иткинина и Савелия Бурнашева), Шамшадинской, Ельдякской и других – направили коллективную челобитную царю Алексею Михайловичу. Они жаловались на незаконное присвоение их вотчинных прав на рыбные промыслы. После изгнания монастырского старца Зосима в 1669 г. эти угодья были отданы в откуп новокрещенцу Ивану Киржацкому.

Конфликт обострился в 1670 г., когда уфимский приказчик Василий Ураков отказался передавать рыбные воды на оброк. Годом позже эти ценные угодья перешли к новым владельцам. Местные жители столкнулись с запретами на традиционные промыслы и угрозами, что серьезно нарушало их привычный уклад жизни и экономические интересы. В челобитной подчеркивалось, что новые владельцы опирались на записи в официальных книгах рыбных ловель, что делало их притязания особенно опасными для коренного населения. Челобитчики настаивали, что эти угодья издавна принадлежали их предкам, ссылаясь на ранее полученные царские грамоты. Они просили восстановить справедливость и вернуть им законные права³⁴.

Этот случай ярко иллюстрирует сложные взаимоотношения между коренным населением, центральной властью и новыми переселенцами в XVII в. Челобитная демонстрирует, как местные жители пытались защитить свои традиционные права, обращаясь напрямую к монарху. Она также отражает

³⁴ История башкирских родов. Кыргыз. Том 10. С. 339.

проблемы, возникавшие при столкновении различных систем землепользования в процессе интеграции региона в состав Российского государства. Документ свидетельствует о высокой степени самоорганизации енейских вотчинников и их способности координировать действия с представителями других волостей для защиты общих интересов перед лицом центральной власти.

Во второй половине XVII в. исследуемый регион стал ареной ожесточенных военных и политических конфликтов. Русские власти стремились укрепить оборону края, построив Закамскую оборонительную линию в 1652–1654 гг. В нее вошли такие крупные форпосты, как крепость Белый Яр, Ерыклинск, Тиинск и другие. Однако, несмотря на эти меры, угроза со стороны кочевых народов оставалась актуальной. Это ставило под сомнение эффективность оборонительных линий и выявляло ограниченность стратегии укрепления внешних рубежей в борьбе с мобильными отрядами противника.

Особую остроту ситуация приобрела в период «башкирского» восстания 1681–1684 гг., когда активизировались калмыцкие отряды. В июле 1682 г. они предприняли масштабное наступление. В ходе него был осажден г. Мензелинск, захвачены дворцовое село Николо-Березовка и ряд близлежащих деревень. Эти события наглядно продемонстрировали уязвимость региона перед внешними угрозами.

Жители Енейской волости оказались в центре драматичных событий. Первым тревожным сигналом стало сообщение от Юсупа Иткинеева (также известного как Юсуп Иткинин по документу 1671 г.), «башкирца» из д. Еней. Он уведомил о приближении калмыков «за Камою рекою»³⁵. Мы считаем его представителем рода Кара-бека.

Особое значение имеет второе, более подробное послание енейских «башкирцев» от 24 июля 1682 г. В нем детально описывается масштабное наступление союзных сил под предводительством тайшей Аюки и Замсы. Объединенная армия, насчитывавшая до 40 тысяч воинов, состояла из калмыков, ногайцев, горских черкесов и едисанцев, вооруженных пушками и огнестрельным оружием. Целью их похода было продвижение к реке Белой и далее вдоль Закамской укрепленной линии³⁶.

Эти события демонстрируют, что калмыки и другие кочевые народы продолжали отстаивать свои интересы в регионе, оспаривая монопольное право российского государства на местные территории. При этом они поддерживали тесные связи с местным населением, включая жителей Енейской волости, что свидетельствует о сложной системе межэтнических отношений того времени.

Переходя к другим историческим документам, стоит отметить интересный эпизод 1686 (7194) г. Тогда «башкирцы» Енейской волости Масков и Атак Козелаевы совместно с горным татаринном д. Шебис Алешем Бабаковым

³⁵ ДАИ. Т. 10. СПб, 1867. С. 69.

³⁶ Там же.

переселились на участок земли («повыток»), принадлежавший вотчиннику Кущинской волости Сибирской дороги Бакью Акбулатову. Этот факт наглядно иллюстрирует сложность и многогранность земельных отношений, существовавших в регионе в конце XVII в.

Заключенное между сторонами соглашение отличалось комплексным характером. Переселенцы получали право на ведение промысловой деятельности на новых территориях при условии совместного несения повинностей с владельцем земли. Особенно примечателен детально проработанный механизм распределения финансовых обязательств: помимо установленных выплат ясака и ямских денег, договор регламентировал особый порядок раздела откупных платежей (одна треть владельцу земли, две трети – переселенцам) и предусматривал значительный размер неустойки за нарушение условий договора³⁷.

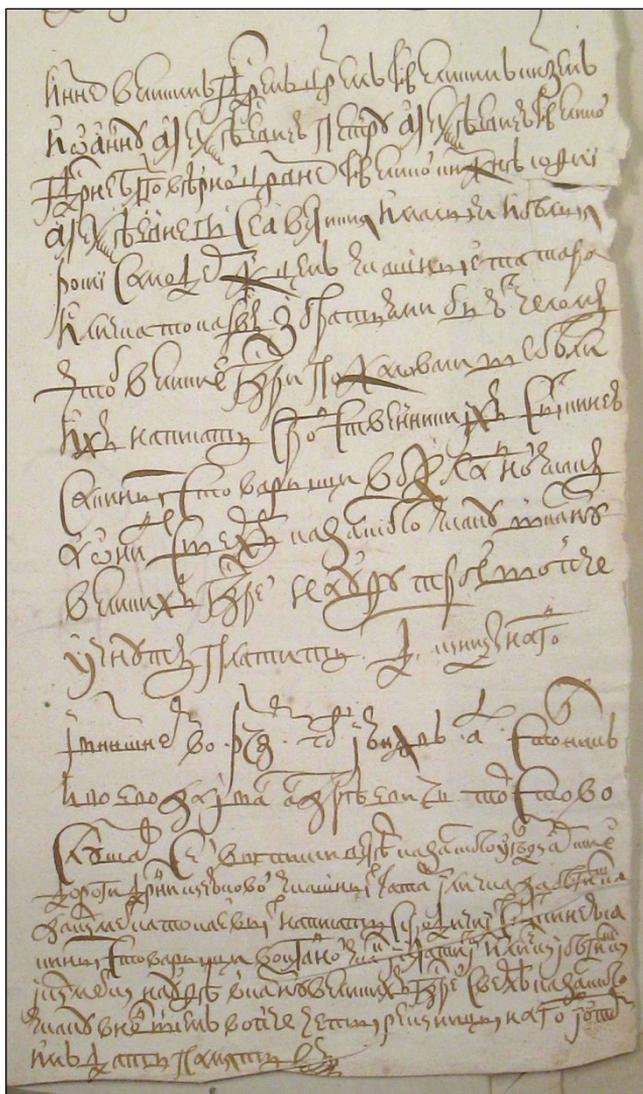
Этот документ свидетельствует о существовании тесных связей между вотчинниками разных дорог. Примечательно, что переселенцы из Енейской волости, несмотря на статус припущенников, оказались в равноправном положении с владельцем земли. Это отражает специфику земельных отношений в регионе, где формальный статус часто уступал место практическим договоренностям.

Документ от 1 июня 1689 (7197) г. подробно описывает процедуру перехода ясачных татар в сословие «башкирцев» на основании их прошения. Согласно ясачной приходной книге того года, жители д. Тогуз Казанской дороги – Беккения Утяшев, Ярмет Янгилдин, Аиш и Тоиш Тойчины – помимо основного казанского ясака выплачивали дополнительные 4 куницы. Для сравнения, староста Енейской волости Теменей Илбахтин с товарищами вносил 130 куниц. В этом же окладе числились Мыстяч Тохтагулов («чувашенин») и Тявгилде Терибердеев.

Представленные сведения касаются прошения Илича Токаева о переводе его на окладной ясак. В качестве основания для своего требования он указал, что его близкие родственники и односельчане – Беккения Утяшев, Ярмет Янгилдин, Аиш, Тоиш Тойчины, Мыстяч Тохтагулов и Иткиния Сакин – уже находились на таком режиме налогообложения и уплачивали ясак совместно с «башкирцами» Енейской волости.

Рассмотрев челобитную, стольник и воевода Иван Андреевич Толстово распорядился включить в окладной ясак жителей д. Кучуково Арской дороги Казанского уезда. Речь шла о ясачных татарах Иличе, Бегише и Кульмете Токаевых, а также их родственнике Иткине Сакине и товарищах. На них возлагалось обязательство ежегодно вносить в Уфимскую казну, помимо казанского ясака, по четыре куницы.

³⁷ МИБ. Т. 1. Ч. 1. С. 177.

Прошение Илича Токаева и его братьев (1689 г.) о переводе в окладной ясок и распоряжение воеводы (РГАДА. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 1037. Л. 4)

В том же деле содержится интересное дополнение: распоряжение от 15 октября 1687 г. Оно предписывало жителям д. Толубаево (ныне Тулубаево Мензелинского района РТ) – Бикtimiру и Байtimiру – внести дополнительную плату в две куницы сверх обычного казанского налога. Эта сумма должна была уплачиваться совместно с их «чувашскими» родственниками Уркеком Янгильдеевым и другими лицами³⁸.

³⁸ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1037. Л. 1–4.

Эти исторические эпизоды наглядно демонстрируют административную практику изменения сословного статуса в то время. Ключевыми факторами такого изменения являлись смена ведомственной принадлежности, места уплаты и размера ясака. Перевод платежей из Казани в Уфу сопровождался изменением сословной принадлежности с «ясачных татар» на «башкирцев», что официально подтверждалось выдачей соответствующей памяти. Данный пример иллюстрирует механизм трансформации социального статуса в административной системе того периода.

В документе 1689 г. примечательно параллельное использование терминов «ясачный татарин» и «чувашенин». Это указывает на переходный этап в развитии сословной терминологии и особенно важно для понимания эволюции административной системы того времени. Как показывают результаты наших предыдущих исследований, к началу XVIII в. термин «чувашенин» постепенно исчезает из официального делопроизводства, заменяясь более унифицированным обозначением – «ясачный татарин». Приведенный исторический пример наглядно показывает, что этот процесс трансформации не был мгновенным, а протекал постепенно, отражая изменения в административной и социальной структуре общества. Такое сосуществование различных терминов в одном документе свидетельствует о том, что система сословной классификации находилась в процессе становления, а государственные органы еще не пришли к единой терминологии для обозначения податных сословий. Это важный аспект для понимания механизмов формирования административно-территориального устройства региона в конце XVII – начале XVIII вв.

Система земельного управления волости. Система земельного управления Енейской волости отличалась от других регионов Башкирии. Здесь до конца XVIII в. доминировала аймачная структура, в то время как в других местах господствовала тубовая организация, ставшая ключевой при Генеральном межевании земель (конец XVIII – первая половина XIX вв.). Эта специфика территориального устройства нашла отражение в земельных документах и существенно повлияла на характер земельных отношений в волости.

Согласно документам, Большой (1-й) аймак Енейской волости объединял вотчинников дд. Апасево, Байсарово, Исенбаево, Келтево и Ушар (Семиостровная). Аймак владел озерами Баргадак и Сомовое с прилегающими мелкими озерами и покосами³⁹. Однако в ходе Генерального межевания земель (конец XVIII – начало XIX вв.) основной единицей общинного землевладения стали тюбы. В результате вотчинники д. Ушар (Семиостровная) вместе с жителями дд. Новое Сафарово и Буаскулево были включены в Енейскую тюбу. Вотчинники д. Исенбаево и ряда других населенных пунктов перешли в Тугзскую тюбу. Это свидетельствует о переходе от устаревшей аймачной сис-

³⁹ НА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 5511. Л. 151.

темы к новой структуре управления⁴⁰. Несмотря на эти преобразования, даже в середине XIX в. вотчинники продолжали ссылаться на деление по аймакам, хотя эта принадлежность уже не имела прежнего практического значения⁴¹.

Малый (2-й) аймак включал вотчинников д. Буаскуль. Средний (3-й) аймак состоял из жителей деревень Аккузино и Терпели. Эти аймаки владели озерами Енейское Сауз и Кишкилдинское «с двенадцатью мелкими озерами»⁴². Особый статус сохранял Камбарский аймак, объединявший вотчинников деревень Каин-Тюба, Калмаш, Шабиз и Суксу.

Анализ документов выявляет некоторую изменчивость в составе этих единиц. Например, в одних источниках «башкирцы» дд. Каин-Тюба, Суксу и Ахуново отнесены к Среднему аймаку. Деревня Буаскуль в документе 1764 г. обозначена как «особливая тюба» в составе Большого аймака. Интересно, что вотчинники д. Семиостровная иногда выделялись в самостоятельный 5-й аймак⁴³. К XIX в. в Малый аймак были включены жители дд. Челмонарат, Новое Саперово, Буазкулево и Саузово⁴⁴.

Особого внимания заслуживает положение «башкирцев» дд. Апасево, Ахуново и Байсарово. Формально они относились к Булярской волости, но, проживая на припускных землях, сохраняли права совладельцев вотчинных угодий в Енейской волости. Это подтверждается их активным участием в имущественных сделках наравне с местными вотчинниками.

Подобная практика в регионе демонстрирует прочность социальных связей и специфику земельных отношений. Территориальное перемещение здесь не означало автоматического отказа от традиционных владений. Сохранение прав на исконные земли, независимо от места фактического проживания, подчеркивает сложность взаимодействия между различными территориальными единицами и уникальность правовых норм, регулировавших земельные отношения.

⁴⁰ Мнение о возникновении тюб в Енейской волости во второй половине XVII в. (см.: Асфандияров А.З. Аулы... С. 26) требует серьезной корректировки. Данное утверждение базируется на недостаточно глубоком изучении исторических источников.

⁴¹ Так, представители «башкирцев» д. Чалманарат (Динмухаммет Миндикеев) и Буаскулево (Габдулгани Миндиев) жаловались в 1855–1856 гг., что их одновотчинники из Большого аймака, живущие в дд. Семиострово и Саузово, не допускают их «к пользованию сенокосными лугами и прочими угодьями, выкашивают себе сена каждагодно по 7 и 8 стогов на душу, а мы не более как только по 5 копен на душу, да и это количество еще разделяют с нами по равной части; отзываются тем, что будто бы дача размежевана за одними только и значится у них на плане» (НА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 5511. Л. 125).

⁴² НА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 5511. Л. 151.

⁴³ МИБ. Т. 4. Ч. 1. С. 299.

⁴⁴ НА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 5511. Л. 49 об.

Формирование аймачной системы в Енейской волости было обусловлено различиями в правовом статусе групп вотчинников, закрепленном в жалованных грамотах. Документы свидетельствуют, что Большой аймак владел четырьмя царскими грамотами, выданными в 1632–1669 гг. родоначальникам Баичке Токтамышеву, Юркинечке Чермышеву и Яналейке Ядигарову. В то же время Малый и Средний аймаки имели лишь одну грамоту 1700 г., выданную Ждану Асыллову и Явгильде⁴⁵ Ядигарову. Именно этот хронологический приоритет в получении земельных прав определил иерархическое деление на Большой и Малый аймаки⁴⁶.

Такое деление было выгодно вотчинникам Большого аймака, поэтому тябы играли здесь меньшую роль, чем в других волостях. В дальнейшем это давало им преимущественное вотчинное право и больше возможностей. Естественно, это порождало недовольство вотчинников Малого аймака, что в XIX в. приводило к внутриволостным земельным спорам.

Документы начала XIX в. содержат важное свидетельство, касающееся оберегательной памяти от 5 декабря 1668 г. В ней указывается, что земли были

⁴⁵ В оригинальном документе имя зафиксировано как «Янгильде», что подтверждает достоверность данной формы написания и опровергает иные варианты его искажения. Этот документ от 6 июня 1706 г. был связан с двухгодичным конфликтом с откупщиком Иваном Симоновским, который пытался «отнять» у них озера и истоки в их вотчине. Вотчинники владели озером Сайдак с истоком, которыми их «прадеды, деды и отцы» пользовались издревле. За право пользоваться озером они платили ясак в Уфу: 14 куниц и 6 батманов меда. Им также принадлежали озера Азякта, Кутыш и Биясян с островом, находившиеся на «Казанской стороне Белой реки»; за них они вносили ясак в размере 29 куниц и 10 батманов меда. Кроме того, они по наряду стольника Дмитрия Молостова участвовали в Донском походе и несли дозорную службу. Теперь, когда над их вотчиной нависла угроза, они просили выдать им оберегальную грамоту. В качестве обоснования в своей челобитной они подчеркивали, что ранее подобная грамота была выдана их брату Мамету Кардыгулову в 1670 (7178) г., а на ее основании в Уфе была выдана владенная память («и с той грамоты на Уфе дана владенная память», – говорится в документе). Просьба вотчинников была удовлетворена, им была выдана оберегальная грамота, которой повелевалось Ивану Симоновскому и другим откупщикам не «вступаться напрасно» и не отнимать («отгимать») их вотчину (НА РБ. Ф. И–172. Оп. 1. Д. 20. Л. 139).

⁴⁶ Источник описывает ситуацию следующим образом: «в руках Большого аймака находится 4 грамоты, данных при царях: Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче в 7140 [1632], 7175 [1667], 7177 [1668], 7178 [1669] годах на имя родоначальников башкир Баички Токтамышева, Юркинечки Чермышева и Яналейки Ядигарова; а в руках Малого и Среднего одна грамота, данная при императоре Петре Алексеевиче в 1700 г. на имя Жданки Асыллова и Евгильдинки Едигарова. Тот, кто имеет грамоты старше, по древнему обыкновению, носит название Большого аймака; а кто моложе, тот принадлежа к одной волости, именуется Малым аймаком» (НА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 5511. Л. 149 об.).

даны не деревне Ушар Семиостровная, а деревне Соуксы, которая ныне относится к Камбарской тюбе⁴⁷. Однако представители д. Ушар Семиостровная возразили, заявив, что земли действительно были даны «башкирцу» д. Соуксы Ядигарову, который являлся прадедом их родственников. Они также утверждали, что их прадеды жили и владели землями в деревне Соуксах⁴⁸.

Согласно самой оберегательной памяти от 5 декабря 1668 г., Янгилде Ядигаров действительно проживал в д. Суксы⁴⁹. Его потомок в начале XIX в. пояснил, что прадед *«их переселился из деревни Суксы в деревню Сапарову»*⁵⁰. Он добавил важное уточнение: *«деды и отцы их до принятия нового Канбарской тюбы наименования как до 1765 года, так и после немалое время поныне во всем не имели разделения, а более усиливаются уже ныне после межевания на удаление доверителей его от своей принадлежности»*⁵¹.

Отдельного внимания заслуживает копия оберегательной памяти от 20 июня 1677 г., имевшаяся у вотчинников Канбарской тюбы. Как отмечается в документе, она *«означает совсем другое отхожее владение, состоящее в Бирском уезде, Вятской губернии в Сарапульском и Пермском губернии в Осинском уездах»*⁵². Это обстоятельство существенно осложняло разрешение земельного спора.

Земельный спор Тогуза Бисарина с Семенеем Ивановым (1675 г.). Большое значение для изучения истории земельных отношений и заселения территории Енейской волости имеют документы 1675 (7183) г., связанные с земельным спором между «башкирцем» Тогузом Бисариным (истец; из д. Тогуз) и Семенеем Ивановым (ответчик⁵³; из д. Иваново). Конфликт, начавшийся с подачи иска 22 февраля 1675 г., касался права пользования пашенной землей⁵⁴.

Согласно исковому заявлению, Тогуз Бисарин и его товарищи наняли четырех русских людей для подсушивания березового леса на спорном участке. После того как лес был высушен, ответчик Семеней Иванов и его группа, включая Сатылгана, якобы самовольно захватили эту землю. Они распахали 30 полос и пользовались ими уже четвертый год, получая ежегодный доход в размере двух рублей.

⁴⁷ НА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 393. Л. 356 об.

⁴⁸ Там же. Л. 357 об.–358.

⁴⁹ Там же. Л. 364.

⁵⁰ Там же. Л. 354.

⁵¹ Там же. Л. 275.

⁵² Там же. Л. 365.

⁵³ Из челобитной от 11 июня 1675 (7183) г. известно, что его отцом был «башкирец» Иван Танатаров (РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 110. Л. 35). Антропоним «Иван», представлявший собой исключительную редкость в татарской среде того времени, является русифицированной формой имени «Юбан».

⁵⁴ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 110. Л. 1–69.

В свою очередь, Семеней Иванов опроверг обвинения. Он заявил, что его группа начала подсушивать березовый лес и косить сено на этом месте за 20 лет до того, как Тогуз Бисарин и его люди заняли участок. Семеней утверждал, что Тогуз и его соратники поселились в деревне всего три года назад, а сам Семеней никогда не распахивал и не владел теми 30 полосами, о которых шла речь⁵⁵.

Этот спор ярко демонстрирует типичные для XVII в. конфликты, связанные с землепользованием. Особый интерес вызывают детали подготовки леса к вырубке и распашки земли, раскрывающие хозяйственные практики того времени. Кроме того, спор подчеркивает важность документального подтверждения прав на землю, таких как владенные памяти, которые стороны стремились получить для легализации своих притязаний. Таким образом, данный случай служит ценным источником для изучения земельных отношений, социальной структуры и хозяйственной деятельности населения Енейской волости в XVII в.

Подача искового заявления не всегда означала победу истца. В случае земельного спора между Тогузом Бисариным и Семенеем Ивановым (1675 г.) по предписанию стольника и воеводы Петра Тимофеевича Кондырева был проведен тщательный сыск. В ходе расследования были допрошены многочисленные жители из разных деревень, что позволило выяснить все обстоятельства дела.

12 апреля 1675 г. власти вынесли решение, оправдав Семеню Иванова и отказав в иске Тогузу Бисарину. Более того, на Тогуза были возложены судебные расходы: «сыску пошлины и пересудные деньги на нем Тогузке доправить»⁵⁶. Вероятно, Тогуз рассчитывал на денежную компенсацию, но суд, опираясь на собранные в ходе сыска свидетельства и доказательства, принял решение в пользу Семеню.

Этот случай наглядно демонстрирует, насколько важны были объективное расследование и свидетельские показания в судебных процессах XVII в. Он также показывает стремление властей к справедливому разрешению споров, даже если это означало отказ в удовлетворении иска. Такие решения способствовали поддержанию порядка и стабильности в земельных отношениях, что было особенно актуально в условиях смешанного расселения и активного освоения новых земель.

Однако 7 июня 1675 г. Тогуз Бисарин и Урмяс Еналин подали новую челобитную. В ней они утверждали, что сыскные люди и сам сыщик Петр Суходольский действовали необъективно. По их словам, сыщик, «по наговору башкирца Ураска Савелеева», исказил показания свидетелей, стремясь обвинить Тогуза и его товарищей в пользу ответчика. Они просили, чтобы «вели-

⁵⁵ Там же. Л. 26–27.

⁵⁶ Там же. Л. 31.

кий государь пожаловал их и велел про то дело сыскать теми же людьми иному сыщику», подчеркивая, что без пахотной земли им грозит полное разорение и гибель⁵⁷.

Эта челобитная ясно отражает недовольство Тогуза и его группы результатами первоначального сыска. Она также демонстрирует сложность и неоднозначность судебных процессов того времени, где личные связи, наговоры и субъективность сыщиков могли существенно влиять на исход дела. Требование назначить нового сыщика свидетельствует о стремлении сторон к более справедливому расследованию, что было жизненно важно для сохранения их средств к существованию.

В декабре 1675 (7184) г. было поручено Ивану Ивановичу Онучину-Черникову провести дополнительное расследование. 13 февраля 1676 (7184) г. стольник и воевода П.Т. Кондырев, изучив материалы дела и результаты нового сыска, подтвердил первоначальное решение. Он постановил «истцу Тогузку Бисарину в иске его по-прежнему отказать», а также взыскать с него судебные пошлины, пересудные деньги и «правой десяток».

Это решение было основано на том, что по первому сыску Тогуз был обвинен, поскольку только два человека подтвердили его претензии на 30 полос земли. В то же время 30 человек поддержали ответчика Семеню Иванова, утверждая, что он не распахивал и не владел спорной землей.

Таким образом, суд окончательно оправдал Семеню Иванова, подтвердив, что его действия не нарушали прав Тогуза Бисарина. Этот случай подчеркивает важность свидетельских показаний и объективности сыска в судебных процессах XVII в. Он также демонстрирует, как земельные споры могли становиться затяжными и сложными, требуя многократного рассмотрения и подтверждения решений.

Конфликт отражает и общую тенденцию усиления контроля центральной власти через институт сыщиков и систему пересмотра судебных решений. При этом челобитные оставались важным, хотя и не всегда эффективным, инструментом защиты вотчинных прав. Данный случай представляет ценный материал для изучения правовой культуры и механизмов разрешения земельных споров в вотчинной системе XVII в.

Следует отдельно указать, что земельный конфликт вынудил Тогуза Бисарина и Урмяса Яналеева обратиться с челобитной о выдаче новой выписи владения землей. Документ был подан 16 марта 1675 г., а уже через четыре дня, 20 марта, их ходатайство было удовлетворено властями. В ходе расследования («сыска») были опрошены представители местного населения, включая «башкирцев» Савелея Бурнашева, Урая Савелеева и Иткиню Сакина (из д. Бурнашево), Меркушки Сальникова и его товарищей (д. Кулешево), «бобыля» Мемеча Бусева (д. Бикбулово), «чувашенина» Бекмета Аксарина

⁵⁷ Там же. Л. 31, 35.

(д. Большие Терси). Также были опрошены «башкирцы» из д. Тогуз Нарат: Тогай Тойгильдин, Ногаш Бебулатов, Токкузя и Бестяк Токтагуловы, Досай Токаев, Акзигит Янзигитов, Утяш Урсаев, Ильмурза Токтагулов, Кугеш Токбулатов, Метей Темешев, Алдергуш Ильчибаев, Кугей Токаев, Русмет Ногашев, Амет Биметев и Ильчибай Корусаев⁵⁸.

Особую ценность документу придают родовые тамги, указанные для некоторых лиц. Например, совпадение тамг (в виде перевернутой буквы «Ш») у Ильмурзы Токтагулова и Метея Темешева из д. Тогуз Нарат свидетельствует об их родственных связях. Эти данные помогают не только восстановить историю земельных споров, но и проследить генеалогические линии, а также понять структуру родовых отношений и расселения населения в XVII в.

В числе допрошенных жителей были также «чуваши» Уросмет Чекилев, Кадыш Аккузов (из д. Старый Тогуз Зюрейской дороги Казанского уезда), «башкирцы» Аккуз Сакин, Токтар Ильчибаев (д. Новый Тогуз), Савелей Бурнашев, Ильчибай Бурнашев (д. Старый Тогуз; его тамга непохожа на тамгу его однофамильца Савелея), Иткиня Сакин, Тютей Сакин (его тамга) , Теменей Бетенев, Урай⁵⁹ Ябалаков, Уразай Тойтенов, Тойча Савелеев, Досай Ябалаков, Урай Савелеев⁶⁰.

Обратим внимание на состав жителей д. Бурнашево, название которой имеет антропонимическое происхождение, что подтверждается упоминанием в источниках «башкирцев» Савелея Бурнашева и других жителей: Уразая Товтянова, братьев Досая и Ураза Ябалаковых, Сабаная Тотюкова, Сеня Теменева, Иткини Сакина, Токтара Ильчибаева, а также Аккузи и Досая Сакиных⁶¹.

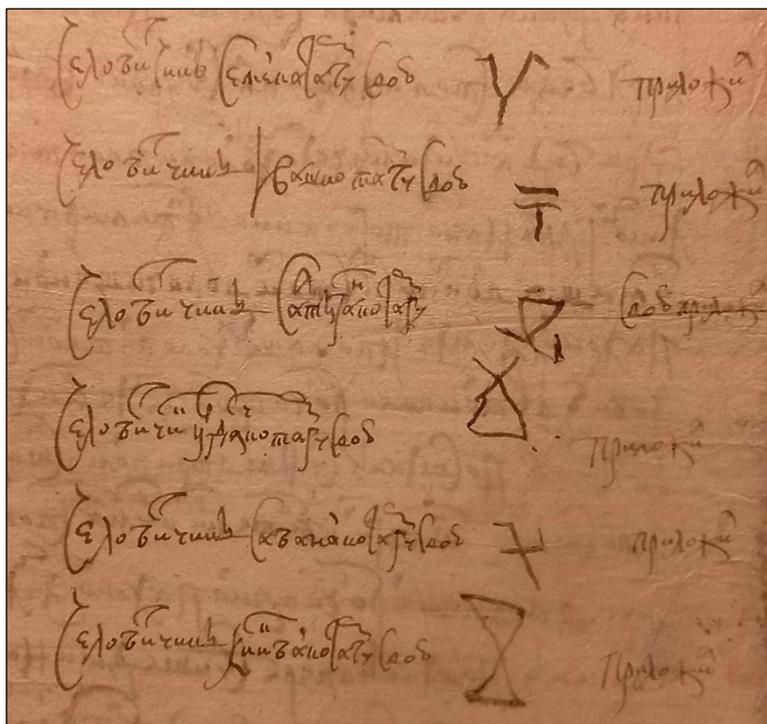
Примечательно, что часть этих жителей ранее фиксировалась как население соседних дд. Старый Тогуз (например, Савелей Бурнашев) и Новый Тогуз (Токтар Ильчибаев). Это указывает на то, что название Бурнашево не всегда точно отражало реальное место проживания всех его упоминаемых обитателей, а его употребление в документах носило собирательный характер.

⁵⁸ Там же. Л. 12–14, 16.

⁵⁹ Он же в другом источнике назван именем «Уразай» (РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 111. Л. 41).

⁶⁰ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 110. Л. 15–18. В историческом контексте земельных измерений в России XVII–XIX вв. «полоса» обычно обозначала узкий участок пахотной земли, который мог обрабатываться одной семьей или хозяйством. Однако точный размер полосы мог варьироваться в зависимости от региона и местных традиций. В среднем, одна полоса могла составлять около 0,1–0,2 десятины (1 десятина = 1,09 гектара). Таким образом, 30 полос могли составлять примерно 3–6 десятин. Точный размер зависит от конкретного региона и местных практик землепользования, но в данном случае речь, скорее всего, идет о значительном участке земли, который мог быть предметом серьезного спора между сторонами.

⁶¹ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 110. Л. 48–52.

Тамги Семенея, Иваша, Сатылгана, Урдячки, Сабаная и Киикбая – участников земельного спора в XVII в. (РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 111. Л. 13 об.)

Анализ родовых тамг представляет особый интерес. Установлено, что Аккуз Сакин, Токтар Ильчибаев, Ильчибай Бурнашев, Иткиня Сакин, Темней Бетенев, Тютей Сакин и Урай Савелеев использовали однотипные, повторяющиеся тамги. Данный факт позволяет с высокой степенью уверенности отнести всех перечисленных лиц к роду Кара-бека, известному по историческим источникам.

Длительный земельный конфликт с участием Тогуза Бисарина и Семенея Иванова отражен и в других документах 1675–1679 гг. Документ 1678 г. детализирует состав противоборствующих сторон. С одной стороны, выступали «башкирцы» д. Тогуз во главе с Семенеем Иванчиным, включая Иваша Танатарова, Сатылгана Иванчина, Урдяча (Уртяча) Тохтагулова, Сабаная Иванчина и Киикбая Тютюшева (приведены их родовые тамги), которые представляли общинные интересы, действуя «всею деревнею». С другой стороны, находились Тогуз Бисарин со своими сторонниками – Биктимером Кокшиным и Урмашем Еналеевым⁶².

⁶² РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 111. Л. 13.

Группу Бисарина особенно возмущал неравный платеж ясака. Как свидетельствует цитата: *«Вотчина у них вопче тое ж волости на Кытыка Иванова с товарищи на четырех человек. ... Платят де они Бектемирко с товарищи в государеву казну со всей вотчины по десяти куниц да по два батмана три ансыря меду на год, а они де Кытыка с товарищи с той же опчей вотчины платять только по две куницы да по ансырю меду на год»*⁶³.

Кроме того, Бисарин и Кокшин были возмущены самовольным захватом общинниками пахотных земель. Они отдавали их в наем «чувашам» из Казанского уезда, хотя эти земли должны были обрабатывать Бектемир с товарищами. Также на их вотчинной земле многие русские люди «поселились деревнями»⁶⁴. В связи с этим, они требовали справедливого раздела земли, учитывающего податное бремя: «разделить по ясаком все поровну изверстав повытно, чтоб никто ни от кого не изобижен не был»⁶⁵.

На основании этой жалобы представитель Уфимской приказной избы Владимир Голубцов произвел допрос как основных общинников – Савелея Бурнашева, Ильчибая Бурнашева, Иткини Сакина, Тютяя Сакина, Урая Савелеева, Карсака Байтемирова и Уразая Ябалакова, – так и жителей соседних поселений. Среди последних были «чувашаи» Ногаш Зеляков и Илмурза Токтагулов (д. Нарат), Тойча Шаксубин и Бекбов Айтуганов (д. Мазар асты), а также Айтуган Янтуганов, Сатый Бекбулатов, Метей Темяшев, Урка Токтагулов, Урмет Ильчибаев и Айзигит Янзигитов (д. Тойчино)⁶⁶. Документ особенно ценен тем, что содержит родовые тамги допрошенных. Они помогают установить истинные родственные связи, которые не всегда очевидны из анализа одних лишь фамилий или отчеств.

Допрос подтвердил правоту челобитчика Бектемира Кокшина. По итогам разбирательства земля была разделена *«с учетом платежей ясака повытно и с учинением граней»*. Новые границы владения были описаны следующим образом: от реки Бима установлен столб с отметкой. От этого столба, в сторону леса, известного как Катя Бурун, установлен еще один столб с отметкой. От него граница проходила к деревне Бектемирка Кокшина и его односельчан, которым предоставлялось право владения землей, начиная от первого столба и включая их деревню. По другую сторону от первого столба, расположенного у реки Бима, граница вела к деревне Кытыка Иванова и его односельчан, которые получали право владения своей землей⁶⁷.

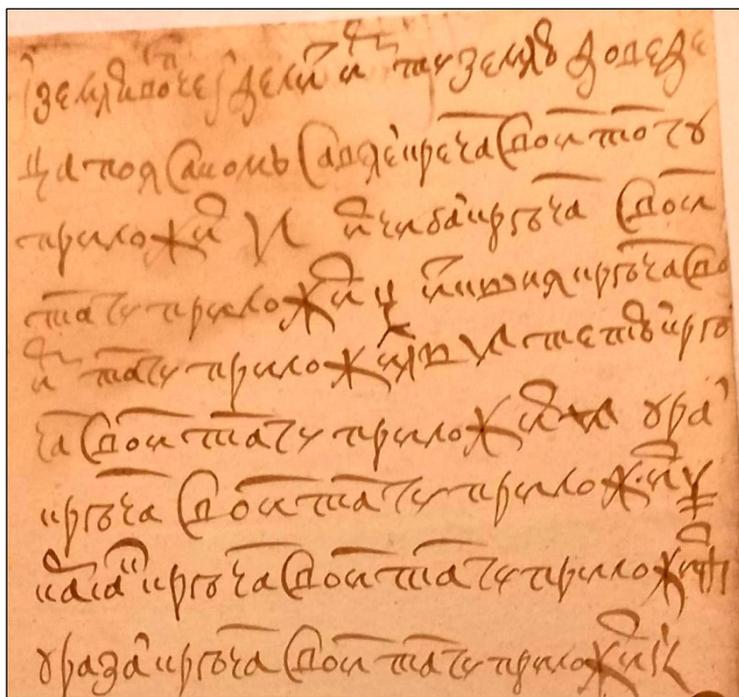
⁶³ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 111. Л. 36–37.

⁶⁴ Там же. Л. 37–38.

⁶⁵ Там же. Л. 38–39.

⁶⁶ Там же. Л. 42.

⁶⁷ Там же. Л. 44.

Фрагмент документа 1678 г., содержащий родовые тамги Савелея, Ильчибая, Иткини, Тютеля, Урая и Уразая (РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 111. Л. 41а)

Предпоследний документ по этому многолетнему спору датируется 6 июля 1678 (7186) г. и представляет собой челобитную Бектемира Кокшина и его товарищей с просьбой о выдаче владенной грамоты, которая была удовлетворена⁶⁸. Примечательно, что в документе отмечается скудость земель («а земли у них скудно») вотчинников. Как показали дальнейшие события, именно этот фактор в первой половине XVIII в. приведет к миграции значительной части их потомков на новые земли, преимущественно в пределы Булярской поземельной волости.

Однако противная сторона во главе с Семенеем Иванчиным не согласилась с решением и 20 марта 1679 г. подала новую жалобу⁶⁹. Хотя детали этой жалобы и всего затяжного конфликта заслуживают отдельного глубокого анализа, для нашего исследования ключевое значение имеют антропонимические данные его участников и свидетелей. Они позволяют выявить родовые связи и картографировать социальные сети, сложившиеся в регионе к последней четверти XVII в.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 111. Л. 47–50.

⁶⁹ Там же. Л. 50–53 об.

Прямая связь между именем Тогуза Бисарина и названиями деревень Тогуз и Тугузской тюбы (в середине XIX в. объединявшей Адаево, Нижние Урьяды, Азиби, Бикбулово, Калмурзино, Кучуково, Исенбаево, Утяганово, Сляково, Касаево, Ново-Мастеево) не прослеживается. Тем не менее, само имя Тогуза позволяет предположить антропонимическое происхождение топонима Тогуз. Это согласуется с традиционной практикой именовании территориальных образований по именам их основателей или видных представителей.

Исследовательский интерес вызывает нестандартная форма фамилии Тогуза Бисарина⁷⁰. Наиболее вероятным представляется ее происхождение от имени Байсар, где вариант Бисар может являться фонетической модификацией. Данная гипотеза находит подтверждение в документах того времени, где упоминается Айгильде Байсарин – представитель аналогичного социального слоя (вотчинник Енейской волости), возможно, принадлежавший к родственной группе.

В первом томе нашего исследования мы уже рассматривали топоним Байсарино, относящийся к середине XVII в., и приводили цитату: «*деревни Байсарины подле Шабиз живал на озере Азби Савешайка Байбурин*»⁷¹. Учитывая тесную связь топонимов Шабиз и Азби с Енейской волостью, можно предположить, что топоним Байсарино связан с отцом Тогуза или Айгильде, также проживавших в этой волости. Это позволяет проследить связь между антропонимами и топонимами в контексте местной истории.

Особый интерес представляет история фамилии вотчинника Иванова (Иванчина), давшей название деревне Иваново в татарском крае. Антропонимический анализ показывает, что фамилия происходит от татарского имени Юбан (Юбанай, Юбанчы), которое постепенно русифицировалось в официальных документах. Этот процесс типичен для XVII–XVIII веков, когда татарские имена адаптировались к русской ономастической системе в условиях административного учета и активного межкультурного обмена. Показателен аналогичный случай в Уранской волости: поселение Юбанаево, основанное носителем этого имени, позже стало деревней Иванаево⁷². Это демонстрирует системность подобных трансформаций в регионе.

Сохранение имени Юбанай в локальной традиции подтверждается генеалогическими материалами, в частности, его упоминанием в родословной выдающегося татарского писателя Вахита Имамова. Это свидетельствует о том,

⁷⁰ Он же в одном эпизоде земельного спора упоминается как житель д. Шайтаново (РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 111. Л. 5). Деревня Шайтаново располагалась на р. Бима и известна проживанием в ней в начале XVIII в. вотчинника Ирмяша Урмачева (МИБ. Т. 3. С. 35) из рода Кара-бека. По нашему мнению, ее следует рассматривать как часть д. Тогуз.

⁷¹ Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том 1. Булярская волость. С. 18.

⁷² Татары Уфимского уезда... С. 209; Асфандияров А.З. История сел и деревень... С. 329.

что имя Юбанай передавалось из поколения в поколение, отражая глубокие историко-культурные связи и память рода. Данный факт дополнительно иллюстрирует механизм трансформации исконных татарских имен в русскоязычные фамилии, где каждое изменение было результатом сложного взаимодействия устной традиции и административных практик.

Якуп Бекбовов – яркий представитель вотчинников Тугузской тюбы Енейской волости. Он вошел в историю во многом благодаря своему обращению к царю Петру I в 1697 (7205) г. В своей челобитной, поданной от имени всех одновотчинников волости, он обвинил ясачника Богдана Савина в безосновательных поборах – помимо установленного размера ясака в 171 куницу для всей волости, сборщик требовал дополнительно еще 23 куницы. Бекбовов настаивал на сверке этих требований с официальными ясачными книгами и вынесении царского указа, приложив к прошению родовую тамгу в форме латинской буквы V⁷³.

Исторический контекст обращения раскрывается через систему ясачного обложения. Согласно сведениям 1653 (7161) г., при царе Алексее Михайловиче вотчинники Казанской и Осинской дорог, включая Китяпа Баймурзина, ежегодно платили в казну 328 куниц, а также «бобр да по черевеки»⁷⁴. Енейская волость имела сложную структуру платежей: староста Бичюрка Булатов отвечал за 32 куницы, братья Куйбахты и Байбахты Мелкушевы – по 2 куницы каждый, а Кумбай Янчюрин и Буляк Ижболдин из Полского Байляра⁷⁵ – по 5 куниц. Особый платеж («бобр да черевек») сохранял Сюндюк.

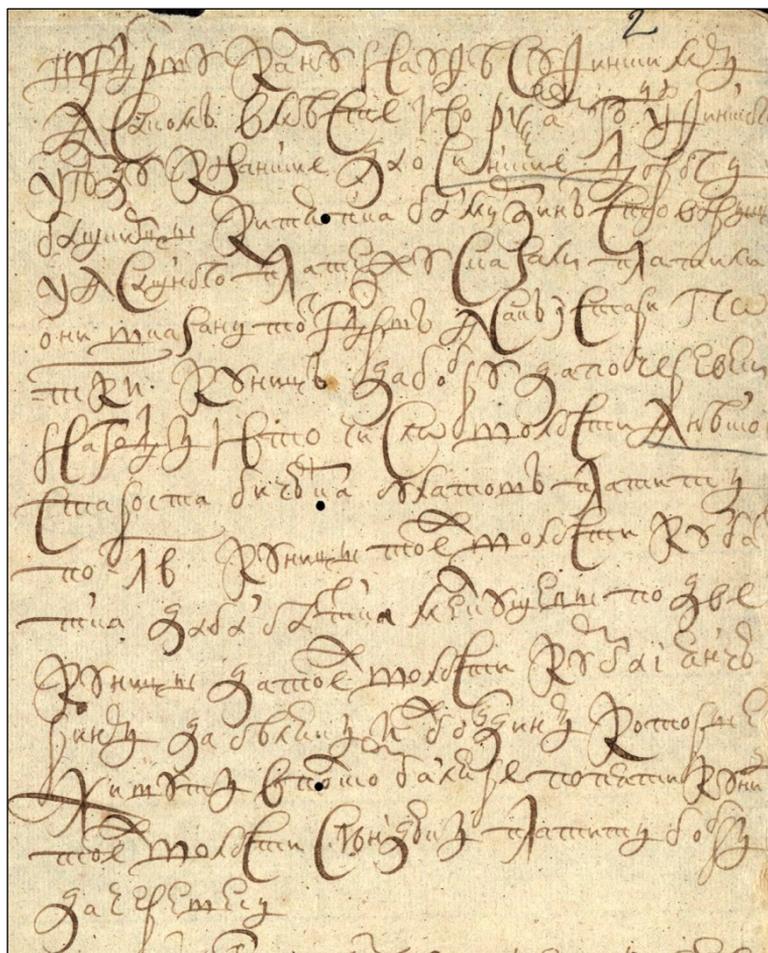
Архивные данные за период с 1654 (7162) по 1678 (7186) г. показывают, что общий размер ясака для волости, включая оброчные платежи, составлял 177 куниц. Ясачная книга 1678 г. фиксирует основной оклад в 130 куниц для Енейской волости, с последующей припиской 17 куниц. Именно сумма в 130 куниц оставалась постоянным окладом в последующие годы⁷⁶.

⁷³ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1236. Л. 1–4.

⁷⁴ Черевеки – старославянское слово, обозначавшее кожаную обувь.

⁷⁵ Примечательно, что д. Байляр, как и ранее исследованная нами д. Киргиз (см. 2-й том нашего исследования), в источниках обозначена как «Полский». Этот термин, по всей видимости, указывал не столько на степной характер местности, сколько на давно освоенные территории с особым статусом. Вероятно, он отражал длительную историю заселения, развитую хозяйственную инфраструктуру и, возможно, особый правовой статус. Сравнительный анализ употребления этого определения для разных поселений позволяет говорить о существовании особой системы классификации по степени освоенности, однако окончательные выводы требуют дополнительного изучения семантики термина в документах XVII–XVIII вв.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1236. Л. 1–4.

Фрагмент документа о сборе ясака. В третьей строке снизу упоминается о енейцах, проживавших в д. Полский Байляр в 1653 г. (РГАДА. Ф. 1173. Оп. 2. Д. 1236. Л. 2)

В результате обращения Бекбовова стольник Дмитрий Иванович Молоствов 2 июля вынес решение: 17 куниц «до указу великого государя не имать»⁷⁷.

Обращение Якупа Бекбовова – это не только пример защиты татарскими общинами своих вотчинных прав, но и ценный источник информации о сложной системе ясачного обложения и злоупотреблениях при сборе налогов в конце XVII в. Ясак, основной налог для нерусских народов, играл ключе-

⁷⁷ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1236. Л. 5.

вую роль в экономике общин, и его необоснованное увеличение могло привести к их разорению. Этот эпизод важен для понимания административных и фискальных практик Российского государства в отношении коренных народов Урало-Поволжья.

Требование сборщика ясака Богдана Савина о дополнительных 23 куницах, очевидно, противоречило установленным нормам. Именно это нарушение и побудило Якупа Бекбова обратиться к царю Петру I. Челобитная подчеркивает важность законности и справедливости в налогообложении и демонстрирует способы взаимодействия местного населения с центральной властью в XVII в.

Челобитная Якупа Бекбова свидетельствует об активном использовании жителями Енейской волости официальных каналов для защиты своих интересов через обращения к высшей власти с просьбами о справедливом разрешении споров. Этот случай показывает, что даже в отдаленных регионах население стремилось отстаивать свои права через легитимные механизмы, что говорит о наличии определенной правовой культуры и доверия к институтам власти. Документ является ценным источником для изучения налоговой системы, административных практик и взаимодействия между центром и местными сообществами в конце XVII в. Он также позволяет глубже понять социально-экономические условия жизни татарских общин и их роль в системе управления Российского государства.

Якуп Бекбовов занимал влиятельное положение в системе поземельных отношений Енейской волости. Будучи влиятельным и авторитетным вотчинником, он являлся прямым наследником основателя д. Бикбово (ныне Бикбулово Мензелинского района РТ). Это автоматически ставило его в ряд ключевых землевладельцев региона. Его родословная и социальный статус были неразрывно связаны с историей основания одноименной деревни, что придавало его положению особую значимость. Имя Якупа Бекбова вновь встречается в документе того же года, который будет рассмотрен ниже.

С именем Якупа Бекбова связан важный земельный спор, разгоревшийся в начале 1697 (7205) г. Конфликт возник между ясачными татарами д. Мартыново, возглавляемыми Карманом Минкиным, и жителем д. Бекбово Крусом Темирбулатовым. Предметом спора стали права на сенные покосы.

31 января Карман Минкин с товарищами подали жалобу, обвиняя Круса Темирбулатова в самовольном использовании угодий. По их словам, Темирбулатов «сена сам косит и сторонним людям в наем отдает», тем самым препятствуя традиционному использованию покосов. В подтверждение своих претензий они приложили к документу родовую тамгу Кармана Минкина в форме буквы «Т»⁷⁸.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1261. Л. 4–4 об.

Судебное разбирательство состоялось 23 февраля в Уфимской приказной избе. Интересы ответчика перед стольником и воеводой Василием Федоровичем Леонтьевым представлял Якуп Бекбовов. В своем выступлении он обосновывал права рода на спорные земли, ссылаясь на многолетнее владение со времен «дедов и отцов их». Это право, по его словам, подтверждалось регулярной уплатой ясака в размере двух батманов меда и бобра. Бекбовов также отметил, что ему неизвестно о ясачных платежах со стороны противоположной стороны, несмотря на то, что те заручились свидетельствами жителей деревни Урьяды. Документ, фиксирующий ход процесса, содержит родовую тамгу Якупа в виде буквы «Y»⁷⁹.

Документ представляет интерес и в связи с параллельным употреблением термина «чуваشرين»⁸⁰ для обозначения ясачного татарина Кармана Минкина. Этот факт ярко свидетельствует о трансформации сословных обозначений, характерной для конца XVII – начала XVIII вв. В этот период система социальной стратификации претерпевала значительные изменения, и подобные случаи отражали эволюцию сословной системы.

Интересным представляется сходство родовых тамг Якупа Бекбовова и Круса Тимербулатова: у обоих она изображена в виде латинской буквы Y⁸¹. Это позволяет предположить их принадлежность к одному роду. При этом в более раннем документе – челобитной на имя царя Петра – тамга Якупа была изображена в виде буквы V. Этот факт демонстрирует, что форма тамги могла незначительно варьироваться, не влияя при этом на идентификацию рода.

Анализ документа позволяет сделать важные выводы о социальной структуре и этнической принадлежности участников спора. Несмотря на то, что Якуп в документе назван «башкирцем», а его родственник Крус – «татарин», контекст указывает на то, что Крус также, вероятно, относился к категории «башкирцев». Такое параллельное использование терминов отражает специфику документации конца XVII – начала XVIII вв., когда этническая и сословная идентификация населения находилась в процессе формирования. Подобная практика, уже отмеченная в предыдущих томах нашего исследования, свидетельствует об эволюции понятийного аппарата официального документооборота того периода.

Документ от 23 февраля 1697 г. указывает на принадлежность вотчинника Якупа Бекбовова к Тогузской («Тогуской») волости⁸². Это говорит о том, что до формирования Енейской волости территория представляла собой отдельную административную единицу. Впоследствии Тогузская волость была

⁷⁹ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1261. Л. 5–6.

⁸⁰ Там же. Л. 7.

⁸¹ Там же. Л. 3, 6.

⁸² Там же. Л. 7.

включена в состав Енейской, что являлось частью административного переустройства региона.

Подобные изменения были характерны для того времени и отражали стремление властей к упорядочению системы управления и налогообложения. Объединение мелких волостей в более крупные административные единицы упрощало сбор ясака и других налогов, а также усиливало контроль над местным населением, повышая эффективность управления и обеспечивая стабильность в регионах с нерусским населением.

Более поздние источники (1700 г.) раскрывают новые аспекты деятельности Бекбова: он выступает как землевладелец, взимавший оброк («оброк по гривне с двора») с «бобылей» д. Маткаушское Устье⁸³. Подобные случаи частного оброчного хозяйства ранее не были зафиксированы в Енейской волости, что делает эти сведения особенно ценными для понимания эволюции земельных отношений в регионе.

Следует отметить, что в ранее обнаруженном документе от 7 февраля 1645 г. упоминался «башкирец» Бекбов Исянгулов из д. Тугуз, принадлежавший, по генеалогическим данным, к роду Кара-бека. Учитывая происхождение Якупа Бекбова (или Бикбова) из Тугузской тюбы, можно предположить его родство с Бекбовым Исянгуловым. Это предположение также подтверждается писателем и краеведом Вахитом Имамовым, который считает, что д. Бикбулово была основана потомком рода Кара-бека⁸⁴.

Вотчинники рода Кара-бека и их земельные права. Ранее мы видели, что история землевладения рода Кара-бека уходит корнями в 1575 (7083) г., когда их предок получил право на владение земельными угодьями в обмен на уплату оброка. Этот основополагающий акт неоднократно упоминается в источниках второй половины XVII в. как основа для защиты их владений от посягательств третьих лиц.

Особую ценность представляет оберегательная грамота от 15 марта 1665 (7173) г., связанная с родом Кара-бека и их товарищами. Документ был выдан в Уфе при царе Алексее Михайловиче стольником и воеводой Федором Ивановичем Сомовым по челобитной Савки Бурнашева, Бориса Безергенева и их товарищей. Грамота была выдана в результате судебного разбирательства с участием старцев Саввинского монастыря⁸⁵. Примечательно, что упоминание об этом документе встречается в прошении XIX в., написанном Токтаром Гумеровым, уроженцем д. Исенбаево (ныне Агрызского района РТ)⁸⁶. Это свидетельствует о долгой сохранности памяти о земельных правах рода.

⁸³ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1304. Л. 5.

⁸⁴ Вахит Имамов. Шеджере деревни Байсарово // Мәдәни жомга: газета. 2017. 28 апреля (на татарском языке).

⁸⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 132. Л. 51–52 об.

⁸⁶ ГА РТ. Ф. 986. Оп. 1. Д. 489. Л. 17 об.–18.

Другой важный документ – прошение о выдаче оберегательной грамоты, датированное июлем 1672 (7180) г. В нем Савка Бурнашев, Борис Бизиргенов и их товарищи обращаются к стольнику и воеводе Ивану Тимофеевичу Кондыреву. Именно в этом прошении содержится ссылка на документ 1575 (7083) г., в то время как грамота, выданная при Федоре Сомове, ошибочно датирована 1675 (7183) годом.

Согласно сведениям из документов, данная вотчина располагалась напротив Белой Волошки⁸⁷. Она охватывала территорию вдоль реки Боргилда (возможно, совпадающей с современной рекой Быргынды), озер Олзята, Кияды, Помишево и Именки, а также включала два островка и урочище Керменчино городище. Основная жалоба заявителей касалась нарушений, вызванных действиями русских людей, «башкирцев и бобылей», которые вторгались на их земли и препятствовали пользованию земельными ресурсами. В связи с этими проблемами, просители ходатайствовали о выдаче оберегательной грамоты для защиты своей собственности и личной безопасности. За вотчину, унаследованную от предков, они исправно платили ясак (4 батмана меда) и оброк (гривна в год), после чего им и была выдана оберегательная грамота⁸⁸.

В 1700 г. Савка⁸⁹ Бурнашев и Борис Безергенов подали челобитную, опираясь на два ключевых документа: грамоту 1665 (7173) г. и владенную память 1675 (7183) г. Эти документы подтверждали их наследственные права на родовые владения, расположенные «против Белой Волошки».

Несмотря на фрагментарность сохранившегося документа, не позволяющую точно установить причины подачи челобитной, его историческая ценность несомненна. В нем закреплялись права на «дедовскую и отцовскую старинную вотчину» – обширный комплекс природных угодий, включавший бортные леса, охотничьи угодья и другие ресурсы. Важным подтверждением служило упоминание печати дьяка Афанасия Битяговского⁹⁰.

Этот исторический эпизод наглядно демонстрирует процесс интеграции традиционных форм землевладения в правовое поле Российского государства. Примечательно, что местные жители не только сохраняли память о давних административных решениях, но и активно использовали их как юридический аргумент спустя десятилетия. Упоминание официального документа с печатью дьяка свидетельствует об успешной адаптации татарской родовой знати к новой системе правовых отношений и осознании важности письменных актов для защиты своих владельских прав.

⁸⁷ В старину реку Белую русские называли Белой Волошкой, а татары – Ак-Идель.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 132. Л. 44–45.

⁸⁹ Савка – это сокращенная форма имени Савелей. Полное имя ранее подтверждалось другими историческими документами. В традиционной культуре использование уменьшительных форм имен было распространенным явлением, при этом в официальных документах могли фиксироваться как полные, так и сокращенные варианты.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1337. Л. 1.

В одном из источников название документа приводится как: *«Память, данная из Уфимской приказной избы той же Енейской волости башкирцу Саве Бурнашеву о владении им старинною дедовскою и отцовскою их вотчиною и с угодьями за Камою рекою против Белой Волошки»*⁹¹. Однако непосредственное изучение текста памяти показывает, что в нем речь идет не только о Саве Бурнашеве, но и о Борисе Безергене, а также об их товарищах, чьи имена, к сожалению, не расшифрованы.

Документ от 4 июня 1700 г. представляет собой царскую грамоту Петра I, адресованную уфимскому воеводе Борису Аничкову, в связи с челобитной ясачного «башкирца» Тютя (Тютюкая) Саканова из Енейской волости. В своем обращении Саканов подробно описывает комплекс родовых владений, включавший пахотные земли, сенные покосы, бортные угодья и целую систему озер с истоками (Изэяд, Дербышко, Меняды, Сезея) и островов (Каратав, Старица). Эти территории, по его утверждению, находились в наследственном владении его семьи на протяжении нескольких поколений (*«владели прадеды и деды и отцы ево и он, Тютейко»*), что подтверждалось регулярной выплатой ясака и несением различных государевых служб.

Особую остроту конфликту придавало то, что торговый человек гостинной сотни Иван Симоновский, воспользовавшись, по-видимому, своими связями в администрации, сумел незаконно завладеть этими угодьями, объявив их оброчными. В ответ Саканов выдвинул систему юридических аргументов, включая ссылку на оберегальную грамоту 1672 (7180) г., выданную его дяде Савке Бурнашеву при царе Алексее Михайловиче. Этот факт свидетельствует не только о существовании развитой практики документального оформления земельных прав, но и о том, что местная знать хорошо понимала значение письменных актов в защите своих владений.

Царская грамота предписывает воеводе обеспечить защиту прав Саканова, запретив дальнейшие посягательства на его владения. Примечательно, что в документе особо подчеркивается участие «башкирцев» в общегосударственных делах – упоминается служба Тютя в Азовском походе⁹², что, вероятно, должно было усилить его позиции как верного подданного. Этот случай наглядно демонстрирует сложную систему взаимодействия центральной власти с местным населением, где традиционные формы землевладения постепенно интегрировались в общегосударственную правовую систему, сохраняя при этом свои специфические черты.

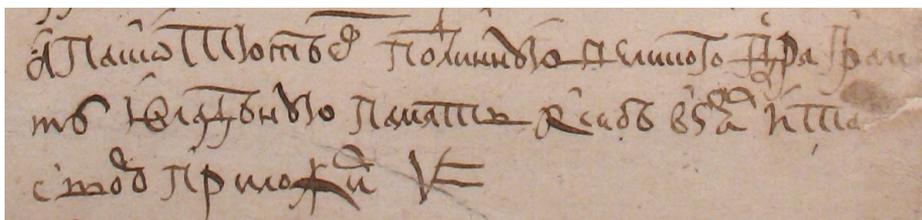
В документе от 20 сентября 1700 г., хотя и сохранившемся частично, зафиксировано обращение вотчинника Апаса Тютеева с просьбой о подтверждении прав на владение рядом озер, включая Дербышхинское, Сагайдашнее,

⁹¹ Там же. Ф. 248. Оп. 3. Д. 132. Л. 153.

⁹² Документы и материалы по истории башкирского народа (1574–1798). Уфа, 2012. С. 99–100.

Долгий Азяк и Кияды, а также прилегающими мелкими водоемами. В своей челобитной Тютеев подчеркивал наследственный характер владения этими угодьями, указывая, что ими «ранее владели деды и отцы», что являлось традиционным и юридически значимым аргументом в земельных спорах того периода.

Особую значимость этому случаю придает тот факт, что просьба Апаса Тютеева была удовлетворена – он получил запрашиваемые государеву «грамоту и владенную память»⁹³. Этот факт свидетельствует о признании центральной властью законности его притязаний и демонстрирует механизмы взаимодействия традиционных форм землевладения с формирующейся бюрократической системой Российского государства. Важным элементом документа является наличие родовой тамги Апаса, которая служила не только знаком подлинности, но и визуальным маркером его родовой принадлежности, что подчеркивает сохранение традиционных правовых практик в процессе официального оформления земельных отношений.

Фрагмент документа 1700 г., содержащий родовую тамгу Апаса Тютеева (РГАДА, Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1337. Л. 7), известного по народному преданию как представитель рода Кара-бека

Вотчинники Тютей Саканов и его дядя Савелей Бурнашев принадлежали к знатному роду Кара-бека, генеалогия которого нашла отражение в многочисленных вариантах народных преданий, изученных и опубликованных филологом М.И. Ахметзяновым⁹⁴. Данные архивных материалов 1700 г. не только подтверждают достоверность их имен в контексте устной генеалогической традиции, но и свидетельствуют о согласованности их действий по защите родовых вотчинных прав. Оба представителя рода последовательно и единообразно отстаивали коллективные владения, включавшие бортные угодья, рыболовные озёра с притоками, сенокосные луга и островные территории.

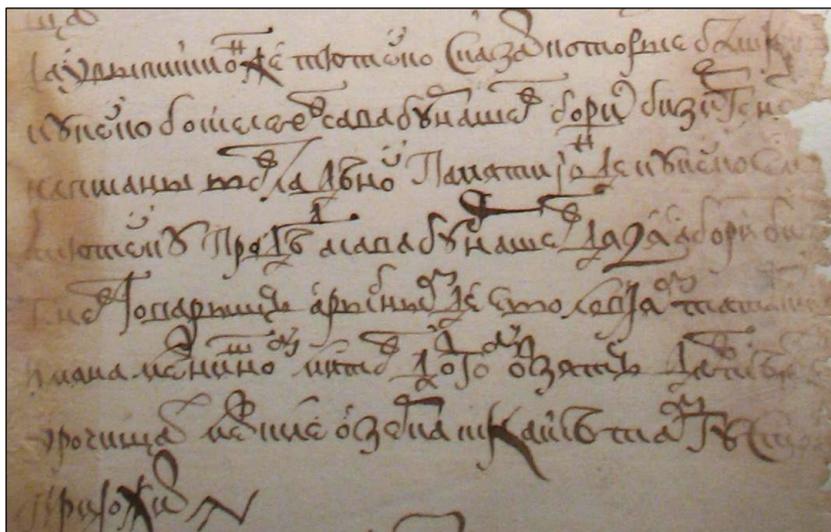
Данный пример демонстрирует, как устная родовая традиция, сохраненная в народных преданиях, находит документальное подтверждение в официальных источниках конца XVII в. Это свидетельствует не только о глубине

⁹³ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1337. Л. 7.

⁹⁴ Ахметзянов М.И. Ногайская Орда: историческое наследие татарского народа (на татарском языке). С. 177–197.

исторической памяти рода Кара-бека, но и раскрывает практические стратегии защиты общинной собственности в условиях интеграции в правовое поле Российской империи.

В 1700 г. Тютеей Сакин, обращаясь с заявлением о своих земельных правах, особо подчеркивал родственные связи с лицами, упомянутыми во владенной памяти. В своем обращении он указывал на прямую генеалогическую линию, связывающую его с предыдущими владельцами вотчины: Кукей Бокселеев (Боксеев) приходился ему прадедом, Савка Бурнашев – дядей, а Борис Безергенев⁹⁵ является их, Кукея и Савки, товарищем. В документе также имеется родовая тамга, основание которой (что особенно важно) напоминает букву «V»⁹⁶, ранее встречавшуюся у сына основателя д. Бикбулово и других лиц, что подтверждает их родственные связи.

Фрагмент документа 1700 г. (РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1337. Л. 13), содержащий сведения о родственной связи Тютеей Сакина с Кукеем Бокселеевым

Такое детальное описание родственных связей имело ключевое юридическое значение в системе татарского обычного права. Генеалогические свидетельства служили прочной правовой основой для подтверждения наследственного характера владения землей. Упоминание прадеда Кукея Бокселеева

⁹⁵ Антропоним «Борис», представлявший собой исключительную редкость в татарской среде того времени, по нашему мнению, является русифицированной формой имени «Бураис» – сына Бизургана, зафиксированного в генеалогии Кара-бека (Ахметзянов М.И. Татарские родословные. С. 22).

⁹⁶ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1337. Л. 13, 18.

позволяло проследить непрерывность земельных прав на протяжении четырех поколений, что значительно укрепляло позиции Тютяя Сакина в возможных земельных спорах. Эта аргументация демонстрирует, как в татарской правовой традиции генеалогические связи играли столь же важную роль, как и письменные документы, в защите родовой собственности.

Имя вотчинника последовательно фиксируется в архивных источниках в формах Кукей и Кокей. Родовая фамилия представителя этого рода документируется как Кукеев, что может указывать на точность именно этого варианта. Вместе с тем, в опубликованных родословных рукописях оно передается как Кугей. Вероятно, это правильное написание, учитывая возможные особенности передачи оригинального имени средствами русского языка. Форма Кукей также полностью вписывается в традиционные модели антропонимов татарского населения Поволжья и Урала.

Таким образом, имеющиеся данные свидетельствуют о существовании всех перечисленных вариантов, что отражает реальные процессы адаптации и фиксации имен в письменных источниках того времени. Ни одна из форм не должна рассматриваться как ошибочная или случайная – каждая отражает действительную практику именованья, бытовавшую в рассматриваемый исторический период.

Важно отметить расхождение в написании фамилии: «Бокселеев» в данном контексте отличается от варианта «Боскосеев», представленного в начале § 1 Главы 1. При этом «Боскосеев» имеет сходство с «Бузкуз» из опубликованной генеалогии⁹⁷. Исходя из этого, можно предположить следующую эволюцию: «Бузкуз» трансформировался в «Боскос», а затем в «Боскосеев».

На основе анализа рассмотренных документов мы реконструировали генеалогическую линию одной из ветвей рода Кара-бека, которая выглядит следующим образом: Бузкуз («Боскос») → Кугей («Кукей») → Бурнаш → Сака → Тютей → Апас.

В завершение раздела стоит обратить внимание на ценные сведения из донесения приказчика Мавлюкея Семенова⁹⁸ (служившего у полковника Алексея Тевкелева) за 1698 г. Документ содержит информацию о многочисленных самовольных браках среди татарского населения, противоречащих праву крепостной собственности помещика: из д. Терси Искендер Уразметов выдал племянницу Юзмею Асанову замуж за Мустая Илкинесева (из д. Бикбаево), а Узбек Ишимов – сестру Чюллюму за Токтамышша (также из д. Бикбаево; фамилия не указана); из починка Мордвин Касим Иштуганов выдал сестру Гулюш

⁹⁷ Ахметзянов М.И. Ногайская Орда: историческое наследие татарского народа (на татарском языке). С. 184.

⁹⁸ Возможно, он был жителем д. Кадыбашево, так как в ревизской сказке 1762 г. этой деревни упоминается Мавлюш Семенов. Фамилия Семенов имеет татарские корни и образована путем сокращения имени Семеней до Семен.

(д. Марисевы) за Хасювера Бихметева, а Зюлейху Албанову – за Бикчуру Балтаева (д. Шабиз); кроме того, Мурат Килеев выдал родную сестру Фатиму («Батму») за Мязгута Касимова (д. Ушар)⁹⁹. Эти факты отражают развитую систему межобщинных связей и стремление населения сохранить традиционные брачные обычаи, несмотря на противодействие помещика.

Особый интерес представляют зафиксированные браки между татарскими помещичьими крестьянами и представителями башкирского сословия (как в случаях с жителями деревень Бикбаево, Шабиз и Ушар). Эти факты наглядно свидетельствуют об отсутствии жестких сословных барьеров в межэтнических отношениях и о существовании единого этнокультурного пространства. В этом пространстве татары разных социальных статусов свободно взаимодействовали, поддерживая родственные связи и общие традиции, несмотря на административные ограничения и попытки феодалов контролировать брачную сферу. Данные примеры подчеркивают важность учета не только официальных правовых норм, но и реальных социальных практик при изучении межсословных и межэтнических отношений в регионе в конце XVII в.

⁹⁹ Из дела о спорных землях в Казанском уезде по Зюрейской дороге (1874 г.). URL: <http://forum.tatist.ru/index.php?topic=427.0> (дата обращения: 16.07.2024).

ГЛАВА 2

Социально-экономическое развитие волости в 1701–1760-х гг.

§ 1. Волость в первой четверти XVIII в.

Особенное значение имеют документы первой четверти XVIII в., представляющие собой важный источник как по изучению истории кредитно-денежных отношений и судебно-административной практики в регионе, так и по реконструкции сведений о населении и деревнях Енейской волости.

22 октября 1701 г. подьячий Кирилл Панков составил поручную запись по жителям Уфимского уезда – татарину Тохтару Сланову из д. Каинтюба и «башкирцу» Уразле Кантуганову из д. Кускеево. Эта запись обязывала их явиться в Приказную избу по розыскному делу. В качестве поручителей выступили служилый иноземец Иван Арменинов, Андрей Савинов, подьячий Максим Зикманов, а также конные стрельцы Степан Обрядин и Андрей Базанов¹. Это демонстрирует межсословный характер поручительства, включающий представителей местной администрации и служилых людей.

Каинтюба (ныне Кыр-Каентюба Актанышского района РТ), основанная на земле Булярской волости, будет упоминаться и в других документах 1701 г. Ее значение обусловлено проживанием в ней енейцев-припущенников. Кускеево (ныне Кузкеево Тукаевского района РТ) относилась к Байлярской волости. Рассматриваемый документ показывает взаимодействие населения 2 волостей.

29 октября 1701 г. подьячий Кирилл Панков составил долговую расписку (кабалу), согласно которой служилый «мещеряк» д. Адаево Алай Арасланов занял полтора рубля у Ивана Козырского, числящегося в уфимском иноземском списке. Долг должен был быть возвращен к осеннему Николину дню (6 декабря) того же 1701 г. Поручителями по этой сделке выступили служилые «мещеряки» из той же деревни – Атка Арасланов и Ишим Бекчеев. При составлении кабалы присутствовал свидетель – подьячий Васка Гладков, а

¹ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 12130. Л. 6.

перевод осуществлял толмач Сюнчалей Киреев. Оформление документа обошлось в шесть денег (3 копейки)².

Этот документ отражает типичную финансовую операцию начала XVIII в. между представителями служилого сословия Уфимского уезда. Особый интерес представляет участие поручителей-односельчан, что свидетельствует о практике круговой поруки, а также наличие официальных лиц (подьячего и толмача), обеспечивавших юридическую силу сделки. Упоминание «иноземского списка» в отношении кредитора и использование церковной даты (Николин день) в качестве срока возврата долга характерны для деловой документации петровского времени. Сохранение традиционных элементов (таких как поручительство земляков) при формальном соблюдении бюрократических процедур показывает переходный характер эпохи, когда новые административные практики сочетались с устоявшимися обычаями местных сообществ.

Документ 1701 г. впервые упоминает д. Адаево, что представляет значительный интерес для изучения истории заселения края. Этот факт позволяет с большой долей вероятности предполагать существование данного поселения уже в XVII в., хотя более ранние письменные свидетельства пока отсутствуют.

31 октября 1701 г. Михайло Колчин подал в официальные органы долговую расписку (кабалу), фиксирующую факт займа, совершенного еще в 1696 г. Согласно документу, татары чувашского сословия («чуваш») Князь Давлеткилдин (из д. Буранчи), Алешка Давлеткилдин (д. Козюково) и Маметей Кулкин (д. Телези) заняли у Колчина значительную по тем временам сумму – 36 руб. 50 коп. Особый интерес представляет запись о том, что вместо традиционного поручителя Князь Давлеткилдин указал своего сына – Мамета Князева, что свидетельствует о практике передачи долговых обязательств внутри семьи³.

Анализ документа позволяет сделать несколько важных наблюдений. Подача кабалы через пять лет после фактического займа (в 1701 г. вместо 1696) указывает либо на длительную просрочку выплаты, либо на необходимость юридического подтверждения долга. Такая практика была характерна для имущественных споров и судебных разбирательств. Участие в сделке представителей татарских общин из разных населенных пунктов (Буранчи, Козюково, Телези) демонстрирует существование финансовых связей между ясачным населением различных территорий Уфимского и Казанского уездов. Особенно показательно упоминание Мамета Князева, что создает документальную связь между этим делом и последующими упоминаниями данной семьи в архивных источниках.

17 декабря 1701 г. «башкирец» Тютей Сакин из д. Каинтюба Казанской дороги Уфимского уезда оформил заемную кабалу, согласно которой крестья-

² Там же. Л. 18.

³ Там же. Л. 27 об.–28.

янин с. Каракулино Евдоким Яковлев сын Фищев занял у него 4 руб. с обязательством возврата к 1 декабря 1700 г. Поручителем по сделке выступил сын заемщика – Дмитрий Евдокимов сын Фищев, а вместо них обоих документ подписал Мишка Осиев. Свидетелем сделки указан Федот Минин, а составлением кабалы занимался подьячий Каракулинской приказной избы Борис Гурьев, получивший за письмо восемь денег⁴.

Данный документ отражает характерные для начала XVIII в. практики кредитных отношений, включая участие поручителей из числа родственников (в данном случае – сына заемщика) и официальное оформление сделки через приказную избу. Примечательно, что, несмотря на сословные различия между «башкирцем»-кредитором и русским крестьянином-должником, сделка была оформлена в соответствии с установленными нормами, включая свидетельские показания и оплату услуг писца. Это свидетельствует о развитой системе финансовых взаимодействий, пересекавших этнические и сословные границы в условиях Волго-Уральского региона.

Упоминание Тютяе Сакина в качестве жителя д. Каинтюба представляет особый интерес для исследования миграционных процессов. Данный факт позволяет предположить, что переселение енейцев рода Кара-бека в Булярскую волость началось значительно раньше, чем принято считать – вероятно, ещё в XVII в., что могло быть связано с обострением проблемы малоземелья в местах их первоначального расселения.

При этом важно отметить, что Тютей Сакин, будучи вотчинником, мог фигурировать в более ранних документах под названием своей первоначальной деревни, сохраняя права на родовую вотчину в пределах Енейской волости. Эта гипотеза находит подтверждение в том, что позже за одной из территорий Тугузской тюбы закрепилось название Тутаевский аймак⁵ – очевидно, производное от антропонима Тютей (Тутай). Такая практика была характерна для системы традиционного землевладения региона, где наименования угодий часто сохраняли память о первых владельцах или родах-первопоселенцах даже после их миграции в другие районы.

Особый интерес представляет заемная кабала от 23 декабря 1701 г., фиксирующая сделку между татаринном башкирского сословия («башкирцем») Иштеем Иткининым из д. Каинтюба Уфимского уезда (расположенной на землях Булярской волости) и черемисином Зюником Янвазаевым из д. Санганды Арской дороги Казанского уезда. Согласно условиям договора, сумма в 18 руб., переданная 9 июля 1701 г., подлежала возврату к празднику Успения Пресвятой Богородицы того же года, что свидетельствует о краткосрочном характере кредитных операций того времени, вероятно, связанном с сельскохозяйственными или торговыми циклами. Формализованность сдел-

⁴ Там же. Л. 86–86 об.

⁵ Ахметзянов М.И. Татарские родословные. С. 23.

ки, включая наличие поручителя и свидетелей, подчеркивает устоявшуюся практику финансовых договоренностей, выходящих за рамки отдельных деревень и даже уездов.

Сделка ярко демонстрирует многообразие межэтнических отношений в регионе. В ней участвуют представители двух народов: татарин башкирского сословия Иштей Иткинин, черемисин Зюник Янвазаев и черемиска Бики Ченикеева, что подчеркивает ее значимость в общине. Свидетелями являются татары Ирмяш Урмячев (из д. Тогуз) и Заит Урмекеев (д. Тураево)⁶, что указывает на прочные экономические связи между татарами и марийцами, несмотря на административное деление на Уфимский и Казанский уезды. Важно отметить, что Ирмяш и Заит, хотя в документе указаны как татары, фактически принадлежали к башкирскому сословию, что свидетельствует о гибкости этнической самоидентификации в контексте финансовых взаимодействий. Примечательно, что присутствие Ирмяша Урмячева из Енейской волости косвенно подтверждает возможное происхождение Иштей Иткинина из рода Кара-бека, поскольку д. Каинтюба была населена выходцами из Енейской волости, а сам Ирмяш принадлежал к роду Кара-бека.

Документ также проливает свет на миграционные процессы и родственные связи в регионе. Деревня Каинтюба, откуда был Иштей, населялась выходцами из Енейской волости, а среди свидетелей фигурируют жители разных селений, что подтверждает активное взаимодействие между общинами.

В целом, эта заемная кабала служит важным источником для изучения экономических, социальных и этнических отношений начала XVIII в. Она показывает, что кредитные операции не только существовали в сельской местности, но и строились на доверии между представителями разных народов, сословий и регионов, формируя сложную сеть взаимосвязей в полиэтничном пространстве Волго-Уралья.

23 декабря 1701 г. были составлены две заемные кабалы, представляющие значительный интерес для изучения экономических отношений в Башкирии начала XVIII в. В первой кабале «башкирец» Енейской волости Акчюра Азикеев выдал заем в размере 5 руб. 80 коп. безъясашному черемисину Токмурзе Мусакову из д. Байкино Сибирской дороги, причем срок возврата был установлен до осеннего Николина дня того же года.

Вторая кабала зафиксировала сделку между «башкирцем» Агышем Азикеевым из д. Семиостровная и черемисином Тынбылаем Байбековым из д. Крымсараетово Амзинской волости Зюрейской дороги на сумму 5 руб. 26 алтын 4 деньги с аналогичным сроком погашения. Эти документы демонст-

⁶ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 12130. Л. 94–94 об. В документе указано: «Свидетельствовали татар Казанской дороги, деревни Тогуз Ирмяш Урмячев, деревни Тураевы Заит Урмекеев». В других документах Ирмяш Урмячев зафиксирован по сословию как башкирец.

пируют сложившуюся практику краткосрочного кредитования (около 5 месяцев) между представителями разных этнословных групп региона.

Особый интерес представляют юридические аспекты оформления этих сделок. В обоих случаях присутствовали поручители: в первой кабале – черемисин Тынбылай Байбеков, во второй – сын заемщика Токбулат Тынбулаев и тот же Токмурза Мурсаков. Документы были составлены при свидетелях (Павел Степанов сын Брудинской), переведены толмачом Ерофеем Даниловым и записаны мензелинским иноземцем Иваном Моисеенком. Важной деталью является использование заемщиками и поручителями тамг вместо подписей, что свидетельствует о сочетании традиционных и новых правовых практик. За составление каждой кабалы взималась плата в размере 10 денег, что указывает на существование профессиональной услуги по оформлению подобных документов⁷.

Эти финансовые документы имеют важное историческое значение, так как раскрывают различные аспекты экономической жизни региона. Они свидетельствуют о развитых межэтнических экономических связях, показывают механизмы обеспечения кредитных обязательств и демонстрируют роль письменных документов в деловой практике. Участие в сделках представителей марийского населения (черемисов) подчеркивает их включенность в региональную экономическую систему. Кроме того, кабалы предоставляют ценную информацию о денежном обращении, сроках кредитования и профессиональной деятельности переводчиков и писцов в многоэтничном регионе.

К числу наиболее интересных источников по истории Енейской поземельной волости относятся документы 1706–1707 гг., дающие представление о причинах и ходе земельного спора между Канмурзой Азаматовым и Сунбаем Султангуловым. Они содержат сведения об именах не только вышеназванных вотчинников, но и других, иногда ранее неизвестных, что позволяет выявить антропонимическое происхождение названий их деревень.

В документе под названием «полобовная мировая запись» от 25 августа 1706 г. назван Канмурза со «своею деревнею», который долго спорил о принадлежности сенокосов с Сунбаем Султангуловым. *«Я, Канмурза, в том: те сенные покосы делены издавна, и я, Канмурза, теми сенными покосы владею и сена кошу своею деревнею, и они вышеписанные свидетели, про то подлинно знают»*. В качестве свидетелей даны ссылки на *«деревни Ульяды (Урьяды. – Т. К.) на Ахманая да на Байгула, да на Агыша⁸, да деревни Нижней Ульяды (Урьяды. – Т. К.) на Темяка, да на Келмекея Шаликеева, да деревни Буранчиевы на Сабаная Яшимирова, деревни Якуповы на Танатара Копырьянова, да на Иртугана Янтуганова, на Тойметя Суну, на Темирбулата Байзыгитова,*

⁷ Там же. Л. 94 об.–95.

⁸ Сын Агыша Утяган Агышев из д. Урьяды упоминается в документе от 24 февраля 1741 г. (НА РБ. Ф. И–172. Оп. 1. Д. 20).

деревни Минкаушского Устья на Ииметя, деревни Мартыновы на Кармана, деревни Козекины на Иткиню Ииметова»⁹.

Опираясь на этот документ, мы можем говорить, что в этот период существовали дд. Урьяды (ныне Старые Урьяды Актанышского района РТ), Нижние Урьяды (ныне Актанышского района РТ), Буранчеево, Якупово, Минкаушское Устье (по другим источникам Маткаушское Устье), Мартыново¹⁰ и Козекино. Позже большинство этих деревень по разным причинам прекратили свое существование. Вотчинник Канмурза, предположительно, является основателем д. Калмурзино, название которой здесь не упоминается, но подразумевается.

Вторая «полюбовная мировая запись» между Канмурзой Азаматовым и Сунбаем Салтангуловым и их товарищами по поводу совместного владения сенокосами последовала 18 ноября 1706 г. *«Написали мы, Канмурза и Сунбай с товарищи, меж себя любовную мировую запись в том, что бил челом великому государю я, Канмурза, на них, Сунбая с товарищи, в насильстве сенных покосов, и в том им был допрос. И не дождался мы, Канмурза и Сунбай с товарищи, по тому делу вершения, поговоря меж себя, помирились. А те наши сенные покосы розделить нам меж себя на 30 на 8 (38. – Т. К.) ясаков и владеть вопче, друг друга не избижать»¹¹.*

Лишь третья мировая запись (1707 г., «августа, не позднее 29») по вопросу о принадлежности сенокосов поставила точку в споре и зафиксировала раздел сенокосов с указанием их границ. *«И по договору косить ему, Канмурзе с товарищи, по сей записи с нынешнего 707-го г. вперед вечно в межах и в урочищах: с Токара перевозу по Усоклы-Илень на колок дубник и асинник, с Саклы-Иленья на сосновой колок, которой подле озера Тюперю по обе стороны, а с того соснового колка на Базану речку по обе ж стороны до Бугинского устья, а с того устья за Ик реку на усть Усьясик по озера Ляликль, а от того озера на вершины Кыркуль, а Кыра озера на орему нискую, где сидят перевесом, а от аремы, что на Ик реку, на Елань яр, и с того яру по Ику реке до верхней межи, до того вышеписанного Такаева перевозу».* Зафиксировав раздел сенокосов, стороны договорились *«великому государю не бить челом, и не продовать, и не убытчить, и насильства никакова не чинить»¹².*

Итак, длительное разбирательство, продолжавшееся месяцами, наглядно демонстрирует, насколько важным условием владения вотчинной землей являлось четкое установление границ сенокосных угодий. Однако этот аспект

⁹ МИБ. Т. 3. С. 27–28.

¹⁰ Черемисин Андрей Тимеев и татарин Ишалай Токметев из д. Мартыново упоминаются также в документе от 5 февраля 1706 г. (РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 12420. Л. 5–5 об.).

¹¹ МИБ. Т. 3. С. 28–29.

¹² Там же. С. 38.

лишь один из многих, составлявших сложную систему экономических отношений. Другие проблемы, осложняющие жизнь вотчинника, могли породить бесчисленное множество конфликтов и разногласий, каждый из которых мог стать предметом отдельного разбирательства.

Анализ документа позволяет сделать вывод о впечатляющих размерах сенокосных угодий Канмурзы и его товарищей, о чём свидетельствуют упомянутые в тексте гидронимы. Примечательно, что названия указанных озер не встречаются в других опубликованных источниках, что делает данный документ уникальным с точки зрения исторической географии региона.

Прежде чем перейти к другим вотчинникам, отметим документ, датированный 8 января 1706 г. Это расписка («запись») от Тойдыбая Бактаева (из д. Суксы) «башкирцу» Алмекею Илечиеву (д. Аргамаково) о займе у последнего 5 руб. с обязательством отработать часть долга. Для этого Тойдыбай должен был жить и работать в хозяйстве кредитора в течение одного года (за что он освобождался от уплаты части долга в размере одного руб.), а остальную часть долга (4 руб.) погасить собственными деньгами¹³.

Это первый известный документ, в котором упоминается марийская д. Суксы (ныне Мари-Суксы Актанышского района РТ), входившая в Енейскую волость. Вторая деревня (Аргамаково) относится к Ельдякской волости. Этот документ является одним из свидетельств тесных контактов между отдельными представителями двух поземельных волостей.

Наряду с вотчинниками, в населенных пунктах одновременно проживали татары других социальных групп. Источники нередко ограничиваются указанием национальности, оставляя без подробностей конкретные сословия.

Так, в документе марта 1706 г. упоминается татарин д. Бикбово Килмет Тимяшев, который взял в долг 2 руб. у своего односельчанина-черемисина Уразбара Ашпаева. Поручителем и свидетелем сделки выступил «башкирец» из той же деревни – Суюш Азаматов¹⁴, возможно, брат упомянутого ранее Канмурзы Азаматова.

Приведенный пример ясно иллюстрирует наличие в д. Бикбово (ныне Бикбулово Мензелинского района РТ) в 1706 г. представителей двух разных сословий татарского народа. Более того, известно, что местные невоотчинники выплачивали особый налог – ясак, предназначенный для оплаты государственным властям, называемый «тептярским ясаком» (например, в 1728 г.)¹⁵.

В мае 1706 г. татарин Бухар Буйлемяков из д. Тленчино (ныне Октябрь Муслюмовского района РТ) взял в долг 8 руб. у своего соплеменника Толбая

¹³ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 12420. Л. 3–3 об.; МИБ. Т. 3. С. 30–31.

¹⁴ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 12420. Л. 6 об.–7.

¹⁵ История башкирских родов. Еней. Том 1. Уфа, 2014. С. 84.

Сланова¹⁶ из д. Каинтуба, обязавшись вернуть деньги к Тихонову дню того же года. Поручителем по сделке выступил родной сын заемщика Кадырмет Бухаров, что свидетельствует о семейном характере финансовых обязательств. Сделку засвидетельствовали Алексей Гребеншиков, перевел Гаврило Калашников, а оформил письменно Борис Гурьев, при этом Бухар Буйлемяков скрепил документ своей личной тамгой¹⁷.

Как мы отмечали в первом томе нашего исследования, татары д. Глянчино Булярской волости неоднократно фигурируют в документах начала XVIII в., однако данный случай требует особого внимания. Примечательно, что Кадырмет Бухаров, выступавший в 1706 г. как поручитель своего отца-татарина, в более поздних документах (в частности, в договоре от 4 мая 1747 г.¹⁸) уже именуется «башкирцем», как и его дети в переписи 1811 г.¹⁹ Этот пример наглядно демонстрирует параллельное использование в бюрократической практике XVIII в. как этнического («татарин»), так и сословного («башкирец») обозначений для представителей одной семьи.

Рассмотрим далее другие архивные документы. Так, 8 июня 1706 г. вотчинник д. Токусево Енейской волости Ирмяш Урмячев заключил соглашение с каракулинским подьячим Степаном Арзамасцевым о совместной постройке мельницы на р. Бима в пределах своей вотчины, расположенной в д. Шайтаново. Согласно данному соглашению, Арзамасцев брал на себя финансирование строительства мельницы с одним или двумя поставками, использовав древесину из вотчинных лесов Урмячева.

Интерес вызывают конкретные условия договора: до момента полной компенсации расходов на строительство весь доход от помола зерна («лапатошная мука») шёл исключительно Арзамасцеву. Затем, после покрытия всех вложений, мельница становилась общей собственностью партнеров с равным распределением прибыли и обязанностей по поддержанию сооружения в рабочем состоянии. Важным условием являлось ограничение права передачи долевого участия посторонним лицам, допускалось такое действие только в пользу законных наследников обеих сторон²⁰.

Договор от 8 июня 1706 г. раскрывает образ Ирмяша Урмячева как яркого представителя татар башкирского сословия, отличавшегося острым предпри-

¹⁶ Он неоднократно упоминается в исторических документах. В частности, 4 марта 1706 г. вместе со своим односельчанином Минеем Тютеевым они выступали в качестве кредиторов татар из д. Бектибаево Уфимского уезда (РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 12420. Л. 6 об.).

¹⁷ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 12420. Л. 8 об.–9.

¹⁸ Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том. 1. Булярская волость. С. 72.

¹⁹ Там же. С. 146.

²⁰ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 12420. Л. 9. Данный документ был опубликован (МИБ. Т. 3. С. 35–36), однако содержит ошибки: д. Токусово указана как Токуево, а год заключения договора обозначен как 1707.

нимательским умом и глубоким пониманием правовых норм. Способность Ирмяша организовывать эффективное сотрудничество с русскими переселенцами, разрабатывая четкие и справедливые правила взаимодействия, подчеркивает высокий уровень экономической и юридической культуры татарского населения, входившего в башкирское сословие, в начале XVIII столетия.

Этот документ представляет огромную ценность, будучи живым доказательством сложившихся партнерских отношений между татарами башкирского сословия и русским населением, опровергая стереотипы о закрытости и изолированности этноконфессиональных сообществ. Равноправные контракты, основанные на подробных юридически закреплённых обязательствах, способствовали интеграции татар башкирского сословия в экономическую жизнь Российской империи, при этом сохранялся их особый правовой статус.

Фамилия Ирмяша в документах представлена вариативными формами: Урмячев, Урмачев, Урмашев. В более поздних источниках он зафиксирован как старшина Ирмяш Урмашев, который в 1738 г. совместно с одноотчинниками переселился в д. Байсарово по соглашению с владельцами Булярской волости. Подробное исследование данного исторического эпизода представлено в первом томе нашего научного труда²¹.

Важно отметить, что в реальности д. Токусево в Енейской волости никогда не существовала. Тщательное сопоставление имеющихся данных позволяет сделать вывод о том, что под этим названием подразумевалась д. Тогуз, известная в источниках с различными ошибочными транскрипциями. Подобный случай подчеркивает необходимость тщательного критического анализа топонимов при изучении исторических материалов.

Ранее мы обращали внимание на одну житейскую запись от 7 марта 1707 г., согласно которой «горный» татарин Юнус Турабаев из д. Исамбаево взял в долг 7 руб. у «башкирца» Минея Тютеева из д. Каинтуба. В обеспечение долга Юнус обязывался проживать с семьей и работать на работодателя в течение трех лет²². Любопытно, что в той же д. Каинтуба проживал еще один богатый житель – татарин Минея Слаков, также практиковавший предоставление денежных займов²³.

Анализ данного документа порождает вопрос о точном месте происхождения Юнуса Турабаева. Существующее предположение о его принадлежности к ныне существующей д. Исанбаево Илишевского района РБ вызывает

²¹ Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том. 1. Булярская волость. С. 64.

²² Каримов Т.Т. Булярская поземельная волость Уфимского уезда в первой четверти XVIII в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 7. С. 22.

²³ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ф. 12420. Л. 10 об.

ряд сомнений, так как имеется еще одно поселение с таким же названием в Енейской поземельной волости (ныне д. Исенбаево Агрызского района РТ)²⁴.

Ранее было отмечено, что д. Каентуба (ныне Кыр-Каентюба Актанышского района РТ), где проживал Миней Тютеев, относилась к Булярской волости и была населена енейцами. Анализ имеющихся данных позволяет уверенно предположить, что Миней Тютеев являлся сыном известного Тютеева Сакина из рода Кара-бека. Исходя из этого факта, велика вероятность того, что и Юнус Турабаев также принадлежал к енейцам, а значит, его родная деревня находилась в Енейской волости.

16 августа 1706 г. «башкирцы» д. Иткино во главе с Семенеом Аркуняковым заключили соглашение с каракулинским крестьянином Нестером Мокрецовым, передав последнему право пользования вотчинным озером Сомовое за 2 руб. Оформление документа осуществлялось переводчиком Гаврилой Калашниковым и писцом Анфиногеном Дубровским, Семеней Аркуняков скрепил бумагу личной родовой тамгой, оплатив услуги составления шесть денег²⁵.

31 августа того же года «башкирец» д. Семиостровная Урускул Маметев составил в Каракулине отпись князьям Асановым и крестьянину Федору Тептину, подтверждающую получение ясака в виде четырех куниц с пашенных земель между озерами Янеевским и Маляшевским²⁶. Оба документа ярко иллюстрируют сложившуюся систему экономических отношений, где аренда водных ресурсов и сбор ясака с земельных угодий составляли важную часть доходов татарских вотчинников башкирского сословия, демонстрируя их активное взаимодействие с русским населением.

5 ноября 1706 г. в Уфимском уезде были зарегистрированы две типичные кредитные сделки, демонстрирующие финансовые связи между татарами двух сословий. В первой сделке татары Минлибай и Азмет Дурметевы из д. Сомово получили 14 руб. у «башкирца» Илмета Ураева из д. Тогуз, а во второй татарин Кадырмет Карсаев (также из Сомово) взял 7 руб. у «башкирца» Усмана Досаева (также из д. Тогуз). Обе сделки предусматривали возврат долга ко дню Михаила Архангела и были оформлены одними и теми же посредниками: Иваном Золотухиным, переводчиком Гаврилой Калашниковым и писцом Афанасием Каракулиновым. Договоры были скреплены родовыми тамгами участников²⁷. Особый интерес вызывает первое документальное упоминание д. Сомово, название которой, вероятно, производно от близле-

²⁴ Каримов Т.Т. Булярская поземельная волость Уфимского уезда в первой четверти XVIII в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 7. С. 22.

²⁵ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 12420. Л. 11 об.–12.

²⁶ Там же. Л. 12–12 об.

²⁷ Там же. Л. 15–15 об.

жащего озера, что отражает общую тенденцию присвоения новым поселениям наименований по ближайшим природным ориентирам.

Наконец, 1 апреля 1709 г. был заключен знаковый договор между вотчинниками Енейской волости и подьячим Каракулинской приказной избы С.К. Арзамасцевым, отражающий тяжелые последствия восстания 1708 г. для местного населения. В документе, подписанном представителями дд. Нагашево (Сулей, Абла и Зиян Ногашевы, Аптык, Усман и Ишмен Урусметовы) и Яланьяр (Актуган Янгурчин с товарищами), подробно описывается передача земель по реке Оса: вотчинники, чьи «деревни и дома раззорены», а платить «кунной ясак» стало «невмочь», уступили Арзамасцеву право строить дворы, селить работников, пахать землю, косить сено и даже строить мельницу – за обязательство последнего платить в казну ясак по одной кунице (или 4 гривны деньгами) в год²⁸. Этот уникальный источник не только фиксирует редкие топонимы (исчезнувшие дд. Нагашево, название которой восходит к антропониму, и Яланьяр), но и демонстрирует механизмы адаптации коренного населения к посткризисным условиям.

Данный случай примечателен сразу несколькими обстоятельствами. Во-первых, он наглядно демонстрирует разрушительное воздействие восстания 1708 г. («башкирской шатости») на экономику волости. Во-вторых, впервые в начале XVIII в. фиксируется практика передачи полномочного управления вотчинными землями представителям русской администрации. Наконец, ситуация ярко иллюстрирует адаптивность традиционных порядков землевладения: даже в тяжелейших экономических условиях сохраняются юридические механизмы, такие как установление фиксированных выплат, защищающих интересы вотчинников. Особенную ценность источнику придает упоминание исчезнувших населенных пунктов, чьи наименования известны теперь только благодаря этому документу.

13 апреля 1710 г. татарин Аднагул Аднагулов из д. Урьяды Казанской дороги Уфимского уезда оформил заемную память на 2 руб. у своего односельчанина Юзея Томякова с обязательством вернуть долг к 20 июля того же года. Документ, скрепленный традиционной тамгой заемщика, был составлен при участии толмача Василия Кондакова и свидетеля Степана Костарева, что отражает характерное для начала XVIII в. сочетание традиционных татарских правовых обычаев с русской делопроизводственной практикой. Стоимость оформления сделки составила 5 коп. (10 денег), включая составление документа и его регистрацию²⁹.

Эта кредитная операция между односельчанами, привязанная к церковному календарю (Ильин день), типична для местных финансовых отношений того периода, где даже относительно небольшие суммы официально фикси-

²⁸ МИБ. Т. 3. С. 48–49.

²⁹ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 1306. Л. 29.

ровались с привлечением русских служащих, обеспечивавших юридическую силу сделки между представителями татарской общины.

Согласно договору от 11 января 1712 г., вотчинники д. Багады (ныне Старые Бугады Актанышского района РТ) Енейской волости Деум Айманов, Чюрай Азаматов и их товарищи передали в аренду сроком на 3 года рыболовные угодья по реке Ик мензелинским служилым людям Я.И. Ляховичу и Л.К. Суворову. В документе подробно описаны границы переданных угодий: *«ясаиные рыбные ловли по Ику реке, словут Таралинские, верхняя межа по озеро Тудуш на низ по Ику реке по обе стороны, с истоки и с озеры и с тубами, до нижней межи до Туралы озера, и с тем озером Туралою, от того озера на низ по Ику ж реке по правой стороне до Осиновой курьи с истоки ж и с озеры»*, при этом арендаторы обязались выплачивать вотчинникам ежегодный оброк в размере 5 руб.³⁰ Особое значение имеют имена вотчинников Деума Айманова и Чюрая Азаматова, известные только из этого документа. Имя Деум уникально и встречается крайне редко, лишь дважды – в Гарейской (упоминается Деум Тютюков из д. Мрясево в документе 1758 г.) и Байлярской волостях («тепяр» Деум («Даум») Айманов, живший в д. Сарсас в XVIII в.³¹). Это позволяет выявить региональные антропонимические особенности татарского населения XVIII в.

В том же 1712 г. «башкирцы» д. Аккузево Енейской волости (Кинзя Азаматов, Токман Алпаутов, Мосей Мурзакаев, Ишинбай Аднагулов, Ильмет Ураев) переехали на земли Булярской волости, получив разрешение от местных вотчинников занять пустующие участки для десяти дворов с правом пользоваться землей, сенокосами, водоемами и прочими ресурсами. Ранее в своей статье мы отмечали, что именно этими переселенцами была основана д. Аккузево (ныне Илишевского района РБ) Бирского уезда, так как копии соответствующего документа хранились у их потомков вплоть до 1842 г. Название деревни могло унаследоваться от прежнего места жительства³².

Одним из свидетелей при составлении этого договора был Килей Токтаров из д. Калтево. Интересно, что его сын, Ермак Килеев, позже будет упомянут в договоре от 1 марта 1761 г., что свидетельствует о преемственности поколений и активном участии семьи Токтаровых в поземельных и общественных делах региона.

28 сентября 1712 г. в с. Каракулино был заключен кредитный договор между сарапульским крестьянином Алексеем Вопшиновым (действовавшим совместно с дочерью Агафьей) и «башкирцем» Бекчюрой Янурусовым из

³⁰ МИБ. Т. 3. С. 80–81.

³¹ РГИА. Ф. 379. Оп. 4. Д. 4926. Л. 20.

³² Каримов Т.Т. Булярская поземельная волость Уфимского уезда в первой четверти XVIII в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 7. С. 22–23.

д. Сосново Енейской волости. Согласно документу, Вопшиновы получили заем в размере 5 руб. с обязательством возврата к 26 октября (Дмитриеву дню) текущего года. Особенностью данной сделки стало участие женщины-заемщицы (дочери главного должника) и института поручительства: обязательство заемщиков гарантировал каракулинский переводчик Иван Фалелеев, чью подпись по доверенности поставил таможенный подьячий Анфиноген Дубровской. Юридическое оформление договора осуществлялось при свидетелях – площадном подьячем Федоре Халтурине и писце Борисе Гурьеве, с уплатой стандартных канцелярских сборов: гривны (10 коп.) за составление документа и 10 денег (5 коп.) за его официальную регистрацию³³.

Данный договор представляет значительный исторический интерес по нескольким причинам: во-первых, он демонстрирует практику финансовых отношений между русским крестьянским и татарским населением в начале XVIII в.; во-вторых, свидетельствует об участии женщин в имущественных сделках; в-третьих, иллюстрирует сложную систему поручительства в межсословных операциях. Особую ценность источнику придает первое известное упоминание д. Сосново (ныне Агрызского района РТ), что существенно дополняет наши знания о поселенческой сети Енейской волости, реконструируемой по подобным разрозненным документальным свидетельствам.

3 июля 1713 г. в с. Каракулино был заключен характерный кредитный договор между представителями марийской (черемисской) общины д. Суксы Казанской дороги. В нем зафиксировано, что черемисин Яшмет Ижбулатов занял 2 руб. у своего односельчанина Микифора Миканова с обязательством возврата к Семенову дню (1 сентября) того же года. Особенностью сделки стало традиционное поручительство – обязательства заемщика гарантировал другой член общины Акмат Игнашев, причем оба участника скрепили договор родовыми тамгами, демонстрируя сохранение традиционных правовых норм. Оформление сделки проходило по установленной процедуре с участием свидетеля Данилы Гребенщикова, переводчика Гаврилы Калашникова и писца Григория Гурьева³⁴, что отражает сложившуюся практику документального оформления финансовых операций в многоэтнической среде Уфимского уезда.

Сдача озер в аренду была распространенной практикой хозяйственной деятельности татарских вотчинников башкирского сословия, о чём наглядно свидетельствуют три договора 1713–1714 гг. В мае 1713 г. вотчинники д. Семиостровная Кашевар Токаев и Полат Бектемиров с товарищами заключили в с. Каракулино договор аренды озера Сомовое с крестьянином Василием Дубровским за 11 руб. оброка, при этом документ был оформлен со всеми юридическими формальностями – заверен личными тамгами, подписями свидетеле-

³³ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 12425. Л. 5.

³⁴ Там же. Д. 12426. Л. 5 об.

лей и сопровождался уплатой стандартных канцелярских сборов³⁵. В январе 1714 г. та же группа вотчинников, дополненная Акчюрой Азикеевым, передала в аренду озеро Семиостровное крестьянину Григорию Шадрину за 7 руб., особо оговорив окончательный характер выплаты³⁶. Наиболее представительный состав участников зафиксирован в февральском договоре 1714 г., когда расширенный круг вотчинников (Кашевар Токаев, Полат Бектемиров, Беткиня Баталин, Урман Семенов, Тулумбай Токаев из д. Семиостровная), Айман Уркуняков, Изубяк Тапысев из д. Иткинино) сдал в пятилетнюю аренду озеро Кургу (Сомовое) с ежегодным obroком 11 руб.³⁷

Эти документы не только демонстрируют важную роль аренды водных ресурсов в экономике местного населения, но и раскрывают механизмы правового регулирования земельных отношений в регионе. Особый интерес представляет топонимическая связь между озером Семиостровным и одноименной деревней, указывающая на происхождение поселения. Все сделки оформлялись в Каракулино по единой процедуре с участием свидетелей и переводчиков, что свидетельствует о сложившейся системе межэтнического экономического взаимодействия. Примечательно, что договоры отражают не только хозяйственную практику, но и социальные связи внутри вотчинного сообщества, где одни и те же лица неоднократно выступают участниками различных сделок. Юридическое оформление документов с уплатой пошлин и использованием тамг показывает сочетание традиционных и новых правовых норм в регулировании имущественных отношений. Эти источники ценны и для изучения топонимики региона, фиксируя названия водоемов и поселений, часть которых не сохранилась до наших дней.

22 января 1719 г. татарин Курманай Ишмяков из д. Бикбулово («Бекбулово») Казанской дороги составил официальную запись для татарина Балты Бимякеева из д. Тузгинибика, зафиксировавшую разрешение их конфликта. Согласно документу, пять дней назад Балта приехал в дом Курманая требовать возврата небольшого долга в 6 алтын 4 деньги (20 коп.), что привело к ссоре между ними. Конфликт был улажен мирным путем, причем стороны договорились, что если кто-либо из них вновь поднимет этот спор, нарушитель соглашения должен будет выплатить значительный штраф в 5 руб. – в 25 раз превышающий сумму первоначального долга³⁸.

Данная запись представляет собой характерный пример мирного соглашения начала XVIII в., показывающий механизмы урегулирования бытовых конфликтов внутри татарской общины. Особенностью этого случая является контраст между незначительностью суммы долга и серьезностью предусмотр-

³⁵ Там же. Л. 4.

³⁶ Там же. Л. 1 об.

³⁷ Там же. Л. 2–2 об.; МИБ. Т. 3. С. 108–109.

³⁸ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 12419. Л. 5–5 об.

ренного штрафа, что подчеркивало важность соблюдения достигнутых договоренностей. Примечательно, что соглашение было оформлено письменно без привлечения свидетелей или официальных лиц, что свидетельствует о развитой традиции саморегуляции в татарских общинах. Документ отражает типичную практику внесудебного разрешения споров, где письменная фиксация мирного соглашения служила гарантией соблюдения достигнутых договоренностей и предотвращала дальнейшие конфликты.

19 мая 1719 г. была составлена кабала, согласно которой татары Бекчюра Ишмяков из д. Алтыбаево³⁹ и Уразла Бигинеев из д. Кочаш Осинской дороги Уфимского уезда заняли 45 руб. у «башкирцев» Аблы Ногашева из д. Нагашево и Касыма Сюлеева из д. Сосново Казанской дороги того же уезда⁴⁰.

7 июля 1719 г. была оформлена другая кабала, по которой татарин Бекчюра Бекмурзин д. Пустанаево (ныне Бустанаево Бураевского района РБ) Осинской дороги занял 15 руб. у «башкирца» Касыма Сюлеева из д. Сосново Казанской дороги⁴¹.

Эти документы демонстрируют активные финансовые связи между татарскими вотчинниками и невоотчинниками Уфимского уезда в 1719 г., где обращает на себя внимание участие в сделках одних и тех же лиц, межволостной характер займов между Осинской и Казанской дорогами, значительные суммы займов в 45 и 15 руб., а также краткий временной промежуток менее двух месяцев между сделками. Особенностью является отсутствие указания сроков возврата в сохранившейся части документов, что свидетельствует о развитой системе кредитных отношений между представителями разных населенных пунктов и волостей Уфимского уезда в первой четверти XVIII в.

25 июля 1719 г. была составлена кабала, согласно которой «ясачные башкирцы» д. Ушар Янаберда Иткинин и Ибрай Митиков заняли 60 руб. у «башкирца» д. Бураево Ураза Кадыргулова с обязательством вернуть долг к 1 октября того же года. Особенностью сделки стало необычное поручительство, где Янаберда в качестве обеспечения указал своих четырех сыновей (Якупа, Янмета, Килмета и Мамета) и дочь Куляку, что свидетельствует о практике семейной ответственности по долговым обязательствам. Документ, скрепленный традиционными татарскими тамгами заемщиков, был переведен толмачом Дмитрием Косаткиным, а вместо него расписался Андрей Тимофеев. Примечательно, что в качестве свидетелей выступили шесть русских участников (Иван Петров, Семен Игнатъев и другие), что отражает взаимодейст-

³⁹ Алтыбаево (Старокангильдино) – деревня в составе Карабаевского сельсовета Бураевского района РБ.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 12419. Л. 9–9 об.

⁴¹ Там же. Л. 11.

вие татарских традиционных правовых обычаев с русской делопроизводственной практикой в финансовых операциях начала XVIII в.⁴²

30 октября 1719 г. в д. Бикбулово («Бекбово») Уфимского уезда Казанской дороги была составлена сделочная запись о мене лошадей между татаринном Азменем Итяшевым и «башкирцем» Рямгулом Ишкининым. Во время сделки между сторонами возникла ссора, урегулированная путем переговоров. В случае нарушения соглашения предусматривалась неустойка в 5 руб.⁴³

Документ отражает практику взаимодействия и разрешения конфликтов между представителями разных сословий в рамках одной локации. Он также демонстрирует развитие местных правовых норм, включая механизмы обеспечения договоренностей и штрафные санкции.

13 декабря 1719 г. «башкирцы» Полат Бектемиров (д. Семиостровная) и Усеин Сюлюков (д. Иткинино) Казанской дороги Уфимского уезда выдали крестьянину Степану Сапожникову (с. Каракулино) расписку в получении 24 руб. оброчных денег. Сопутствующие расходы: 3 алтына 2 деньги – составление текста, 10 денег – внесение записи в книгу⁴⁴.

Этот документ является еще одним примером того, что вотчинники татарских деревень поддерживали взаимовыгодные хозяйственные связи с русскими крестьянами. Такие взаимодействия свидетельствуют о сложившихся практиках экономического сотрудничества между разными этническими группами в рамках местного сообщества, несмотря на социальные и культурные различия.

Следует указать, что Полат Бектемиров фигурирует в документах с 23 февраля 1714 г. по 6 февраля 1736 г., но его потомки в д. Семиостровная в более поздних источниках не упоминаются.

13 декабря 1719 г. был составлен важный документ, отражающий экономические отношения в регионе. «Башкирец» д. Апасево мулла Апас Тютеев нанял двух черемисских работников – Андрея Якина и Бузая Поташева из д. Ишметово Осинской дороги – на сумму 23 руб., что свидетельствует о значительных масштабах подобных сделок.

За оформление этой наемной записи взимались следующие сборы: одиннадцать алтын и три деньги за саму запись, три алтына и две деньги за написание текста, еще три алтына и две деньги за внесение записи в книгу, а также шесть денег за дополнительные страницы. Эти данные наглядно демонстрируют структуру административных расходов, связанных с оформлением подобных документов⁴⁵.

⁴² Там же. Д. 1317. Л. 45.

⁴³ Там же. Д. 12419. Л. 12 об.–13.

⁴⁴ Там же. Л. 14.

⁴⁵ Там же.

В представленном документе особое внимание привлекает Апас Тютеев, генеалогия которого, согласно имеющимся данным, восходит к Тютееу Сакину из рода Кара-бека, упомянутого ранее как жителя д. Каинтюба Булярской волости. Вероятно, покинув отчий дом, он основал самостоятельное хозяйство в пределах той же волости, основав одноименную д. Апасево (ныне Апачево Актанышского района РТ). Позднее, 22 марта 1731 г., официальный статус нового поселения был подтверждён договором с местными вотчинниками, что закрепило его правовое положение в системе землевладения региона.

Анализ доступных источников демонстрирует фрагментарность сведений о татарском населении разных сословий в Енейской волости в первой половине XVIII в. Если вотчинники, фигурирующие в документах как «башкирцы», относительно хорошо отражены в деловой переписке и других актах, то данные о других группах остаются неполными. Перепись 1722 г. зафиксировала служилых «мещеряков» в дд. Адаево (15 душ муж. пола) и Измеиково на рч. Шабиз (2 души), а также отдельно учла 18 душ муж. пола служилых «мещеряков» в Адаево. Ясачные татары были зарегистрированы в нескольких поселениях: Старый Тогуз (Косой тож) на рч. Кады (12 душ), Кадыбаш на одноименной речке (40 душ), Большая Деветерня (Тогуз) на рч. Кодей (13 душ), Кучюково на рч. Берклете (23 души) и Сарысаз на рч. Сарысаз (7 душ)⁴⁶. Однако ни эта, ни последующая ревизия 1747 г. не обеспечивают комплексного учета податного населения (татар и марийцев) волости – лишь материалы ревизии 1762 г. содержат более полные данные, позволяющие анализировать сословную структуру населения региона. Эта источниковедческая лакуна значительно осложняет исследование демографических процессов и социальной трансформации среди податного населения волости в рассматриваемый период.

Отдельную значимость приобретает документ 1722 г., содержащий первое упоминание д. Кадырметево (ныне Старое Кадырметьево Актанышского района РТ). Этот источник фиксирует интересный случай передвижения населения: житель закамской д. Сармаш Зюрейской дороги А. Досаев пребывал в бегах в Уфимском уезде, в д. Кадырметево, с 1709 г. и вернулся домой лишь в сентябре 1722 г. Факт данного происшествия был подтвержден представителями д. Сармаш – старостой Алмаметом Дусметевым и выборными Кадырметом и Зямеем Досаевыми, входящими в сотню Тоганая Бектемирова. Значимой особенностью является указание, что в данное время половина этой сотни управлялась новым сотником Иркашем Кутуевым⁴⁷. Такие отрывочные сведения помогают раскрыть динамику расселения, внутрисословные

⁴⁶ Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722–1782 гг.): справочное издание. 2 изд., испр. и доп. Казань, 2021. С. 25, 33, 38.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1124. Л. 290.

отношения и механизм административного управления в регионе первой четверти XVIII в.

Документы 1722 г. впервые называют Мамета муллу Якупова из Енейской волости⁴⁸, однако современные исследователи допускают значительные искажения, трактуя этот источник некорректно. Во-первых, имя исторического деятеля «Мамет», имеющее свое происхождение и значение, необоснованно трансформировано в «Мухаммед». Такое произвольное переименование нарушает основополагающий принцип исторической науки – точное воспроизведение источников. Во-вторых, Мамета ошибочно включают в число активных участников «башкирского» восстания 1704–1711 гг., несмотря на отсутствие конкретных доказательств его непосредственного участия⁴⁹. Хотя документ подтверждает возможность сочувствия Мамета событиям восстания, ни одно известное исследование не доказало, что он лично принимал участие в вооруженном сопротивлении.

Подобные неверные выводы приводят к формированию ошибочных представлений о событиях начала XVIII в. и создают искаженную картину реальных исторических процессов. Нарушение принципов достоверности и объективности исследований затрудняет понимание сложности национального самосознания и характера освободительных движений того времени. Поэтому критический анализ источников и точность их интерпретаций являются необходимыми условиями научного подхода к изучению подобных явлений.

Исходя из редкости имен Якуп и Мамет среди местных вотчинников, можно предположить его родственную связь с Якупом Бикбовым из д. Бикбулово. В середине XVIII в. в источниках появляется имя Кучума Маметева, вероятно являвшегося сыном Мамета муллы. Однако для точного установления родственных связей между этими лицами необходим детальный анализ их родовых тамг, который позволит подтвердить или опровергнуть данную гипотезу. Особую важность такое исследование приобретает в связи с духовным статусом Мамета (звание муллы), что предполагает преемственность социального положения в семье. Следует учитывать, что недостаточная представленность имен Якуп и Мамет в сохранившихся документах по Енейской волости, с одной стороны, поддерживает выдвинутую версию, а с другой – требует особой осторожности в выводах из-за ограниченной источниковой базы для сравнения. Окончательное решение этого вопроса возможно только при комплексном изучении всех доступных данных, включая антропони-мический анализ, исследование тамг и социального контекста эпохи.

Документ от 4 января 1723 г. зафиксировал важный случай приобретения земельных угодий марийцами (черемисами) у вотчинников д. Исенбаево из команды старшины Араптанова, что привело к основанию д. Усть-Саклы

⁴⁸ МИБ. Ч. 1. С. 116.

⁴⁹ История башкирских родов. Том. 1. Еней. С. 26.

(ныне Каракулинского района Удмуртии). В договоре детально обозначены границы приобретенной территории: от истоков речки Шумуртлы до реки Бимы, далее по Кумурсе, Тойбакте и Малой Каде, включая Студеный ключ, с выходом к рекам Письмян-Илге и Усть-Саклинке, и возвратом к верховьям Шумуртлинки. Эти сведения были подтверждены в 1867 г. в прошении марийских представителей Изерги Кутлуметова, Тоймурзы Семенгина и Ердыбая Егорова, которые, используя сословный термин «башкиры», фактически отстаивали интересы марийской общины⁵⁰.

Данный договор XVIII в. имел долговременное юридическое значение, обеспечивая марийцам законные права на землю в течение почти 150 лет. Интересно, что практика использования марийцами сословного термина «башкиры» (как в случае с жителями д. Токбердино в XIX – начале XX в.⁵¹) отражает сложную систему сословных идентичностей в регионе. Это явление, которое может показаться странным для непосвященных, на самом деле демонстрирует характерное для того времени разделение между этнической принадлежностью и сословным статусом, когда различные народы, входившие в башкирское сословие, могли официально именоваться «башкирами», сохраняя при этом свою этническую идентичность. Такие случаи подчеркивают необходимость осторожного подхода к интерпретации сословной терминологии в исторических документах.

Следующий договор от 16 июля 1723 г. – типичный пример хозяйственных отношений между вотчинниками и русским населением. Вотчинники Буре Тойгильдин и Сурмет Урусметов (из д. Семиостровная), Кинзикей Зияшев (д. Шабыз) с товарищами взяли у каракулинского жителя С.К. Сапожникова значительную по тем временам сумму – 49 руб. 50 коп. В качестве обеспечения долга они передали ему в аренду на 10 лет половину своего озера Енеевское вместе с мелкими озерами (Забоишное, Волоковое и пять озерков Аткульми), причем годовая арендная плата в 5 руб. фактически являлась формой погашения кредита. В документе особо оговаривалось право Сапожникова использовать любые рыболовные снасти в течение всего года, включая ловлю «духовой рыбы»⁵².

Особый интерес представляет личность одного из участников сделки – Бури (Буре) Тойгильдина, который был заметной фигурой среди местных

⁵⁰ НА РБ. Ф. И–172. Оп. 1. Д. 32. Л. 164, 193. О документе от 16 июля 1723 г. сообщается и в других источниках, например, в статистическом сборнике (Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 7. Сарапульский уезд. Ч. 2. С. 143 (прил.)).

⁵¹ Каримов Т.Т. Как марийцы стали башкирами-вотчинниками и продавали земли // Восточное Закамье как один из очагов этногенеза и культуры татарского народа: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 90-летию Актанышского района и 310-летию основания Актаныша. Казань, 2020. С. 222–228.

⁵² МИБ. Т. 3. С. 209–210.

вотчинников. В более поздних документах упоминается его сын Рахман Бурун, что позволяет проследить преемственность в роде. Любопытно, что в ревизской сказке 1859 г. по д. Семиостровная встречается человек с фамилией Акбурун, что дает основания предполагать, что имя Буре являлось сокращенной формой от Акбуре (в переводе с татарского – «белый волк»). Это наблюдение подтверждает существование устойчивых антропонимических традиций среди местного населения, когда сокращенные формы имен могли закрепляться в качестве прозвищ и позднее трансформироваться в фамилии. Данный договор, таким образом, не только иллюстрирует практику кредитно-арендных отношений, но и предоставляет ценную информацию для изучения антропонимики и генеалогии местного населения.

Документ от 18 июня 1724 г. фиксирует кредитную сделку между татаринном д. Кадыбаш Якупом Танатаровым и бирским отставным солдатом Петром Федоровым. Сумма займа составила 10 руб. с обязательством возврата к Ильину дню (20 июля) того же года. Поручителями выступили татары д. Ишметово Нюрка Уразгилдин и Бимет Сарманаев, а также «башкирец» д. Кадыбаш Князь Утяков⁵³. Этот случай демонстрирует сложившуюся практику межсословных экономических отношений, где поручительство обеспечивалось членами общины.

Ранее, по данным переписи 1722 г., было известно о проживании в д. Кадыбаш ясачных татар. Настоящий документ (кредитная сделка 1724 г.) расширяет эти сведения, свидетельствуя, что деревня состояла из представителей двух сословий: ясачных татар и башкирцев. Такая сословная неоднородность была характерна для многих поселений Уфимского уезда и отражала сложные процессы землевладения и взаимоотношений между различными группами населения региона.

6 июля 1725 г. в Бирске было заключено мирное соглашение между жителями Казанской дороги: «башкирцем» Темиром Игишевым (д. Талбазы), татаринном Сапаром Муратовым (д. Кадыбаш) и Османом Кураманиным (д. Кырпы). Поводом для конфликта послужили претензии Темира и Сапара к Осману: первый обвинял его в споре из-за япанчи (верхней одежды), а второй – из-за синей шапки. Стороны решили урегулировать спор без обращения к властям и заключили мирное соглашение, обязавшись впредь не обращаться с жалобами к Ее Величеству Государыне Императрице Всероссийской и не предпринимать никаких действий друг против друга. Документ был завершён личными тамгами участников, переведен Петром Ласковым, подписан Сергеем Крысиным и засвидетельствован Иваном Петровым и Никифором Мысовцовым⁵⁴. Этот акт отражает практику внесудебного разрешения конфликтов и особенности межсословных отношений в регионе в начале XVIII в.

⁵³ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 1323. Л. 40.

⁵⁴ Там же. Д. 1324. Л. 10 об.–11.

Итак, анализ документальных источников первой четверти XVIII в. позволяет сделать ряд важных наблюдений о хозяйственной деятельности и социальных отношениях в Енейской волости. Основная масса сохранившихся документов свидетельствует о широком распространении договорной практики среди вотчинников, что проявлялось прежде всего в заключении арендных соглашений на рыболовные угодья и сенокосные земли. Характерно, что арендаторами часто выступали представители русского крестьянства, а в отдельных случаях фиксируются и более сложные формы экономического взаимодействия, такие как совместное строительство мельниц.

Эти материалы дают ценную информацию для реконструкции социально-экономического уклада татарских поселений волости, где вотчинники составляли лишь часть населения. Однако следует отметить существенную диспропорцию в сохранности источников: если хозяйственная деятельность вотчинников документирована относительно полно, то сведения о других социальных группах (ясачных татарах, марийцах, тептярях) носят фрагментарный характер. Это создает серьезные трудности для комплексного изучения социальной структуры волости, поскольку не позволяет в полной мере оценить роль и положение непривилегированных слоев населения в экономической жизни региона.

Данная источниковедческая проблема требует дальнейших архивных изысканий и критического анализа уже известных документов, что может помочь восполнить существующие лакуны в наших знаниях о социальной истории Енейской волости в рассматриваемый период. Особое значение в этом контексте приобретает выявление и изучение новых материалов, которые могли бы пролить свет на менее документированные аспекты жизни местного сообщества.

§ 2. Волость во второй четверти XVIII в.

Документы второй четверти XVIII в. содержат ценные сведения о различных аспектах жизни населения Енейской волости, включая хозяйственную деятельность, кредитно-денежные отношения и социальные взаимодействия. В этот период продолжают развиваться характерные для региона формы экономических связей – аренда земельных угодий и промысловых территорий, совместное использование ресурсов, а также мельничное строительство. Особый интерес представляют фиксируемые в источниках земельные споры и межевые конфликты, которые отражают процессы трансформации системы землевладения в волости.

Социальная структура волости в середине XVIII в. сохраняет свою сложную организацию, в которой привилегированные вотчинники сосуществуют с различными категориями непривилегированного населения – ясачными татарами, «тептярями» и марийцами. Документы этого периода фиксиру-

ют активные межсословные взаимодействия, включая совместную хозяйственную деятельность. Однако исследование этих процессов осложняется изменением характера документации и наличием существенных лагун в данных, особенно касающихся повседневной жизни непривилегированных групп населения. Ниже в хронологической последовательности будут рассмотрены конкретные документы, позволяющие проследить эволюцию социально-экономических отношений в волости в указанный период.

27 мая 1729 г. в с. Каракулино был заключен мировой договор между двумя группами «башкирских» вотчинников Казанской дороги. С одной стороны выступали жители д. Бикбулово (в источнике – «Белбулово»); Мухан Карасуков, Абла Султанаев, Ирмяшев), с другой – Юнусай Дурменев из д. Сарсаз («Сарзас»). Поводом для конфликта послужила незаконная ловля бобров: Дурменев, получив право охоты в вотчине Султана А[й]манова⁵⁵ и его товарищей (д. Бугады) на р. Ик, начал промысел в пограничных водах без согласования с владельцами смежных угодий – Муханом Карасуковым и его товарищами – и без уплаты положенного оброка. После обнаружения нарушения стороны при посредничестве «добрых людей» достигли полюбовного соглашения, по которому виновный обязался выплатить компенсацию в виде двух лошадей (солового и гнедого мерин) общей стоимостью 7 руб.

Документ детально фиксировал взаимные обязательства сторон: отказ от дальнейших претензий, запрет на обращение в государственные инстанции, а также санкции за нарушение условий (двойное возмещение убытков). Особое значение имело распространение действия договора на всех членов семей и родственников участников, что отражало принцип коллективной ответственности, характерный для традиционного татарского общества. Юридическую силу записи придавали родовые тамги всех участников (Мухана Карасукова, Аблая Султанаева, Суюндюка Дюшенева, Юнусая Дурменева), подтверждавшие их согласие с условиями⁵⁶. Этот случай демонстрирует механизмы внесудебного урегулирования земельных споров и строгую систему контроля за использованием природных ресурсов в вотчинах, принадлежавших татарам башкирского сословия, в первой трети XVIII в.

В феврале 1730 г. вотчинник Енейской волости Сюбеляк Абдулин и его товарищи составили запись «башкирцам» Тамьянской волости Ногайской дороги Акаю Кучюмову, Суюндюку Сяпукову и их детям о возобновлении припуска в свою вотчину на правах общего владения. Из текста договора следует, что ранее на этой территории проживал отец Акая Кучюмова – Глекеев (в документе ошибочно указано «Улекеев»)⁵⁷.

⁵⁵ Ранее о его брате Деуме Айманове было известно по документу 1712 г.

⁵⁶ МИБ. Т. 3. С. 264.

⁵⁷ Там же. С. 273. Впоследствии Акай Кучюмов стал руководителем «башкирского» восстания 1735–1736 гг.

Некоторые исследователи связывают происхождение топонима Акай-куль (озеро Акая) на левобережье реки Ик с именем Акая Кучюмова. Так, И. Жуковский отмечает: «Неподалеку при озере Акай-куль было жилище Акая Кучюмова, предводителя Башкирского замешательства в 1735 г.»⁵⁸. Вероятно, данное предположение основано на местной татарской легенде, публикация которой содержится в сборнике «Татарское народное творчество. Легенды и предания».

Другой автор указывает, что деревня Акаевская обозначена на карте Уфимского наместничества 1791 г. и располагалась в юго-восточной части Мензелинского уезда, на левом берегу реки Ик, напротив Нагайбакской крепости⁵⁹. Однако этот исследователь, судя по всему, не проверил, владели ли енейцы вотчиной вблизи Нагайбака.

О том, что топоним Акай-куль не связан с Акаем Кучюмовым, свидетельствует документ Юрминской волости, в котором еще 27 февраля 1659 (7167) г. упоминается озеро Акай⁶⁰. На основании этого источника можно утверждать, что название водоема восходит не к Акаю Кучюмову, а к другому лицу. Следует учитывать, что Акай – распространенный диалектный вариант имен, оканчивающихся на «-акай» (например, Мурзакай, Чуракай и др.). Кроме того, имя Кучюм также встречается часто, поэтому Акаи Кучюмовы фиксируются в различных деревнях региона.

В 1730 г. енейские вотчинники во главе с Султаном Аймановым из д. Бугады и его товарищами осуществили официальный припуск «башкирцев» Байлярской волости – Усеина Уразаева с детьми. Это событие привело к основанию нового поселения – д. Султангулово (ныне Старое Султангулово Актанышского района РТ).

Об условиях заселения и юридическом статусе переселенцев свидетельствует следующий документ:

«Заселение свое деревней Солтангуловой возымели мы из Байлярской волости Салаушской тюбы с давнего времени на земле башкир Енейской волости Бугадинской тюбы из платежа во обще с башкирами той тюбы ясака и общаго раздела с ними всех получаемых ими и предками нашими от земли выгод, в чем они в 12 июля 1730 г. выдали и запись. И с тех пор мы владели по той записи и были во владении землею и всеми угодьями равно получаемыми доходами общими владельцами наравне с коренными вотчинниками».

Показательно, что потомки султангуловских первопоселенцев, опираясь на эти условия, настаивали на «именовании [...] вотчинниками-башкир-

⁵⁸ Краткое географическое и статистическое описание Оренбургской губернии. Сост. в 1832 г. И. Жуковским. Уфа. 1880. С. 21.

⁵⁹ Асфандияров А.З. Аулы... С. 559.

⁶⁰ НА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 547. Л. 63–68 об.

цами [...], а не припущенниками»⁶¹. Это требование отражало не только правовую, но и социально-экономический аспект: статус вотчинника гарантировал полноправное владение землей и ресурсами, в то время как припущенники обладали ограниченными правами. Данное различие приобретало особую важность в контексте обострения земельного вопроса в период Генерального межевания и в последующие десятилетия, когда вопрос о правах на землю становился ключевым не только для экономического благополучия, но и для сохранения социального статуса всей общины.

О байлярском происхождении султангуловцев упоминается и в других документах⁶².

1 апреля 1730 г. в Бирске был составлен договор, фиксирующий трудовые отношения между представителями двух общин. Татарин д. Тогуз Ярмак («Ермак») Канышев заключил соглашение с «башкирцем» д. Урьяды Муртазой Якуповым, согласно которому получал 3 руб. за годовую работу в хозяйстве нанимателя. В документе подробно оговаривались условия найма: работник обязывался выполнять все домашние и отъездные работы, сохранять имущество хозяина, а также не покидать службу до истечения срока. В свою очередь, наниматель обеспечивал Ярмака питанием, но не одеждой, что отражало типичную для того времени практику найма работников.

Договор содержал строгие меры ответственности за нарушение условий. В случае неповиновения, нанесения ущерба или преждевременного ухода Муртаза получал право взыскать с Ярмака не только уплаченные деньги, но и стоимость любого утраченного имущества. Особый интерес представляет заверение документа тамгами – родовыми знаками обеих сторон, что свидетельствует о сохранении традиционных правовых обычаев в условиях российской административной системы. Сделка была оформлена при свидетелях (Иване Зинове и Никифоре Мысовцеве) и переводчике Петре Ласкове, что придавало ей официальный статус.

Этот документ представляет значительный интерес для изучения социально-экономических отношений в регионе. Он демонстрирует, как традиционные формы найма (с элементами патриархальных отношений) оформлялись в соответствии с требованиями российской административной практики, включая уплату пошлин (11 алтын). Договор также свидетельствует о тесных хозяйственных связях между татарами двух сословий и о развитой практике письменного оформления даже относительно небольших сделок, что указывает на высокий уровень правовой культуры в регионе⁶³.

2 июня 1730 г. в Бирской крепостной конторе была составлена любопытная заемная кабала, фиксирующая денежную сделку между «башкирца-

⁶¹ Там же. Д. 5129. Л. 20 об., 84; Там же. Д. 4682. Л. 31 об.

⁶² Там же. Ф. И–10. Оп. 1. Д. 1257. Л. 79 об.–80.

⁶³ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 1331. Л. 1–1 об.

ми» Казанской дороги. Согласно документу, житель д. Азмеево Азий Уразев занял 10 руб. у Абдулгазия из Енейской волости, обязавшись вернуть деньги через две недели. В качестве поручителя выступил Амир Сурметов из д. Тлянчиево. Все участники сделки – и заемщик, и поручитель – подтвердили свои обязательства, поставив на документе свои тамги⁶⁴.

Примечательно, что фамилия Абдулгазия в документе не указана; возможно, речь идет о Кадырметове. Что касается упомянутых населенных пунктов, Азмеево относилась к Юрминской волости, а Тлянчиево (ныне Октябрь Муслумовского района РТ) – к Булярской волости. По имеющимся данным, потомки Азия и Амира в последующих поколениях не прослеживаются.

Этот документ демонстрирует характерные черты кредитных отношений того времени: относительно небольшую сумму займа, короткий срок возврата и обязательное участие поручителя, что свидетельствует о развитой системе гражданско-правовых отношений в регионе.

Итак, документы рисуют живую картину экономической жизни Уфимского уезда. Мы видим, что татарские общины активно участвовали в различных финансовых операциях – от найма работников до денежных займов, причем все эти сделки тщательно фиксировались в соответствии с существовавшими правовыми нормами.

Договорные документы 1730-х гг. представляют собой ценный источник для изучения земельных отношений и миграционных процессов среди вотчинников Енейской волости. Особый интерес вызывают материалы, связанные с основанием новых поселений на территории соседних волостей, которые проливают свет на практику припуска и механизмы землепользования в регионе.

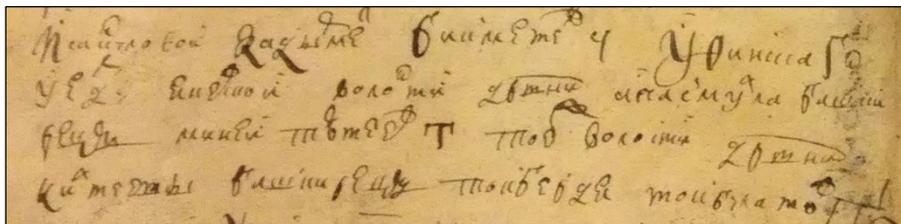
Наиболее показательным примером является история д. Апасево (ныне Апачево Актанышского района РТ). Как было установлено при анализе документа от 13 декабря 1719 г., поселение уже существовало в начале XVIII в. Согласно договору от 22 марта 1731 г., мулла Апас Тютеев из Енейской волости официально оформил свое поселение на землях Булярской волости, заключив соглашение с семьей вотчинника Агыбея Доскаева. Условия припуска предусматривали ежегодную выплату ясака (оброка) «по куннице», что подтверждает сохранение вотчинных прав коренного населения и интеграцию новых поселенцев в традиционную систему землепользования.

Примечательно, что в документах 1734 г. поселение фигурирует под двойным названием: официальным «Апасево» и обиходным «Апас-мулла», отражающим статус его основателя. Упоминание Минея Тютеева (с родовой тамгой в виде буквы «Т»)⁶⁵, вероятного брата основателя, указывает на се-

⁶⁴ Там же. Л. 20.

⁶⁵ Там же. Ф. 529. Оп. 1. Д. 1824. Л. 35 об. Там же упомянут его одновотчинник из деревни Келтево («Килтеево») Енейской волости – Токберды Токбулатов. Важно отметить, что тамга Минея отличается от тамги Апаса Тютеева, что оставляет отк-

мейный характер переселения. Ранее Миней Тютеев в документе от 7 марта 1707 г. был назван «башкирцем» д. Каинтуба, что демонстрирует мобильность населения внутри региона и сложность сословной идентичности, когда представители башкирского сословия могли выступать как в роли вотчинников, так и в роли припущенников на землях других волостей.

Фрагмент документа 1734 г., содержащий родовую тамгу Миней Тютеева из д. Апас-мулла (Ф. 529. Оп. 1. Д. 1824. Л. 35 об.)

Хотя документ от 22 марта 1731 г. не указывает конкретное место происхождения Апаса Тютеева из Енейской волости, последующие архивные материалы раскрывают его происхождение. Архивное дело 1840 г. освещает происхождение жителей д. Апачево. В нем говорится о просьбе «башкир» Мензелинского уезда, проживающих в д. Апачево на земле Булярской волости (среди которых упоминаются фамилии Гайнулбашировых, Габбясовых и Мавлюкеевых; всего 98 душ муж. пола), к «управляющему башкирским и мещерякским войском» о разрешении вернуться на их исконные (вотчинные) земли при д. Исенбаево Сарапульского уезда Вятской губернии⁶⁶.

Этот факт однозначно указывает, что жители д. Апачево по происхождению были связаны с д. Исенбаево или происходили из тех мест. Данное свидетельство является важным историческим доказательством миграционных процессов того времени и позволяет проследить связи между различными населенными пунктами. Это также подтверждает распространенную в те времена практику переселения и возвращения на родные земли, когда целые группы семей могли покидать свои исконные места обитания, а затем стремиться вернуться на историческую родину.

20 декабря 1732 г. вотчинник Енейской волости Султан Айманов («Асманов»), его товарищи, родственники и дети составили запись о припуске в свою ясачную (облагаемую налогом) вотчину под названием «Бугадинская» следующих «башкирцев»: Балтася Агышева с братьями, племянниками, родственниками и детьми (3 двора), Мусу Бекчурина с братьями, племянниками

рытым вопрос: поставил ли он свою собственную тамгу лично или же она была вписана составителем документа произвольно?

⁶⁶ НА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 4732. Л. 1.

и детьми (6 дворов), Муслюма Зияшева с братьями, племянниками, родственниками и детьми (2 двора), Аита Ишимова с братьями, детьми и племянниками (4 двора), а также Тохтагула Уразаева. В документе особо оговаривалось право поселенцев «поселитца им деревнею, где похотят»⁶⁷.

Поскольку в Енейской волости не было вотчинника с фамилией «Асманов», его точную фамилию помогли установить другие источники. В частности, в копии этого же договора от 20 декабря 1732 г. он назван Аймановым. Согласно документу, они разрешили поселение одноволощанам «в сапственную (собственную. – Т. К.) свою вотчину, которая вотчина словет Бугадинская»⁶⁸. Позднее эта копия оказалась у части жителей д. Минлярово (ныне Миннярово Актанышского района РТ) Булярской волости, которые использовали ее для обоснования своих претензий на «башкирское» происхождение, несмотря на то, что с 1762 г. в официальных документах они фиксировались как «тептяри». Эти притязания объяснялись тем, что статус башкир давал право на большой земельный надел по сравнению с «тептярями»⁶⁹.

По записи от 1 апреля 1733 г. вотчинник д. Бугады Енейской волости Тавкал Сапаров припустил татар д. Новое Зияшево Аита и Сулеймана Каинчиных, Зайта Кадырметева в *«вотчину свою в товарищество к себе дворовым селением поселитца и пахотные земли пахать, и сенные покосы косить, и всякой лес на дрова и на хороменное строение рубить, и в лесах борти делать, и бобров ловить, и хмель щипать, и по речке меленки (мельницы. – Т. К.) строить, и с рыбными ловлями... А положенной е. и. в. ясак, которой на мне, Тавке с товарищи, положен – 18 куниц, 8 батман с полу, платить в казну е. и. в. вопче по паям, кому что подлежит. А что с тех своих вотчин и озер будем брать с кого оброку какова, и тот оброк потому ж делить меж собою по паям»*⁷⁰. Данный документ следует рассматривать как один из ярких примеров равноправного, обоюдовыгодного и взаимоуважительного сотрудничества вотчинников и их припущенников. Припуск «в товарищество к себе» с заботой о взаимной пользе возможен только в том случае, если вотчинник не видит в припущеннике чуждого по ментальности человека.

Это один из фактов раннего упоминания д. Новое Зияшево, в которой «башкирцы» не были замечены, а в последующий период здесь будут зафиксированы только татары тептярского сословия. По близости дд. Бугады и Новое Зияшево и по другим наблюдениям можно заключить, что последняя также входила в состав Енейской волости. В ревизском списке 1762 г. этих двух и других деревень волости этих татар не обнаружено, что позволяет сделать вывод об их переходе в башкирское сословие.

⁶⁷ МИБ. Т. 3. С. 308.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 1059. Л. 9; НА РБ. Ф. И–172. Оп. 2. Д. 20. Л. 56.

⁶⁹ Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том. 1. Булярская волость. С. 68–70.

⁷⁰ МИБ. Т. 3. С. 309–310.

Таким образом, только в 1732–1733 гг. в Енейской волости наблюдаются два факта припуска во владения отдельных вотчинников. Особое значение имеет последний случай, который подтверждает культурно-ментальную однородность населения. Сформировавшиеся задолго до возникновения волости основы татарской ментальности сохранялись неизменными. Единство вотчинников и припущенников проявлялось не только в особенностях института припуска, но и в брачных связях между их семьями (что будет рассмотрено отдельно).

Важным выводом является также то, что земли Енейской волости представляли собой владения отдельных вотчинников из разных родов, самостоятельно решавших вопросы припуска. Этот факт опровергает безосновательные утверждения о существовании единого рода «Еней».

Припуск мог осуществляться отдельными вотчинниками и для ведения хозяйственной деятельности. Согласно записи от 9 апреля 1733 г., вотчинники Енейской волости д. Сляково (ныне Старое Сляково Агрызского района РТ) Айдел Калгулятов, Усекей Султанаев, Муслном Токаев, Мевлюкей Утеев, Имейкей Тюмяков и их товарищи припустили на 10 лет в свою вотчину для пользования бортными угодьями дворцовых крестьян д. Мостовая Сарапульской волости Казанского уезда Я.Д. Сухих и его товарищей. *«Припустили в [в]отчину свою Кыркаш и Каргов, в лес делать борти и приискивать дупленицы, и старые борти вычищать и покрывать»*, – так говорится в документе⁷¹.

В 1734 г. развернулась интересная история с подтверждением прав на рыболовные угодья вдоль реки Ик. Мансур Касимов, представитель байлярцев из д. Салагуш Байлярской волости, отстаивал исконные права своего рода на эти земли, включая озеро Игим и другие водоемы. В качестве доказательств он предъявил не только официальные крепостные документы, но и привлек показания уважаемых старожилы из окрестных поселений. Среди свидетелей оказались Тохтар и Чинай Слановы («мещеряки»; д. Адаево), Чир Салтанаев, Малай Кискенев (д. Бикбулово), Аблай Салтангулов (д. Тюзгина Бика), Азамат Ишкеев, Касим Уразаев (д. Чирю), Юсуп («чей сын не знаем»; д. Усы), Рыс Псяков (д. Атрякле), Юнус Еркин (д. Иркеняш), Дрюк Аманов (д. Маткауш) и представители других соседних деревень. Особый вес свидетельствам придавали тамги «башкирцев» Минея Тютеева из д. Апас-мулла (ранее мы его упомянули и привели тамгу) и Токбирди Токбулатова из д. Калтеево⁷².

Этот случай ярко иллюстрирует, как в XVIII в. переплетались разные системы подтверждения прав на землю: официальные документы соседствовали с устными свидетельствами авторитетных членов общины. Документ сохранил для нас имена многих жителей тех мест, чьи потомки, возможно, до сих пор живут в этих краях.

⁷¹ Там же. С. 310–311.

⁷² РГАДА. Ф. 529. Оп. 1. Д. 1824. Л. 24–24 об., 35–35 об.

В документе от 6 февраля 1736 г. сообщается о припуске вотчинниками д. Семиостровная (их имена: Полат Бектемиров, Акчюра Азикеев, Кузюм Тохтаров, Явуш Юрьев, Аднагул Тлеев, Бекчюра Седеев, Ишей Чирюков, Татлыбай Тюгулбаев, Досмет Биткинин, Килиш Седеев, Ишали Чюрюков) солдатского сына П.Г. Соломенцева для поселения на своих землях в Енейской волости. *«Припустили мы, Полат с товарищи, в [в]отчину свою, в Янеевскую волость поселитца лейб-гвардии Преображенского полку салдацкому сыну Петру Григорьеву сыну Соломенцеву дворами за Енеевским озером на горах, пахотную землю пахать и лес всякой расчищать, и земли расчищая распахивать, и також всякой лес на всякое хоромное строение и на дрова рубить, и сено на той стороне, где селитьба будет, по большую проезжую дорогу с Москового да до речки Новокреценки, також и за Енеевским, косить сколько понадобится, и всякая скотина при той деревне водить, а дельные наши деревья и борти со пчелами не рубить и пчел из бортей не выдирать. А как поселитца в той нашей вотчине дворами, и пахотную землю расчистят и распахуют, и нам, вотчинником Полату с товарищи, с той пахотной земли и селитьбы и с сенных покосов, ево, Петра, не гонять и природным ево наследником или людем и крестьяном никакого спору и помешательства не чинить... А оброку за тое нашу землю и сенные покосы в платеже нами, вотчинниками, Полатом с товарищи, в ясак в казну е. и. в. подмогать по 20-ти коп. на год»⁷³.*

Этот документ примечателен не столько фактом припуска православно-го поселенца (явление достаточно редкое), сколько его условиями. П.Г. Соломенцев получил разрешение основать поселение «дворами за Енеевским озером на горах» – на наименее освоенном и неудобном участке волости, требовавшем предварительной расчистки от леса. Если ранее было известно лишь о существовании д. Еней, то данный источник (как и некоторые другие) упоминает одноименное озеро. Это обстоятельство имеет важное значение для исследования происхождения топонима «Еней», поскольку указывает на существование соответствующего гидронима.

В то время как приток сторонних людей в Енейскую волость продолжался, часть енейцев предпочла переселиться на другие, менее освоенные и отдаленные территории Уфимского уезда, где также проживали люди с идентичным менталитетом. Эти переходы олицетворяют взаимное притяжение и родство татар-вотчинников, живших на Казанской дороге и за ее пределами и именуемых в источниках «башкирцами». В качестве обоснования этой мысли можно рассматривать переход енейцев в 1738 г. в разные деревни Кыр-Калнинской волости.

⁷³ МИБ. Т. 3. С. 344–345.

По договору от 8 февраля 1738 г. «башкирцы»-енейцы Аит Каиршиев⁷⁴, ШигаЙ Ишимов (из д. Зияшево), Муса Кутлумбетев (д. Алимово) перешли в Кыр-Калнинскую волость для поселения на правах общего владения. Припуск осуществляли вотчинники Бойдан Боиртов, Аликай Тохтаров, Спир Азанов, Мурзакай Сеитов, Якуп Аитов, Буздяк Ишимбетев, их дети, братья и племянники из д. Торужино. Далее предоставим слово документу:

«Припустили мы, Байдан с товарищи, их, Аита с товарищи, на вотчинную свою землю для поселения дворами ко всякому употреблению, чем и мы употребляемся. А имянно, та наша вотчинная земля на Казанской дороге, Кыр-Калнинской волости по межам, а имянно: верхняя межа промеж речек Кармасану и Чермасану до вершины тех речек, а с вершины тех речек на усть речки Уван Сакат, а с того устья на гриву Кутлюк-сырт, а с той гривы прямо на гору Магиши, а с той горы на ореховой куст, а с того куста на Тогыз Кызыл-тамак исток, а с того истока на устья Базылкая, а с того устья промеж дву лесов до устья речки Тюбякузю, а с того устья на Туборинское устья, а с того устья на Булгазинскую изголовь, а с той изголови и с той речки на гриву Сырт Буляк, а с тое гривы на гору Суэруши, а с тое горы на Кармасан. И в той вотчине им, Аиту с товарищи, и детям их и родственником пашии пахать, и сено косить, и всякого зверя и птицу ловить, хмель щипать, и бобров побивать, и на хоромное строение в той нашей вотчине бревна рубить, и дубья снимать, сколько понадобится, и вновь борти делать. И что оной Аит с товарищи вновь бортей сделают, и теми бортьми, також что напред мы, Бойдан с товарищи, бортей сделали и что впредь станем делать, и теми бортьми нам, Бойдану с товарищи, с ними, Аитом с товарищи, владеть и мед выдирать вобче и делить меж собою по поям. А которой вотчины мы, Байдан с товарищи, напредь сего в козну е. и. в. ясаку по 20-ти по 5-ти куниц на год платили, и тот ясак впредь платить им, Аиту с товарищи, с нами, Байданом с товарищи, вобче»⁷⁵.

Спустя более ста лет на этот документ от 8 февраля 1738 г., утвержденный в Уфимской провинциальной канцелярии, ссылались «башкиры-припущенники» дд. Богады (ныне Старые Богады Буздякского района РБ) и Шланлыкулево (ныне Буздякского района РБ) Канлинской поземельной волости. Потомков енейцев там было 292 души муж. пола и 72 души муж. пола соответственно по переписи 1859 г.⁷⁶

⁷⁴ Возможно, его сын Махмут Аитов (1745–1812) записан в ревизской сказке 1816 г. по д. Бугады Белебеевского уезда под № 27. Всего в ней проживало 317 душ муж. пола и 301 душа жен. пола, отмеченные как принадлежащие Енейской волости (НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 151. Л. 54 об.–59).

⁷⁵ МИБ. Т. 3. С. 378–379.

⁷⁶ НА РБ. Ф. И–10. Оп. 2. Д. 1257. Л. 10, 76 об.

«Деревня Шланлыкулево в 1795 г. состояла из 12 башкирских (78 чел.), 14 тептярских (103 чел.) и 4 мурзинских дворов (47 чел.). Тептяри получили разрешение на жительство на основании вышеупомянутого договора от 8 февраля 1738 г. Тептярями стали башкиры Енейской волости Мензелинского уезда», – пишут со ссылкой на дело 1257 (Л. 10) авторы одной книги⁷⁷. Однако, по данным этого архивного источника, они по-прежнему показаны как «башкиры»; их сословие не могло измениться, как и во всех подобных случаях. Ненаучные рассуждения об изменении сословия с башкирского на тептярское вызваны желанием видеть в составе последних «башкирцев» и на этом основании говорить о «башкирстве» части «тептярей», хотя само название башкирского сословия не подразумевает этническую принадлежность.

Деревня Алимово, откуда енейцы переселились в Калнинскую волость по договору от 8 февраля 1738 г., относится к Киргизской поземельной волости. Это наводит на мысль, что Муса Кутлумбетев провел там некоторое время в качестве припущенника, прежде чем отправиться на поиски более благоприятных земель. Что касается д. Зияшево, скорее всего, имеется в виду Новое Зияшево Енейской волости. Уроженец этой деревни, Шигай Ишимов, дал начало названию д. Старый Шигай (ныне Буздякского района РБ).

Переселение енейцев в Кыр-Калнинскую волость имело место и в последующий период. Вотчинники этой волости Миней и Сюлюк Салтыковы, Ишим Киязев, Утеген Биметев (из д. Сабаево), Сарбай Атиев, Мурзагул Муллагулов, Янгуват Ишелин, Иман Сандыков (д. Карагай Астык) и их родственники по договору от 24 июля 1738 г. припустили татар башкирского сословия д. Касаево Енейской волости Бикмета Баймесева, Темира Сарбашева, Сеита и Масегута Чюрашевых, Муслюма Дусатова, Сюлюка и Нияза Беккениных, Ишимбая и Кусюма Якуповых, Илку Сюлюкова, Мустая Килеева, Сюлеймана Чурашева и их товарищей и родственников на свою вотчину для поселения в составе 12 дворов на правах общего владения. *«И тою вотчинною землею и с санными покосы и з бортными ухажьсы, дельными и не дельными, со пчелами и без пчел деревьы, и с рыбными ловлями, с реки и с озеры, в том числе озером Кандрою, и звериными и бобровыми гоны и всякими угоды и с черными лесами и степми владеть им, Бекметю и Темиру с товарищи, с нами, Минеем и Сюлюком и Сарбаем с товарищи, вопче вечно; и в лесах борти делать, и мед драть, и всякого зверя и птицу ловить, и хмель щипать, и в реках и в озерах всякими снастьми рыбу ловить, и припущеников на тою землю из оброку припускать, и оброк с тех припущеников брать вопче и делить по равенству, також рыбные ловли, которые имеютца в речках и в озерах, и те рыбные ловли отдавать русским людям и иновер[ца]м из оброку вопче ж. А с тою вотчины в казну е. и. в. ясак, что надлежит, платить нам, Минеем и Сюлюку и Сарбаю с товарищи, с ними, Бекметом и Темиром с то-*

⁷⁷ История башкирских родов. Канглы. Том 5. С. 101.

варыщи ж, вопче, кроме Карагуского лесу, но токмо с того Карагуского лесу в казну е, и. в. ясак по шти куниц да по полубатману меду на год платить нам, Сарбаю, Мурзагулу, Янгувату и Имаю, с ними, Бекметом и Темиром с товарищи, кроме нас, Миня и Сюлюка с товарищи»⁷⁸.

Как мы видим, из д. Касаево (ныне Агрызского района РТ) Енейской волости в Кыр-Канлинскую волость на правах общего землевладения с «башкирцами» переселилась большая группа жителей. Неизвестно, почему источник называет новоселов «башкирцами», хотя по переписным документам первой половины – середины XVIII в. они известны как ясачные татары. На новой земле их деревня называлась Нугуш, что на рч. Нугуш, где они (12 душ муж. пола татар; семьи Масыгута Чюреева, Муслюма Дюсеева, Сюлюка и Нияза Беккиных, Ишимбая Якупова) впервые были зафиксированы в переписной книге 1747 г. как переселенцы из д. Старый Тогуз [Косой⁷⁹] тож⁸⁰. В 1762 г. здесь проживало 26 душ муж. пола ясачных татар. Это были Масыгут Чуреев (78 лет), его сыновья Гайсар (19), Мунасып (9), Абдул (5), Рафик (12; сын Куручай), Байряш (19; сын Муслюма), Ижбулда (20; сын Ишалия) и его сыновья Мадияр (5) и Кильдияр (3), Камай Сюлюков (14), Нияз Биккенин (73) и его сыновья Надыр (35), Кадырмет (31), Надырмет (27), Мансур (25), Бакый (23), сыновья Надыра Абдал (14), Рафик (7), Мунасып (2) Надыровы, Габдрашит Надырметов (9), Хамит Мансуров (5), Абит Бакиев (2), Фейзулла (13; сын Ишимбая Якупова), Мукмин (14), Ишмухаммет (5) и Бикмухаммет (3; все трое сыновья Муксима). Они и их дети в 1795 г. по указу казенной палаты были «**выключены в башкирской род**» (выделено нами. – Т. К.)⁸¹. Вот так договор от 24 июля 1738 г. позволил ясачным татарам, ставшим после 1762 г. «тептярями», стать «башкирцами».

В связи с тем, что в припуске участвовали вотчинники д. Сабаево, группа авторов делает поспешный вывод о переселении касаевцев именно в эту деревню («отселились на вотчинные земли башкир кыр-канглинцев в д. Сабай (ныне Буздякский район РБ)»⁸²). Однако этот вывод не учитывает, что те же сабаевцы (Сюлюк Сюлтюков, Ишим Князев, Умир Якупов, Юнус Булатов) участвовали и в припуске другой группы енейцев по договору от 14 мар-

⁷⁸ МИБ. Т. 3. С. 394–395.

⁷⁹ Ранее по 1-й ревизии деревня упоминалась как Старой Тогуз Косой тож, что на речке Кады (Татары Уфимского уезда. С. 33).

⁸⁰ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3793. Л. 3 об.–4.

⁸¹ Каримов Т.Т. Сословная структура деревень Нугушево и Туктагулово Канлинской поземельной волости Белебеевского уезда Уфимской губернии // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 3–2. С. 7–8.

⁸² История башкирских родов. Еней. Том 1. С. 39.

та 1740 г.⁸³ Данное обстоятельство свидетельствует о недостаточно полном изучении источниковой базы по данной проблеме.

Аналогичные неточности встречаются и в интерпретации сведений о д. Нугшево. Утверждение о том, что «Деревня Нугуш («Туктагулово тож») являлась выселком из д. Туктагулово. В 1795 г. она состояла из 12 домов, где жили 54 мужчины и 48 женщин»⁸⁴, противоречит документальным свидетельствам. Материалы переписи 1762 г. однозначно свидетельствуют, что основателями деревни были ясачные татары д. Касаево, а не переселенцы из Туктагулово.

Вернёмся к договору от 24 июля 1738 г. Согласно другому источнику, «башкирцы» д. Касаево заключили отдельное соглашение от 14 июля 1738 г. с вотчинниками д. Ермухаметово «о припуске на землю для поселения по речке Кармасану и другим урочищам»⁸⁵. Как упоминалось ранее, р. Кармасан фигурировала в договоре от 8 февраля 1738 г., что подтверждает систематическое освоение этих территорий. Хотя текст договора от 14 июля 1738 г. не сохранился, причастность выходцев из д. Касаево к ранней истории д. Ермухаметово (ныне Туймазинского района РБ) не вызывает сомнений. Однако в другом источнике, содержащем существенные неточности, упоминаются в д. Ермухаметово только выходцы из Айлинской волости (396 душ в 1859 г.)⁸⁶. Возможно, переселенцы из д. Касаево первоначально действительно оказались в этой волости, но позднее переселились в д. Ермухаметово.

Переходим к рассмотрению других документов. Особого внимания заслуживает договор от 1 мая 1738 г., по которому вотчинники Енейской волости (Даут Сюрметев, Умир Темиров, Сапар Абдулов из д. Картово; Батыр Баисланов из Аптыяново; Апак Зиянов, Ураз Апанаев из д. Телдево) передали в аренду на 10 лет свои угодья дворцовому крестьянину М.П. Колчину и ясачному крестьянину Семену Кирьянову. Документ детально определял границы арендуемой территории, разрешенные виды хозяйственной деятельности, условия аренды и размер оброка (2 руб. в год с 5 руб. задатка)⁸⁷.

Этот договор позволяет сделать важные выводы. Вотчинники дд. Картово, Аптыяново («Аптыяново») и Телдеево («Телдево») образовывали отдельный аймак в пределах Енейской волости и самостоятельно распоряжались своими землями. Упоминание Батыра Баисланова в документе 1761 г. как вотчинника д. Шабиз Канбарского аймака⁸⁸ дает основания предполагать принадлежность этих поселений к данному поземельному образованию. Примечательно, что эти деревни ранее не упоминались в опубликованных источниках.

⁸³ История башкирских родов. Канглы. Том 5. С. 169.

⁸⁴ Там же. С. 96.

⁸⁵ НА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 4678. Л. 17 об.

⁸⁶ Там же. Ф. И–10. Оп. 1. Д. 1257. Л. 9 об.

⁸⁷ МИБ. Т. 3. С. 383–384.

⁸⁸ Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 204.

Итак, главным событием рассматриваемого периода стало массовое переселение енейцев в другие волости Уфимского уезда. Основной причиной миграции, очевидно, стало перенаселение Енейской волости и ухудшение условий землепользования. При этом часть вотчинников предпочитала сдавать земли в аренду или припускать переселенцев на выгодных условиях, что демонстрирует гибкость системы земельных отношений и рациональный подход к управлению ресурсами.

В документе от 23 июля 1734 г. зафиксировано соглашение между вотчинниками Айлинской волости Сибирской дороги и их родственниками из Енейской волости Казанской дороги. Представители айлинцев – Чюраш Келдышев, Абубакир Кулачев, Аликей Сарычев и Байзигит Ишибаев с родственниками – подтвердили права енейцев на совместное владение родовой вотчиной на основании общего происхождения от предка Епара Абдалова.

В тексте соглашения подробно изложена история расселения рода. После смерти Япара («Епара») Абдалова его потомки – дети Елат, Шигасан и Дериш – переселились в Енейскую волость, где прожили до своей смерти. Теперь их наследники – Ибрай Бигашев, Араслан Иликов и другие – вернулись на старые земли, восстановив права на владение. Документ особо подчеркивает: *«таки по прежнему припустили к житью в показанную Айлинскую волость ко всякому владению и к поселению дворами, и во всякие свои угодьи»*.

Соглашение устанавливает принципы совместного землепользования: равные права на хозяйственное освоение территории, распределение доходов от аренды, солидарную уплату ясака и взаимную поддержку в судебных делах. Особую ценность документу придают приложенные тамги участников: Чюраша Келдышева, Абубакира Кулачева и Аликея Сарычева⁸⁹, что подтверждает подлинность и юридическую силу соглашения.

Таким образом, этот договор представляет значительный исторический интерес, демонстрируя механизмы регулирования земельных отношений в XVIII в. Он отражает важную роль родственных связей в определении имущественных прав, показывает гибкость системы землепользования и процедуру оформления совместного владения.

Документ наглядно демонстрирует, как представители Енейской волости, будучи потомками выходцев из Айлинской волости (через общего предка Япара Абдалова), реализовали свое право на возвращение и равноправное владение родовыми землями. Этот процесс отражает характерную для XVIII в. мобильность татарского населения между различными волостями при сохранении родовых связей и имущественных прав.

Примечательно, что соглашение не только подтверждает исторические права енейцев на землю в Айлинской волости, но и устанавливает механизм их полноценной интеграции в хозяйственную и социальную жизнь волости.

⁸⁹ Там же. Т. 3. С. 325–326.

Факт такого переселения и последующего равноправного владения свидетельствует о глубоких исторических связях между этими волостями и их населением.

Данный документ является ценным источником для изучения процессов формирования населения Айлинской волости Сибирской дороги и механизмов расселения татарского населения в регионе, демонстрируя значимость родственных связей в системе поземельных отношений XVIII в.

Далее потомки Япара Абдалова упоминаются в других источниках. Один из них, Шигасан, известный в документах XIX в. как Шигостан Япаров, станет владельцем царской грамоты, данной ему как «башкирцу» д. Тугуз.

По договору от 9 сентября 1738 г. группа енейцев во главе со старшиной Ирмяшем Урмашевым, сотником Масыгутом Абызаевым и Иштыком Иткининым получила право поселения тридцатью дворами на вотчинных землях Булярской волости, расположенных по рекам Сюнь и Сикия. Соглашение было заключено с местными вотчинниками: Мрясом Салтанаевым (из д. Байсарово), Кадыргулом Касимовым и Муртазой Сююшевым (д. Иликово; ныне Староиликово Бакалинского района РБ).

Документ детально регламентировал условия землепользования: припущенникам предоставлялось право распашки земель, заготовки сена, рыбной ловли в указанных водоемах и строительства мельницы на р. Сикия. При этом сохранялись ограничения на охотничий промысел и бортничество, которые оставались исключительной прерогативой коренных вотчинников⁹⁰. Этот договор демонстрирует сложившуюся в регионе систему земельных отношений, где традиционные вотчинные права сочетались с практикой припуска, а освоение новых территорий регулировалось письменными соглашениями между общинами. Ценность документу придают конкретные географические ориентиры и детальная регламентация различных видов природопользования, что позволяет изучать механизмы взаимодействия между татарскими волостями в XVIII в.

Особый интерес представляет личность старшины Ирмяша Урмашева – влиятельного вотчинника из д. Тогуз, представителя рода Кара-бека, чей сын Пулат Ирмяшев впоследствии также упоминается в документах. Этот договор позволил значительной группе енейцев обосноваться в д. Байсарово Булярской волости, что демонстрирует механизмы межволостных миграций и земельных отношений в регионе.

Данный документ обретает особую ценность благодаря уникальным географическим ориентирам и исчерпывающей регламентации различных видов хозяйственной деятельности. Это важнейший источник для изучения взаимодействия татарских волостей в XVIII в., наглядно демонстрирующий, каким образом письменные соглашения регулировали освоение новых территорий и

⁹⁰ Там же. С. 396–397.

распределение природных богатств между общинными объединениями. Более глубокий анализ данного договора и сопутствующих ему проблем доступен в первом томе нашей публикации.

20 декабря 1739 г. была составлена кабала, фиксирующая финансовые отношения между представителями двух народов Уфимского уезда. Согласно документу, «башкирец» д. Аккул Гарейской волости Ахмер Салимов занял 20 руб. у ясачного татарина Аптикаея Крусева из д. Бекбовово (ныне Бикбулово) и черемисина Музяка Токбулатова из д. Буры. Долг должен был быть возвращен к 1 февраля 1740 г., а поручителями выступили неотделенные дети Ахмера – сын Амин и дочь Хабида. Особую ценность документу придают личные тамги заимщиков и подпись переводчика Алексея Груздева⁹¹. Этот акт наглядно иллюстрирует практику межэтнических кредитных отношений и институт поручительства в первой половине XVIII в.

Аптикаей Крусев, сын ранее упомянутого в документах Круса Темирбулатова, предстает в этом соглашении как зажиточный представитель своей общины, способный выступать кредитором. Данный факт подчеркивает социальное расслоение среди ясачного населения и активное участие татар в финансовых операциях региона.

По записи, совершенной в Уфимской провинциальной канцелярии 24 марта 1740 г., «башкирцы» д. Утяганово – старшина Айдар Уразметов, Уразмет и Алиулла Сармановы, Балта Сарбаев, Муксим и Мустай Сулеевы, Кусекей Султанаев, Кусям⁹² Юсупов, Субханкул Тойсин – вместе с «башкирцами» дд. Сосновой, Девтерей (именно так в источнике) и Кусюково поселились четырьмя дворами в Канлинской волости по припуску вотчинников дд. Сабаево и Кубяк (ныне Буздякского района РБ).

Переселенцы разделились: одни осели в д. Шигаево⁹³ (ныне Старый Шигаево Буздякского района РБ), другие переехали в д. Балтаево (ныне Туймазинского района РБ). В 1872 г. житель д. Шигаево Тохватулла Айдаров выразил недовольство решением земельного вопроса, обратившись к белебеевским

⁹¹ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 1337. Л. 7 об.

⁹² В списке участников Польского похода 1771–1773 гг. его имя зафиксировано как Кучюм, что следует считать правильной формой именованья.

⁹³ Шигаево продолжала пополняться енейцами башкирского сословия и в начале XIX в. Так, в 1816 г. здесь поселились семьи муэдзина Габдулмена и Габдулмазита Габдулзялилова, Бикбова, братьев Ракаевых (Ибрагим и Габдрахим), братьев Шарыповых (Габдулсалам и Габдулхалик), Гадельши Айдарова, Габдулмазита Ишалина и Габдулвахита Киликеева, образовав десять новых дворов (НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 151. Л. 197 об.). По другим данным, большинство этих семей прибыли из д. Мастеево (Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том. 1. Булярская волость. С. 172). Что касается Габдулвахита Киликеева, то он, вероятно, был родом из д. Байсарово, так как именно там зафиксировано крайне редкое имя «Киликей».

уездным властям и приложив копию древнего документа⁹⁴. Позже, в 1881 г., он повторно поднял этот вопрос перед членом Государственного Совета и сенатором Михаилом Евграфовичем Ковалевским, курирующим Уфимскую губернию⁹⁵. Жители д. Балтаево, включая Сеитбаттала Сайфулмулюкова, оспаривали размер выделенного участка земли, полагая, что он должен составлять 30 десятин на человека, а не 15, и также представили копию старого соглашения. Сохранившийся текст договора от 24 марта 1740 г. дошел до нас в виде копии с копии, содержание которого приводится ниже.

«Лета 1740 года, марта 24 дня, Уфимского уезда Казанской дороги Канлинской волости башкиры, а именно деревни Сабаевой Сюлюк Сюлтюков, Ишим Князев, Умир Якупов, Юнус Булатов, деревни Кубяковой Айдын Атиев с товарищи, с детьми, с братьями и племянники и с родственники, будучи в Уфе, дали сию запись от крепостных дел тоежь Казанской дороги Енейской волости башкирцам, а именно: деревни Утягановой старшине Айдару Уразметеву, Уразметю да Муллагибе Сармановым, Бирте Сарбаеву, Муксиму да Мустаю Сулеевым, Кусекею Султанаеву, Кусяму Юсупову, Сунханкулу Тойсину, деревни Сосновой Ииметю Мустакову, Шахмею Смаилову, дер. Деветерей Шегасиму Аитикову, Биккене Тойшеву, Кушиму Тойметеву, деревни Кусюковой Арслану, Темиру, Авесу Аликаевым, Тоирану Кильметеву, Абдулле Уразову, Муслюму, Заиту, Зайну Юсуповым и да кроме их Айдара с товарищи башкирам для поселения четырьмя дворами в том, припустили мы Сюлюк и Ишим с товарищи их старшину Айдара с товарищи, с детьми, с братьями и племянники и с родственники их на вотчинную свою землю для поселения дворами ... А с той вотчины из показанных 4-х лесов в казну Ея Императорского Величества ясаку платить им Айдару с товарищи с нами Сюлюком с товарищи во обще с вышеписанного числа по 11 куниц на год»⁹⁶.

Так как документ *«не имеет значения крепостного документа, которым утверждаются права собственности на земли, Губернское Присутствие определяет жителей дер. Шигаевой наделить землею при их месте жительства, из башкирской вотчинной Канлинской дачи, как с башкирских припущенников, по правилам 10 февр. 1869 г. о размежевании башкирских земель, и просьбу доверенного Айдарова оставить без последствий»⁹⁷.*

В исторической литературе бытует ошибочное утверждение о происхождении д. Чапаево Белебеевского уезда. Согласно этой версии, Чапаево пред-

⁹⁴ НА РБ. Ф. И–10. Оп. 2. Д. 1278. Л. 21, 22–23.; Д. 1257. Л. 11. Этот же договор со ссылкой на другой источник (ЦИА РБ. Ф. И–10. Оп. 1. Д. 1684. Л. 95–96) опубликован в литературе (История башкирских родов. Канглы. Том 5. С. 169).

⁹⁵ НА РБ. Ф. И–10. Оп. 2. Д. 1684. Л. 112–112 об.

⁹⁶ Там же. Д. 1278. Л. 23–23 об.; История башкирских родов. Канглы. Том 5. С. 103; Данный документ от 24 марта 1740 г. также упоминается в другом источнике (НА РБ. Ф. И–2. Оп. 2. Д. 4678. Л. 18).

⁹⁷ НА РБ. Ф. И–10. Оп. 2. Д. 1278. Л. 26а.

ставляет собой поселение «башкир-припущенников» на землях Балгазинской тюбы Канлинской волости. Утверждается, что в 1740 г. владельцы вотчины приняли на свои земли «башкир» из д. Утяганово Енейской волости Сарапульского уезда Вятской губернии. По данным X ревизии 1859 г., численность населения составляла 160 человек⁹⁸.

Данная концепция была введена в научный оборот Асфандияровым на основании архивного источника (НА РБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1257. Л. 11). Однако критическое изучение документа выявляет системные ошибки интерпретации. Во-первых, в источнике речь идет о д. Шагаево (орфографический вариант названия Шигаево), которая была ошибочно прочитана как Шапаево и некорректно отождествлена с Чапаево.

Согласно документальным данным, в Шигаево Балгазинской тюбы в 1859 г. проживало 89 душ муж. пола, из которых 81 являлись потомками выходцев из Енейской волости, а 8 – переселенцами из Турсагалинской тюбы Дуванейской волости. При этом сведения о Чапаево зафиксированы в том же деле на отдельном листе, где сказано о 200 душах муж. пола – переселенцах из Каратабынской волости Троицкого уезда по договору 1741 г.⁹⁹

Дополнительным источником терминологической путаницы стало ошибочное обозначение д. Шигаево как «Иванаево» в архивном деле, при том что населенный пункт с таким названием в составе Канлинской волости исторически отсутствовал – д. Иванаево находилась в соседней Ельдякской волости. О том, что в документе фактически описывается именно Шигаево, однозначно свидетельствуют два ключевых параметра: указанная численность населения (81 душа муж. пола в 1859 г.) и точная отсылка к переселению 1740 г. из д. Утяганово Сарапульского уезда¹⁰⁰.

Именно на основании этой ошибочной записи, механически перенесенной в последующие документы с небольшим изменением (80 душ муж. пола вместо 81), Асфандияров сделал вывод о переселении енейцев-вотчинников в 1740 г. в «деревню Иванаево» (с современной привязкой к Дюртюлинскому району РБ) с изменением их статуса на припущенников¹⁰¹. Примечательно, что данная деревня уже была ранее изучена исследователем¹⁰², и никаких свидетельств подобного переселения обнаружено не было – более того, такие сведения противоречили бы известным историческим реалиям. Таким образом, ошибка, изначально содержащаяся в архивном источнике (вероятно, обусловленная опиской или неверной атрибуцией писца), была некритически воспринята исследователем. Это привело к формированию ошибочной исто-

⁹⁸ Асфандияров А.З. История сел и деревень... С. 472.

⁹⁹ НА РБ. Ф. И–10. Оп. 2. Д. 1257. Л. 10–11.

¹⁰⁰ Там же. Л. 76 об.

¹⁰¹ Асфандияров А.З. Аулы... С. 43.

¹⁰² Асфандияров А.З. История сел и деревень... С. 414.

рической реконструкции, усугубленной недостаточным учетом административно-территориального деления и особенностей поземельного устройства волостей в рассматриваемый период.

Данные примеры наглядно демонстрируют важность критического анализа источников и учета историко-географического контекста при изучении процессов расселения и землепользования. Необходимость перекрестной проверки данных из различных документов и внимательное отношение к административно-территориальным изменениям позволяют избежать подобных ошибок в исторических реконструкциях.

Переходим к другим документам. 27 февраля 1741 г. был составлен другой важный документ, фиксирующий переселение группы енейцев в д. Минлярово (ныне Миннярово) Булярской волости. Среди переселенцев были Утеган Агышев¹⁰³, Якуп Балтачев, Тойче Балтачев и Абдряк Балтачев (из д. Урьяды), а также Айтуган Ишбулатов, Айтуган Сабанаев и Беккул Байтуганов (д. Адаево). Их припустили местные вотчинники во главе с Мясагутом Тятимовым. Особенностью этого договора стало его заключение на татарском языке и подтверждение представителями разных деревень, включая Мурзагула Аднагулова (д. Терпеле), Усмана Бекчурина (д. Новое Зияшево; в источнике «Дияшево») и Ксюка Биккинина (д. Улуимен). Документ получил официальное утверждение генерал-лейтенанта Л.Я. Соймонова. Припуск объяснялся необходимостью помощи в гоньбе, так как через эту местность проходила важная проезжая дорога. В документе также говорится об уплате арендной платы за охоту на землях булярцев¹⁰⁴, а значит, соглашение не предусматривает равных прав с вотчинниками.

Русский текст договора ошибочно именует припущенников «башкирцами», хотя материалы переписи, в частности ревизская сказка 1762 г.¹⁰⁵, четко определяют их как «тептярей». Ранее аналогичный случай отмечался в документе от 20 декабря 1732 г., также относящемся к д. Минлярово. На наш взгляд, причиной расхождения является терминологическая ошибка при переводе на русский язык, поэтому для точного установления истины желательно обратиться к оригинальному документу на татарском языке, который, к сожалению, отсутствует в архивном деле.

По записи от 1 января 1745 г. вотчинники Сапер Абдулин (из д. Суксы), Кинзя Уразаев (д. Телдеево) передали дворцовым крестьянам Лаврентию Галанову и Ивану Меринкову из д. Марино Сарапульской волости Казанского уезда свои угодья по реке Каме в оброчное владение на 20 лет. Согласно условиям договора, ежегодный оброк составлял 40 коп. Вотчина располагалась

¹⁰³ Его отец ранее упоминался в документе от 25 августа 1706 г. как житель д. Урьяды.

¹⁰⁴ Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том 1. Булярская волость. С. 68–70; НА РБ. Ф. И–172. Оп. 1. Д. 20. Л. 57–57 об.

¹⁰⁵ Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том 1. Булярская волость. С. 70.

на луговой стороне Камы, границы которой подробно описаны в документе: «снизу окончав деревни Саклова¹⁰⁶ луг – сенные покосы и по нижнику Березовского острову дубровы, от Камы реки прямо в гору до бору, и вверх подле того бору до устья речки Асав, а по-русски Полуденки, и до речки Березовки, а вниз по речке Березовке по левую сторону, також и до Камы реки». Арендаторам разрешалось содержать старые и создавать новые борти совместно с «башкирцами». Договор предусматривал возможность продления аренды при добросовестном выполнении обязательств¹⁰⁷.

Енейцы продолжали активно заключать договоры с дворцовыми крестьянами Казанского уезда. 2 апреля 1745 г. был подписан очередной договор с караулинскими крестьянами о передаче в 15-летнее оброчное владение рыбных ловель в вотчинном озере Маляши. Участниками сделки выступили вотчинники Иманай Асанов, Кузмет Кинзекеев, Сюлейман Сюлюков, Чюраш Карабаев (из д. Буаскул) и Сабанай Апанаев (д. Иткино)¹⁰⁸. Любопытно, что д. Буаскул ранее не упоминалась в известных источниках, а д. Иткино в документе 1713 г. фигурировала как Иткинино¹⁰⁹. Топоним Иткино встречается также в Уранской поземельной волости Осинской дороги и сохраняется до настоящего времени как Иткинеево (ныне Янаульского района РБ).

Документы 1740-х гг. содержат и другие ценные сведения. В частности, в 1742 г. впервые упоминается старшина Енейской волости Ермухаммет Ибраев, причем в контексте серьезных обвинений. «Башкирец» д. Салтангулово (ныне Султангулово) Байлярской волости Салтангул Сырметев вместе с товарищами обвинял его в целой серии незаконных действий: самовольном оставлении Казанского уезда, незаконном сборе с «башкирцев» имущества (включая лошадей, 40 овец, защитные доспехи – пансыри, и женские головные уборы – кашмау), нападении на «башкирцев» и самозванном присвоении звания воеводы¹¹⁰.

Примечательно, что сын Ермухаммета – Гали – впоследствии также занимал должность старшины, что свидетельствует о сохранении влияния этого рода в Енейской волости. Данный эпизод проливает свет на внутриволостные конфликты и механизмы реализации власти в середине XVIII в.

6 июля 1745 г. был заключен важный договор о землепользовании. Вотчинники во главе с сотником Кадырметом Дюсметовым (из д. Калмаш; ныне Калмашево Актанышского района РТ), Абдуллою Иштеряковым и Шарыпом Кутлуметовым (д. Суксы) передали дворцовым крестьянам д. Касево

¹⁰⁶ Ныне с. Саклово Краснокамского района РБ.

¹⁰⁷ МИБ. Т. 3. С. 422–423.

¹⁰⁸ Там же. С. 424–425.

¹⁰⁹ Каримов Т.Т. Енейская поземельная волость Уфимского уезда в первой четверти XVIII в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 2. С. 28.

¹¹⁰ Асфандияров А.З. Аулы... С. 398.

И.И. Ершову и С.Ф. Якышеву в 16-летнее оброчное владение угодья на Каме. Границы участка подробно описаны в документе, включая ориентиры от борта Огашина до Мысовских полей и Демидова отвода¹¹¹.

5 ноября 1745 г. был оформлен еще один характерный договор. «Башкирцы» Сапер Абдуллин (из д. Суксы), Суюндук Телдеев и Ераткул Тойчин (д. Телдеево) передали дворцовым крестьянам П.Ф. Стерлядеву и А.Ж. Замираеву из д. Марьино рыбные ловли в озере Сакловкуль сроком на 1 год. Сумма оброка составила 12 руб. 50 коп. при задатке в 8 руб. Крестьяне получали исключительные права на рыбный промысел в озере¹¹².

8 ноября 1745 г. был заключен значимый договор между вотчинниками д. Аккузево и дворцовым крестьянином д. Мазунино. Согласно документу, вотчинники Ишей Аднагулов, Кинзя Азаматов и Сюркей Кадырметев с товарищами передали В.С. Сомову в пользование бортные угодья по реке Каме сроком на 10 лет. Условия договора предусматривали ежегодную выплату владельцам 1 руб. 40 коп. Особую ценность документу придает детальное описание границ передаваемого участка, включавшего территории вдоль речек Момылевки, Северной и Талой, с указанием всех значимых природных ориентиров¹¹³.

Примечательно, что Ишей (Ишинбай) Аднагулов и Кинзя Азаматов уже упоминались в первом томе нашего исследования как припущенники булярцев в д. Аккузево (ныне Илишевского района) по договору 1712 г.¹¹⁴ Этот факт свидетельствует, что, несмотря на переселение в соседнюю волость, они продолжали сохранять и реализовывать свои вотчинные права в Енейской волости. Данная практика демонстрирует сложную систему земельных отношений, при которой переселенцы могли одновременно пользоваться правами как в новой, так и в прежней волости.

Анализ договорных записей 1745–1746 гг. позволяет проследить устойчивые хозяйственные связи между вотчинниками Енейской волости и дворцовыми крестьянами Казанского уезда. Особенно показателен договор от 22 января 1746 г., по которому вотчинники д. Шабыз Асан Усеинов, Исенбай Лавданов и Кутлумет Сурметов вместе с другими вотчинниками передали крестьянам с. Кулюшево обширные угодья за рекой Камой. Границы вотчины были детально описаны в документе – от устья речки Каракулинки до ее вершины, затем по речкам Шумшор и Оска до Бимских вершин, и далее по речке Моховой до впадения в реку Кобылья.

¹¹¹ МИБ. Т. 3. С. 429–430.

¹¹² Там же. С. 432.

¹¹³ Там же. С. 433–434.

¹¹⁴ Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том. 1. Булярская волость. С. 44.

Соглашение предусматривало 20-летнюю аренду с возможностью про-дления еще на 20 лет при условии добросовестного содержания угодий и уп-латы ежегодного оброка в размере 70 коп. Крестьяне получали право исполь-зовать старые борти, создавать новые и собирать мед с пчелами, оставшими-ся от предыдущих владельцев. Примечательно, что в документе особо под-черкивалась преемственность таких сделок – отмечалось, что подобные со-глашения заключались предшествующими поколениями вотчинников¹¹⁵.

Эти договорные практики демонстрируют сложившуюся систему долго-срочных хозяйственных отношений между татарскими вотчинниками и рус-скими крестьянами. Как показывают более поздние источники, подобные арендованные угодья часто переходили в собственность крестьян. Вероятно, такая же участь постигла и вотчину близ с. Кулюшево, которая впоследствии перестала упоминаться в документах, что отражало общую тенденцию трансформации земельных отношений в регионе.

3 февраля 1746 г. был составлен важный документ, фиксирующий пере-дачу рыбных ловель в вотчинных озерах. Вотчинники дд. Терпели (в источ-нике «Терьпелеи»; Сарбаш Бекчюрин, Ишмурза Изаев), Азиби (Байриш Ба-исланов), Семестровная (Услужбай Енабердин, Булгаир Десметев, Мясей Ка-сымов) и других передали дворцовым крестьянам д. Пермяково Каракулин-ской волости на 15 лет в оброчное владение озера Большой Сагадак и Кривое с прилегающими угодьями¹¹⁶. Особый интерес представляет упоминание озе-ра Сагадак (в документе 1700 г. – Сайдак), сохранившегося в современной гидронимике как участок водохранилища у д. Ямалы Актанышского района. Название озера, вероятно, связано с военной историей региона, поскольку «сагайдак» обозначает набор вооружения конного лучника.

20 февраля 1746 г. был заключен еще один подобный договор. Вотчин-ники Даут Сюрметев (из д. Картово) и его товарищи передали свои рыбные ловли на озере Малый Сагадак дворцовым крестьянам Каракулинской волос-ти Ивану Машковцеву, Ивану Глезденеву, Илье Казанцову, Тимофею Тебен-кову и их товарищам из Пермяковской слободы в оброчное владение на 10 лет. Вотчинное озеро Кияды (по-русски Малый Сагадак) с истоком, суходо-лами, вешними заливами, сетевыми метками и мелкими озерами перешло в их владение с «нынешнего» 1746 г. до скрытия вешней воды на следующие 10 лет. Договор предусматривал ежегодный оброк в размере 3 руб. при полу-ченном задатке в 5 руб. Крестьяне получали исключительные права на рыб-ный промысел в озере любыми орудиями лова, включая установку езов и пе-

¹¹⁵ МИБ. Т. 3. С. 434–435.

¹¹⁶ Там же. С. 435–436.

реимов¹¹⁷. Примечательно, что Даут Сюрметев уже упоминался в более раннем документе от 1 мая 1736 г.¹¹⁸

Ранее мы отмечали озеро Большой Сагадак, название которого, предположительно, связано с военным снаряжением. В рассматриваемом документе 1746 г. впервые упоминается о существовании Малого Сагадака (тагарское название – Кияды), что позволяет говорить о целой группе водоемов, получивших такое наименование. Этот факт представляет особый интерес для изучения топонимики и истории землепользования региона.

Договор от 1 апреля 1746 г. зафиксировал весьма необычные условия предоставления бортных угодий. Вотчинники д. Писляково – Адиль Касбулатов, Муслюм Тогучев, Атаман Минеев и их товарищи – уступили дворцовым крестьянам д. Мостовая (ныне Сарапульского района УР) право пользоваться бортными угодьями по реке Бисярке сроком на двадцать лет без взимания традиционного денежного оброка. Взамен крестьяне обязались оказывать содействие в ведении хозяйства владельцев угодий: заботиться о существующих бортах, организовывать новые, разыскивать дикие пчелосемьи («самосадки»), охотиться и отдавать половину собранного меда и охотничьей добычи собственникам¹¹⁹. Такая форма исполнения натурального оброка в пчеловодческом хозяйстве была крайне редкой для указанного периода.

Документ представляет особый интерес как первое упоминание д. Писляково. Уже через месяц те же вотчинники – Муслюм Тогусев и Атаман Минеев – фигурируют в источниках как жители д. Утяганово, а Писляково больше не упоминается. Согласно краеведческим исследованиям, история д. Писляково связывается с современной д. Старое Сляково, которая, в свою очередь, имеет связь с д. Утяганово. Оба населенных пункта находятся в современном Агрызском районе РТ.

Однако архивные материалы середины XIX в. свидетельствуют, что название «Писляково» продолжало использоваться как альтернативное наименование д. Сляково. Ярким примером служит судьба Габдулнасыра Зайсанова сына Исаметова, который в документе 1837 г. указан как житель д. Писляково¹²⁰, а в ревизской сказке 1859 г. фигурирует под № 66 как зауряд-есаул Габдулнасыр Зайсанов (1784–1852) из д. Сляково¹²¹.

¹¹⁷ Там же. С. 438.

¹¹⁸ Каримов Т.Т. Енейская поземельная волость Уфимского уезда в 30-е годы XVIII в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 4. С. 19.

¹¹⁹ Каримов Т.Т. Енейская поземельная волость Уфимского уезда в 40-е годы XVIII в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 8. С. 19; МИБ. Т. 3. С. 439.

¹²⁰ НА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 4022. Л. 37 об.–38.

¹²¹ Там же. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 789. Л. 92 об.

Эти факты демонстрируют сложную динамику трансформации сельских поселений в регионе. С одной стороны, мы наблюдаем формальное исчезновение д. Писляково из официальных документов уже в 1746 г., с другой – сохранение этого названия в местном обиходе и деловой переписке на протяжении более чем столетия. Такие случаи параллельного существования официальных и неофициальных топонимов требуют особого внимания исследователей при работе с архивными материалами, так как могут приводить к ошибочным выводам о времени исчезновения населенных пунктов.

Договор от 3 апреля 1746 г. зафиксировал передачу бортных угодий на р. Каме. Вотчинники д. Семестровная (Гали Зиянов, Чюрагул Агишев, Муслим Акчюрин, Утемыш Акчюрин, Мясягут Касымов, Салтан Агишев, Мурза Кискинин и другие) передали дворцовому крестьянину Степану Сапожникову (из с. Каракулино), ясачному крестьянину Ивану Кирилову сыну Сапожникову (д. Кирилов Починок), а также подьяческому сыну Александру Борисову сыну Гурьеву и их товарищам право пользования лесными угодьями сроком на 15 лет. Условия договора предусматривали ежегодную выплату оброка в размере 2 руб. при внесенном задатке 8 руб. Крестьяне получали право на бортничество, заготовку сена, сбор хмеля и охоту. Документ особо оговаривал возможность продления аренды еще на 15 лет при добросовестном выполнении обязательств¹²².

Другой договор от 1 мая 1746 г. свидетельствует о расширении хозяйственных связей енейцев. Старшина Айдар (в документе ошибочно указано как «Алдар») Уразметев, Балтай Сабаев, Муксун Сюлеев, Муслим Тогусев, Атаман Минеев (из д. Утеганово), Полат Ирмяшев (д. Байсарово) передали крестьянину Григорию Глухову из д. Глухово обширные угодья по реке Каме сроком на 20 лет. В документе детально описаны границы участка, включая Сыропятовскую дорогу, речки Лубянку и Елдашиху, Ершовский остров. Условия договора предусматривали ежегодный оброк в 20 коп., право ведения бортного промысла с обязательством делиться половиной дохода от найденных пчелиных семей¹²³. Особый интерес представляет упоминание д. Глухово (ныне Сарапульского района УР), что свидетельствует о дальних хозяйственных связях енейцев.

Договорные записи 1746 г. раскрывают систему устойчивых хозяйственных связей между вотчинниками Енейской волости и русскими крестьянами. Особый интерес представляет договор от 1 августа 1746 г., по которому Козягул Кинзягулов, Муса Бекчюрин (из д. Терпеле), Карчига («Карчага») Усейнов, Аскар Карсеев (д. Шабиз) передали крестьянам дворцовой Каракулинской волости Г.И. Куликову и К. Носачеву угодья по реке Каме. Документ детально описывает границы участка – от устья речки Кобылья до речки Моховой, затем

¹²² МИБ. Т. 3. С. 440.

¹²³ Там же. С. 444–445.

до Белого болота и речки Чеганда. Условия предусматривали 10-летнюю аренду за ежегодный оброк в 90 коп. с возможностью продления¹²⁴.

Упомянутое в договоре с. Колесниково (ныне Каракулинского района УР) служит важным ориентиром для определения границ Енейской волости. Сравнение этого договора с другими соглашениями 1746 г. показывает единообразие их структуры при различии в размерах оброка – от 20 коп. до 2 руб., что отражало ценность конкретных угодий. Во всех случаях сохранялся контроль вотчинников над использованием ресурсов и предусматривалось продление аренды при добросовестном выполнении условий.

Эти документы представляют собой ценный источник не только для изучения конкретных хозяйственных сделок, но и для реконструкции системы землепользования в регионе. Они демонстрируют механизмы взаимодействия между татарскими вотчинниками и русскими крестьянами в освоении пограничных территорий, показывая, как письменные соглашения регулировали доступ к природным ресурсам и закрепляли права сторон. Особенно важно, что подобные договоры фиксировали не только экономические, но и культурные контакты между разными этническими группами.

Далее обратим внимание на договоры 1749 г., содержащие ценные сведения о вотчинниках и их деревнях, а также о взаимодействии с русскими крестьянами из разных населённых пунктов.

9 февраля 1749 г. был заключен важный договор, согласно которому вотчинники из дд. Семестровная (Услужай Янабердин, Исенгул Урусметов и другие) и Писмень-Илга (Атланыш Кошанаев, Бакир Тимучев, Мавлигул Тиханов) передали крестьянам Каракулинской волости право на половину рыбных ловель в озере Янеевское (известном также как Саус) сроком на двадцать лет¹²⁵.

Этот документ представляет особый исторический интерес по нескольким причинам. Во-первых, он содержит альтернативное название озера Яней – Саус, что важно для изучения местной топонимики. Во-вторых, в нем впервые упоминается малоизвестная д. Писмень-Илга. Примечательно, что аналогичное название встречается и в других регионах – например, в документе 1795 г. упоминается деревня ясачных татар Пичмен-Илга Белебеевского уезда¹²⁶. Это обстоятельство может свидетельствовать о миграционных процессах среди местного населения.

Особый исследовательский интерес представляет фигура Мавлигула (в документе ошибочно указанного как Мевлягул) Тиханова из д. Писмень-Илга. Последующие упоминания этого человека как жителя д. Чалманарат демонстрируют характерные для того периода миграционные тенденции среди сельского населения. Разночтения в написании имени (Мевлягул / Мавли-

¹²⁴ Там же. С. 446.

¹²⁵ Там же. С. 459–460.

¹²⁶ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 35. Л. 948.

гул) являются типичным примером особенностей фиксации антропонимов в официальных документах рассматриваемого периода. С учетом того факта, что единственным документально подтвержденным в Енейской волости лицом с именем Тихан является Тихан Кушкаев, логично предположить, что Мавлигул был его сыном. Этот случай подчеркивает необходимость внимательного анализа антропонимических записей при реконструкции генеалогических связей по историческим документам.

19 марта 1749 г. вотчинники – сотник Бесков Бекчюрин (из д. Терпели), Кадырмет Дюсметов (д. Калмаш), выборной Чюрагул, Султан Агишев (д. Семестровная) и выборные 4-х аймаков: Исенгул Урусметов (д. Семестровная), Кутлу Минеев (д. Апасево), Сепер Абдуллин (д. Суксы; ошибочно указанная в источнике как «Суты»), Суюндук Телдеев (д. Телдеево), Услябай Енабердин, Муслюм Акчюрин, Гали Зиянов (д. Семестровная), Суюндук Сюрметев, Сюней Драгишев, Бекмет Кузюмов (д. Картово), Крус Казанбаев, Бекмет Беккулов, Ишигул Беккенин, Масыгут Касымов, Сулейман Уразаев, Мендияр Сурметов (д. Буаскуль) – «со всего общего мирского совета» отдали в оброчное владение на 10 лет свои рыбные ловли в устье р. Белой («по межа: от устья Белой реки вверх до Емалинской переволоки, что имеется межа озеро Тахтар») караулинскому крестьянину А.И. Бердникову и звонарю Н.С. Кибардину¹²⁷.

Из перечисленных деревень обращает на себя внимание Телдеево, где проживал Суюндук Телдеев, сын основателя деревни. Впоследствии он был зарегистрирован как житель д. Суксы, а упоминания о д. Телдеево исчезли. Хотя в источнике сказано «выборные Чюрагул, Султан Агишев», согласно другим документам подразумеваются Чюрагул и Султан Агишевы из д. Семестровная (в источнике «Семестровная»).

По договору от 10 апреля 1749 г. «башкирцы» Сююш Султанов, Сапар Деумов, Урай Сураев, Гусман Якупов, Муртаза Маметев, Максют Утяков, Кады Усяшев, Магаз Султангулов, Атнагул Зайтов, Сюлейман Даирчиев, Султангул Тактагулов, Аиткул Токтагулов, Даир Мустаев, Утеган Ба[и]сланов, Ансакай Байметов, Кансуяр Касыев, Медияр Касыев (из д. Бугады) и их товарищи передали в оброчное владение на 25 лет свои вотчинные земли с угодьями дворцовым крестьянам Д.Л. Вохмину, И.М. Мездрину, И.М. Гоголеву, А.М. Армянинову, К.П. Железову, В.Ф. Пустомолову и их товарищам (всего 10 человек) из дворцового села Старый Пьяный Бор. Они отдали им «празднолежащую» старинную крепостную землю для распашки. Земля состояла из пахотных угодий вотчинников в деревне Сарсаз, верхней межи Сухой Дарьи, нижней межи истока озера Таралов и прежних межей и огородов, которыми раньше владели их предки и родственники. На этой земле были сенокосные угодья вдоль озера Туралов, верхняя межа которых проходила по

¹²⁷ МИБ. Т. 3. С. 464–465.

Кеян-яру, а нижняя межа – по Буйсу-Танак и Большому мосту на Бусе. Крестьяне должны были построить мост на правой стороне Буйси, используя бор, который давал лес для починки моста, домостроения и городьбы дворов, а также для рубки хмеля и ловли зверей. Владение землей началось в 1749 г. и продолжалось в течение 20 с половиной лет. Оброк был установлен в размере 20 коп. с каждого двора из десяти дворов. Если количество дворов увеличится, то и оброк будет увеличен до 20 коп. с каждого двора. Крестьянам было разрешено жить вместе с двумя дворами татар из Уфимского уезда, обрабатывать землю, косить сено, щипать хмель и разводить скот. Для строительства домов и других нужд им разрешалось рубить лес. Крестьяне должны были выплачивать оброк ежегодно¹²⁸.

Мы видим, что припускной договор позволил русским крестьянам строить жилье, несмотря на наличие в д. Сарсаз двух татарских дворов. Дополнительные исследования могли бы выявить точное местонахождение деревни, к которой относится этот документ. В источнике после имени Кансуяр Касыев указана неопределенная фамилия Курманаев, неясно кому принадлежащая.

По договору от 6 сентября 1749 г. вотчинники Кинзя Ураев, Шарып Кутлеметов (д. Телдеево, ошибочно указанная в источнике как «Телеево») и их товарищи отдали в оброк свою вотчину по реке Буй дворцовым крестьянам Я.Л. Вострецову и И.К. Ажихину из д. Масляный Мыс Сарапульской дворцовой волости Казанского уезда на 20 лет. В соответствии с договором, вотчинники передали дворцовым крестьянам свою старинную крепостную вотчину, лес, бортное ухажье, хмелевое щипанье и все звериные ловли. Вотчина расположена по следующим межевым границам: от Буйского перевоза вверх по Бую по правой стороне до устья Изяра, затем от устья Изяра по правой стороне до вершины Изяра, потом по правой стороне до Мысовских шалашей, а после Мысовских шалашей по правой стороне большой дороги до д. Буй. Дворцовые крестьяне будут владеть вотчиной с текущего 1749 г. в течение следующих 20 лет. Договор разрешает им владеть старыми бортиями, делать новые борти, искать самосадки и рубить их, а также ловить зверей. Вотчинники Кинзя и его товарищи не будут возражать и мешать дворцовым крестьянам в этом. Оброк за вотчину и все угоды составляет 20 коп. в год¹²⁹.

Ранее, в договоре от 6 июля 1745 г., Шарып Кутлуметов был назван жителем д. Суксы. Однако на этот раз он значится жителем д. Телдеево. Это указывает на то, что д. Суксы в некоторых случаях могла быть названа по фамилии авторитетного вотчинника Телдеева, либо д. Телдеево могла существовать рядом с д. Суксы.

Мы также обратили внимание на д. Масляный Мыс, откуда родом дворцовые крестьяне. Оказалось, что она входила в состав Карякинского сельсо-

¹²⁸ Там же. С. 465–466.

¹²⁹ Там же. С. 467–468.

вета Краснокамского района и существовала до 1983 г. Располагалась около озера Подворный (бассейн р. Камы), в 8 км к северу от райцентра и в 9 км к югу от ж/д станции Камбарка (Удмуртия). Однако в Башкирской энциклопедии, где приводятся эти сведения, ошибочно утверждается, что она была основана русскими крестьянами в первой половине XIX в. на территории Бирского уезда¹³⁰. Точные сведения приведены в Википедии, где первое упоминание о деревне датируется 1710 г.¹³¹

В договорах рассматриваемого периода упоминаются одни и те же известные вотчинники, что позволяет уточнить информацию в опубликованных документах. Например, согласно записи от 16 ноября 1749 г., вотчинники д. Акчюрино – Аднагул Дюсеев, Исай Аднагулов, Чюрюкай Кадырметев, Кинзя Азаматов, Апкай Мурзанаев, Мрат Имлетев и Юсуп Аднагулов – передали свои вотчинные земли по р. Каме дворцовым крестьянам д. Мазунино Сарапульской волости Казанского уезда А.Ф. Маланьину и его братьям на 15 лет¹³².

Ранее, 8 ноября 1745 г., вотчинники д. Аккузево – Ишей Аднагулов, Кинзя Азаматов и Сюркей Кадырметев – также передали свои бортные угодья по р. Каме в оброчное владение. Полное и частичное совпадение имен указывает на то, что речь идет о вотчинниках одной деревни – Аккузево (ныне Илишевского района РБ).

В заключение следует отметить, что в припускном документе вотчинников Юрминской волости от 3 июня 1750 г. упоминается ясачный татарин Аиткул Агишев из д. Байсар Енейской волости¹³³. Он поставил свою тамгу в качестве свидетеля. Большинство жителей этой деревни Булярской волости были енейцами, поэтому источники называют деревню Енейской. К переписи 1762 г. Агишев, записанный как Сеиткул Агышев (65 лет; дети Султангул (30; его Ишмухаммет), Исенбай (25; его Рахманкул и Таймас), Субханкул (20; его Ильяс), Акай (13) и Гали (3)), уже был в тептярском сословии и числился в команде старшины Уразмета Юсупова Енейской волости¹³⁴.

Итак, договоры 1740-х гг. позволяют изучить деловую и хозяйственную жизнь вотчинников Енейской волости. Большинство договоров было заключено с крестьянами дворцовых Каракулинской и Сарапульской волостей Казанского уезда, которые арендовали рыболовные и бортные угодья на срок от 10 до 25 лет. Договорами предусматривалась повторная сдача в аренду по окончании срока, если арендаторы добросовестно выполнили свои обязательства. Встречающиеся в таких документах топонимы и имена отдельных вот-

¹³⁰ Масляный Мыс. URL: <https://bashenc.online/ru/articles/106401/> (дата обращения: 15.05.2024).

¹³¹ Масляный Мыс. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Масляный_Мыс (дата обращения: 15.05.2024).

¹³² МИБ. Т. 3. С. 471.

¹³³ Там же. С. 479–480.

¹³⁴ Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том 1. Булярская волость. С. 104.

чинников позволили дополнить историю Енейской волости новыми наблюдениями и выводами.

§ 3. Волость в 1750–1760-х гг.

Особую группу составляют многочисленные документы 1750–1760-х гг., большинство из которых представляют собой договоры между вотчинниками и русскими крестьянами. Эти уникальные источники предоставляют бесценные сведения о важнейших сторонах быта и хозяйственной деятельности вотчинников того времени. Проанализируем их подробнее, следуя хронологии.

В документе от 23 июня 1751 г. содержится важное свидетельство о земельном конфликте вокруг д. Сарсаз. Вотчинники во главе с Сююшем Солтановым из д. Бугады подали жалобу в Уфимскую провинциальную канцелярию на самовольное заселение их вотчинных земель пришлым населением из различных деревень Зюрейской дороги Казанского уезда. Этот факт особенно интересен в свете того, что всего двумя годами ранее, по договору от 10 апреля 1749 г., эти же земли были официально переданы в оброчное владение.

Разрешение конфликта последовало лишь в 1756 г., когда было предписано насильственно поселившимся в д. Сарсаз татарам во главе с Володимером Аблаевым вернуться на прежнее место жительства в Казанский уезд¹³⁵. Однако судьба самой деревни остается неясной. В материалах ревизии 1762 г. населенный пункт фигурирует под несколько измененным названием – Сарысазово на рч. Тураликуль, где было зарегистрировано всего 4 души муж. пола. Последующие упоминания о деревне в документах отсутствуют, что не позволяет проследить ее дальнейшую историю.

Этот эпизод ярко иллюстрирует характерные для середины XVIII в. земельные конфликты между коренными вотчинниками и пришлым населением, а также демонстрирует механизмы разрешения таких споров через обращение в административные органы. Особый интерес представляет трансформация названия поселения (Сарсаз – Сарысазово), что может свидетельствовать об особенностях фиксации топонимов в официальных документах того времени.

По договору от 29 декабря 1751 г. вотчинники Усман Якупов, Утеган Агышев (из д. Бугады), Муса Мурзагулов, Максют Утяков (д. Мурзагулово), Таир Мустаев, Аднагул Заитов (д. Новые Бугады) и их товарищи передали дворцовым крестьянам Каракулинской волости В.И. Глездневу и его товарищам из д. Пермяково Каракулинской волости право на оброчное владение

¹³⁵ Каримов Т.Т. Енейская поземельная волость Уфимского уезда в 50-е годы XVIII в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 9–2. С. 12; НА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 5129. Л. 18; Д. 4682. Л. 11 об.

рыбными ловлями на р. Ик сроком на 25 лет. Владения охватывали участок от озера Тудаша вниз по правому берегу до курьи Куденя, далее вниз по Ику до Туралинского истока, включая озера Турал, Емендер, Бугай, Калдек и Чистый Узян с их притоками по обоим берегам реки. Согласно условиям договора, крестьяне обязались выплачивать ежегодный оброк в размере 14 руб., при этом 50 руб. были получены вперед в качестве задатка. Примечательно, что за вотчинниками сохранялось право весенней рыбной ловли для собственных нужд¹³⁶.

Особый интерес в этом документе представляет упоминание д. Мурзагулово, название которой происходит от имени отца одного из участников сделки. Отсутствие дальнейших сведений об этом населенном пункте в других источниках, а также тот факт, что Максют Утяков, указанный в данном договоре как житель Мурзагулово, двумя годами ранее фигурировал в документах как представитель Бугады, дает основания предполагать, что Мурзагулово могла быть частью более крупного поселения Бугады или со временем была им поглощена. Этот случай хорошо иллюстрирует динамику расселения и трансформации населенных пунктов в регионе в середине XVIII в.

4 марта 1753 г. вотчинники Енейской волости Муслюм Акчюрин, Утемыш Акчюрин, Солтан Агишев, Чюрагул Агишев, Мурза Кискинин, Мулла Ишкильдин, Муса Ишкильдин, Мустай Ишкильдин, Аит Бекчюрин, Заит Бекчюрин, Сеит Бекчюрин, Кинзибай Толунбаев, Мрат Татлыбаев, Минлибай Юртюкеев, Кутлумет Елдашев, Ибрай Пулатов, Байсар Абызаев, Атзитер Аднагулов, Усман Ишкинин, Ишберда («Ишперда») Ишмурзин, Кадыр Юзюкеев, Масыгут Касымов, Кубяк Аднагулов, Сюлей Юртбагишев, Чинай Бигишев, Умер Айдагулов (из д. Семестровная), Муслюм Тогаев, Бекмет Беккулов, Юмай Иликеев, Мряс Киязов¹³⁷, Аблай Иманаев, Чюраш Карабаев (д. Буаскул) «со всего общего мирского согласия, всего 32 человека» передали дворцовым крестьянам Каракулинской волости («*Михаилу да Алексею Ивановым детям Бердниковым, Гаврилу Лазареву сыну Болкисеву, Никифору Васильеву сыну Кузнецову, Александру Иванову сыну Кузнецову*») рыбные ловли на озере Быргыдин («а по-русски Найдан») на 17 лет с платежом оброка 21 руб. в год. При составлении договора вотчинники взяли у арендаторов задаток в размере 20 руб. в счет оброка¹³⁸.

¹³⁶ МИБ. Т. 4. Ч. 1. С. 57.

¹³⁷ В документе содержится ошибка – правильно не «Киязов», а «Князов». Отец вотчинника – Князь Курусев (1730–1803), записанный в ревизской сказке 1811 г. по д. Буаскулево. Составители сборника не учли, что у татар нет имени «Кяз» и производной от него фамилии «Киязов». Причина ошибки проста: в рукописных источниках буква «н» иногда визуалью схожа с буквой «и», что и приводит к подобным неточностям.

¹³⁸ МИБ. Т. 4. Ч. 1. С. 68.

Особую ценность этому документу придает наиболее полный из известных перечень вотчинников д. Семестровная – 26 человек, что свидетельствует о ее значительном размере и важном положении в системе землевладения Енейской волости середины XVIII в. Упоминание столь многочисленного состава участников договора позволяет судить как о степени организации вотчинного сообщества, так и о значимости заключаемой сделки. Примечательно, что документ фиксирует как русское, так и местное название озера (Быргыдин/Найдан), отражая особенности межкультурного взаимодействия в регионе. Сохранение столь подробного списка участников сделки дает уникальный материал для изучения генеалогии вотчинников и структуры их общины.

Представители вотчинников 5-ти аймаков команды старшины Айдара Уразметева Енейской волости названы в документе от 16 марта 1754 г. К первому аймаку относились вотчинники Муртаза Апасев (из д. Апасево), Мастей Абызаев, Суюндук Князев, Пулат Ирмяшев, Минлибай Ишменев, Ишкиня Азметев (д. Байсарово), Юсупкул Утеков, Муса Казанчев, Солтан Сюянгулов, Девлекей Мратов, Максют Ишменев (д. Келтево), Темир Бухарметев, Исень Балтачев (д. Исенбаево), ко второму аймаку – Чюрагул и Солтан Агишевы, Гали Зиянов, Якшигул Токтамышев, Кадыр Юзекеев, Усман Ишкинин, Минлибай Юртюкеев, Кутлумет Елдашев, Утемыш Акчюрин, Ишмет Чирюков, Мурза Кискинин, Адзитер Аднагулов, Мулла Ишкильдин, Масыгут Касимов, Кинзибай Тулунбаев, Арасланбек Ишмурзин (д. Семестровная), Юмай Иликеев (д. Емалы), Иманай Асанов, Чюраш Карабаев (д. Буаскул), к третьему аймаку – Юзей Шигимов, Азмекей Азметев, Уразман Уразаев (д. Каинтюба), Сапер Абдуллин, Суюндук Телдеев, Бадрак Исемметев, Абызай Ишметов (д. Суксу), к четвертому аймаку – Ишмурза Исаев (д. Аккузино), Москов Бекчурин, Кунур Умиров, Козягул Кинзегулов (д. Терпели), к пятому аймаку – Исенмет Касимов, Булгаир Дюсметов (д. Семестровная).

Все 32 представителя аймаков «со всего общего мирского согласия» передали уфимскому купцу Ивану Шишковскому и сарапульским крестьянам Жерноковым в оброчное владение на 25 лет рыбные промыслы на Каме. В договоре детально описаны границы владений (от Мачкаринской речки до Черного истока) и разрешенные виды ловли, при этом за вотчинниками сохранялось право на некоторые традиционные способы рыбалки¹³⁹.

Этот документ представляет особую ценность для исследования структуры Енейской волости, демонстрируя сложную систему землевладения. Примечательно, что жители Байсарово, формально относясь к Булярской волости, продолжали активно участвовать в делах Енейской волости, что свидетельствует о гибкости административных границ и сохранении традиционных связей между вотчинниками.

¹³⁹ МИБ. Т. 4. Ч. 1. С. 79.

Однако вызывает недоумение тот факт, что Юмай Иликоев назван жителем д. Емалы (ныне Татарские Ямалы Актанышского района РТ), которая относится к Гарейской волости, поскольку ранее в документе от 4 марта 1753 г. он фиксировался в д. Буаскул. Возможно, он действительно жил там, оставаясь вотчинником Енейской волости.

Январская запись 1755 г. зафиксировала передачу в оброчное владение обширных рыболовных угодий. Вотчинники из д. Терпели – Сабакай Беккулов, Беккиня Беккулов и Мустай Кулушев – заключили договор с группой дворцовых крестьян из с. Колесниково Каракулинской волости и пригорода Каракулина. В документе подробно описана гидрографическая система передаваемых в пользование территорий: центральное озеро Дербешинское (Улу-Куль) с прилегающими мелкими озерами (Кугаш, Атырь, Мельнишное, Садовое и другие), а также речками и логами. Особое внимание уделено сезонным особенностям этих водоемов – их наполнению в весенне-осенний период и пересыханию летом и зимой. Финансовые условия договора включали ежегодную плату в размере 5 руб. 50 коп. за ловлю на основном озере и 2 руб. за «мелкую рыбу» с предварительным получением задатка в 12 руб.¹⁴⁰

Всего два месяца спустя был заключен новый договор, в котором участвовали представители уже знакомых нам деревень: Байсарово (сотник Мастей Абызаев, Мамет Исенбаев, Минлибай Ишменев), Апасево (Муртаза Апасев, Усман Муртазин, Кутлу Минеев), Келтево (Муса Казанчин¹⁴¹, Мустай Юсупкулов), а также ранее упомянутой д. Исенбаево (Исень Балтачев).

Этот договор представляет особый исследовательский интерес по нескольким аспектам. Сохранение двойных топонимов (озерко Старишное / Улзят-Митав) отражает взаимодействие русской административной традиции и местной географической номенклатуры. Использование специфической рыболовецкой терминологии («сетевые метиши», «духовая рыба») дает ценный материал для изучения хозяйственной лексики того периода. Четкая привязка сроков действия соглашения к природным циклам («со скрытия вешней воды») свидетельствует о глубоком понимании экологических особенностей региона и их учете в хозяйственной практике¹⁴².

Рассмотренные документы середины XVIII в. наглядно демонстрируют устойчивые тенденции в развитии земельных отношений региона. С одной стороны, мы наблюдаем постепенное вовлечение новых территорий в хозяйственный оборот и усложнение структуры оброчных соглашений. С другой

¹⁴⁰ Там же. С. 92.

¹⁴¹ Муса Казанчин упоминается в опубликованной генеалогической схеме рода Карабека. Его генеалогическая цепочка прослеживается так: Бакты суфи → Бизурган → Бураис → Казанчы → Муса → Ярмухаммет → Ишмухаммет (Ахметзянов М.И. Татарские родословные. С. 22). Ранее мы обратили внимание, что Бураиса русские источники фиксировали как «Борис».

¹⁴² МИБ. Т. 4. Ч. 1. С. 95.

стороны, сохраняются традиционные права вотчинников на пользование природными ресурсами, что отражает преемственность в системе землепользования.

Документы середины XVIII в. раскрывают сложные процессы трансформации земельных отношений в регионе. Яркой иллюстрацией этих изменений служит договор от 1 июня 1755 г., согласно которому группа вотчинников из д. Токаево Енейской волости – Амир Рысметев, Мрадым Амиров, Абдулгази, Абдюш и Карсян Кадырметевы – переселились в Кыр-Еланскую волость, войдя в состав припущенников д. Нижние Бишинды (ныне Туймазинского района РБ)¹⁴³.

Этот случай представляет особый интерес для исследователей, так как после указанного переселения д. Токаево больше не упоминается в документальных источниках. Ее исчезновение отражает глубинные изменения в системе расселения, связанные с активным освоением новых территорий в середине XVIII в. Последующие ревизские материалы подтверждают успешную интеграцию переселенцев: потомки упомянутых семей (Абдулгазиных, Абдюшевых, Мурадымовых) устойчиво фиксируются среди татар башкирского сословия в д. Нижние Бишинды¹⁴⁴.

Данный эпизод характерен для процессов, происходивших в регионе в указанный период, когда менялась не только система землевладения, но и традиционная структура расселения. Переселение целых групп населения и их последующая адаптация к новым условиям демонстрируют гибкость социальных связей и механизмов землепользования в условиях трансформации традиционного уклада.

Всего через несколько месяцев, 4 марта 1756 г., был составлен другой важный документ, зафиксировавший передачу в оброчное владение земель по рекам Каме и Шолье. Вотчинники из дд. Семестровная (Исенгул Урусметов, Услужай Енабердин, Бекмет Кузюмов, Мадияр Сюрметев) и Писмень-Елга (Бакир Тимеев) заключили соглашение с дворянскими крестьянами Сарапульской волости на 20 лет. В документе подробно описаны границы передаваемых угодий, включая бортные ухозя, хмелевые угодья и различные промыслы¹⁴⁵. Особый интерес представляет упоминание о продаже Суксинской¹⁴⁶ вотчины промышленнику Демидову, который в 1741 г. приобрел эти

¹⁴³ НА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 4871. Л. 92–93.

¹⁴⁴ Там же. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 155. Л. 5–18.

¹⁴⁵ МИБ. Т. 4. Ч. 1. С. 112.

¹⁴⁶ Деревня Суксы (современное название – Татарские Суксы) исторически относилась к Канбарской тюбе Енейской волости. Проживание здесь представителей рода Канбаровых проливает свет на происхождение как названия самой тюбы, так и топонима Канбар (впоследствии трансформировавшегося в Камбар). Этот факт подтверждает характерную для региона практику образования топонимов от антропо-

земли за символическую сумму в 120 руб. для основания Камбарского желе-
зоделательного завода¹⁴⁷ – факт, ярко характеризующий процессы промыш-
ленного освоения края.

Стоит обратить особое внимание на последнее упоминание д. Писмень-
Елга в этом документе. Топоним «Писмень», характерный для Енейской во-
лости, впоследствии получил распространение на других татарских террито-
риях, что может быть связано с миграционными процессами среди енейского
населения. Этот факт, наряду с другими рассмотренными примерами, под-
черкивает сложность и многогранность этнодемографических процессов в
регионе в середине XVIII в., когда традиционные формы землепользования
постепенно трансформировались под влиянием новых экономических отно-
шений и промышленного освоения края.

Следующий документ – договор от 20 марта 1756 г. между вотчинником
д. Калмурзино Арасланом Сююшевым и татаринном башкирского сословия Ку-
сюмом Маметевым из д. Бикбулово – представляет собой яркий пример тради-
ционных земельных отношений середины XVIII в. Согласно документу, Арас-
лан Сююшев, получив согласие односельчан, разрешил Кусюму Маметеву по-
селиться на своем наследственном повытке – обширной территории с четко
обозначенными границами. Эти границы простирались от Токаевского перево-
за через ряд природных ориентиров: тавренный дуб, озеро Тупери, Буранчеев-
ский бор, Базинскую речку, устье Бугая, реку Ик, озеро Кыра и старые дере-
венские межевые знаки, образуя замкнутый контур земельного владения.

Условия договора предусматривали, что Кусюм Маметев мог поселиться
на этих землях только одним двором, обязывался совместно с Арасланом об-
рабатывать землю и косить сено, а также не имел права пускать на террито-
рию посторонних без разрешения вотчинника. Взамен он заплатил единовременную
сумму в 10 руб.¹⁴⁸ Примечательно, что этот Кусюм Маметев впо-
следствии упоминается в документах 1765 г., что свидетельствует о долго-
временном характере подобных соглашений.

Этот случай наглядно демонстрирует сложившуюся систему землеполь-
зования, где сочетались традиционные вотчинные права с практикой регули-
рованного припуска. Документ отражает важные аспекты хозяйственной
жизни: значение наследственных земельных владений, тщательное межева-
ние территорий по природным ориентирам, сочетание денежных и натураль-
ных форм расчетов, а также механизмы контроля за использованием земель.
Подобные договоры являются ценным источником для изучения не только

нимов, когда населенные пункты получали названия по именам или прозвищам
наиболее влиятельных местных родов.

¹⁴⁷ Промышленники Демидовы на Урале и в удмуртском крае. URL: <https://posredi.ru/promyshlenniki-demidovy-v-udmurtii.html> (дата обращения: 15.05.2024).

¹⁴⁸ МИБ. Т. 4. Ч. 1. С. 114.

правовых, но и экономических, социальных и даже ландшафтных особенностей региона в середине XVIII в.

В 1756 г. упоминается татарский сотник Уразмет Юсупов¹⁴⁹, который также известен как старшина ясачных татар нескольких деревень: Тузганабиково, Маткауш Тамак, Бикбулово, Таирово и Псеево¹⁵⁰. Эти населенные пункты располагались в Енейской волости на значительном расстоянии друг от друга (особенно первые и последние из перечисленных селений). К 1762 г. Уразмет Юсупов значится старшиной татар и черемис (марийцев) тептярского сословия Енейской волости. Примечательно, что в этот период невогочиники волости проживали в 31 деревне¹⁵¹.

По договору от 1 декабря 1756 г. вотчинники Султан Агишев, Муслюм Акчурин, Мясгут Касимов, Бакта Савелеев, Сюлейман Уразаев (из д. Семестровная) и их товарищи отдали дворцовым крестьянам Сарапульской волости Казанского уезда Г.Н. Дульцову и его товарищам в оброчное владение вотчину по р. Каме сроком на 20 лет, за исключением бобровых гонов. Вотчина располагалась вверх по реке Каме на нагорной стороне, с верхней межей от устья речки Момылевки вверх в гору на вершину падуна Малой Горожанки и далее «по крежу» прямо по вершинам речек Тарасовки, Нижней Тарасовки, Тутаихи, Плоской, Галановки, Житковки, Сухаревки до устья по меже нижней вершине речки Вятлинки и по Вятлинке с вершины по левую сторону до устья этой речки до реки Камы. Арендаторам разрешалось покрывать старые борты и делать новые. Вотчинники получили от крестьян 20 руб. 50 коп. в качестве залога для оплаты будущего оброка, который составлял 1 руб. в год¹⁵².

Всего через два месяца, в феврале 1757 г., был заключен другой примечательный договор. Вотчинники д. Аптиново Сюлюк Камаев и Бексентей Токаев сдали дворцовому крестьянину И.М. Олонову из д. Юньга Каракулинской волости половину рыбных ловель в оз. Малый Сагадак (по-татарски Кияды) в оброчное владение на 5 лет. Олонов должен был платить оброк 2 руб. в год, а Сюлюк и его товарищи получили 3 руб. в качестве залога¹⁵³.

Весной того же года последовала целая серия земельных сделок, отражающих активное использование природных ресурсов и развитие экономических отношений между различными социальными группами населения в середине XVIII в. Рассмотрим их в хронологической последовательности.

В начале марта 1757 г. вотчинники Кутлу Минеев (из д. Апасево), Девлекей Мратов, Ермак Килеев (д. Келтево), Пулат Ирмяшев (д. Байсарово), Солтан Агишев, Муслюм Акчурин, Мурза Кискинин, Кинзябай Тулунбаев, Субухан

¹⁴⁹ МИБ. Т. 4. Ч. 1. С. 127.

¹⁵⁰ Там же. Т. 4. Ч. 2. С. 28–29.

¹⁵¹ Татары Уфимского уезда. С. 99–100.

¹⁵² МИБ. Т. 4. Ч. 1. С. 127–128.

¹⁵³ Там же. С. 138.

Муксиев, Кутлумет Елдашев, Муса Ишкильдин, Мулла Ишкильдин, Адзитер Аднагулов, Чюрагул Агишев, Сюлей Юртбагишев, Якшигул Токтамышев, Минлибай Юртюкеев, Кубяк Аднагулов, Утямыш Акчюрин, Мрат Татлыбаев, Максют Абызаев, Услужай Енабердин, Исеммет Касимов, Булгаир Дюсметов, Масей Касимов (д. Семестровная), Умир Темиров, Солтанмрат Исемметев (д. Суксу), Агбез Абдуллин (д. Шабиз), Салим Московов, Мяди Сарбашев (д. Сапарово), Асан Баисланов (д. Азиби) «со всего общего мирского согласия» отдали дворцовому крестьянину Каракулинской волости М.Д. Глезденеву в оброчное владение старинные вотчинные рыбные ловли на р. Белой сроком на 20 лет. Границы владений проходили от устья реки Белая вверх до Емалинской перелоки, где межой служила вершина озера Тохтар¹⁵⁴.

20 марта было заключено еще одно важное соглашение, в котором вотчинники Князь Апанаев, Аvez Бекбовов, Пулат Айметев, Утямыш Якупов, Нияз Апанаев, Муса Якупов, Салиш Агбезов, Сыртлан Яушев, Япар Митреев, Чурагул Минеев, Мустака Бекбовов (из д. Шабыз), Умир Темиров, Бадрак Исемметев, Бабак Нурметев, Юсуп Токметев (д. Суксы) «со всем общим мирским согласием» предоставили запись дворцовым крестьянам Каракулинской волости А.Г. Черкасову, Е.С. Круглову и ясачному крестьянину д. Саклово О.А. Мансурову о передаче им в оброчное владение на 10 лет прав на рыбную ловлю в озере Саклово¹⁵⁵.

Примечательно, что в публикации этого источника имя Князя Апанаева из д. Шабыз было неправильно указано как «Киязь». Наше исследование исправило ошибку, обратившись к ревизской сказке 1811 г., где упоминается его сын – мулла Гали Князев.

Последним в череде весенних соглашений 1757 г. стал договор от 23 марта, заключенный представителями д. Терпели. Телят Биккинин, Салим Московов, Утягул Мустекеев и их товарищи передали дворцовому крестьянину Ф.И. Каргопольцеву рыболовные угодья на нескольких озерах в оброчное владение на 11 лет. Особый интерес представляют зафиксированные в документе двойные названия водоемов: Кишкинды (по-русски Осакаревое), Стремехиль и Виловатое¹⁵⁶, отражающие взаимодействие русской и местной топонимических традиций. Эти материалы не только раскрывают особенности земельных отношений, но и демонстрируют механизмы межэтнического взаимодействия в процессе хозяйственного освоения территории.

¹⁵⁴ Там же. С. 140. В 1750 г. тот же М.Д. Глезденев, показанный крестьянином д. Пермяково дворцовой Каракулинской волости, заключил с «башкирцами» Гайрейской волости договор на оброчное владение промысловыми угодьями по реке Белой, граничащими с владениями вотчинников Енейской волости, сроком на 30 лет с 1763 г. (МИБ. Т. 3. С. 472–473). Возможно, рыболовство было его основным занятием.

¹⁵⁵ МИБ. Т. 4. Ч. 1. С. 142.

¹⁵⁶ Там же. С. 143.

Осенью того же года было заключено новое значимое соглашение. 16 ноября Шарып Кутлуметов, Чюра Кулчюбаев, Абдул Рямгулов, Бадрак Исемметев, Халил Иштыков, Сагындык Телдеев, Мустай Кинзин, Бабак Нурметев, Исенгул Минлибаев (из д. Суксы) и Аvez Бекбов (д. Шабыз) передали дворцовым крестьянам Сарапульской волости Казанского уезда П.К. Шумкову и его товарищам в оброчное владение вотчинную землю по реке Малой Ветлянке на 20 лет. Вотчина располагалась на нагорной стороне напротив села Вяцкие, по речке Малой Ветлянке, от устья до вершины, а с вершины этой речки – на вершины речек Кривощечиха и Онтрошиха. По Кривощечихе, от вершин до устья, а с вершин речки Кривощечиха – прямо по кряжу, на Каму, «по приверху Пермьяковского острова». Договор предусматривал не только использование бортных угодий, но и обязательство арендаторов по их сохранению и созданию новых, за что устанавливался ежегодный оброк в 2 руб.¹⁵⁷

Завершая год, 28 декабря была составлена запись о передаче в оброчное владение угодий по рекам Симанихе и Паркачихе. Вотчинники д. Терпели Абызай Аблеев, Мустафа Ишмурзин и Кузягул Кинзягулов заключили двадцатилетнее соглашение с дворцовыми крестьянами д. Ершевка Сарапульской волости. Границы вотчины, расположенной напротив с. Сарапул, были тщательно обозначены по природным ориентирам: от большого болота по реке Паркачихе до речки Сиверной Паркачихи. Условия договора включали охрану старых и создание новых бортей за скромный оброк в 50 коп. годовых при задатке в 3 руб.¹⁵⁸

В 1757 г. группа татар башкирского сословия из Енейской волости приняла участие в военном походе русской армии в Пруссию. Среди них были представители следующих деревень: Крус Ирмяшев, Мустай Юсупкулов, Баязит Бексентеев, Исергап Рангулов (все из д. Байсарово), Мансур Муртазин, Саты Баширов, Ибрагим Уразов (д. Апасево), Абдул Карашаев, Мурат Мусеев, Акай Мукаев, Масыгут Муслюмов, Муксим Мустаев (д. Бекбово), Рысай Абызаев, Байсары Абызаев, Баязит Утемьшев, Ченай Бигишев, Мрат Сырметев, Умер Бекметев, Ишей Язюкеев, Бердыгул Чурагулов (д. Ушарово; в источнике «Шарово»), Араслан Суондуков, Юзекей Юзеев (д. Сууксу; в источнике «Сувукбы»), Масей Бухаров, Уразай Елдашев, Уразман Уразмаев (д. Каинтюба; в источнике «Кантюба»), Багы Дюнгултюков, Муса Булатов, Ишдевет Ишеев, Мукай Акманаев (д. Шабызово), Ижболды Субаков, Мяди Иткинин, Амир Кинзегулов, Усман Кинзяков (д. Терпели), Салей Искендеров, Юнус Ибрашев, Алкаш Адилев (д. Урмекеево), Ракай Тохтаров (д. Масы-

¹⁵⁷ МИБ. Т. 4. Ч. 1. С. 156.

¹⁵⁸ Там же. С. 159.

гутово), Тамка Исенеев¹⁵⁹, Алдияр Адилев (д. Болтаево), Сафар Елдашев (д. Кусюково), Сыр[т]лан Танатаров, Сарым Исембетев, Сагит Болтаев, Назырымбет Бек[ч]юрин, Игиш Муслумов (д. Писляк), Карашай Курметев, Князь Таиров, Аит Тохтагулов, Якы Карашаев, Мясей Заишев, Тайчи Ураев (д. Новые Бугады; в источнике «Ибугады»), Араслан Елд[а]шев (д. Сабаево), Аптикей Булатов, Юсуп Атнагулов, Муртаза Токманов (д. Аккузино)¹⁶⁰.

Участие жителей Енейской волости в Семилетней войне (1756–1763 гг.) представляет значительный интерес для изучения системы комплектования российской армии в середине XVIII в. Этот случай наглядно показывает, как центральная власть взаимодействовала с местными административными единицами при проведении мобилизации.

Сохраненные в архивных документах сведения с указанием не только имен, но и точной поселенческой принадлежности мобилизованных воинов (с перечислением конкретных деревень) имеют особую историческую ценность. Они свидетельствуют о существовании хорошо отлаженной системы административного учета, где волость выступала важным промежуточным звеном между центральной властью и местным населением. При этом деревня сохраняла свое значение как базовая единица для проведения мобилизаций и сбора повинностей.

Данный список имен важен для различных аспектов исторического исследования. В военно-историческом плане он раскрывает практику формирования иррегулярных частей в Уфимском уезде. С точки зрения административной истории позволяет изучать систему управления на уровне «волость-деревня». Как исторический источник он сохраняет память о конкретных участниках событий, демонстрируя при этом механизмы вовлечения периферийных территорий в общеимперские военные кампании. Особую научную ценность представляет именно детальная фиксация поселенческой принадлежности воинов, что отражает особенности административной практики того времени и значение локальной идентичности в системе управления Российской империей.

Сведения 1757 г. отражают часть деревень, где проживали татары башкирского сословия Енейской волости. Следует отметить, что по другим данным, в дд. Байсарово, Болтаево (ныне Балтаево Туймазинского района РБ), Масагутово, Урмекеево (ныне Туймазинского района РБ) и Сабаево они жили по припуску. Ранее нами были названы имена вотчинников д. Касаево Еней-

¹⁵⁹ Возможно, его сын Губейдулла («Габедулла») Тимкин записан в ревизской сказке 1816 г. д. Балтаево Белебеевского уезда под № 27 (НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 151. Л. 70 об.).

¹⁶⁰ Башкиры и мишари – участники похода Русской армии в Пруссию 1757 г. [Текст]: сборник документов / сост. И. М. Васильев. Уфа, 2012. С. 30–32.

ской волости, переехавших в д. Сабаево (ныне Буздякского района РБ) Кыр-Калнинской волости.

В ходе работы с источником возникла необходимость уточнить названия двух деревень: вместо ошибочных «Шарово» и «Ибугады» следовало использовать корректные формы – Ушарово и Новые Бугады. Поскольку автор публикации не провел необходимую сверку с другими источниками, эту работу пришлось выполнить самостоятельно.

Проиллюстрируем методику анализа на примере. При изучении ревизской сказки 1811 г. по д. Новые Бугады мы обратили внимание на Ихсана (43 года) и Исламгула (36) Яхиевых, а также Тайчи Ураева (83)¹⁶¹. Сопоставление этих данных с документом 1757 г. показало, что Яхиевы были сыновьями упомянутого ранее Якыя Карашаева. Расчет возраста Тайчи Ураева показал, что на момент похода 1757 г. ему было 29 лет, что соответствует призывному возрасту для участия в военных действиях.

Проведенная работа по идентификации населенных пунктов и их жителей имеет важное значение для точной реконструкции исторических событий, понимания демографических процессов и особенностей расселения населения региона в середине XVIII в. Установление точных соответствий между разновременными источниками позволяет глубже изучить административные практики того периода и проследить судьбы конкретных участников исторических событий.

Хотя Сыртлан Танатаров, участник военного похода русской армии в Пруссию в 1757 г., официально числился уроженцем д. Писляк, ревизские материалы начала XIX в. зафиксировали его проживание в д. Исенбаево, что свидетельствует о существовании тесных межпоселенческих связей.

Кроме «башкирцев», в походе участвовал и служилый татарин д. Адаево Мамет Кадырметев из команды Кутлукадыма Аитова¹⁶². Это расширяет географию мобилизации в пределах Енейской волости.

Перейдем к анализу мировых соглашений, которые играли важную роль в урегулировании споров между вотчинниками и другими участниками земельных отношений. Рассмотрим два показательных примера из 1750-х гг.

Первый случай датируется 21 июля 1758 г. и представляет собой соглашение между вотчинником Ишинбаем Аблаевым из д. Малая Деветерня и дворцовым крестьянином Кондратием Ожгихиным из д. Шадрино Сарапульской волости. Конфликт возник из-за самовольного покоса сена на лугах Ишинбая. В результате переговоров стороны пришли к мирному решению: Кондратий обязался выплатить оброк в размере 3 руб., стороны договорились

¹⁶¹ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 104 а. Л. 241–241 об.

¹⁶² Башкиры и мишари – участники похода Русской армии в Пруссию 1757 г. [Текст]: сборник документов / сост. И. М. Васильев. Уфа, 2012. С. 63.

о прекращении взаимных претензий, а также исключили возможность судебных разбирательств¹⁶³.

Второй пример относится к 19 августа 1758 г. и включает ясачного татарина Даута Аитова из д. Касаево (в источнике «Косой»; Тимкина сотня Арской дороги) и вотчинника Утяша Балтаева из д. Исенбаево. Спор возник из-за незаконного использования бортей Утяша. Условия соглашения предусматривали выплату компенсации в размере 7 руб., отказ от взаимных претензий и прекращение возможных судебных разбирательств¹⁶⁴.

Эти случаи наглядно демонстрируют распространенность мирных способов разрешения конфликтов в XVIII в. В обоих случаях четко прослеживается система компенсаций за нарушение имущественных прав, важность документального оформления соглашений и стремление сторон избежать судебных разбирательств.

Итак, договоры 50-х гг. XVIII в. ярко иллюстрируют различные стороны жизни вотчинников, их взаимодействие с соседними общинами и сложившиеся экономические отношения с русским крестьянством. Через систему соглашений русские переселенцы получали доступ к земельным ресурсам, осваивали новые территории и основывали поселения, что постепенно изменяло этнодемографическую ситуацию в регионе. Эти документы сохранили ценные сведения о конкретных участниках земельных сделок – как представителях вотчинного населения, так и русских крестьянах, а также позволили зафиксировать расположение их поселений. Однако сведения о других этнических группах Енейской волости остаются крайне ограниченными, что существенно сужает исследовательские возможности, о чём уже упоминалось в наших предыдущих работах¹⁶⁵.

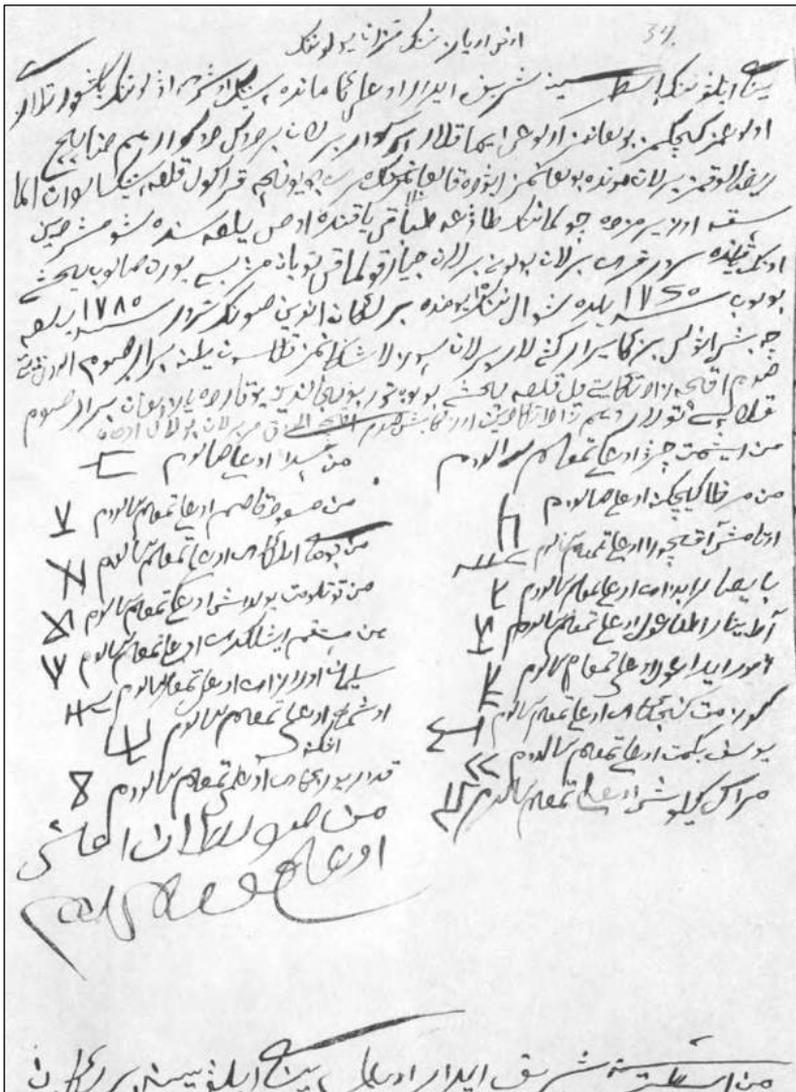
Далее рассмотрим договоры 1760-х годов. Важнейшие сведения о земельных отношениях в регионе содержатся в документе от 4 июля 1760 г. Вотчинники Большого аймака Ишмет Черюков, Мулла Седеев, Мурза Кискинин, Мясягут Касимов, Утямыш Акчюрин, Юмай Аликеев, Байсары Абызаев, Кутлумет Елдашев, Адзитер Аднагулов, Мустахим Ишкильдин, Умир Айдагулов, Сюлейман Уразаев, Кузмет Кинзикеев, Усман Ишкинин, Юсуп Бикметев, Надыр Юзюкеев, Мряк Килишев, Солтан Агишев, писарь Аиткул Токтамышев (из д. Семейостровная) передали в оброчное владение бывшему надсмотрщику Каракулинской крепостной конторы И.Т. Алмазову вотчину на нагорной стороне реки Камы, начиная от устья речки Шумшор и вниз по речке Осе по правой стороне на 20 лет. Они отдали ему расчищенную пашенную землю в д. Ардаш и расположенные рядом с рекой Осой сенные покосы и хмелевые участки до реч-

¹⁶³ МИБ. Т. 4. Ч. 1. С. 173.

¹⁶⁴ Там же. С. 175.

¹⁶⁵ Каримов Т.Т. Енейская поземельная волость Уфимского уезда в первой четверти XVIII в. С. 29.

ки Кутноксы. Иван Алмазов получил право обрабатывать эти пашни, косить сено, собирать хмель, вырубать леса и расчищать поля в лесу, а также возможность селиться на этой земле пятью дворами. Оброк был установлен в размере 20 коп. с каждого двора в год, а в счет будущего оброка было взято 7 руб.¹⁶⁶

Фрагмент договора от 10 июня 1760 г. об отдаче в оброчное владение земель И.Т. Алмазову (МИБ. Т. 3. Приложение 2)

¹⁶⁶ МИБ. Т. 4. Ч. 1. С. 191.

Особый интерес представляет и татарский текст данного договора, составленный еще 10 июня 1760 г., позволяющий дополнить и уточнить имеющиеся сведения. Во-первых, в самом начале текста указано, что указанные вотчинники состоят в команде Шарипа Айдарова, чья подпись подтверждает законность сделки. Во-вторых, наблюдаются отличия в написании имен на татарском и русском языках. Например, в татарском варианте четко написано «Кичкиняш углы», в русском тексте это отчество представлено как «Кискинин», хотя следовало бы записать «Кичкиняшев». Другой пример: в татарском тексте «Чиру углы», в русском варианте – «Чирюков» вместо правильного «Чирюев». Эти различия наглядно показывают особенности транскрипции татарских имен в русскоязычных документах XVIII в. и подчеркивают необходимость комплексного изучения разноязычных источников для достоверной реконструкции исторических событий и персоналий.

Еще одним достоинством татарского варианта договора является регистрация родовых тамг (за исключением подписей Ишмета и Солтана), которые четко указывают на принадлежность вотчинников к различным родовым ветвям. Это противоречит утверждениям, выдвинутым в трудах башкирских учёных, в частности в книге «История башкирских родов. Еней», где все вотчинники Енейской волости необоснованно признаны членами единого «башкирского» рода «Еней». Документы с родовыми тамгами, напротив, убедительно демонстрируют разнородность сообществ и наличие множества родовых групп среди вотчинников.

Анализ договора 1760 г. свидетельствует о предоставлении русским поселенцам права основать пять дворов, что создавало условия для возникновения нового поселения. Формально установленный 20-летний срок аренды, по всей видимости, трансформировался в постоянное поселение через последующее продление соглашения или его переход в бессрочный статус. Подтверждением данной практики служит зафиксированный ранее случай 1736 г. с поселением православных крестьян¹⁶⁷, указывающий на устойчивый характер подобных процессов.

2 января 1761 г. была составлена запись между вотчинниками Енейской волости во главе с Бекметом Кузюмовым, и дворцовыми крестьянами Каракулинской волости, включая Василия Ивановича Глезденева и других. Предметом записи стала передача в аренду на 25 лет рыбных угодий озера Большого Сагадака. Согласно документу, в аренду передавались рыбные угодья озера Большого Сагадака с верхним и нижним истоками, сухостоем, весенними разливами, местами для установки сетей, а также озеро Кривое и мелкие озера. Вотчинники сохраняли за собой право весеннего промысла на свободных участках озера, используя сети до начала сезона запоров, а также

¹⁶⁷ Каримов Т.Т. Енейская поземельная волость Уфимского уезда в 30-е годы XVIII в. С. 17.

возможность круглогодичной рыбалки с применением блесны. При этом арендаторам запрещалось мешать деятельности вотчинников на удобных для промысла местах. Если в озере появлялась духовая рыба, она считалась собственностью вотчинников. Пользоваться озером арендаторы могли с момента заключения договора, сразу после схода весенних вод, на протяжении 25 лет. Озеро разделялось на пять долей: две доли принадлежали Василию Глезденеву и Степану Тебенкову, одна доля – Степану и Якову Фишевым, а оставшиеся две доли – братьям Шевырталовым. Ежегодный оброк за пользование озером составлял 16 руб. Перед подписанием записи вотчинники получили от арендаторов задаток в размере 120 руб., который засчитывался в счет будущих арендных платежей¹⁶⁸.

Вотчинники делились на две группы: первая группа относилась к Малому аймаку и состояла из жителей д. Семестровная (Бекмет Кузюмов¹⁶⁹, Исемгул Урусметов, Услюбай Енабердин, Мавлюкей Асанов, Рысай Юнусаев, Исеммет Касимов, Мясей Касимов, Ишмурза Мрясев, Искендер Яушев, Ракай Утемьшев, Султангул Сюрметев, Кошай Кузюмов, Еркей Ишигулов) и д. Шабиз (Бакир Тимкин, Кусюк Якупов); вторая группа принадлежала Среднему аймаку и включала жителей д. Терпели (Салим Московов, Утя Мутикаев, Муртаза Скустаев¹⁷⁰, Меди Сарбашев, Гумер Московов) и д. Ахуново (Сагандык Мусин, Саты Якупов). Ранее отмечалось, что такая система деления возникла из-за различий в правах владельцев вотчины.

В составе арендаторов – дворцовых крестьян Каракулинской волости – были Василий Иванов сын Глезденев (из Пермьяковской слободы), Степан Романов и Яков Семенов дети Фишевы, Степан Иванов сын Тебенков (пригород Каракулино), Василь, Андрей и Семен Максимовы дети Шевырталовы (д. Малиш).

Особый интерес представляет статус вотчинников из д. Ахуново. Хотя они фактически проживали на территории Булярской волости, юридически сохраняли свой статус вотчинников Енейской волости и продолжали участвовать в ее управленческих делах. Этот прецедент убедительно доказывает, что в системе земельных отношений того времени определяющим критерием владельческих прав являлась формальная принадлежность к конкретной волостной общине, а не фактическое место проживания.

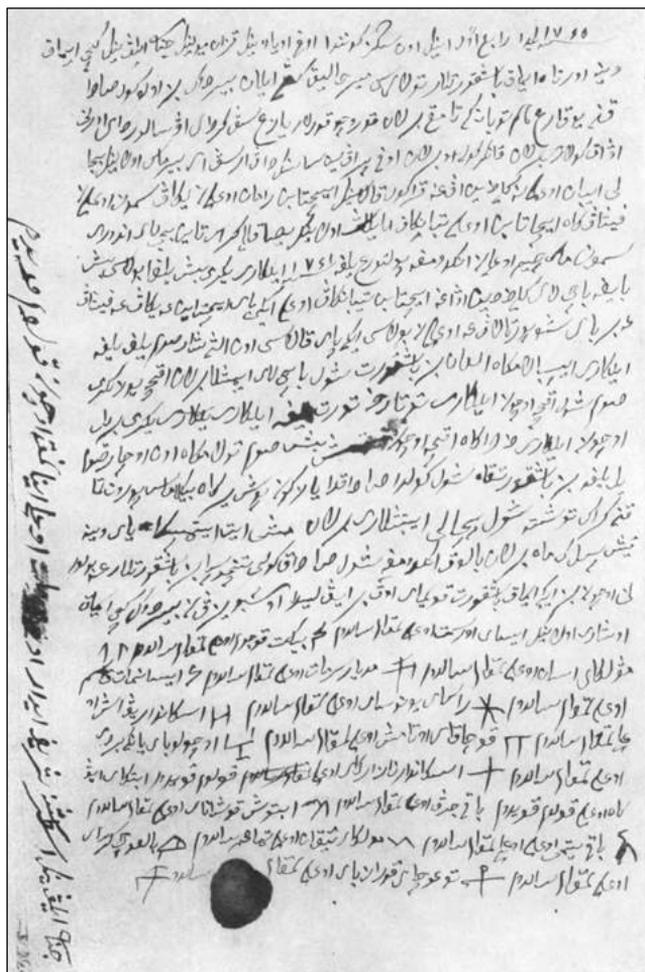
Сохранился татарский текст данного договора, датированный 1760 г., позволяющий внести необходимые уточнения в транскрипцию имен, зафиксированных в русской версии документа. Особенно показателен пример имени Учлубай, которое в русском тексте передается как Услюбай. Это оригинальное имя, образованное от слов «уч» (три), «улу» (большой) и «бай» (бо-

¹⁶⁸ МИБ. Т. 4. Ч. 1. С. 200–201.

¹⁶⁹ Образована от имени Кужум (по-татарски «Кужум»).

¹⁷⁰ В татарском тексте договора – Мустаев.

гатый), является характерным именно для данной деревни и отражает особые пожелания родителей своему ребёнку при выборе имени. Такая практика имянаречения демонстрирует богатство традиционной татарской ономастики и её связь с культурными и социальными традициями сообщества.

Фрагмент договора 1760 г. об отдаче в оброчное владение рыбных ловель В.И. Глезденеву с товарищами (МИБ. Т. 3. Приложение 2)

Значительную ценность представляют содержащиеся в документе родовые тамги вотчинников, которые отсутствуют в русской версии договора. Их владельцы: Тугучай Куразбаев, Юзюкей Татлыбаев, Бикмет Бикүшев, Асан Баисланов, Сагит Ишкаев, Муса Бикчурин, Мустафа Мусин, Амир Кинзягулов, Асанбай Лавданов, Чурагул Мустаев, Иткул Тимербаев.

Примечательно, что данные родовые знаки существенно отличаются от тамг, наблюдавшихся при изучении более раннего текста договора от 10 июня 1760 г. Это различие опровергает предположение некоторых авторов о монолитности общины и свидетельствует о её сложной внутренней структуре, состоявшей из множества генеалогически не связанных родов и семей. Разные сделки могли заключаться с разными группами семейств, имевших свои собственные интересы и права на угодья.

Таким образом, татарский текст договора предстает не просто вспомогательным инструментом для верификации имен, а самостоятельным и уникальным историческим источником. Он содержит пласт информации (родовые тамги, аутентичную антропониимику), безвозвратно утраченный при переводе на русский язык. Его анализ позволяет не только уточнить детали, но и кардинально углубить понимание социальной организации, структуры собственности и генеалогических связей татарского сообщества XVIII в., делая историческую реконструкцию более точной и полной.

1 марта 1761 г. вотчинники Муртаза Апасев (из д. Апасево), Сююндук Князев¹⁷¹, Минлибай Ишменев, Бакир Ишалев, Менгей Мусаев, Сююндук Мусаев, Чурагул Маметев (д. Байсарово), Султан Суангулов, Мустай Юсупкулов, Ермак Килеев (д. Калтеево), Халил Темиров, Утягул Балтасев, Сыртлан Танатаров, Адиль Ибраев, Сагит Елдашев, Исай Балтачев, Султи Кимеев, Кулшарип Даутаев (д. Исенбаево), Муса Бекчурин, Асей Телятев, Муртаза Мустаев, Утягул Митикеев (д. Терпели Терпелинского аймака), Батыр Баисланов, Бексентей Токачев, Князь¹⁷² Апанаев, Абызай Токаев (д. Шабиз Канбарского аймака), Умир Темиров¹⁷³, Бакир Ишимов, Бадрак [Исемметев]¹⁷⁴, Сагандык Телдеев и Бабак Нурметев (д. Суксу) заключили договор с дворцовыми крестьянами Василием Глезденевым (слобода Пермьяковская) и Михаилом Бекетовым (пригород Каракулино). Согласно документу, рыболовные угодья озера Малый Сагадак (Кияды) передавались в аренду на 14 лет. Особенностью соглашения стало разделение сроков аренды для разных аймаков: Большой и Терпелинский аймаки сдавали свою половину с 1762 по 1776 г., а Канбарский аймак – с 1769 по 1779 г.

Финансовая часть договора предусматривала различные условия для разных групп вотчинников. За первые два аймака устанавливался оброк в 3 руб. ежегодно, при этом 13 руб. были выплачены сразу в качестве задатка.

¹⁷¹ В документе ошибочно – Князев.

¹⁷² В другом источнике его имя Князь.

¹⁷³ Ранее в договоре 1738 г. он был показан в д. Картово.

¹⁷⁴ Фамилия упоминается в других договорах, а дети Бадрака указаны в ревизской сказке 1811 г. по д. Суксы.

Первые три года действовали льготные платежи по 2 руб. в год. Канбарский аймак получал 3 руб. 50 коп. в год при задатке в 5 руб.¹⁷⁵

При анализе документа потребовались уточнения в отношении некоторых участников. Бадрак, Сагандык Телдеев и Бабак Нурметев были представителями д. Суксы, хотя в публикации ошибочно названа несуществующая д. Бадрак. В действительности все перечисленные лица, включая Бадрака [Исемметева], являлись вотчинниками д. Суксы. Эта ошибка подчеркивает важность точной идентификации участников исторических событий.

Единственное известное упоминание Терпелинского аймака в документах позволяет предположить, что термин «аймак» мог применяться к жителям одной деревни, которые, в отличие от одновотчинников, обладали специфическими правами на вотчину (причины чего пока остаются неясными).

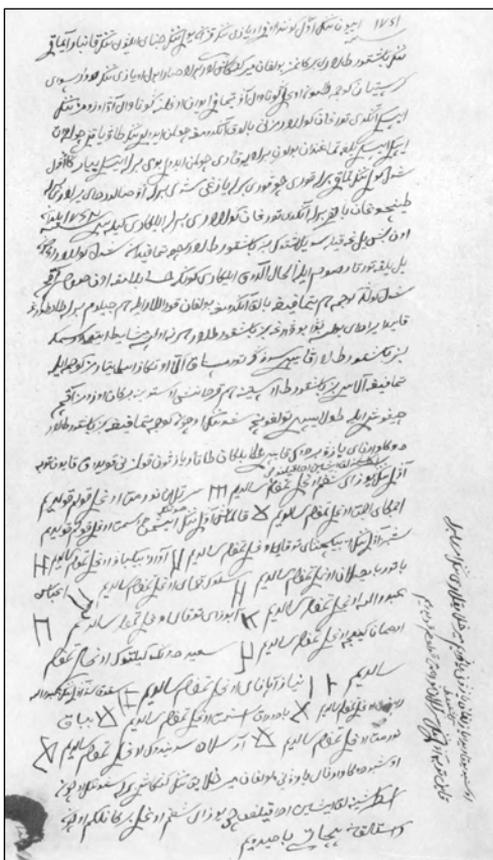
Данный договор представляет особый интерес как пример сложной системы арендных отношений, учитывающей принадлежность к разным поземельным единицам (аймакам), с дифференцированными сроками и условиями платежей. Он наглядно демонстрирует механизмы землепользования в регионе и требует внимательного источниковедческого анализа для правильной интерпретации.

Особый интерес представляет владенный указ от 15 марта 1761 г., который жители д. Старые Черемисские Суксы (ныне Мари-Суксы Актанышского района РТ) упоминали в своем прошении 1841 г. Согласно документу, на протяжении более полувека между «тептярями» и вотчинниками Енейской волости сохранялись мирные отношения. Ситуация изменилась после генерального межевания 1800 г., когда традиционная территория волости была разделена на четыре тюбы (Бикбуловскую, Канбарскую, Бугадинскую и Тугузскую), а само селение оказалось разделенным между Бикбуловской и Канбарской тюбами. Это поземельное преобразование, первоначально не вызвавшее конфликтов, к 1815 г. привело к земельным спорам, когда «башкирцы» трех тюб начали оспаривать права «тептярей» на пахотные земли и сенокосные угодья¹⁷⁶.

Отсутствие полного текста указа 1761 г. не позволяет однозначно определить правомерность претензий сторон, однако сам факт длительного мирного сосуществования свидетельствует об устойчивости сложившихся земельных отношений. Особого внимания заслуживает редкий случай территориального разделения жителей одной деревни между двумя тюбами, что отражает сложность территориального устройства региона и последствия межевой реформы. Данный эпизод требует тщательного изучения, так как проливает свет на трансформацию традиционной системы землепользования под влиянием государственной политики.

¹⁷⁵ МИБ. Т. 4. Ч. 1. С. 204.

¹⁷⁶ НА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 4682. Л. 97.

Фотокопия договора от 1 июня 1761 г. вотчинников Канбарско-го аймака об отдаче в оброчное владение рыбных ловель дворцовым крестьянам К.Т. и Т.И. Коноваловым (МИБ. Т. 3. Приложение 2)

6 июля 1761 г. вотчинники Камбарского аймака Енейской волости в главе со старшиной Юзеом Шигимовым заключили договор с дворцовыми крестьянами Сарапульской волости «Кузьмой Тамоновым и Тимофеем Ивановым детьми Коноваловыми». В документе названы следующие представители аймака: Юзей Шигимов, Сыртлан Нурметев, Азмекей Азметев (из д. Каин-Тюба), сотник Ишмень Дюсметев (д. Калмаш), Бексентей Токаев, Аvez¹⁷⁷ Бекбовов, Батыр Баисланов, Абызай Токаев, Усман Кинзин, Нияз Апанаев, Сагит Суюндуков, Агбез Абдуллин, Сюлюк Камаев (д. Шабиз), Абдул Рамгулов, Бадрак Исемметев, Бабак Нурметев, Араслан Суюндуков (д. Суксу). Согласно договору, вотчинники передали в 15-летнее оброчное владение рыбные ловли по нагорной стороне реки Камы – от устья старой речки до Старой Боярки, включая озера, заливы и сетевые метища. Оброк был установлен в размере 4 руб. ежегодно, при этом 10 руб. были получены авансом.

¹⁷⁷ В татарских текстах это имя пишется «Аваз», то есть без буквы «е».

Крестьяне получали право ловить рыбу всеми снастями, ставить езы и переимы, а вотчинники обязались защищать их от притязаний третьих лиц¹⁷⁸.

Особую научную ценность данному документу придаёт полный перечень всех участников сделки с указанием их деревень, что позволяет воссоздать состав Камбарского аймака и определить представителей местной элиты, проживающих в дд. Каин-Тюба, Калмаш, Шабиз и Суксу. Договор иллюстрирует механизмы вовлечения русского населения в традиционный уклад эксплуатации природных ресурсов вотчинников путём института оброка, а также демонстрирует активное участие самих вотчинников в товарно-денежных операциях. Регистрация обязательств по возмещению возможных убытков свидетельствует о высокообразованном характере правовых отношений в регионе.

Следует указать, что договор от 6 июля 1761 г. имеет ещё татарский текст, который был составлен 1 июня 1761 г. Сопоставление русского перевода с татарским текстом выявило новые примеры адаптации татарских антропонимов в российском делопроизводстве XVIII в. Особенно показательна разница в написании имени «Бикчентей» в оригинале и «Бексентей» в переводе, где наблюдается систематическая замена сочетания «кч» на «кс» и гласного «и» на «е». Подобные трансформации не связаны с фонетическими особенностями того времени, а отражают устоявшуюся бюрократическую практику приведения иноязычных имен в соответствие с нормами русской письменности, создающую иллюзию иного произношения.

Аналогичное искажение прослеживается в написании имени «Канбар», которое в русском переводе трансформировалось в «Камбар» (что отражается в написании «Камбарский аймак» вместо «Канбарский аймак»; примечательно, что в некоторых русских текстах всё же сохраняется форма «Канбарский»). Эти и другие примеры подчеркивают необходимость тщательного сравнительного анализа разноязычных версий исторических документов для выявления оригинальных антропонимических форм и предотвращения ошибок в лингвистических исследованиях. Такой подход позволяет более точно реконструировать исторические реалии и сохранить аутентичность имен собственных.

2 января 1762 г. была составлена запись между вотчинниками Енейской волости во главе с писарем Аиткулом Тактамышевым и дворцовыми крестьянами Сарапульской волости Казанского уезда, среди которых значился Василий Тимофеев Сметанин. Предметом записи было предоставление в аренду на 20 лет рыбных угодий в Галановских озерах. Согласно документу, в аренду передавались три озера – Большое, Долгое и Противка, а также мелкие озёрки, расположенные вблизи деревни Галаново. Границы аренды простирались от устья речки Ветлянки до устья Черепанихи, включая сушу и весенние разливы, а также места для установки сетей и ловли «духовой» рыбы.

¹⁷⁸ МИБ. Т. 4. Ч. 1. С. 220.

Арендаторы получили право пользоваться этими водоемами с момента подписания записи вплоть до истечения срока аренды в 20 лет. Оброк за пользование озерами составлял 7 руб. в год. Перед подписанием соглашения вотчинники получили от арендаторов задаток в размере 35 руб., который засчитывался в счет будущих арендных платежей. После внесения задатка оставшаяся часть арендной платы должна была уплачиваться ежегодно в сумме 5 руб.¹⁷⁹

Вотчинники д. Семестровная, заключившие этот договор, представляли Большой аймак Енейской волости и включали следующих лиц: писарь Аиткул Токтамышев, Солтан Агишев, Маслюм¹⁸⁰ Акчюрин, Мустахим Ишкильдин, Гумер Бекметев, Сеит Бекчюрин, Чюрагул Агишев, Якшигул Токтамышев, Мурза Кискинин, Сагит Султанов, Субуханкул Муксимов, Чинай Бигишев, Мулла Седеев, Адзитер Аднагулов, Юмай Аликеев, Минлибай Юртюкеев, Кузмет Кинзикеев, Чураш Карабаев, Мустай Ишкильдин, Кадыр Юзюкеев, Аит Бекчюрин, Имай Асанов, Гали Зиянов, Гумер Аднагулов. Дворцовые крестьяне происходили из дд. Галаново и Соколовка дворцовой Сарапульской волости.

Анализ списка вотчинников выявляет необходимость уточнения локализации для ряда персоналий. В то время как основная группа лиц однозначно относится к д. Семестровная, данные по крайней мере трёх из перечисленных лиц – Кузмета Кинзикеева, Чураша Карабаева и, предположительно, Имая Асанова – согласно дополнительным источникам, указывают на их принадлежность к д. Буаскуль. Корректировка атрибуции их места проживания или происхождения необходима для обеспечения точности последующих историко-генеалогических и демографических реконструкций, позволяя избежать ошибок в идентификации и территориальной привязке исторических акторов.

Кроме того, в представленном списке важно зафиксировать корректное написание антропонимов в их первоначальном виде. Так, фамилия «Агишев» (например, Солтан Агишев, Чюрагул Агишев) приведена верно, в отличие от встречающейся в ряде русских текстов ошибочной транслитерации «Агышев», которая искажает оригинальное звучание и морфологию татарского имени. Это уточнение обеспечивает лингвистическую точность источника и способствует сохранению аутентичности антропонимики.

22 февраля 1762 г. была составлена запись между вотчинниками Енейской волости во главе с Кушунбаем Аднагуловым и дворцовыми крестьянами с. Мазунино Сарапульской волости Казанского уезда братьями В.В. Сомовыми. Предметом записи являлось предоставление в аренду на 15 лет земельных владений по реке Каме. Согласно документу, указанные земли включали в себя бортное угодье, расположенное на нагорном берегу реки Камы напротив

¹⁷⁹ МИБ. Т. 4. Ч. 1. С. 230.

¹⁸⁰ Имя вотчинника написано ошибочно, в других документах – Муслюм.

с. Мазунино, вдоль речек Момылевка, Талая и Северная. В пределах этих границ арендаторам разрешалось заниматься традиционными промыслами: охотой на зверей и птиц, сбором хмеля, рыбной ловлей, а также использованием существующих бортовых деревьев и закладкой новых. При этом вотчинникам запрещалось вмешиваться в деятельность арендаторов и создавать какие-либо препятствия. Арендная плата за использование земель составляла 1 руб. 40 коп. в год. Указанные владения передавались в аренду сроком на 15 лет начиная с даты составления записи.

Вотчинники проживали в д. Аккузино (ныне Аккузево Илишевского района РБ) и входили в состав «Малого аймака, особливой тубы». Среди них были Кушунбай Аднагулов, Мусалим Апкин, Муртаза Мратов, Аит Токтамышев, Сагандык Кузмекеев, Муксим Мусаев, Габдулкарим Забиров, Ишали Кушунбаев, Мурсалим Муртазин, Муай Татлыбаев¹⁸¹. Особого внимания заслуживает личность Кушунбая Аднагулова. Его участие в договоре представляет особый интерес в контексте ранее рассмотренного документа 1712 г., связанного с вотчинниками Булярской волости, где упоминается человек с созвучным именем – Ишинбай Аднагулов. Не исключено, что это близкий родственник (возможно, брат) Кушунбая Аднагулова. Этот факт требует тщательного изучения и анализа дополнительных исторических источников для точной идентификации личностей и установления родственных связей.

8 марта 1762 г. была составлена договорная запись между вотчинниками Енейской волости во главе с Муслимом Акчуриным и дворцовыми крестьянами Каракулинской волости, представленными Федором Каргапольцевым и другими. Предметом договора являлась передача в аренду на срок 27 лет рыбных угодий озера Сомова (Курга). Отдача угодий происходила на основании записи 1732 г. Согласно договору, аренда рыбных угодий распределялась следующим образом: Федор Каргапольцев, Григорий Соломенцев, Александр Болкисев и Василий Шевырталов получали по одному паю, тогда как Матвей Глезденев и Алексей Бердников совместно владели одним паем. Задаток за аренду составлял: 45 руб. 90 коп. от Федора Каргапольцева, 25 руб. 11 коп. от Григория Соломенцева, 42 руб. 66 коп. от Александра Болкисева, 45 руб. 9 коп. от Василия Шевырталова и 50 руб. от Матвея Глезденева и Алексея Бердникова. Ежегодный оброк за пользование озером устанавливался в размере 12 руб. Помимо этого, стороны достигли соглашения о дополнительных выплатах к первоначально внесенным задаткам: Федор Каргапольцев обязался выплачивать дополнительно 70 коп., Григорий Соломенцев – 1 руб. 47 коп., Александр Болкисев – 82 коп., Василий Шевырталов – 73 коп., а Матвей Глезденев и Алексей Бердников – 55 коп. Общая сумма дополнительных платежей составляла 4 руб. 27 коп. в год. По условиям договора, арендаторы имели право свободно использовать любые рыболовные снасти

¹⁸¹ МИБ. Т. 4. Ч. 1. С. 235–236.

без препятствий со стороны вотчинников. Вотчинники, в свою очередь, обязались не препятствовать аренде и не чинить никаких помех в использовании озера¹⁸².

Договор свидетельствует о взаимовыгодных деловых связях татар-вотчинников с русскими крестьянами. Вотчинники из д. Ушар Семестровная тож представлены следующими людьми Большого аймака: Муслим Акчюрин, Утямыш Акчюрин, Гали Зиянов, Мулла Седеев, Якшигул Токтамышев, Мулла Ишкильдин, Мурза Кискинин, Минлибай Юртюкеев, Адзитер Аднагулов, Кинзибай Тюлюмбаев, Сеит Бекчюрин, Кутлумет Елдашев, Заит Бекчюрин, Аккузя Кискинин, Муай Ишкильдин, Кадыр Юзюкеев, Мрак Алишев, Аит Бекчюрин, Чинай Бигишев, Субханкул Муксинов, всего 20 человек. Русские крестьяне относились к пригороду Каракулино и дд. Новоселово, Перьяково и Маляш.

Сравнительный анализ с более ранним договором от 2 января 1761 г. показывает, что состав участников из Большого аймака д. Ушар (Семестровная) расширился за счет включения новых лиц. Это свидетельствует о гибкости системы представительства в общине, где состав полномочных представителей мог меняться в зависимости от характера сделки.

Особого внимания заслуживает вариативность написания антропонимов в русских документах. Так, Субханкул Муксинов в более раннем договоре был записан как Субханкул Муксимов. Форма «Субханкул Муксинов» является более корректной с точки зрения норм татарской антропонимики, в то время как вторая версия отражает фонетическую адаптацию на слух русским писцом. Данное наблюдение подчеркивает важность критического сопоставления разноязычных и разновременных версий документов для точной идентификации лиц и реконструкции генеалогий.

В документе, датированном 2 марта 1764 г., зафиксирован договор между двумя представителями разных сословных групп – татаринном д. Капеево (ныне Капей-Кубово Буздякского района РБ) Макеем Атабаевым команды старшины Ижбулды Ишкинина и «башкирцем» д. Балтаево (ныне Туймазинского района РБ) Сапером Тиминеевым команды старшины Галия Ермухамметова Енейской волости. Суть договора заключается в том, что Макей Атабаев взял у Сапера Тиминеева денежную сумму в размере 86 руб. для покрытия личных расходов и погашения долгов. В счет возврата долга Макей обязуется проживать в доме Сапера и его детей, а также выполнять различные хозяйственные работы под руководством хозяина. За это он будет получать ежегодное вознаграждение в размере 8 руб. Договор предусматривает также обязательства Макея соблюдать правила поведения в доме Сапера, не наносить ущерба хозяину, его семье, имуществу и скоту. Кроме того, Макею предписано довольствоваться теми продуктами питания и одеждой, которые

¹⁸² МИБ. Т. 4. Ч. 1. С. 236–237.

предоставляет хозяин. Отдельно оговаривается условие, согласно которому, если на Макея будут возложены налоговые или иные государственные платежи, их временно берет на себя Сапер, пока Макей работает у него¹⁸³.

Имя Макея Атабаева выделяется своей нестандартностью. Фактически его полное имя – Мавлюкей. Согласно ревизской сказке 1762 г., в д. Кетеево на р. Кидаш были зарегистрированы братья Муслим (47 лет; дети Хасан и Хусейн) и Мавлюкей (43 года; сын Зулкарней) Атабаевы¹⁸⁴. Стоит обратить внимание, что под названием «Кетеево» фактически скрывается д. Капей-Кубово, где в 1795 г. первым упомянут Имаш Ибрашев, ранее проживавший в д. Кетеево согласно списку 1762 г.¹⁸⁵ Таким образом, данные документа от 2 марта 1764 г. позволили установить взаимосвязь между топонимами Кетеево и Капей-Кубово и предположить, что переписчик случайно заменил название д. Капей-Кубово на «Кетеево».

Еще одним важным аспектом является сословная принадлежность Макея Атабаева. В 1764 г. он все еще значился ясачным татаринном. Однако уже в 1795 г. жители Капеево (которые были зафиксированы в документах 1762 г.) будут именоваться «тептярями». Это подтверждает общую тенденцию, согласно которой термин «тептяр» стал массово применяться к ясачным татарам только к концу XVIII в.

Деревня относилась к Калнинской поземельной волости, а старшиной ясачных татар был уроженец местной д. Актово Ижбулды Ишкинин (70 лет; сын Юлдаш), также относившийся к данному сословию¹⁸⁶. Этот факт свидетельствует о том, что представители башкирского сословия Енейской волости активно взаимодействовали со своими одновотчинниками из отдаленных волостей Казанской дороги. Подобное взаимодействие мы уже отмечали на примерах других деревень.

13 июля 1764 г. вотчинники д. Буаскуль (Иманай Асанов, Кузметь Кинзикиев, Чюраш Карабаев и Аблай Иманов из «особливой тюбы» Большого аймака Енейской волости) заключили договор с группой дворцовых крестьян Каракулинской волости во главе с Федором Ивановым сыном Каракулиным. Соглашение предусматривало передачу в аренду на 20 лет рыболовных угодий озера Маляши (Мандяши). По условиям договора в аренду передавалось озеро Маляши со всеми прилегающими территориями, включая истоки Ашагар, участки в Камышном логу, сухостойные земли, весенние разливы, а также места для установки рыболовных сетей и ловли «духовой» рыбы. Срок аренды начинался с 1765 г. после схода весенних вод. Годовой оброк составлял 9 руб., с понижением до 4 руб. в маловодные годы. Арендаторы внесли задаток в раз-

¹⁸³ МИБ. Т. 4. Ч. 1. С. 281.

¹⁸⁴ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3801. Л. 24–26.

¹⁸⁵ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 34. Л. 402.

¹⁸⁶ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3801. Л. 2.

мере 20 руб., засчитываемый в счет будущих платежей. Арендаторы, в число которых входили крестьяне Федор Иванов сын Каракулин (из пригорода Каракулино), Лев Онисимов сын Черницын, Иван Никитин сын Буторин, Иван Афонасьев сын Колотов, Семен Максимов сын Шевырталов (д. Маляш), получили право свободно ловить рыбу в указанном озере всеми доступными способами. Вотчинники со своей стороны гарантировали беспрепятственное пользование озером в течение всего срока аренды¹⁸⁷.

Договоры 1750–1760-х гг. являются ценными историческими источниками, отражающими сложную систему арендных отношений между татарскими вотчинниками и русскими крестьянами. Эти документы детально фиксируют условия природопользования, включая особенности рыболовного промысла, сенокосных угодий и других хозяйственных ресурсов, демонстрируя высокий уровень правовой культуры и деловых отношений в регионе.

В этих соглашениях прослеживается продуманная система финансовых расчетов с дифференцированными ставками оброка, механизмами гарантий через задатки и дополнительные платежи, а также четким распределением прав и обязанностей сторон. Особый интерес представляет гибкость условий аренды, учитывавших различные природные факторы, что свидетельствует о рациональном подходе к эксплуатации природных ресурсов.

Особую значимость этим документам придает возможность проследить динамику административного статуса поселений и изменений в составе их жителей. Наблюдается интересная закономерность: принадлежность к определенному аймаку не всегда строго определяла состав жителей конкретной деревни, что указывает на условность территориальных границ и гибкость системы управления в Енейской волости.

Эти договоры представляют собой важное свидетельство взаимовыгодного сотрудничества между разными этническими и сословными группами – татарскими вотчинниками и русскими крестьянами. Такое взаимодействие способствовало не только хозяйственному освоению региона, но и формированию уникальной системы землепользования, в которой органично сочетались традиционные и новые экономические практики.

Таким образом, комплексное изучение этих документов позволяет не только восстановить отдельные аспекты хозяйственной жизни середины XVIII в., но и глубже понять характер межэтнических и межсословных отношений в регионе, выявить механизмы адаптации традиционных институтов к изменяющимся экономическим условиям.

¹⁸⁷ МИБ. Т. 4. Ч. 1. С. 299.

ГЛАВА 3

Невотчинники Енейской волости по переписи 1762 г.

Ревизские сказки 1762 г. представляют собой важный источник для изучения численности и состава населения, проживавшего по припуску вотчинников Енейской волости. Этот документ является уникальным, так как впервые полностью отражает данные о ясачных татарах и тептяро-бобыльской сословной группе, которые ранее были представлены лишь фрагментарно в материалах 1-й и 2-й ревизий. Недостаточное внимание к этому источнику в трудах некоторых башкирских историков приводит к искажению представлений о численности и составе населения Енейской поземельной волости, а также к недооценке роли невотчинников в истории региона.

Эти материалы позволяют уточнить не только численность, но и социальный состав населения, а также проследить процессы формирования тептярского сословия. Изучение таких данных помогает восстановить более полную картину истории населенных пунктов и поземельных волостей, учитывая не только вотчинников, но и другие группы населения, которые часто оставались в тени в исторических исследованиях.

Таким образом, ревизские сказки 1762 г. являются ценным источником для понимания демографических, социальных и экономических процессов в Енейской волости и других регионах в XVIII в. Их детальное изучение позволяет избежать искажений в исторических трудах и более точно реконструировать прошлое.

О населении, живущем в Енейской волости по припуску вотчинников, более полно сообщается в ревизских сказках в 1762 г. В команде ранее названного старшины Уразмета Юсупова Енейской волости показаны «тептяри» и бобыли» следующих деревень: Кадыбашево, что на рч. Каде (60 душ муж. пола), Наратово, что на рч. Утмяс (20), Улу Дювтир, что на рч. Каде (46), Нарат, что на рч. Кутмас (34), Тугузкарагай, что на рч. Каде (6), Утеганово, что на рч. Базады (5), Мердешево (2), Пинасово, что на рч. Пинасово (19, черемисы), Каясаф, что на рч. Каясаф (18, черемисы), Усакаево, что на рч. Акшик (15, черемисы), Паламыш, что на р. Паламыше (26, черемисы), Быргынды, что на рч. Быргынды (18, черемисы), Байтуганово, что на рч. Буйма (37, черемисы), Каракуль, что на рч. Каракулке (8, черемисы), Бек-

бовово, что на рч. Ику (55), Тузгинибика, что на рч. Ик (8), Апасево, что на рч. Шабиз (8), Маткаушево, что на рч. Маткауш (15), Сарысазово, что на рч. Тюралы Кул (4), Буранчино, что на рч. Базяна (12), Илтемирово, что на рч. Базе (4), Назби, что на рч. Азби (11), Уменеєво, что на рч. Базе (33), Тарбино, что на рч. Тарби (30, черемисы), Асылтюш, что на рч. Шабиз (3; в т. ч. Абдош Сабанчєєв), Вершины Шабиз, что на рч. Шабиз (20), Кыркаинтюба, что на рч. Шабиз (17), Бугады, что на рч. Бизяда (1; Ябай Ишметов), Зияшево, что на рч. Бизяда (11), Караталово, что на рч. Сарысаз (15; в т. ч. Биктимер Сеитов), Нижние Урьяды, что на рч. Урьяды (7), Сууксу, что на рч. Сууксу (83, черемисы), Адаєво, что на рч. Кудюк (30), Сууксу (5), Урзады, что на рч. Урзады (65), Зизмеєково, что на рч. Шабиз (57), Минлярово, что на рч. Сюнь (41; в т. ч. сотник Якуп Болтасєв), Байсарово, что на рч. Сюнь (31), Аккузево, что на рч. Таш (7), Сениряново, что на рч. Сюнь (11; в т. ч. Исєргап Кутлыєв). Всего зарегистрировано 895 душ муж. пола. Старшина Уразмет Юсупов проживал в д. Кадыбаш (ныне Агрызского района РТ), кроме него в конце списка отмечен сотник Сагит Даутов¹.

В д. **Кадыбашево** (ныне Кадыбаш Агрызского района РТ), расположенной на р. Кады, в 1762 г. были учтены следующие татары тептярского сословия: 1) старшина Уразмет Юсупов (66 лет; дети Абдюш (его Ибрагим, Исмаиль, Сатый), Башир (его Рамазан), Абдулла); 2) Бухармет Юсупов (54; дети Кадырмет, Игиммет, Зюбеир); 3) Мадияр Иштерьяков (63; дети Уразман, Бикбатыр); 4) Мавлюш Семенов (умер; дети Исєммет (54; его Аиткул (его Алкей, Гадельша) и Сеиткул), Искєндєр (51; его Габдулкарим, Габдрашит), Надырмет (30; его Габдулгази), Мурат (24; его Ягуда, Явгильда), Назир, Амир, Халил); 5) Явгости Шайбулатов (умер; сын Бєккиня (44; его Гадель (его Чурагул), Надир, Бакир, Абдул, Абди)); 6) Уразай Явгастин (31; дети Сагит, Сатый, Салих); 7) Ахмер Аблаєв (40); 8) Апас Янбаєв (умер; сын Бухарай (30); 9) Уразай Гарибердин (33); 10) Ишмухаммет (19) и Абдулла (3) Ишмурзины; 10) Байряш (умер; дети Аюкей, Даутай) Хасан (52), Ибраш (50; сын Ермухаммет (19; его Нязяр, Амир, Ишмухаммет, Халил)), Алкаш (37; сын Мавлют) и Темиркей (27) Дюсєєвы, всего 60 душ муж. пола. В ревизской сказке содержатся родовые тамги выборного Уразая Явгостина и старосты Бухарая Апасєва².

Обращает на себя внимание фамилия Явгостин у выборного из д. Кадыбаш. Такая же фамилия ранее встречалась в материалах переписи 1762 г. в д. Семьяково Булярской волости, где был зафиксирован 66-летний Якуп Явгостин³. Это свидетельствует о том, что имя Явгости (или производные от него формы) было распространено в XVII в. и использовалось в различных населенных пунктах региона.

¹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3801. Л.1079–1139.

² Там же. Л. 1079–1082.

³ Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том 1. Булярская волость. С. 93.

В XIX в. эти «тептяри» и их потомки из д. Кадыбаш Елабужского уезда были административно переведены в команду старшины Тукаева в составе Байлярской волости. Данное изменение было обусловлено тем, что большинство «тептярей» региона уже относились к Байлярской волости, и власти стремились унифицировать управление этой категорией населения. Этот перевод отражает характерную для имперской административной практики тенденцию к упрощению структуры управления через объединение разрозненных групп в более крупные административные единицы.

В д. **Наратово** (ныне Сосново Агрызского района РТ), расположенной на рч. Утмыс, в 1762 г. были записаны следующие татары тептярского сословия: 1) Юзей Юнусов (47 лет); 2) Исеммет Килметев (67; дети Хабибулла, Аит, Габдуляли); 3) Тайчин Килметев (умер; дети Гадельша, Габдулсалам); 4) Минеляк Ишметов (72); 5) Муса Уркин (70); 6) Даутай Исмаилов (47); 7) Шикмамай Исмаилов (62; сын Габдулгази (27; его Яркей)); 8) Ишмен Смаилов (35; сын Магаз); 9) Гадель Аитов (65); 9) Асай (55) и Заит (умер; дети Аит (его Сеиткул), Аиткул) Дусаевы, всего 20 душ муж. пола. В ревизской сказке содержатся родовые тамги выборного Шикманая Исмаилова и старосты Асая Дусаева⁴. Другая часть населения деревни приведена в отдельном списке, который мы также рассмотрим.

Из названных выше Аиткул Заитов и потомки некоторых жителей (например, Даутая, Аита и Сеиткула) позже будут названы в ревизском списке 1834 г. д. Нератово Сосново тож Елабужского уезда Вятской губернии в составе команды старшины Сейфутдина Ибрашева⁵.

В д. **Улу Дювтир**, (ныне Девятерня Агрызского района РТ) расположенной на р. Кады, в 1762 г. были зарегистрированы следующие татары тептярского сословия: 1) Ягафер Рысметов (34 года; дети Ягуда, Амир, Абулхаир); 2) Мавлюкей Солтукаев (умер; дети Ибраш, Исмаиль); 3) Сарбаш Тойбахтин (умер; дети Тимер (57; его Зяня, Гайса, Габбяс, Абдулла) и Надыр (33; сын Гадельша)); 4) Кушак Тойбахтин (умер; сын Кулмет (37)); 5) Минлиш Илметов (77; дети Ермухаммет, Ишмухаммет, Мряс); 6) Исмаиль Токкузин (90; дети Яркей (его Низир?, Нязир, Габдулзялил), Аит, Асан); 7) Зюлкарней Сеитов (64; дети Кузягул, Минлигул, Курагул, Супханкул (его Игимет, Бикмамет, Калмамет, Минликей, Галкей)); 8) Хусейн (55; дети Халит, Бекбов) и Уразман (40; сын Токтагул) Биктеевы; 9) Сулейман Сармакаев (75; дети Гумер, Халит); 10) Баки Алметев (32; дети Сагит, Сагындык), всего 46 душ муж. пола⁶.

При сопоставлении ревизских материалов выяснилось, что в первой ревизии поселение было зарегистрировано как Большая Девятерня Тогуз тож у речки Кады. Параллельно существовало татарское название – Улу Дювтир,

⁴ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3801. Л. 1082–1083.

⁵ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 580. Л. 181 об.–184.

⁶ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3801. Л. 1084–1086.

где, помимо слова «улу» («большой»), прослеживается искажённое написание топонима «Девятерня». Этот топонимический дуализм отражает административные традиции XVIII в., когда русские и татарские названия сосуществовали в официальных документах. При этом анализ антропонимов обнаружил характерные искажения: фамилия Мавлюкея трансформировалась из исходного Солтанаев в Солтукаев, а Сулеймана – из Сарманаев в Сармакаев⁷, что демонстрирует процесс адаптации татарских имен в русскоязычной бюрократической практике.

Обнаруженные разночтения в именах и названиях принципиально важны для исторических исследований. Они не только позволяют скорректировать генеалогические данные, но и раскрывают механизмы документооборота XVIII в., когда переписчики часто русифицировали оригинальные антропонимы. Эти наблюдения подчеркивают необходимость критического подхода к работе с ревизскими материалами, где вариативность написания отражает не ошибки, а живую языковую практику эпохи. Подобные уточнения существенно углубляют наше понимание процессов формирования сословных общин и административного учета нерусского населения Российской империи.

В д. **Нарат** (ныне Сосново Агрызского района РТ), расположенной на рч. Кутмас, в 1762 г. были зафиксированы следующие татары тептярского сословия: 1) Гулюк (36 лет; дети Мрат, Ишали, Ярмухаммет), Мягди (умер; сын Максют), Яркей (умер; дети Явгильды (20; его Калми), Ягуда (9) и Евмет (4) Ниязовы; 2) Араптан Князев (28; сын Гадельша); 3) Авез (66) и Кузбак (умер; дети Сагит (умер; его Мратбаки), Солтанбек (его Габдулвагап) и Салих) Миняевы; 4) Мряс Аташев (умер; дети Абдулла (его Баислан (его Арсянбик), Бакир, Башир, Мунасып), Ибрай (его Габдулзялил) и Габдулсалиям); 5) Алдар Касимов (умер; сын Мухамметшарип); 6) Мавлюш Салиев (умер; дети Башир, Бакир, Умер (его Валит)); 7) Аит Нуркин (48; сын Минлигул); 8) Усеин Абдирменев (30), всего 34 души муж. пола⁸.

Таким образом, всего по двум спискам, в д. Сосново насчитывалось 54 души муж. пола. Некоторые из жителей (Ягуда Яркеев; в источнике «Зяркеев»⁹) позже будут названы в ревизском списке 1834 г. д. Нератово Сосново тож Елабужского уезда Вятской губернии.

Далее в ревизском документе 1762 г. содержатся сведения о населении тептярского сословия следующих деревень: 1) Тугузкарагай, что на рч. Каде (6 душ муж. пола, в т. ч. Арка Аблеев (77 лет; сын Шарип), Или Зиянов (умер; дети Камей, Абдулла), Абди Абдулов (30)); 2) Утяганово, что на рч. Базады (5 душ муж. пола; в т. ч. Араптан Утяганов, Мурсалим Янмурзин (умер; дети Ишмухаммет, Ахмер, Габит, Токтар)); 3) Мердешево (2 души

⁷ Там же. Д. 3792. Ч. 1. Л. 259 об.–261.

⁸ Там же. Д. 3801. Л. 1086–1088.

⁹ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 580. Л. 174 об.

муж. пола; в т. ч. Сеит Нуркин, Абдулла Килметов); 4) Пинасово, что на рч. Пинасово (19 душ муж. пола, черемисы); 5) Каясаф, что на рч. Каясаф (18 душ муж. пола, черемисы); 6) Усакаево, что на рч. Акшик (15 душ муж. пола, черемисы); 7) Паламыш, что на р. Паламыш (26 душ муж. пола, черемисы); 8) Быргынды, что на рч. Быргынды (18 душ муж. пола, черемисы); 9) Байтуганово, что на рч. Буйма (37 душ муж. пола, черемисы); 10) Каракуль, что на рч. Каракульке (8 душ муж. пола, черемисы)¹⁰.

В д. **Бикбовово** (ныне Бикбулово Мензелинского района РТ), расположенной на р. Ик, в 1762 г. были учтены следующие татары тептярского сословия: 1) Даут Абаков (45 лет; дети сотник Сагит (его Хамит), Зюлкарней, Зюлфукар, Салих); 2) Рахманкул Нуркин (умер; сын Ишмухаммет (19)); 3) Гадель Абагов (умер; дети Абдал (его Биктимер, Кунгур), Габбяс, Габдулкарим, Габдулзялил, Мазит, Валит); 4) Кадыр Абаков (60; сын Бикташ (22)); 5) Айдагул Токбердин (70; дети Султанмрат (его Миршарип), Султанбек, Габдулгази); 6) мулла Хасан Уразмухамметов (76; дети Сагит, Габдрахман, Афиратан, Ягуда); 7) Асей Кузекеев (умер; сын Халил (32)); 8) Мавлюкей Нурушев (47; дети Башир, Амин); 9) Масей Владимеров (43; дети Минлигул, Юмагул); 10) Мустай Байгузин (52), сын Муксим Мустин (умер, его Садык); 11) Сулейман Байгузин (умер; сын Мукмен); 12) Гумер Габдрахманов (43; дети Амир, Амин, Гавшир); 13) Халил Екимов (49; сын Габдулкарим); 14) Юлюш Надыров (25); 15) Юмагул Бигимов (32); 16) Туктагул Денискин (72; дети Ильяс, Мурзаш); 17) Сады[к] Уразметов (35); 18) Асан (34; дети Габдрашит, Габдулвагап, Габдулмен) и Хусеин (36; сын Кутлукадам) Беклины, всего 55 душ муж. пола¹¹.

Как видим, обязанности муллы в деревне исполнял Хасан Уразмухамметов, которому в 1762 г. было 76 лет. Он играл ключевую роль в религиозной и общественной жизни общины, выполняя функции духовного наставника. Кроме него, должность муллы ранее занимал Асан Альмухамметов, однако в 1760 г. он переселился в д. Трунтайшево (ныне Альшеевского района РБ)¹².

Ранее в документе от 20 декабря 1739 г. говорилось о ясачном татарине Аптикее Круसेве из д. Бекбовово, однако в материалах переписи 1762 г. сведений о нем или его возможных потомках нет. Это может быть обусловлено несколькими причинами: переселением семьи в другую местность, прекращением рода по мужской линии и переходом в башкирское сословие.

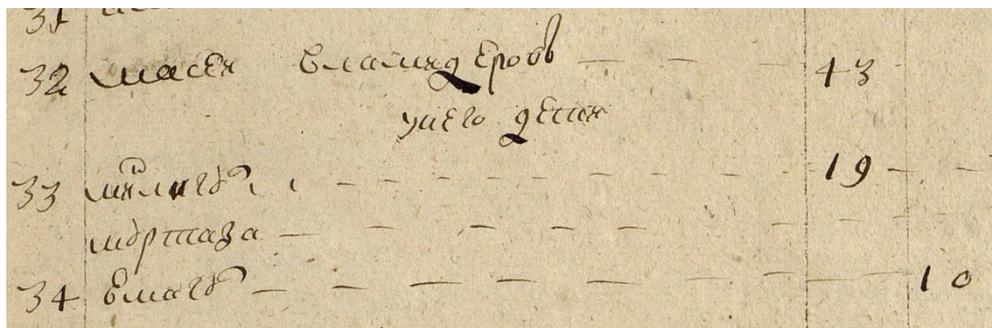
В ревизской сказке 1762 г. по д. Бикбулово под № 32 (см. фрагмент документа) зафиксирована фамилия «Владимеров». Данная запись представляет особый интерес в контексте исследования антропонимики региона. Происхождение фамилии, вероятно, связано с адаптацией татарского имени «Ула-

¹⁰ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3801. Л. 1088–1099.

¹¹ Там же. Л. 1099–1102.

¹² Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том. 1. Булярская волость. С. 81.

демир» (от олы – «большой, великий» + демир – «железо») русскими писцами, что привело к фонетической трансформации и появлению формы «Владемир» («Вламидер»). Более подробный анализ будет проведен при рассмотрении ревизского документа 1762 г. по д. Уменеево, где также встречается аналогичная именная форма.

Фрагмент ревизской сказки 1762 г. по д. Бикбулово. В ней под № 32 записана фамилия «Вламидеров» (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3801. Л. 1101), необычная на первый взгляд

В д. **Тюзгина Бика** (Тузганабика; исчезнувшая деревня), расположенной на р. Ик, в 1762 г. были зафиксированы следующие татары тептярского сословия: 1) Исмаил Ишимов (30 лет; сын Габидулла); 2) Сырмет Туимов (61); 3) Юртай Батыров (60); 4) Уразман Ижболдин (30); 5) Башир Аитов (20); 6) Салим Аднагулов (30); 7) Ермухаммет Исмаилов (4)¹³. Другая часть населения этой деревни относилась к команде Суюндука Тукбаева Байлярской волости в количестве 7 душ муж. пола¹⁴.

В первом томе нашего исследования отмечается, что 10 душ муж. пола д. Тузганабика (Тюзгина Бика) переселились в д. Трунтаишево (ныне Альшеевского района РБ) на основании договора с вотчинниками Яиксуби-Минской волости и указа Уфимской провинциальной канцелярии от 16 марта 1760 г. Они учтены отдельным списком как переселившиеся в данную деревню¹⁵.

Деревня Тузганабика, как и многие другие населенные пункты, отражает сложные процессы миграции, землепользования и взаимодействия различных групп населения (вотчинников, «башкирцев-припущенников», «тептярей» и других). Изучение подобных данных помогает восстановить историческую картину региона и понять роль отдельных групп в формировании его социально-экономической структуры.

¹³ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3801. Л. 1103.

¹⁴ Там же. Л. 926–927.

¹⁵ Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том. 1. Булярская волость. С. 80.

Данное переселение является примером сложных земельных и социальных отношений, характерных для XVIII в. Вотчинники, владевшие землями, часто привлекали на свои территории припущенников (в том числе «тептярей», ясачных татар и других), которые селились на их землях на основе договорных отношений. Взамен припущенники брали обязательства выполнять определенные повинности или платить оброк.

В д. **Маткаушево** (исчезнувшая деревня), расположенной на рч. Маткауш, в 1762 г. были зарегистрированы следующие татары тептярского сословия: 1) Ишберды Кусекеев (65 лет; сын Ишмаммет (20; его Хамит, Сагит); 2) Солтанмрат Урусов (40; сын Тимка); 3) Курмекей Шигаев (умер; дети Илмаммет (его Гумер), Беклюгит); 4) Нурмет Юлметов (60; сын Бекбов Нурметов (17)); 5) Каипкул (25) и Яркей (14) Тевкеловы; 6) Килмяк Тинзяков (25); 7) Смак Муслумов (15), всего 15 душ муж. пола¹⁶.

В первом томе нашего исследования указывалось, что 7 душ муж. пола (Тимиркей и Умир Ирмекеевы, Еркей Досаев) д. Маткауш переселились в ранее названную д. Трунтайшево Яиксуби-Минской волости на основании договора с вотчинниками и указа Уфимской провинциальной канцелярии от 16 марта 1760 г. Они учтены отдельным списком как переселившиеся в данную деревню¹⁷.

В д. **Сарысазово**, расположенной на рч. Тюралы Кул, в 1762 г. были записаны следующие татары тептярского сословия: 1) Исмаиль Исенбаев (умер; сын Тимеркай (25 лет)); 2) Асан Исенбаев (умер; сын Уразмет (55)); 3) Исангул Уразаев (60, сын Ямангул), всего 5 душ муж. пола¹⁸.

В д. **Буранчино** (исчезнувшая деревня), расположенной на рч. Базяна, в 1762 г. были учтены следующие татары тептярского сословия: 1) Мамет Князев (74 года); 2) Илка Давлетов (74), Балтач Илкеев (37; сын Тимер), Абзай Илкеев (20); 3) Алка Давлетов (умер; дети Адель (35), Суюндук (32) Алкеевы); 4) Имай Ибраев (62; сын Ишегул Имаев (20)); 5) Михрат (37; сын Мухтар) и Яркей (28) Ибраевы, всего 12 душ муж. пола¹⁹.

Следует указать, что отец «тептяря» Мамета Князева (упомянутого в сказке № 1) – Князь Давлеткильдин – ранее фигурировал в рассмотренной нами долговой записи 1701 г. как заемщик-ясачный татарин, который вместо порутчика указал своего сына Мамета Князева.

Вместе с ним в документе значился Алешка Давлеткильдин (из д. Козюково) и Маметейко Кулкин (д. Телези), также обозначенные как ясачные люди. Примечательно, что Алешка Давлеткильдин, первоначально указанный

¹⁶ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3801. Л. 1105.

¹⁷ Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том. 1. Булярская волость. С. 80–81.

¹⁸ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3801. Л. 1105.

¹⁹ Там же. Л. 1106.

как житель д. Козюково, позднее переселился в Буранчино, где в ревизии 1762 г. зафиксирован под именем Алка Давлетов.

Эти данные свидетельствуют о миграционных процессах среди ясачного населения Уфимского уезда. Разновременные упоминания представителей одной семьи в документах 1701 и 1762 гг. позволяют проследить трансформацию их социального статуса от ясачных людей к тептярскому сословию, что характерно для социальной истории нерусских народов региона в XVIII в.

В д. **Назби** (Татарский Азибей; упраздненное село Актанышского района РТ), расположенной на рч. Азби, в 1762 г. были зафиксированы следующие татары тептярского сословия: 1) Мустай Юзеев (50 лет; сын Муксин (19)); 2) Габдулкарим Сеитов (27); 3) Биктимер Урусметов (70); 4) Бекбов (17), Биктимер (14), Пулат (11), Мрат (7) и Даут (5) Бикметовы; 5) Тимер Фаляков (умер; сын Умер (12)), всего 11 душ муж. пола²⁰. В ревизской сказке содержатся одинаковые тамги выборного Мустая Юзюкеева и старосты Биктимера Урусметова, что указывает на их принадлежность к одному роду.

Примечательно, что по ревизии 1795 г. в д. Азиби из всех перечисленных семей будет зафиксирована только семья Габдулкарима Сеитова (к тому времени ему исполнится 59 лет), состоящая из трех человек²¹.

В д. **Уменево** (исчезнувшая деревня), расположенной на рч. Базяна («Базе»), в 1762 г. были записаны следующие татары тептярского сословия: 1) Ишкиня Ишметов (70 лет; сын Чурагул (28; его Чурай)); 2) Смак Ишметов (40); 3) Именей Ишметов (умер; дети Ирмяш, Ишей, Ишберды, Ижболда); 3) Рысай Муллин (30; сын Искендер); 4) Юзей (50), Темиркай (35), Мрат (30; сын Мрадым) Явбастины; 5) Кусюк Маметев (60; дети Уладемир, Габдулзялил); 6) Маметей Тиметев (45); 7) Токтар (31; его Токай, Динмухаммет) и Атнагол (27) Сулеймановы; 8) Айдагул Азаматов (умер; сын Габдулкарим); 9) Муса Арсланов (45; дети Мустафа, Масыгут); 9) Ибрай Алкин (47; дети Габдулкарим, Мухамметамин, Мухамметрахим); 10) Аптюк Илкин (30; сын Габдулманьян); 11) Аскар Биктимеров (30), всего 33 души муж. пола. В ревизской сказке содержатся тамги выборного Ирмяша Ишенеева (У) и старосты Чурагула Ишкинина²², которые встречаются в документах многих земельных волостей.

Анализ списка жителей д. Уменево позволяет выявить три значимых ономастических наблюдения, отражающих процессы формирования антропонимии и топонимии региона.

Имя Именей, зафиксированное у жителя под № 3 (Ишметов), с высокой вероятностью является антропотопонимом – личным именем, ставшим основой для названия поселения. Фонетическая трансформация Именей → Уме-

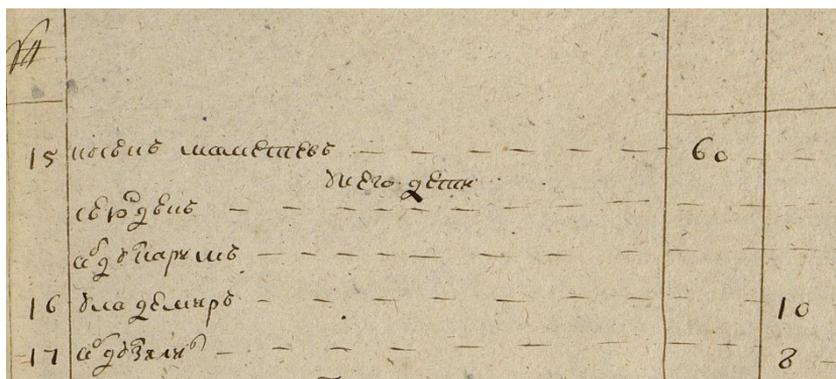
²⁰ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3801. Л. 1107–1108.

²¹ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 51. Л. 671.

²² РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3801. Л. 1108–1110.

неево соответствует закономерностям адаптации татарских антропонимов в русской топонимической традиции (ср.: Ишмет → Ишметово, Юбан → Иваново). Это позволяет идентифицировать данного человека как основателя деревни, имя которого стало её топонимом.

Фамилия Явбастин вызывает особый интерес в контексте упоминания в документе 1701 г. Явбасты Утякова из д. Базяна²³. Учитывая, что д. Базяна находилась в том же районе, что и Уменеevo, можно предположить возможную связь Явбасты Утякова с Явбастиными из д. Уменеevo. Это предположение основано на географической близости населенных пунктов и характерной для того времени практике переселения и расширения семейных кланов, что позволяет рассматривать их как представителей одной родственной группы или общего происхождения.

Фрагмент ревизской сказки 1762 г. по д. Уменеevo. В ней под № 16 записано имя «Уладемир» (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3801. Л. 1109), на происхождение которого мы обратили внимание

Анализ антропонима Уладемир (тат. Олы Тимер), зафиксированного в д. Уменеevo, раскрывает сложный процесс межкультурной адаптации имен в XVII–XVIII вв. Данное имя, образованное от татарских слов «Олы» (большой, великий) и «Демир» (железо), несет символическое значение «могучий как железо», что полностью соответствует традиционной татарской антропонимической модели, отражающей ценность силы. Однако русские писцы, сталкиваясь с непривычным звучанием, часто трансформировали его в фонетически близкое и знакомое «Владимир» (через переход Ула- → Вла-) или искаженное «Влаидер» (как в случае с фамилией Влаидеров в д. Бикбулово), стремясь к унификации документов в рамках имперской административной практики. Эта адаптация, однако, не означала полной русификации: в повседневном общении носители сохраняли оригинальное произношение и

²³ Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том. 1. Булярская волость. С. 253.

смысловую нагрузку имени, что отражало гибридную идентичность татарского населения и компромисс между официальной документацией и устной традицией. Такой процесс иллюстрирует широкое явление фонетической и семантической адаптации татарских антропонимов в условиях двуязычия, где письменная фиксация имен могла существенно отличаться от их реального звучания и восприятия в самом сообществе.

В д. **Зияшево** (ныне Новое Зияшево Актанышского района РТ), расположенной на рч. Бизяда, в 1762 г. были учтены следующие татары тептярского сословия: 1) Ибраш Кутлуев (умер; сын Мамет Ибрашев (60 лет; его Масыгут, Салих, Сямгул)); 2) Бикбай Камеев (60; сын Суюндук); 3) Умитбай Тукаев (40; дети Мавлюш, Султанмрат); 4) Биксентей Юлдашев (30; сын Ижбулды), всего 11 душ муж. пола²⁴.

Хотя в источнике деревня упоминается только как Зияшево, сравнение с документом 1795 г. однозначно указывает на Новое Зияшево. В переписи 1795 г. указаны Мамет Ибрашев, Сатлыган и Кусюк Утяшевы, а также Абузяр Якупов (49 лет), всего 30 душ муж. пола и 24 души жен. пола²⁵, некоторые из которых в 1762 г. числились жителями д. Каратал. Таким образом, становится очевидным, что Каратал входит в состав д. Новое Зияшево, что подтверждается статистическими материалами второй половины XIX в., где поселение обозначено как Новое Зияшево (Каратал).

В д. **Караталово** (ныне Новое Зияшево Актанышского района РТ), расположенной на рч. Сарысаз, в 1762 г. были зарегистрированы следующие татары тептярского сословия: 1) Биктимер Сеитов (40 лет; сын Абди); 2) Утяш Тойметов (80; дети Мунасып, Сатылган (его Амирхан, Юсуп), Кучюк (его Гумер)); 3) Якуп Усманов (60; дети Салиш, Абызай, Ягафер); 4) Танай Тойметов (умер; сын Тимер (50; его Сатый)), всего 15 душ муж. пола²⁶.

В д. **Нижние Урьяды** (ныне Актанышского района РТ), расположенной на рч. Урьяды, в 1762 г. были учтены следующие татары тептярского сословия: 1) Юлмет Килметев (60 лет; дети Салимзян, Салих, Сагит); 2) Габдулзялил (30) и Араптан (20) Масыгутовы; 3) Махмут Сеитов (22), всего 7 душ муж. пола²⁷.

В д. **Сууксу** (ныне Мари-Суксы Актанышского района РТ), расположенной на рч. Сууксу, в 1762 г. были записаны следующие марийцы тептярского сословия: 1) Янбай Яметев (66 лет; дети Юртбагыш (его Юртай), Биктимер); 2) Янбагыш Юбаев (41; дети Туганай, Янбакты, Яны, Ягынай, Янгилде); 3) Уразай Уразбахтин (51; сын Бятеш); 4) Янбагыш Тинмурзин (31); 5) Алдар Андреев (41); 6) Алдермыш Бялакаев (умер; сын Уроспай); 7) Уразай (32; де-

²⁴ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3801. Л. 1115.

²⁵ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 51. Л. 500–502 об.

²⁶ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3801. Л. 1115–1116.

²⁷ Там же. Л. 1116–1117.

ти Урузбай, Урсей) и Абызай (29) Куразмановы; 8) Азяк (49), Ишкой (39; сын Сафаргул), Ишмяк (32; его Иштыбай, Ишмен) Степановы; 9) Исангул Шабулатов (умер; сын Бурис); 10) Сенка Ишкин (18); 11) Султанай Юбагышев (61; дети Султанбек (его Петрушка, Бикмурза), Мрат, Яшзигит); 12) Мурзагилде Аймурзин (27); 13) Байдул Баймурзин (38); 14) Сафар (умер; сын Зюбан), Сарманай (31; сын Сиркей), Кучекбай (26; сын Кусядык) Солтанаевы; 15) Утекей Гришкин (76; дети Утяган, Утямыш); 16) Байряш Убанаев (61; сын Байгул); 17) Мустай Ачтянов (31; сын Рысай); 18) Аднабик Шинков (27); 19) Явмет Янбатыров (61; дети Юнбай, Юнля); 20) Зянби Зянметов (41; дети Зибай (его Юбанай, Ибрагим), Зянляю); 21) Алешка Мурзакаев (умер; дети Ибраш, Абызай); 22) Каракучюк (55; сын Ишей), Петрушка (44) Акмановы; 23) Туганаш Токтамышев (умер; дети Туганай, Туктагул, Кучербай); 24) Кезибай (50), Мещер (33; дети Ашир, Янурус, Кушай), Иманай (умер; сын Имангул), Имакай (умер; дети Иман, Яман, Юмакай, Емекей) Козебаевы; 25) Урус Баймурзин (45); 26) Яштыбай Яшбахтеев (26; дети Якшигул, Якшимет); 27) Чигилды Алгилдеев (31; сын Ямантай); 28) Буташ Алмакаев (90); 29) Темирмурза Мамаев (60; сын Никита), всего 83 души муж. пола²⁸.

В д. **Адаево** (ныне Актанышского района РТ), расположенной на рч. Кудюк, в 1762 г. были зарегистрированы следующие татары тептярского сословия: 1) Муксин (35 лет; сын Зюлкарней) и Юсуп (32; сын Исхак) Московы; 2) Кузекей Актимеров (умер; сын Бакир (34; его Ихсан, Араслан, Саликей)); 3) Заит Сеитов (37; дети Сайфулла, Файзулла, Габдулла); 4) Гавез Айтуганов (49; сын Девекей); 10) Токтагул Ярмяков (26); 11) Бикмет Кутлуметов (90; сын Сеит (умер; его Заислан), Халил); 12) Ашир Айтуганов (51); 13) Кулмет (60; сын Яммет), Калмак (умер; сын Юлдаш) Рысовы; 14) Кудаймет Сюлюков (80); 15) Юсуп Урмекеев (67; дети Абызай, Аблай); 16) Арслан Урметев (33; сын Габит); 17) Утей Бикметов (50; дети Юмагул, Субханкул), всего 30 душ муж. пола²⁹.

Следует отметить, что часть упомянутых татар через 20 лет переселится в д. Бекабызово Булярской волости Мензелинского уезда, куда их припустили вотчинники согласно «условному письму» от 21 мая 1782 г. Переселенцы были представлены двумя группами: пять дворов из команды старшины З. Даутова (включая Ашира Сагитова, Абызая и Аблея Юсуповых) и три двора из команды старшины С. Якупова (Муксин и Юсуп Москововы, Ярмухаммет Ибрашев). Вотчинники обосновали это решение «малолюдством» и нехваткой сил для выполнения повинностей, таких как мощение мостов, гарде-

²⁸ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3801. Л. 1117–1123. Ближе к концу века будет зафиксирована как Черемисские Суксы. В 1795 г. здесь учтено 83 души муж. пола и 86 душ жен. пола (в 1782 г. было 87 и 46 соответственно) «ясашные ис черемис тептяри» (НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 51. Л. 510–518).

²⁹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3801. Л. 1123–1125.

ние полевых прясел и подводная гоньба. За припуск «тептярей» вотчинники получали с каждого двора оброк в размере 3 руб.³⁰ Этот документ отражает типичные для того времени договорные отношения между вотчинниками и припущенниками, а также экономические и социальные причины, лежавшие в основе таких соглашений.

В д. **Сууксы** (ныне Татарские Сууксы Актанышского района РТ), расположенной на рч. Сууксу, в 1762 г. были зафиксированы следующие татары тептярского сословия: 1) Юзей Рысаев (45); 2) Юртбагыш Ногаев (55; его сын Рафик); 3) Иш[к]илда Рысаев (37; сын Ишмрат), всего 5 душ муж. пола³¹.

В д. **Урзады** (ныне Старые Урьяды Актанышского района РТ), расположенной на рч. Сууксу, в 1762 г. были учтены следующие татары тептярского сословия: 1) Булат (43 года; дети Сагындык, Сагит, Кусядык, Фаиз, Усеин) и Кутлумбет (34; сын Мякей) Аитовы; 2) Сырым Уразаев (35; дети Сырмет, Сыртлан); 3) Юртюкей Кусюмов (30); 4) Ижбулды Кусюков (3); 5) Утяш Уркеев (100); 6) Бигим Утямышев (56; дети Севергул, Султангул, Султанбек, Нурбак, Салих); 7) Мухаммет Сююшев (33; дети Кулшарип, Рафик); 8) Юзей Минлибаев (27; дети Амир, Гумер); 9) Исай Баймурзин (83); 10) Табанай (30; сын Биктимер), Габбяс (28; дети Габдулгази, Абдул, Габдулкарим), Чабдар (26) Усеевы; 11) Якуп Табаев (18; сын Биктимер); 12) Батыр (умер; Бакир, Башир, Феиз) и Муртаза (30; сын Тимер) Арслановы; 13) Габдрахман (40) и Ахмер (умер; сын Минлигул) Асеевы; 14) Болта Исланов (48; дети Исмагиль, Габдрезяк, Габдюкей, Баки); 15) Мякей Ишкильдин (49); 16) Муканай (22), Султы (20), Султангул (10) Бикеевы; 17) Юртай Рысаев (76; дети Ибрай (его Ижбулды, Исхак), Исмаил, Али (его Бикбов, Юмагул, Имангул)); 18) Яки (50; дети Кильдияр, Халит, Рамазан) и Ягафер (30) Кинзины, всего 65 душ муж. пола³².

В д. **Зизменково** (ныне не существует), расположенной на рч. Шабиз, в 1762 г. были зафиксированы следующие татары тептярского сословия: 1) Рамай Бикташев (67 лет; дети Мухамметамин, Ильяс); 2) Тулбай Макаев (18); 3) Шарип Имангулов (10); 4) Юзей Рысметов (30); 5) Балтай Тулашев (35; дети Мадияр, Кутлюяр); 6) Ишчура Бикчурин (19); 7) Мукай Рысметов (40; сын Уметбай); 8) Зайт Сафаров (47; сын Халил); 9) Рямгул Ишметов (40); 10) Мустахим Мусеев (39); 11) Сагындык (26) и Юлдаш (22) Тулашевы; 12) Биктимер Рысметов (80; дети Масыгут, Али); 13) Аит Сафаров (35; дети Кусюк, Мамет, Рахманкул); 14) Кинзя Касымов (40; сын Гадельша); 15) Нурбак (25) и Ибрай (12) Габдулсалимовы; 16) Саты Кутлуметов (30; дети Сагындык, Абит); 17) Тлявмет Токташев (50; сын Ижбулды); 18) Хасан Сафаров (умер; дети Мустафа (его Зюбе[и]р?), Ягафер, Баязит); 19) Сялкей (30), Сагит

³⁰ Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том. 1. Булярская волость. С. 115; НА РБ. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 20. Л. 61–62.

³¹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3801. Л. 1125.

³² Там же. Л. 1125–1129.

(19) Ишмурзины; 20) Юмай Рысметов (45); 21) Абдюш Касимов (60); 22) Усман (35) и Юлдаш (30) Макановы; 23) Айдагул Бикчюрин (7); 24) Токта Кундюков (35); 25) Амир Айдашев (18); 26) Адзитер Ирнашев (19); 27) Чурагул Раманаев (10); 28) Биктимер Бикемеев (10); 29) Сабак Аднагулов (27); 30) Мясей Кучуккилдин (65; сын Масыгут); 31) Муслим Маметов (40); 32) Муртаза (20) и Кузягул (12) Рамановы, всего 57 душ муж. пола. Ревизская сказка содержит идентичные тамги выборного Юзюкея Рысметова и Кинзи Касымова³³, что указывает на их принадлежность к одному роду.

Сведения ревизской сказки 1762 г. по дд. Апасево (на р. Шабиз), Илтемирово (на р. Базе), Асылтюш (на р. Шабиз), Вершины Шабиз (на р. Шабиз), Кыркаинтюба, Минлярво (на р. Сюнь), Байсарово (на р. Сюнь), Аккузево (на р. Таше, ныне Илишевский район РБ), Сениряково (на р. Сюнь, ныне Сын-гряново Илишевского района РБ) рассмотрены нами в первом томе исследования³⁴.

Как известно, «башкирцы-припущенники» указанных деревень в Булярской волости являлись выходцами из Енейской волости. Согласно ревизским данным 1762 г., «тептяри» также происходили из Енейской волости.

В ведомости пугачевского периода со сведениями «переписи 1764 г.» они (898 душ муж. пола) названы ясачными татарами и черемисами команды [старшин] Сапера Якупова и Са[г]ита Даутова³⁵. Это свидетельствует о том, что формальная сторона оформления нерусского ясачного населения поземельных волостей в тептярском сословии еще не была завершена.

В заключение приведем сведения о д. **Ермекеево** на р. Нугуш (ныне Урмекеево Туймазинского района РБ), которая в ревизских документах была записана отдельно от остальных поселений, но относилась к команде старшины Галия Ермухамметова³⁶ Енейской волости. В ревизском списке зарегистрированы следующие жители: 1) Якуп Юсупов (41 год; сын Зягафер), дети его брата Амир (23), Ибрай (21) и Халил (18) Габдулкаримовы; 2) Абдюкей Бимурзин (46; дети Габдулкарим, Ахмер); 3) Араслан (36; дети Узбек, Юзей, Юмей) и Сал[тан]мрат (19) Бимурзины; 4) Габдрезак (26; сын Габдрашит) и Габдусалям (6) Алпамшины; 5) Габдулмазит Теммембетев (36; сын Субханкул, «написан в доме ево Абдулмязита Кангилди Кансуяров»); 6) Габдулкарим (46) и Субхангул (26) Ибраевы; 7) Мукай Тагаев (56; дети Бухармет, Кадырмет, Бурангул), сын его брата Биктимер Ишнин (7), всего 26 душ муж. пола³⁷.

³³ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3801. Л. 1129–1133.

³⁴ Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том. 1. Булярская волость. С. 102–105.

³⁵ Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 282, 283.

³⁶ Он участвовал в Крестьянской войне 1771–1773 гг.

³⁷ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3801. Л. 511–513.

Впоследствии эти татары были зафиксированы в тептярском сословии. По данным ревизской сказки 1795 г. по д. Урмекеево Белебеевского уезда, среди ранее упомянутых лиц указаны Ибрагим Габдулкаримов (53 года), Габдулкарим Ибраев (89) и Супханкул Габдулмазитов (37). На тот момент в деревне проживало 32 души муж. и 28 душ жен. пола, а по трем ревизским сказкам в совокупности – 39 и 36 душ соответственно³⁸. Как видно, выходцы из Енейской волости составляли абсолютное большинство татар тептярского сословия в д. Урмекеево Кыр-Канлинской волости, что подчеркивает их значительную роль в формировании местного населения.

При работе с ревизскими материалами 1762 г. необходимо учитывать географические ориентиры, особенно названия рек, для точной идентификации одноименных деревень. В частности, в документах этого периода упоминается еще одна д. Ермекеево, расположенная на р. Ря (ныне Ермекеевского района РБ). История данного населенного пункта, имеющего иное происхождение и административную принадлежность, была рассмотрена нами в отдельном исследовании³⁹.

Примеры дд. Трунтаишево и Урмекеево демонстрируют, что выходцы из Енейской волости стали частью татар тептярского сословия Яксубиминской волости Ногайской дороги и Кыр-Калнинской волости Казанской дороги Уфимского уезда. Миграция татар разных сословий в отдаленные и ближние районы Башкирии продолжалась и в последующий период, при этом переселенцы осваивали территории, где с золотоордынского времени сложилось единое татарское этнокультурное пространство. Это пространство, исторически связанное с наследием Волжской Булгарии и Золотой Орды, характеризовалось общностью языка, традиций и хозяйственных практик, что облегчало интеграцию новых групп и способствовало сохранению их идентичности несмотря на административные границы и сословные различия. Данный процесс подчеркивает устойчивость культурных и исторических связей, определявших расселение татар в регионе и их роль в формировании социально-экономического ландшафта Башкирии.

³⁸ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 34. Л. 933 об.–935 об.

³⁹ Каримов Т.Т. Ярмекей Суяндуков – основатель деревни Ермекеево Кыр-Еланской поземельной волости Уфимского уезда // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 2–2. С. 18–22.

ГЛАВА 4

Развитие волости в последнем тридцатилетии XVIII в.

§ 1. Некоторые события из жизни вотчинников

Особый интерес представляют данные из «Ведомости Главного Оренбургского соляных дел правления» от 1 мая 1771 г., фиксирующей участие «башкирцев» в транспортировке илецкой соли на камскую Беткинскую пристань. Среди прочих вотчинников Байлярской и Сыррянской волостей отдельно упомянут сотник Мрадым Амиров из Енейской волости. Согласно документу, 5 апреля 1771 г. ему было выплачено 49 руб. 84 коп. за доставку казенной соли с Илецкого месторождения¹, расположенного рядом с современным городом Соль-Илецк Оренбургской области. Этот факт демонстрирует механизмы взаимодействия местного населения с государственными структурами в рамках выполнения казённых подрядов.

Примечательно, что Мрадым Амиров уже фигурировал в более ранних источниках – в частности, в договоре от 1 июня 1755 г. о его переселении в д. Нижние Бишинды Кыр-Иланской волости. Однако даже спустя 16 лет после переезда он продолжал участвовать в делах Енейской волости и идентифицировался как ее представитель. Этот случай наглядно иллюстрирует сложность процессов территориально-сословной идентичности в регионе, где формальное переселение не всегда означало разрыв связей с исторической родиной и утрату прежнего статуса.

Участие «башкирских» войск в Польском походе 1771–1773 гг. стало важнейшим событием последней трети XVIII в., которому мы уделили особое внимание в первых двух томах нашего исследования. Этот военный эпизод, связанный с подавлением Барской конфедерации в Речи Посполитой, начался с указа Екатерины II от 8 октября 1771 г. о формировании специального Башкирского войска численностью 3111 человек, организованного в 10 отдельных команд. Войско вошло в состав экспедиционного корпуса под общим командованием генерал-поручика А.И. Бибикова, а непосредственное руко-

¹ Документы и материалы по истории башкирского народа (1574–1798). Уфа, 2012. С. 270–271.

водство «башкирскими» отрядами осуществлял генерал-майор А.А. Урусов. В течение весны и лета 1772 г. «башкирские» воины успешно выполняли боевые задачи по блокированию соединения разрозненных сил конфедератов и пресечению их попыток продвижения к стратегически важным районам у Вильно и Кракова.

После частичной демобилизации в августе 1772 г., когда около двух тысяч «башкирцев» вернулись в Уфу, оставшиеся 933 воина продолжили нести службу по поддержанию порядка на территории Польши. Осенью 1773 г. эти подразделения были переброшены в Казань и включены в состав корпуса генерал-майора Ф.Ю. Фреймана для участия в подавлении разгоравшейся Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева². Данный эпизод наглядно демонстрирует степень интеграции «башкирских» военных формирований в общеимперскую военную систему, а также показывает механизмы использования центральной властью региональных военных ресурсов для решения стратегических задач на разных театрах военных действий. Участие в Польском походе стало важной вехой в трансформации традиционных военных институтов «башкирского» общества и их адаптации к реалиям Российской империи второй половины XVIII в.

Согласно ведомости от 25 декабря 1771 г., в походе участвовали следующие «башкирцы» из команды старшины Галия Ермухамметова: хорунжий Кайсар Урысметев, квартирмейстер Умер Даутаев, рядовые Темир Абдулгазыев, Субанак Муртазин, Ильяс Даутаев, Абдрешит Сююшев, Алиш Кусмяков, Мазит Ишкилдин, Аиткул Адилев, Якшигул Якупов, Амир Искендеров, Мунасып Беккинин, Кадыргул Илмаметев, Габди Саферов, Ихсан Усеинов, Исангул Акманаев, Умер Максютлов, Бакин Аиметев, Мустахим Московов, Иткул Ишлин, Исай Чюрагулов, Ижбулда Ишалин, Хамит Ишмухамметов, Солтанмрат Искендеров, Араптан Елдашев, Кайсар Маметев, Махмут Аитов, Ахмер Билялов, Карыш Усманов, Мрадым Якупов, Салих Имангулов, Тохфя Абишев, Чюракай Токтагулов, Зият Утеганов, Минликей Аиткулов, Гайса Усманов, Епай Аиткулов и Адилша Ермухамметов³.

Хотя в источнике не указано, из каких деревень происходили данные воины, сравнение со сведениями ранее рассмотренных материалов и ревизской сказкой 1811 г. позволяет установить, что Минликей Аиткулов – из д. Кадырметево. Исангул Акманаев, возможно, из д. Шабызово, так как из этой деревни известен вотчинник Мукай Акманаев.

В состав команды старшины Шерыпа Айдарова входили следующие участники похода: Баки Мурадымов, Абдель Бексентеев, Абдулхаир Аблеев,

² Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том. 1. Булярская волость. Казань, 2023. С. 112.

³ Башкирское войско в Польском походе (1771–1773). Сборник документов. Уфа, 2009. С. 74–75, 77.

Рафик Салимов, Гайсар Араптанов, Темир Салишев, Юмай Сырметев, Зегарфер Аблаев, Шамкай Утемышев, Зяйня Мустакимов, Муртаза Айдаров, Юлдаш Ишалин, Абдель Абзаев, Бикбай Бекбовов, Салих Темиров, Мунасып Гумеров, Чюракай Мястиев, Мурсалим Сюянгулов, Ермак Килеев, Гайсар Баисланов, Габдрашит Мустафин, Юртюкей Кусюмов, Габдюш Аптикеев, Сююндюк Апасев, Кадырмет Бекчюрин, Кирей Исембетев, Абдулкарим Баширов, Ногай Токменев, Абулхаир Смаилов, Ибраш Исенев, Сююндюк Даутаев, Апас Кадырметев, Нурбаки Чювашаев, Даут Мусин, Умятбай Кансуяров, Исай Кучюков, Бикбай Даутаев, Абдрешит Зябилов, Смак Тюнеев, Минлибай Чюрюкеев, Юсуп Айдагулов, Кучюм Юсупов, Саты Баширов, Мавлюкей Ибраев, Ракай Утемышев, Искендер Исембетев, Токтар Муслимов, Миней Мустаев, Ишти Чюрагулов, Максют Сюрметев, Гумер Муксинов, Халил Заитов, Даутай Аитов, Миней Султыев, Абдулла Кичкинин, Абытай Иманев, Абызай Тойчин, Габит Абдуллин, Абдул Мусаев, Умятбай Якупов, Максют Мусалимов, Таир Булгаиров, Муканай Сююндюков, Камей Халилов, Муртаза Саферов, Чуракай Куразбаев, Дюсей Исенбаев, Минлигул Карчигин, Тимиркей Кадырметев, Кедряс Исламгулов, Биктемир Бекбаев, Козякай Утямышев, Мурат Айметев, Амир Минглибаев, Шарып Сююндюков, Амир Усманов, Кучюм Минглишев, Абыш Юртукаев, Альмухаммет Абзаев, Хамит Ишменев, Азмекей Азметев, Кучюм Московов, Шарып Утяганов, Валит Мядин, Умеркей Беккинин, Ишкилда Ишмекеев, Чапай Мусин, Игибай Зиямбаев, Амир Кинзегулов, Минглигул Ишмурзин⁴.

На основе анализа архивных источников удалось установить происхождение значительной части участников Польского похода. Гайсар Баисланов, Муртаза Айдаров, Кучюм Юсупов были выходцами из д. Утяганово, Гайсар Араптанов и Абулхаир Аблеев – из д. Бикбулово, Дюсей Исенбаев – из д. Чалманарат, Ермак Килеев – из д. Келтево, Чуракай Мастеев (в источнике – «Чюракай Мястиев»), Мунасып Гумеров, Юлдаш Ишалин, Сююндюк Апасев – из д. Байсарово, Тимиркей Кадырметев – из д. Калмаш, Абызай Тойчин и Абытай Иманев – из д. Буаз-Куль, Апас Кадырметов – из д. Писляк, Умятбай Якупов, Шарып и Муканай Сююндюковы – из д. Суксы, Нурбаки Чювашаев – из д. Азиби, Умятбай Кансуяров – из д. Улуйменово, Азмекей Азметев – из д. Каинтюба, Саты Баширов – из д. Апасево, Валит Мядин⁵ и Амир Кинзегулов⁶ – из д. Терпеле, Ракай Утямышев, Таир Абулгаиров, Искендер Исембетев, Токтар Муслимов, Гумер Муксинов, Халил Заитов, Даутай Аитов, Миней Султыев, Габдулла Кичкинин – из д. Ушар.

⁴ Там же. С. 75–77.

⁵ В 1811 г. дети Валита Мядина были зафиксированы в д. Кадырметеве.

⁶ В 1811 г. дети Амира Кинзегулова были зарегистрированы в д. Аккузеве (ныне Аккузово Актанышского района РТ) Булярской волости (Каримов Т.Т. Татарские помещельные волости. Том 1. Булярская волость. С. 151).

Примечательно, что двое, Саты Баширов и Амир Кинзегулов, уже имели боевой опыт, так как ранее участвовали в походе против Пруссии в 1757 г. Их повторное привлечение к военным операциям свидетельствует о высоком уровне доверия командования и востребованности их опыта в последующих военных кампаниях.

Эти данные также демонстрируют, что наибольшее количество участников Польского похода было представлено жителями д. Ушарово. Что касается Таира Булгаирова, в 1811 г. его фамилия была записана как Абулгаиров, что, по нашему мнению, ближе к правильному написанию.

Примечательно, что хотя его отец ранее фигурировал в документах под именем Булгаир, данное имя, вероятнее всего, является вариантом написания имени Абулхаир. Такая трансформация имен в документах того времени была довольно распространена и отражает особенности записи имен и фамилий в исторических источниках.

Чуракай Куразбаев может быть достоверно сопоставлен с Чуракаем Уразаевым, проживавшем в д. Чалманарат в промежутке с 1729 по 1796 г. Такое утверждение основывается на отсутствии упоминания фамилии Куразбаев и имени Куразбай в официальных бумагах Енейской волости, что создает высокую степень вероятности его отнесения к представителям рода Уразаевых.

Переходим к рассмотрению других документов. Примечательна «Ведомость Уфимской провинциальной канцелярии о первом приеме штрафных лошадей по волостям Казанской, Осинской и Ногайской дорог Уфимской провинции», составленная не ранее 9 марта 1775 г. Согласно документу, «башкирцы» и ясачные татары команды старшины Галия Ярмухамметова Енейской волости должны были поставить в казну 18 штрафных лошадей от 178 дворов⁷. Столь высокий штраф был назначен за участие в Крестьянской войне 1773–1775 гг., о чём говорится в другом «Определении» от 9 марта 1775 г. оренбургского губернатора Рейнсдорпа⁸.

Ранее был упомянут Мансур Муртазин из д. Апасево (ныне Апаचेво Актанышского района РТ) Енейской волости – участник похода русской армии в Пруссию в 1757 г.

Формулярный список 1784 г. отмечает его как заседателя Белебеевской нижней расправы, имевшего с 1771 г. чин сотника. В документе особо отмечен его боевой опыт: участие в двух сражениях Прусского похода под командованием генерал-фельдмаршала Апраксина – при реке Праге (вероятно, искаженное название реки Прегель, где 19 августа 1757 г. произошло Гросс-Егерсдорфское сражение) и при местечке Мемиль (возможно, город Мемель, современная Клайпеда, взятый русскими войсками летом 1757 г., либо дру-

⁷ Документы и материалы по истории башкирского народа (1574–1798). Уфа, 2012. С. 308.

⁸ Там же. С. 304–307.

гой населенный пункт Восточной Пруссии). После прусской кампании Муртазин продолжил службу на сибирской линии⁹.

Таким образом, жизненный путь и служба Мансура Муртазина представляют собой яркий пример военного деятеля, активно участвовавшего в ключевых военных операциях своего времени и впоследствии успешно занимавшегося административной деятельностью. Эти аспекты делают его фигуру значимой для изучения истории региона и формирования образа «башкирского» служилого сословия XVIII в., демонстрируя многогранность и сложность социального положения представителей данного сословия в российском государстве того периода.

По договору от 12 марта 1777 г. вотчинники д. Бугады припустили на свои земли удельных крестьян, разрешив им «построиться в деревне Азибях шестью дворами» на 30-летний срок. Крестьяне получили право владения пахотной и сенокосной землей, а также прочими угодьями в пределах четко описанных межевых границ: от озера Кулегаш по правую сторону до озера Азиби, далее до Глубокого болота, от него – до Ардяусского арема (леса) и черемисской дороги, и по этой дороге обратно до озера Кулегаш. 10 февраля 1797 г. был заключен новый договор, на этот раз на 50 лет, между вотчинниками дд. Бугады и Кадырметьево и той же группой крестьян¹⁰. Эти документы фиксируют ключевые этапы в процессе земельных отношений и отражают историю возникновения и легализации д. Русские Азиби, основанной русскими крестьянами на вотчинных землях татар-вотчинников по договору припуска.

Очевидно, что после заселения деревни русскими крестьянами местные вотчинники оставили населенный пункт. Это предположение подтверждается данными ревизского списка 1811 г., согласно которым в новопоселенной деревне Азиби прежние вотчинники и их потомки больше не зарегистрированы. На их место переехали татары-вотчинники из других деревень. Более глубокий анализ данного процесса и его последствий будет приведен при изучении документов переписи 1811 г.

⁹ Башкиры и мишари – участники похода русской армии в Пруссию 1757 г. Сборник документов / Сост. И. М. Васильев. Уфа: Гилем, 2011. С. 5.

¹⁰ НА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 4682. Л. 31 об., 49, 57. В источниках более позднего периода деревня, где жили удельные крестьяне, стала фиксироваться как Русские Азиби. Чтобы различить другую одноименную деревню вотчинников, к прежнему названию «Азиби» добавили «Татарские», как бы подчеркивая национальность здешних «башкирцев». Вопиющее искажение названия д. Азиби наблюдается в одной книге, где автор ссылаясь на ревизскую сказку 1834 г., пишет «Азиаба» (см. Асфандияров А.З. Аулы... С. 233), когда в самом источнике крупно и четко пишется «Азибей» (см. Д. 469. Л. 201.). Данный автор также неправильно прочитал некоторые имена из ревизского списка 1834 г. (например, вместо Галикея Девлекеева пишет «Галикей Давлетов», Хабибуллы Зайсанова – «Хабибулла Заманов» и т. д.).

2 июня 1786 г. «башкирец» д. Семиостровная Каскын Салимов подал жалобу в Бирскую нижнюю расправу на старшину соседней Байлярской волости Абдулзелиля Султанова. В своем обращении он описал давний конфликт с дворцовым крестьянином с. Кулюшево Вятского наместничества Иваном Гвоздевым, который осенью 1784 г. совершил кражу трех лошадей у его деда Заита Бекчурина. Год спустя, в 1785 г., Гвоздев был пойман с украденной лошадей в Мензелинском уезде и доставлен в с. Каракулино. При допросе он ложно указал на причастность к преступлению самого Каскына¹¹.

Это дело демонстрирует сложность разрешения споров между представителями различных сословий и административных единиц. Жалоба Каскына Салимова также затрагивает вопросы бездействия или предвзятости старшины Абдулзелиля Султанова, что могло быть связано с межволостными противоречиями или злоупотреблением властью. Конфликт иллюстрирует экономическую подоплеку имущественных споров (кража лошадей как ценного ресурса), сложности взаимодействия между Вятским и Уфимским наместничествами при рассмотрении дел и пересечение интересов татар-вотчинников, дворцовых крестьян и местной администрации. Данный случай является показательным примером того, как в конце XVIII в. решались межсословные конфликты на местном уровне.

По договору от 20 июля 1790 г. группа вотчинников команды старшины Ильяса Шарыпова, включавшая Байсара Абзаева, Салиха Ишеева, Сагита Султанова, Ракая Утямышева, Аптикеея Минлибаева, Суюндука Аднагулова, Абдуллу Салимова, Ихсана Бугазина, Юзекеея Татлыбаева и Усяша Исламгулова, осуществила продажу земли надворному советнику Мендияру Бекчурина¹². Участок был передан «в вечное и потомственное владение» за 1000 руб. и имел четкие границы: от вершины речки Пуры до речки Илдиян, далее вниз по течению до устья, затем вверх по Каме до устья речки Буй, оттуда вверх по речкам Буй и Амзя до межи черемисской деревни Куряк, и обратно до вершины речки Пуры. Новый владелец получил право на использование всех угодий в пределах указанных межевых границ (*«В которых межах ему, господину Бекчурину, женам и наследникам ево сено косить, пашню пахать, бревна и дрова рубить, лубья снимать, бортевыми деревьями владеть, в принадлежащих местах мельницы строить, хмель щипать, рыбу и зверя, кроме Камы реки, в протчих реках ловить»*), – говорится в источнике)¹³.

Особого внимания заслуживает присутствие среди продавцов (по нашим данным, из д. Семиострово) Ихсана Бугазина – носителя редкой для вотчинников фамилии, образованной от антропонима «Бугазы». Достоверность этого антропонимического свидетельства подтверждается упоминанием в ис-

¹¹ МИБ. Т. 5. С. 288–289.

¹² Бекчурин Мендияр (1740–1821) – посол и этнограф.

¹³ МИБ. Т. 5. С. 288–289.

точниках Тевеня Бугазиева из Балгазинской тюбы Калнинской волости Казанской дороги¹⁴, что исключает возможность опечатки или случайного искажения имени.

Данный факт имеет ключевое значение для интерпретации происхождения топонима «Бугады». Совпадение основы фамилии «Бугазин» с названием д. «Бугады» (где «-ды» – характерный словообразовательный аффикс) указывает на их общий антропонимический источник. Это позволяет с высокой степенью вероятности утверждать, что д. Старые Бугады (ныне Актанышского района РТ) была основана вотчинником Бугады (или Бугазы), имя которого сохранилось в названии поселения.

Таким образом, антропонимический анализ не только проясняет происхождение топонима, но и вносит существенный вклад в реконструкцию истории заселения территории, демонстрируя преемственность между личными именами основателей, фамилиями их потомков и названиями поселений.

В результате активной практики припуска населения и продажи земель¹⁵ обеспеченность земельными угодьями вотчинников-енейцев в местах их исконного проживания стала критически низкой. Наглядной иллюстрацией этого процесса служат данные Генерального плана дачи вотчинников д. Семиостровная Енейской волости. Согласно документу, общая площадь земель, отмежёванных в 1801 г., составляла 5015 десятин 753 сажени. Эти угодья формально принадлежали трём деревням: Семиостровная (76 дворов, 317 душ муж. пола в 1795 г.), Новая Семиостровная (2 двора, 6 душ муж. пола) и Челномарат (3 двора, 9 душ муж. пола)¹⁶.

Простой расчет показывает, что в среднем на одну душу мужского пола приходилось лишь 15,10 десятин земли, что более чем в два раза меньше законодательно установленной нормы в 40 десятин для вотчинников. Столь острая нехватка земельных ресурсов уже в начале XIX в. вынуждала часть жителей покидать исконные деревни и переселяться на свободные участки Енейской волости либо в менее заселенные населенные пункты. Наиболее полно эти миграционные процессы отразились в материалах ревизских сказок 1816 г., демонстрирующих динамику перемещений енейцев в поисках жизненно необходимых земельных угодий.

¹⁴ Там же. Т. 3. Ч. 1. С. 233.

¹⁵ Последняя известная нам сделка относится к 5 апреля 1805 г., когда енейцы продали часть своих угодий титулярному советнику А.Е. Можарову за 300 руб. (НА РБ. Ф. И–1. Оп. 1. Д. 450. Л. 87).

¹⁶ НА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 5511. Л. 140. Сведения по д. Чалманарат отражают только часть численности вотчинников, поскольку в 1795 г. они состояли в командах старшин Гадельши Араптанова и Ильяса Шарыпова (Там же. Л. 161).

§ 2. Татары тептяро-бобыльской сословной группы по ревизским сказкам 1795 г.

В д. **Верхние Урьяды** (ныне Старые Урьяды Актанышского района РТ) в 1795 г. учтено 89 душ муж. пола и 81 душа жен. пола татар тептярского сословия, состоящие в команде пятисотника Сейфульмулюка Сафарова. Это больше, чем в 1782 г. (тогда было 75 и 53 соответственно). Первыми в списке показаны сыновья Срыма Уразаева (1728–1791) Сырмят (38 лет), Забир (27) и Амир (24). Дочь Срыма вышла замуж за татарина башкирского сословия д. Чалмали Нарат, Амир женился на дочери татарина тептярского сословия д. Маткауш Тамак.

В деревне наблюдаются браки с участием татар тептярского (дд. Адаево (2 брака), Байбулатово, Бакабыз, Бикбулово (3), Биксентеево, Бишкучмак, Илтимерово (2), Карачево, Кулуново, Курмашево, Маткауштамак, Поисево (4), Тюково, Уменеево (2)) и башкирского (дд. Айманово, Бакабыз, Бикбулово, Зюбеирово, Исеметово «Бирской округи», Калмаш (К. Аптикеева, 25 лет), Курмашево, Нижние Урьяды, Семиостровная (2), Чалманарат (2), Шабыз) сословий, а также с ясачными татарами дд. Медведево и Сарсаз¹⁷.

Данный ревизский документ интересен также тем, что сохранил первоначальное название д. Чалманарат в форме «Чалмали Нарат», что позволяет проследить его этимологию. Название происходит от татарских слов «чалмалы» (носящий чалму, священный) и «нарат» (сосна). Упрощение до формы «Чалманарат» произошло естественным путем – через опущение аффикса «-ли» в повседневной речи. Такой процесс характерен для эволюции составных топонимов. Примечательно, что данная фиксация может указывать на семантическую связь названия с сакральным объектом (например, культовым деревом). Это отражает важный процесс лингвистической адаптации географических названий в XVIII–XIX вв., когда происходило постепенное преобразование сложных топонимов в более удобные для произношения формы при сохранении их первоначального смысла.

Деревня **Бикбулово** (ныне Мензелинского района РТ) также являлась одним из крупных поселений татар тептярского сословия, насчитывавшим в 1795 г. 84 души муж. пола и 76 душ жен. пола. Особенностью учета стало разделение населения на три группы по ревизским сказкам: первая группа (71 мужчина и 65 женщин) представляла старожильческое ядро общины, вторая (7 мужчин и 5 женщин) включала семьи Халила Асеева и Башира Мукаева, а третья (6 мужчин и 6 женщин) – новопоселенцев, среди которых был 30-летний указной мулла Тимергали Сагитов. Такое деление отражает поэтапное формирование общины, где более поздние переселенцы дополняли сложившееся ядро населения.

¹⁷ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 51. Л. 362–369.

Особое внимание привлекают личности двоеженцев, среди которых отметим Биктимера Абдулова (32 года), Габбьеса Адылова (1783–1789), Мазита Адырова (37), Садыка Мустиева (39), старшину Зюлькарнея Давыдова (53), Габдрашита Хасанова (42), Габдулхазия Аиткулова (39) и Ярмухаммета Султанова (20).

«Тептяри» Бикбулово поддерживали активные брачные связи с представителями различных сословных групп из 20 деревень региона. Заключались браки с «башкирцами» дд. Актанышбаш (в источнике «Актаныш»), Алимово, Атасево, Тыгирманликово, Казгаляк, Маткауштамак, Шарлиарема, Ушарово («Ашарово»), Уразметмишерово, Исемметово, Исенбаево, Симьяево, Симьяково, Чиныково, «тептярями» дд. Аняково, Байсарово, Поисево, Илтимерово, Кадырово «Белебеевской округи», Тюково, Урьяды, Былышлы «Белебеевской округи», Шайчурово, Чекмак, Уменеево («Иманеево») и ясачными татарами дд. Досайкичево и Медведово¹⁸. Эти межсословные и межтерриториальные брачные связи демонстрируют глубокую интеграцию общины в социально-экономическое пространство региона и свидетельствуют о существовании единого татарского этнокультурного пространства.

Отдельным списком в д. Бикбулово числится семья указного муллы Ибрагима Касимова (32 года), состоящая из шести человек (два мужчины и четыре женщины). Он был назначен на должность муллы при соборной мечети указом Уфимского наместнического правления от 1791 года и прибыл из д. Усы «Мензелинской округи»¹⁹.

Важно отметить, что население д. Бикбулово имело двухсословную структуру. Преобладающей группой жителей являлись «башкирцы», численность которых составляла 241 мужчина и 236 женщин в 1795 г.²⁰ Данная демографическая характеристика позволяет сделать вывод о значительном влиянии татар башкирского сословия на социально-экономическую жизнь населенного пункта в рассматриваемый период.

Третья по величине деревня с наибольшим числом «тептярей» – это д. **Наратово** (ныне Сосново Агрызского района РТ), где в 1795 г. проживало 63 души муж. пола и 68 душ жен. пола, состоящих в команде Зюлькарнея Давыдова. Это значительно превышает показатели 1782 г., когда здесь было зафиксировано 44 мужчины и 53 женщины.

Первым в списке значится Гулюк Ниязов (67 лет). Его старшая дочь Зямия вышла замуж за ясачного татарина из своей деревни, а вторая дочь Зифа – за «башкирца» из д. Сляково.

Население деревни вступало в брачные отношения с «тептярями» дд. Девятерня, Кадыбаш «Елабужской округи», Касаево («Кусаево»), Нарат

¹⁸ Там же. Л. 621–630 об.

¹⁹ Там же. Л. 393–393 об.

²⁰ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1879. Л. 83 об.

«Елабужской округи», Салагуш, «башкирцами» дд. Аккузево (Гулямзя Халилева, 25 лет), Бикбулово, Исанбаево, Кучюково, Сляково, Салагуш, Уразаево, Утяганово и своей же д. Наратово. Кроме того, жители вступали в брак с ясачными татарами дд. Аккузево «Елабужской округи» (М. Мадиярова, 25 лет), Агырзи «Сарапульской округи», Салагуш и Тойгузино. Интересно отметить, что четверо жителей деревни были двоеженцами²¹.

Деревня Наратово входила в состав «Мензелинской округи» Уфимского наместничества. Анализ брачных связей показывает, что вторую и третью группы населения деревни составляли ясачные татары и «башкирцы». Позднее деревня перейдет в состав Вятской губернии.

Статистика населения по тюбам, представленная в материалах Генерального межевания, не всегда отражает полную численность жителей. Ярким примером служит д. **Нижние Урьяды** (ныне Актанышского района РТ), где официально учтены только вотчинники Тугузской тюбы (3 двора; 7 душ муж. пола и 8 душ жен. пола)²². Однако, согласно ревизским сказкам 1795 г., здесь также проживали татары тептярского сословия (7 душ муж. пола и 8 душ жен. пола)²³. Таким образом, общая численность населения деревни составляла 14 душ муж. пола и 16 душ жен. пола. Неосведомленность некоторых исследователей об этом нюансе приводит к неточностям: так, один из них пишет о 16 «башкирах» д. Нижние Урьяды в 1795 г., а «тептярей» обнаружил лишь по данным 1834 г.²⁴

Сведения 1795 г. о татарах тептярского сословия в д. Нижние Урьяды показывают, что здесь проживали семьи Салима Зюльметева (49 лет), Раптана Масыгутова (51, холост) и Махмута Сеитова (53). Их брачные связи иллюстрируют активную интеграцию в межсословное и межрегиональное пространство: сын Салима женился на дочери татарина башкирского сословия из д. Илишево (ныне Илишевского района РБ), а сын Махмута – на дочери татарина тептярского сословия из д. Поисево.

Эти примеры подтверждают, что татары тептярского и башкирского сословий, несмотря на административные различия, не отличались по ментальности и являлись частью единого татарского народа. Их социальные практики, включая брачные стратегии, демонстрируют общность культурных и идентификационных моделей, что также прослеживается в ревизских материалах других деревень, анализируемых далее.

В д. **Адаево** (ныне Актанышского района РТ) в 1795 г. насчитывалось 8 душ муж. пола и 6 душ жен. пола. Здесь проживали сыновья Заита Сеитова (1726–1789) – Сайфулла (37 лет), Файзулла (33) и Габит (31) со своими семьями.

²¹ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 51. Л. 348–353 об.

²² РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1879. Л. 83 об.

²³ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 51. Л. 334–334 об.

²⁴ Асфандияров А.З. Аулы... С. 450.

Сайфулла женился на дочери татарина башкирского сословия из д. Бикбулово. Файзулла взял в жены дочь татарина тептярского сословия из той же деревни. Габит вступил в брак с Зюлейхой Искендеровой, дочерью татарина башкирского сословия из д. Нижние Урьяды²⁵.

Второй сословной группой в деревне были «мещеряки», которых насчитывалось 40 душ муж. пола и 41 душа жен. пола²⁶. Эти данные свидетельствуют о том, что даже с учетом татар двух сословий, деревня оставалась сравнительно небольшой.

В д. **Шабыз** (ныне Шабызово Актанышского района РТ) в 1795 г. зафиксирована семья татарина тептярского сословия двоеженца Мамета Мустаева (39; сыновья Кусем, Исанмет и Зюмагул), состоящая из 4 душ муж. пола и 3 душ жен. пола (в 1782 было 2 и 1 соответственно). Вторая жена Мамета являлась дочерью татарина башкирского сословия д. Куземметево²⁷.

В д. **Калмурзино** (в источнике «Каймурзино»; ныне Мензелинского района РТ) в 1795 г. записана семья татарина тептярского сословия Ильяса Токтагулова (38; сыновья Исхак, Аскей и Мунасып), состоящая из 4 душ муж. пола и 1 души жен. пола (в 1782 г. было 2 и 1 соответственно)²⁸. Родовая тамга Ильяса ничем не отличается от тамги одного рода татар башкирского сословия д. Катаево Киргизской волости.

В д. **Азиби** в 1795 г. учтена семья татарина тептярского сословия Габдулкарима Сеитова (59; сын Габдрахим), состоящая из 2 душ муж. пола и 1 души жен. пола (в 1782 г. было 2 и 2 соответственно). Ее дочь выдана в замуж за татарина башкирского сословия д. Чуреево «здешней округи». К ревизской сказке глава семьи «тамгу свою приложил», она похожа на букву «Г»²⁹. Данные сведения показывают, что даже после припуска русских крестьян в д. Азиби татары продолжали жить там³⁰.

В д. **Буранчи** по рч. Базяна Илга в 1795 г. насчитывалось 9 душ муж. пола и 9 душ жен. пола (3 двора) татар тептярского сословия (в 1782 г. было 8 и 14 соответственно), входящие в команду пятисотника Бикташа Полатова. Здесь жили семьи Ишигула Имаева (49 лет), Абзая Илкеева (54; двоеженец), наследники Гадела Алкеева (1723–1793; двоеженец), Суюндук Алкеев (66). Вторая жена Абзая Илкеева являлась дочерью ясачного татарина д. Урьяды,

²⁵ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 51. Л. 332–333 об.

²⁶ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1879. Л. 83 об.

²⁷ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 51. Л. 180–180 об.

²⁸ Там же. Л. 559. Асфандияров ошибочно считает, что «тептяри» были припущены в 1793 г. (Асфандияров А.З. Аулы... С. 125). Однако здесь 1 душа муж. пола была зафиксирована еще в 1782 г. (Татары Уфимского уезда. С. 170).

²⁹ Там же. Л. 671.

³⁰ Не изучив данный ревизский документ 1795 г., один автор ошибочно рассуждает о том, что д. Азибей «основана после Генмежевания земель между 1800–1808 гг.» (Асфандияров А.З. Аулы ... С. 233).

своих дочерей они выдали замуж за татар башкирского сословия дд. Сеитово, Тоймурзино и Улуимен, а сын женился на дочери татарина башкирского сословия д. Каинтюба. Вторая жена Гадела Алкеева являлась дочерью ясачного татарина д. Чиникова, своих дочерей они выдали замуж за татар тептярского и башкирского сословия дд. Илтимерово и Бикбулово соответственно. Одна дочь Суондука Алкеева стала женой ясачного татарина д. Дрюш, другая – татарина тептярского сословия д. Измеиково. К ревизской сказке *«скаскаподатель Мензелинской округи деревни Буранчи выборной Абзай Алкин тамгу свою приложил»*³¹, похожую на треугольник.

Следует особо подчеркнуть, что родовая тамга татарина тептярского сословия совпадает с тамгой татарина башкирского сословия д. Картово Фатхутдина Габдулнасырова (его тамгу мы отметим при рассмотрении переписи 1859 г.). Это дает основание предположить о возможном родстве татар разных сословий данных деревень Енейской волости.

Часть татар тептярского сословия, относящаяся в 1762 г. к команде старшины Енейской волости, проживала в Булярской волости. К ним относятся несколько деревень, среди которых выделяется д. Байсарово.

В д. **Байсарово** (ныне Старое Байсарово Актанышского района РТ) в 1795 г. насчитывалось 52 души муж. пола и 58 душ жен. пола тептярского сословия. Эти данные свидетельствуют о значительном росте населения по сравнению с 1782 г., когда в деревне насчитывалось 43 души муж. пола и 36 душ жен. пола. Все жители относились к команде пятисотника Сейфулмулюка Сафарова.

Первым в списке значился Сатей Килмаметов (48 лет), одна из дочерей которого была выдана замуж за «башкирца» из д. Апасево (ныне Апачево Актанышского района РТ). Этот факт отражает типичную практику межсословных брачных связей того времени, которые играли важную роль в социальной жизни общества.

Особый интерес представляет большое семейство Акая Аиткулова (35 лет), включавшее четырех жен в возрасте 47, 32, 30 и 20 лет. Примечательно, что его четвертая жена, Гульбану Зюмашева, была дочерью татарина башкирского сословия из д. Кадырово (ныне Илишевского района РБ) «Белебеевской округи». Этот брак также подчеркивает активные межсословные и межрегиональные связи семейства.

Брачные узы еще более укрепляли родственные переплетения: старшая сестра Гульбану, Гульгибар Зюмашева (22 года), вышла замуж за племянника Акая – Тоймаса (32), сына его старшего брата Исанбая Аиткулова (56). Такая практика перекрестных браков между родственниками была распространенным явлением, направленным на сохранение имущества и укрепление социальных связей внутри расширенной семьи или рода.

³¹ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 51. Л. 167–168.

Волостная книга Музесина из Енисейского уезда		Имя		Возраст	
		Татары	Русские	Татары	Русские
Имя		Ахмер	Ахмер	69	69
Удья жены		Тумугыш	Мукаева	52	52
1-я жена		Кузяково	Кузяково	31	31
2-я жена		Мулхия	Зайтова	20	20
3-я жена		Салим	Балтасев	33	33
4-я жена		Гайсар	Балтаев	41	41

Фрагмент ревизской сказки 1795 г. о «тептярях» д. Байсарово, содержащий сведения о четырех женах Акая Аиткулова (НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 51. Л. 155 об.)

Также примечателен троюженец Ахмер Бикметов (69 лет), чьи жены были в возрасте 69, 52 и 31 года. Его третья жена, Тумугыш Мукаева, была дочерью «башкирца» д. Шабизово. Дочь Ахмера была выдана замуж за «башкирца» д. Кузяково. Сын Ахмера, Рахматулла (29), также был двоеженцем. Его вторая жена, Мулхия Зайтова (20), была дочерью «башкирца» д. Улуименово.

Двоеженцами были и другие жители: Акей Урускулов (33 года), Салим Балтасев (1723–1795) и его сын Гайсар (41), Шарип Балтаев (48)³².

Как свидетельствуют источники, более многочисленную группу населения д. Байсарово составляли татары башкирского сословия. С представителями этой группы местные «тептяри» активно поддерживали социальные связи, в том числе заключая брачные союзы. Ярким примером таких отношений является брак татарки башкирского сословия Сахибы Ахмеровой (31 год) с Ильясом Субханкуловым (32; он был учтен в переписи 1762 г.). Этот факт не только иллюстрирует практику межсословных браков, но и подчеркивает преемственность семейных связей и устойчивость социальных отношений в общине на протяжении нескольких десятилетий.

Высокая распространенность многоженства и брачные связи с представителями башкирского сословия косвенно свидетельствуют об экономиче-

³² Там же. Л. 154–156.

ском благополучии «тептярей» д. Байсарово. Возможность содержать несколько жен и выдавать дочерей замуж за «башкирцев» указывает на достаток и стабильность хозяйств, а также на их высокий социально-экономический статус в обществе того времени.

Представленные материалы полностью опровергают устаревший историографический стереотип, умышленно продвигавшийся некоторыми тенденциозными исследователями, о «тептярях» как о социально и экономически ущемленной, маргинальной группе населения. Напротив, они наглядно демонстрируют успешную экономическую адаптацию и активную интеграцию «тептярей» в сложную структуру сословных отношений региона. Это подтверждает, что «тептяри» занимали значимое место в социально-экономической иерархии того времени и обладали определенными привилегиями и возможностями для развития.

Возвращаясь к анализу брачных связей татар разных сословий и поземельных волостей по материалам 1795 г., следует отметить, что они являются ярким свидетельством единства татарского этнокультурного пространства. Сословные различия не стали барьером для коммуникации и интеграции татар, что опровергает наличие клановых предрассудков, характерных для кочевых или менее структурированных обществ. Напротив, гибкость социальных отношений и активное заключение межсословных браков подчеркивают зрелость татарского общества и его способность сохранять культурную идентичность вопреки административным границам.

Что касается источниковой базы, вышеупомянутые выводы основаны на данных о татарах тептярского сословия, сохранившихся в ревизских сказках 1795 г. по ряду (но не всем) деревень. Материалы по татарам башкирского сословия за тот же период, к сожалению, утрачены, за исключением сведений по д. Сафарово, которые были подробно рассмотрены в первом томе нашего исследования³³. Наиболее полные данные о именном составе и численности татар башкирского сословия Енейской волости содержатся в ревизских сказках 1811 г., анализу которых посвящена следующая глава. Это позволит провести более глубокое сравнение динамики сословной структуры и этнодемографических процессов в регионе.

³³ Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том 1. Булярская волость. С. 124–125.

ГЛАВА 5

Волость в первой половине XIX в.

§ 1. Состав и сословная структура населения по материалам переписей 1811–1834 гг.

В предыдущих разделах особое внимание было уделено анализу данных переписей ясачных татар и татар тептяро-бобьельской сословной группы. Важно отметить, что первая перепись вотчинников и припущенников башкирского сословия, проведенная в 1795 г., практически не сохранилась – до нас дошли лишь редкие разрозненные фрагменты.

Именно поэтому переписные документы первой половины XIX в. приобретают особую ценность. Они являются первыми полными источниками, которые позволяют объективно оценить численность населения поземельных волостей. Благодаря этим документам исследователи получают возможность провести комплексный анализ демографической структуры, точно определить численность населения волостей и выявить особенности сословной организации местных сообществ.

В 1811 г. команда Максюты Авязова Енейской волости Мензелинского уезда объединяла татар башкирского сословия из девяти деревень. Крупнейшими поселениями были: Ушарово (371 ревизская душа муж. пола в 73 дворах), Суксы (145 душ в 32 дворах) и Чалманарат (142 души в 30 дворах). В составе Чалманарата также проживали 22 «башкирца» Булярской волости в 3 дворах. Остальные деревни демонстрировали меньшую численность: Шабызово (119 душ в 24 дворах), Калмашево (91 душа в 18 дворах), Азибеево (66 душ в 13 дворах), Буазкулево (42 души в 11 дворах), Новое Сафарово (в источнике – «Саперово»; 31 душа в 6 дворах) и Саузово Бирского уезда (44 души в 8 дворах). Общая численность команды составляла 1051 ревизскую душу муж. пола¹, что отражает значительную часть татар башкирского сословия в данном регионе в начале XIX в.

В д. **Шабызово** (ныне Шабызово Актанышского района РТ) в 1811 г. показаны следующие дворы татар башкирского сословия («башкирцы»): 1) юртовой старшина Максют (53 года; дети Бикмухаммет, Динмухаммет, Нурмухаммет, Ишмухаммет), Баязит (50) и походный есаул Мансур (41; дети Му-

¹ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 104а. Л. 202–230.

хамметшарип, Габдулвали, Миннихан) Авязовы; 2) юртовой есаул Надыр (54; дети Зубеир (его Мухаммади, Мухамметша), Фазаил, Гузеир, Абулхаир), Гумер (66; его Халит, Валит), Назир (54; его Хабибулла) Усмановы; 3) хорунжий Габдулмазит (44; дети Сафаргали, Габдулхалик, Мухамметсадык), Валит (1760–1811; сын Мухамметгали) Мурсалимовы; 4) мулла Гали Князев (45; дети Абулхаир, Сулейман, Ибрагим, Исмагиль); 5) азанчи Имангул Юзикеев (46; дети Мукминкул, Шарипкул, Давлеткул), перешел из д. Сууксы в 1807 г. 6) Салимзян Чурагулов (1740–1795; дети Зейникей (его Ямангул, Имангул, Сайфулмулюк, Низаметдин), Габдулгафар, Ямансар). Здесь же Юлдаш (28), Сафар (1793–1795) Мукаевы; 7) Габдулвахит (46), Габдуллатип (30; сын Габдулнасыр), Даут (28) Сагитовы; 8) Рафик Ниязов (44; сын Габдрафик). Здесь же Халит Бакыев (44; сын Юсуф); 9) Ильяс Кыдрасев (43; дети Габбяс, Гайса); 10) Салих Агбязев (66; сын Сейфин (его Гайнулла, Хабибулла, Нигматулла)); 11) Тойчин (33), Батыр (24; сын Хабибулла) Амировы; 12) Япар Митреев (1732–1807; дети Суюндюк, Шагимардан); 13) Салих (69; дети Сянзяп, Мунасып), Мусагит (62; сын Мухамметрахим) Чураговы; 14) Мратбакый (32; дети Мухамметша, Давлетша), Хабибулла (26) Кузьяковы; 15) Ибраш Утямышев (61; дети Сафаргали (его Мухамметзян, Габдикей, Мухаммади, Мухамметгали), Салават); 16) Альмухаммет (46; дети Ахметзян, Курмангали, Сеитбаттал, Рахматулла), Мряс (1769–1797; сын Динмухаммет) Даутов; 17) Ишикей (51; сын Атнагул), Яркей (46; дети Хисамутдин, Ямангул, Миннигул, Миннибай), Габдрафик (30; сын Габдулнасыр) Мратовы; 18) Минниш Мусин (48; сын Биктяш); 19) Махмут (48; сын Нурислам), Бикмурза (42) Мусаевы; 20) Мухамметрахим (46; сын Мухамметкарим), Шарип (1768–1799) Абызаев; 21) Башир Кинзин (1755–1895; дети Рахимкул, Габдулнасир, Габдулхаким), 22) Мустакай Бикбаев (1720–1795; сын Мунасып (его Мустазяп (его Мусифулла), Мустафа, Иштерьяк, Ишберда)); 23) Салиш Агбязов (76; сын Удюгут (Бикчентей, Бикмухаммет, Альмухаммет)); 24) Фейзулла (54; дети Халил, Хасан), Габдулмен (39; дети Габдусалям, Габдусалих) Бакировы, всего 119 душ муж. пола. Про Габдрафика Мратова сказано, что «в плену у французов»².

Часть жителей д. Шабызово (такие как Кидряс Исангулов, Абдулмен Тугусеев, Аднагул Юзукаев, Токтар Чуракаев, Ермухаммет Агбязов, Еркей Агбязов, Файзулла Кунуров, Бикташ Бикбаев, Мукай Асанов, Асеин Асанов, Минлибай Мутбаев; приведены родовые тамги, подтверждающие их принадлежность к двум родам) в документе от 26 июля 1811 г. отнесена к Енейской тюбе³. Это примечательно на фоне того, что основная масса вотчинников данной деревни традиционно принадлежала к Канбарской тюбе. Этот факт ярко свидетельствует об особенностях региональной системы землепользова-

² Там же. Л. 202–204.

³ Там же. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 393. Л. 280.

ния, где представители разных тюб могли жить вместе в одном населенном пункте.

Как отмечалось ранее, в 1757 г. группа татар башкирского сословия из Енейской волости, включая Мукая Акманаева из д. Шабызово, участвовала в прусском походе русской армии. Интересно, что к 1811 г. сам Мукай уже не фигурирует в ревизских документах, однако его сыновья – Юлдаш (28 лет) и Сафар (1793–1795) – указаны в совместном хозяйстве с Салимзяном Чурагуловым (записанным под № 6).

Этот факт указывает на существование тесных родственных или социально-экономических связей между семьями Мукаевых и Чурагуловых в начале XIX в. Подобные объединения хозяйств могли быть следствием как брачных союзов, так и распространенной в тот период практики совместного ведения хозяйства.

Примечательно, что вотчинники Енейской волости – Салиш Агбезов, Япар Митреев и Мустака[й] Бекбовов, которые фигурируют в ревизской сказке 1811 г., ранее уже упоминались в договоре от 20 марта 1757 г.

В ревизской сказке 1811 г. также представлены потомки других вотчинников, упомянутых в этом же договоре. Среди них – братья Авязовы (сыновья Авеза Бекбовова), Гали Князев (сын Князя Апанаева), Салимзян Чурагулов (сын Чурагула Минеева), Рафик Ниязов (сын Нияза Апанаева) и Ибраш Утямышев (сын Утямышы Якупова).

Эти факты ярко иллюстрируют сохранение крепких родовых связей и преемственности поколений в данной волости на протяжении нескольких десятилетий. Это свидетельствует о стабильности социальной структуры и значимости семейных уз в жизни общества того времени. Такие связи играли ключевую роль в поддержании традиционного уклада жизни и передаче культурного наследия из поколения в поколение.

Кроме того, в ревизском документе 1811 г. особое внимание привлекают Мухамметрахим и Шарип Абызаевы – сыновья известного вотчинника Абызая Токаева, чье имя ранее фигурировало в важнейшем историческом акте – договоре от 1 марта 1761 г.

Отдельно стоит выделить юртового есаула Надыра Усманава, который значится под № 2 в списке 1811 г. как вотчинник, совмещавший земледелие с военной службой. Его наследник, Гузеир Надыров сын Канбаров, в возрасте 41 года, также избравший военную карьеру, был зафиксирован в формулярном списке чиновников 1837 г. Этот факт свидетельствует о сохранении военных традиций в семье на протяжении нескольких поколений.

Военная карьера Гузеира развивалась следующим образом: начав службу рядовым 1 мая 1812 г., уже 4 марта 1816 г. он получил звание зауряд-хорунжего. В период 1812–1814 гг. он служил в составе 6-го Башкирского полка, участвуя в походах, хотя и не принимал непосредственного участия в сражениях. После этого его служба была связана с различными крепостями: в

1820 г. он нес службу в крепости Татищево, в 1830 г. – в Красногорске, а в 1835 г. – в крепости Каменная⁴.

Примечательно, что несмотря на отсутствие грамотности – что было довольно редким явлением среди чиновников того времени – Гузеир Надыров при аттестации получил высокую оценку «достойн». Это свидетельствует о том, что в системе оценки служивых людей Башкиро-мещерякского войска первостепенное значение имели не формальные навыки, а личные качества военнослужащего: его дисциплинированность, ответственность и преданность делу.

В 1816 г. в д. Шабызово насчитывалось 125 душ муж. пола и 133 души жен. пола (41 двор) команды старшины Максюта Авязова. Первым в списке значился сам старшина (57 лет), проживавший с тремя женами (43, 37, 30 лет), пятью сыновьями и двумя дочерьми. Среди других жителей с должностями выделялись: Сейфин Салихов (40; юртовой сотник), Мансур Авязов (45; походный есаул; троеженец), Габдулмазит Мурсалимов (48; хорунжий), Надыр Усманов (58; отставной старшина) и Гузьяир Надыров (19; хорунжий). Гали Князев (49; двоеженец) занимал должность указного муллы, а Имангул Юзюкеев (50) был азанчеем. Среди других двоеженцев были Мратбакый Кузяков (36 лет; жены 30 и 25 лет), Сафаргали Ибрашев (39; жены 40 и 33), Мухамметрахим Абызаев (50; жены 55 и 25) и Габдулмен Бакиров (43; жены 45 и 27). Самым возрастным жителем деревни был Салим Акбязов (80)⁵. Эти данные отражают социальную структуру и семейные уклады в татарской общине, а также показывают, как должности и статус передавались внутри общины.

По данным 8-й ревизии (1834 г.), в д. Шабызово Енейской волости проживало 157 мужчин и 168 женщин. Среди жителей выделялись представители различных семей, многие из которых занимали значимые должности в общине. Например, юртовой старшина Максют Авязов (умер в 1818 г.) оставил после себя сыновей Бикмухаммета, Альмухаммета и Смагила. Зауряд-сотник Сейфин Салихов (58 лет) и его сын Нигматулла (28) также играли важную роль в жизни деревни. Среди других заметных жителей были зауряд-есаул Мансур Авязов (умер в 1828 г.), чьи сыновья Мухамметшарип и Габдулзалий продолжили род, и зауряд-хорунжий Габдулмазит Мурсалимов (66 лет), чьи сыновья Габдулхалик и Мухамметсадык также были зафиксированы. В деревне проживали и духовные лица, такие как указной мулла Гали Князев (умер в 1829 г.) и указной азанчи Имангул Юзекеев (68 лет), чьи семьи включали несколько поколений.

В 1834 г. в д. Шабыз, наряду с вотчинниками, проживали представители тептярского сословия – 8 душ муж. пола и 2 души жен. пола (2 двора), приписанные к 3-й тептярской команде. Среди них выделялись две семьи: семья

⁴ Там же. Д. 4022. Л. 19 об.–20.

⁵ Там же. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 292. Л. 271–285.

Исаммета⁶ Маметова (47 лет) с сыновьями Ибрагимом, Мухаммедьяром, Смагилом и Габдулгалимом, а также его брат Имангул (34) с сыном Мухамметкаримом. Отдельно упоминается семья покойного Кусюма Маметева (1784–1827), представленная его сыном Минликеем⁷.

Данные по д. Шабыз 1834 г. ярко иллюстрируют сложную социальную организацию поземельных волостей, где традиционно сосуществовали представители различных сословных групп. Татары тептярского сословия, как видно из примера д. Шабыз, часто состояли из небольших семейных групп, сохранявших родственные связи (как в случае с братьями Исамметом и Имангулом Маметовыми).

В 1840 г. в д. Шабиз на 321 человека было засеяно 50 четвертей озимого и 94 четверти ярового хлеба. К 1848 г. в деревне насчитывалось 50 дворов, где проживало 320 «башкир», владевших 110 лошадьми, 120 коровами, 150 овцами и 160 козами. Также в деревне было 2 двора, где проживало 11 «тептярей», у которых имелось 5 лошадей, 1 корова и 2 козы. «Башкиры» занимались пчеловодством, имея 15 ульев⁸. Эти данные отражают аграрный характер хозяйства деревни и ее зависимость от земледелия и скотоводства.

В д. **Калмаш** (ныне Калмашево Актанышского района РТ) в 1811 г. были зарегистрированы следующие хозяйства татар башкирского сословия («башкирцы»): 1) старшинский помощник Салих Ишменев (70 лет; дети Габдулнасыр, Габдулла); 2) походный есаул Мухаммедьяр Хамитов (43; дети Мухамметгали, Мухамметша); 3) «мухтасип, мударрис, мулла» Рахматулла Апасев (50; дети Мухамметша, Мухамметфеизхан, Шайхелислам, Ахметзян, Ахметша); 4) азанчи Мратбакый Зайсанов (34; перешел из д. Суксы в 1806 г.; сын Шайхигабдулбакый); 5) Рафик (1765–1811; дети Габдулсаттар, Габдулсалих) и Мухамметрахим (39) Шариповы; 6) Габдулгафар Мухтасаров (26; сын Мухаммади); 7) Халил (65; дети Сайфулла, Губайдулла, Хисамутдин), Санзяп (55; дети Файзулла, Нигматулла, Фаткулла) Ишменевы; 8) Зульфугар Кучумов (39; сын Мухамметсадык); 9) Килей Миннишев (51; дети Курмангали (его Сафаргали), Габдулвагап, Габдулвали); 10) Габдул Абызаев (1743–1795; дети Туйгун, Шамгул, Тайгын); 11) Мурсалим (66), Ишмухаммет (61; дети Сайтбаттал, Габдулхалик, Габдулманнаф, Габдулманьян) Муртазины; 12) Кузмят Ишменев (1720–1808; сын Гали (его Яхья (его Бикмухаммет), Динмухаммет)); 13) Ишкилда Ишменев (1750–1802; дети Габдулмазит (его Габдулхалик, Минникай), Габдрахим (его Габдрашит, Габдулкарим), Ибрагим), здесь же Тимеркей Кадырметов (1745–1808; сын Файзулла); 14) Ишмат Дюсметов (1725–1801; дети Асфандияр, Амирхан (его Гайнулла, Зайнулла),

⁶ При сравнении с другими переписями выяснилось, что имя Исаммета в источнике было написано как Шагимет, поэтому мы исправили его.

⁷ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 470. Л. 495–496.

⁸ Асфандияров А.З. Аулы... С. 489.

Валиша, Абулхаир, Ягафер), здесь же Кяпйя Яркеев (1755–1808); 15) Ишмухаммет (1750–1807; дети Шамсутдин, Назметдин), Ярмухаммет (1751–1801; дети Мярзянгул, Самигул), здесь же Авлияр Сюлюков (28; сын Кильдияр); 16) Башир (44; дети Габдулгафар, Габдуллатип, Габдулвагап, Габдулманнан), Габдулнасыр (36; дети Габдулмазит, Габдулсалам, Габдулзялил) Мосеевы; 17) Хамит Сагитов (58; дети Идрис (его Ардашир), Хисамутдин, Сайфутдин, Ильяс, Зайнулбашир); 18) Альмухаммет (55; дети Ардуан, Юзюкей), Ярмухаммет (49) Зайтовы, здесь же Имангул Иманаев (59; сын Кыдрас) и Файзулла Балтин (18), всего 91 душа муж. пола⁹.

Ранее, в договоре от 6 июля 1745 г., упоминался сотник Кадырмет Дюсметов из д. Калмаш, который также фигурировал в документе от 19 марта 1749 г. И вот, спустя десятилетия, в ревизской сказке 1811 г. появляется фигура Тимеркея Кадырметова, родившегося в 1745 г. и скончавшегося в 1808 г. Логично предположить, что он является сыном Кадырмета Дюсметова. Под именем «Тимиркей Кадырметев» он отмечен и в списке участников Польского похода 1771–1773 гг. Таким образом, история рода Кадырметовых подчеркивает важность военной службы и наследование профессиональных военных традиций, что было характерно для множества татарских семей того времени.

В научной литературе высказывалось предположение, согласно которому Кадырмет Дюсметов мог являться основателем д. Кадырметево¹⁰, основываясь на совпадении названия населенного пункта и имени вотчинника. Тем не менее, эта версия не находит поддержки в сохранившихся исторических документах. Все известные архивные записи неизменно связывают личность Кадырмета Дюсметова исключительно с д. Калмаш Енейской волости, не обнаруживая никакой прямой исторической связи с д. Кадырметево. Это обстоятельство вновь подтверждает важность строгого подхода к проверке любых научных гипотез, основанного на анализе объективных письменных документов, а не только на случайных совпадениях в именах и географических наименованиях.

В ревизском списке 1811 г. под № 1 значится старшинский помощник Салих Ишменев. Его потомок Габдулнасыр Салихов сын Канбаров (46 лет) зафиксирован в формулярном списке чиновников 1837 г. Он начал службу рядовым 1 мая 1812 г., а уже 4 марта 1816 г. получил звание зауряд-сотника. В 1812, 1814, 1821 и 1835 гг. он находился на этапной службе в Казанской губернии. Его линейная служба проходила в крепостях: в 1818 г. он нес службу в крепости Рассыпной, а в 1830 г. – в Красногорске¹¹.

Как и некоторые другие представители рода Канбаровых, Габдулнасыр не владел грамотой, однако успешно прошел аттестацию и был признан «дос-

⁹ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 104а. Л. 205–207.

¹⁰ Асфандияров А.З. Аулы... С. 338.

¹¹ НА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 4022. Л. 19 об.–20.

тойным». Это свидетельствует о его добросовестном отношении к службе и выполнении обязанностей, что ценилось выше формальных навыков. Его пример подчеркивает, что в Башкиро-мещерякском войске продвижение по службе могло быть достигнуто за счет личных качеств, таких как дисциплина, ответственность и преданность делу, даже при отсутствии образования.

В 1816 г. в д. Калмашево насчитывалось 95 душ муж. пола и 107 душ жен. пола (29 дворов) команды старшины Максюты Авязова. Среди жителей выделялись Хамит Сагитов (62 года; троеребенок, жены 29, 26 и 16 лет), Зулфюкар Кучумов (43; двоеребенок, жены 32 и 20), Гали Кузметев (55; двоеребенок, жены 50 и 25), хорунжий Асфандияр Ишметов (45; жены 37 и 25), Амирхан Ишметов (42; двоеребенок, жены 35 и 30) и Валиша Ишметов (39; двоеребенок, жены 35 и 20). Также в деревне проживали Салих Ишменев (74) – старшинский помощник, Мухаммедьяр Хамитов (47; жены 40 и 25 лет) – походный есаул, Рахматулла Апасев (54; жены 30, 27 и 23) – муктасип и мударрис, а также Мратбакый Гайсанов (38) – исполнявший обязанности указного азанчя. Эти данные отражают социальную структуру и семейные уклады в татарских общинах, а также показывают, как должности и статус передавались внутри общины¹².

В 1840-х гг. земледелие и животноводство жителей д. Калмаш достигло значительного уровня развития. При населении 252 человека они засеивали 58 четвертей озимого и 169 четвертей ярового хлеба. На 40 дворов (287 жителей) приходилось 95 лошадей, 90 коров, 100 овец, 105 коз и 10 ульев¹³.

Для наглядности проведем конвертацию исторических мер в современные: 1 четверть равна 209,91 литра, а плотность зерна составляет примерно 0,78 кг/л. В результате получаем, что общий объем посевов составлял около 9,5 тонн озимого ($58 \times 209,91 \times 0,78$ кг/л) и 27,7 тонн ярового хлеба ($169 \times 209,91 \times 0,78$ кг/л) в пересчете на зерно.

Такие показатели свидетельствуют о хорошо налаженном сельскохозяйственном производстве и эффективном использовании земельных ресурсов жителями деревни.

В д. **Суксы** (ныне Татарские Суксы Актанышского района РТ) в 1811 г. зарегистрированы следующие домохозяйства татар башкирского сословия («башкирцев»): 1) Габдулкарим Мустаев (68 лет; дети юртовой сотник Габдулсалям (48; его Ибрагим, Мухамметкарим), мулла Габдулнасыр (33; его Габдулвали) и Мухамметгали (3)); 2) азанчи Санзяп Муртазин (41; дети Габдулхаким, Габдрахим, Гибетулла); 3) Иксан Зайсанов (37; дети Исхак, Ибрагим, Исмагиль); 4) Юзюкей Юзеев (1720–1800; дети Курбангали (его Хасангали), Сагит (его Габдулгали, Ахмади)); 5) Аптикей (62) и Мавлюкей (56; дети Хисамутдин, Фазулла) Муслюмовы; 6) Якуп Якыев (40; дети Ишмухам-

¹² Там же. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 292. Л. 259–270.

¹³ Асфандияров А.З. Аулы... С. 352.

мет, Ярмухаммет), его братья Амир (32), Забир (29), Мухтар (1783–1801; сын Мухамметкарим), Назир (19) Якшигуловы; 7) Мукай Сулейманов (1730–1811), сын Камакай (1765–1797; его дети Габдулгафар (его Габдулнасыр, Габдулхалик), Гали, Надырша), здесь же живет Карабай Юсупов (59); 8) Ракай Арасланов (1735–1810; сын Рахманкул (его Рахматулла, Нигматулла)); 9) Умитбай Якупов (61; дети Губайдулла, Фазулла), здесь же живет Давлетбай Биктимеров (26); 10) Габдулмен Абишев (43; дети Габдулвагап, Габдулманнан); 11) Мурадым (57; сын Ахтям), Зирянчай (46; сын Ахмади) Мурсалимовы; 12) Хамит Бакиев (44; сын Смагил), здесь же записан Гали Файзуллин (23); 13) братья Муканай (1730–1804) и Шарип (72; дети Алмякай (1770–1811; сын Бикмухаммет), Аблай (1775–1804), Мяндиkey (1777–1811; сын Динмухаммет)) Сююндюковы; 14) Сарбулат (36; сын Кулый), Сальюват (31) Араслановы, здесь же записан Бухармет Мухамметов (54); 15) Ахмар Иштыков (1720–1804; сын Баязит), здесь же записан Салих Мурзаев (1765–1807; сын Салимзян); 16) Султанмрат Исанматов (1725–1797; дети Ильяс (его Рахматулла, Фаткулла, Гайнан), Валиша (его Ахтям, Динмухаммет), Расуль (его Габдулкагир, Гибятулла), Хамит); 17) Кыдрас (61; сын Хусеин), Габдулзялил (36; дети Ахмади, Нигматулла), Минлигул (25) Кутлуметовы; 18) Бадир (56; сын Хасан) и Габдось (1759–1807) Бадраковы; 19) Туйгун Сагындыков (46; сын Губайдулла); 20) Нигматулла (1755–1796; сын Тохфатулла), Курбангали (41; дети Сафаргали, Габдулвали, Габдулнасыр, Габдуллатип, Габдулманнан), Мухамметгали (40), Габдулвахит (36; дети Нугман, Ризван), Габдулсаттар (34) Юлдашевы; 21) Биктимер Телдеев (1735–1802; дети Иштерьяк (1775–1808; дети Науширван, Нугман), Сабит (дети Мухаммади, Габдулвали), Валит); 22) Бикташ Исенгулов (51; сын Хисматулла); 23) Сафар Салиев (22); 24) Асылгузя Кутуев (26); 25) Мухамметрахим Бакиров (51); 26) Габдулкарим (41; сын Сафаргали), Габдрашит (34; дети Байсякя, Фазлулла), Габдулзялил (28) Мустакимовы; 27) Миннигул Якупов (44; сын Сейфулмулюк); 28) Ибрай Дюсмянев (71; дети Хабибулла (его Габдрашит, Габдрахим), Валит (его Сагит, Халит, Хамит), Бакый (его Ибниямин), Баязит, Мусагит, Мухаммет); 29) Файзулла (61; дети Сайфулла, Тохфатулла, Давлетша), Габдулсалих (34; сын Габдулхалик), Сайфутдин (20) Сыртлановы; 30) Азмькей Азмятов (умер в 1807; сын Миннибай (его Кадыргул, Гайнулла)), здесь же живет Хасан Минникаев (23); 31) Мусай Муслюмов (умер в 1798; дети Мунасып (умер в 1807; его Сайфулла, Мусифулла), Санзяп (его Калимулла)); 32) Губейдулла Хабилов (41), всего 145 душ муж. пола¹⁴.

Ранее мы отмечали, что Умятбай Якупов, Шарып и Муканай Сююндюковы принимали участие в Польском походе 1771–1773 гг. В ревизской сказке 1811 г. братья Сююндюковы записаны под № 13, а Умятбай Якупов – под № 9. Данная информация позволяет проследить судьбу участников военных

¹⁴ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 104а. Л. 207 об.–211.

кампаний конца XVIII в. и их дальнейшее проживание в регионе, отражая связь военной службы с демографическими процессами того времени.

Ревизская сказка фиксирует некоторые изменения в составе населения после предыдущей переписи (1795 г.). Сын Яркея Юртыкуева (1738–1798) Мухамметгали, показанный в одном хозяйстве с Санзяпом Муртазиным (двор № 2), «возвращаясь с линейной службы, потерялся» в 1806 г. Мратбакый Зайсанов в том же году перешел в д. Калмашево, а Ямангул Юзюкеев – в д. Карачево. Его брат Имангул в 1807 г. перебрался в д. Шабыз.

Напротив, часть татар башкирского сословия в 1804 г. перешла из д. Каянтиюба (всего 5 дворов, дворы № 26–30), а в 1808 г. еще 2 двора (№ 31–32) переселились из д. Сеитово. Эти перемещения отражают динамику миграционных процессов в Оренбургской губернии в начале XIX в., где семьи и отдельные лица часто меняли место жительства в поисках лучших условий или по другим причинам, связанным с хозяйственной деятельностью или службой.

В ревизском списке 1811 г. под № 17 значится Минлигул Кутлуметов (25 лет). Он относился к роду Канбаровых, о чём свидетельствует формулярный список чиновников 1837 г., где он показан как зауряд-хорунжий Минлигул Кутлуметов сын Канбаров (51 год). Этой должности он удостоился 12 июня 1813 г.

В 1808 г. Минлигул проходил линейную службу, а в 1812–1814 гг. находился в составе 6-го Башкирского полка в походах, однако в сражениях не участвовал. Также он служил при Оренбурге (в 1823 и 1834 гг.) и в Красногорской крепости (в 1830 г.)¹⁵.

Несмотря на длительный срок службы, Минлигул Кутлуметов не был аттестован «за слабостию по службе». Это указывает на возможные проблемы со здоровьем или недостаточную активность в выполнении обязанностей. Его пример иллюстрирует, что даже при наличии опыта и должностного статуса служащие могли не пройти аттестацию из-за объективных или субъективных причин, что подчеркивает строгость и требовательность системы оценки чиновников того времени.

Таким образом, история Минлигула Кутлуметова отражает как возможности продвижения по службе в Башкиро-мещерякском войске, так и сложности, с которыми сталкивались служащие при выполнении своих обязанностей.

В ревизском списке 1811 г. под № 16 значатся сын Султанмрата Исанматова (1725–1797) Ильяс и его дети Рахматулла, Фаткулла и Гайнан. В формулярном списке чиновников 1837 г. Рахматулла (45 лет) и Фаткулла (42) Ильясовы указаны как урядники.

Рахматулла, получивший должность 28 февраля 1827 г., находился на линейной службе в разных крепостях: Рассыпная (1811 г.), Верхнеозерная

¹⁵ Там же. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 4022. Л. 19 об.–20.

(1829), Илецкая защита (1832). За время службы дважды побывал в Оренбурге (1820 и 1835 гг.) и на этапе в Казанской губернии (1825 г.).

Фаткулла, также получивший должность 28 февраля 1827 г., служил в 6-м Башкирском полку с 1812 по 1814 г., принимая участие в походах, но не в сражениях. Он также нес этапную службу в Казани (1818 г.) и в Беккулово на Ново-Московском тракте (1824). Его линейная служба проходила под Оренбургом (1829 и 1835) и в Илецкой защите (1832)¹⁶.

Оба брата успешно прошли аттестацию с формулировкой «достоин», что свидетельствует об их добросовестном отношении к службе и исполнении обязанностей. Их пример подчеркивает, что даже не участвуя в боевых действиях, военнотружущие могли добиться высокого признания благодаря ответственному подходу к своим обязанностям и дисциплине.

В рассматриваемом ревизском списке 1811 г. следует отметить Юзюкея Юзеева (1720–1800), записанного под № 4. Ранее он и его односельчанин Араслан Суондуков значились в списке участников похода в Пруссию в 1757 г.

Дети вотчинников Бадрাকা Исемметева, Сагындыка Телдеева, Мустая Кинзина и Исенгула Минлибаева, названные в договоре от 16 ноября 1757 г., также присутствуют в ревизской сказке 1811 г. Ими являются: Бадракеры, записанные под № 18; Туйгун Сагындыков – под № 19; Габдулкарим Мустаев – под № 1; Бикташ Исенгулов – под № 22. Кроме того, Султанмрат Исанматов (1725–1797), учтенный под № 16, является братом Бадрাকা Исемметова.

В ревизской сказке 1811 г. не показаны дети Халила Иштыкова, однако присутствует Ахмар Иштыков, что указывает на его родство с последним. Также в списке фигурирует Мухамметрахим Бакиров, записанный под № 25, сын Бакира Ишимова, упомянутого в договоре от 1 марта 1761 г. В такой же последовательности можно выявить детей и других вотчинников, названных в договорах XVIII в.

Эти данные подчеркивают преемственность поколений и сохранение семейных связей в татарских общинах, а также участие местного населения в значимых исторических событиях, таких как военные походы. Они также демонстрируют, как документы XVIII–XIX вв. помогают проследить генеалогические линии и установить связь между поколениями, что особенно важно для понимания истории татарских родов и их роли в жизни региона.

Фамилия Телдеев, упомянутая в контексте д. Суксы, может свидетельствовать о том, что д. Телдеево, известная по ранним документам, стала частью или была тесно связана с Суксами. Это предположение основано на том, что фамилии часто отражают происхождение или принадлежность к определенному населенному пункту. Проживание представителей рода Телдеевых в Суксах может указывать на миграцию или объединение двух деревень, что было характерно для многих регионов из-за экономических, социальных или

¹⁶ Там же. Л. 19 об.–20.

административных причин. Таким образом, наличие этой фамилии косвенно подтверждает историческую связь между Телдеево и Суксами.

В 1816 г. в д. Суксы насчитывалось 147 душ муж. пола и 158 душ жен. пола, проживавших в 60 дворах. Среди жителей выделялись Санзяп Муртазин (45 лет) и Давлетбай Биктимеров (30) – азанчеи, Расул Султанмратов (38) и Кадыргул Минлибаев (23) – походные сотники, Уметбай Якупов (65) – троеженец (жены 60, 30 и 25 лет), а также Мухамметгали Юлдашев (44; жены 45 и 20) и Габдрашит Мустакимов (38; жены 35 и 25) – двоеженцы. Особое внимание обращает на себя семья Емангула Юзекеева, перешедшая в 1813 г. из д. Карачево команды старшины Зюбеира Уметбаева. К ревизской сказке сказкопадатель Иксан Зайсанов приложил свою тамгу, похожую на букву «X»¹⁷. Таким образом, ревизские сведения отражают социальную структуру, традиционные семейные уклады и миграционные процессы в татарских общинах.

По данным 8-й ревизии (1834 г.), в д. Сууксы Енейской волости проживало 209 душ муж. пола и 222 души жен. пола. Среди жителей выделялись представители различных семей, многие из которых имели потомков и родственников. Например, юртовой сотник Габдулсалам Габдулкаримов (умер в 1826 г.) оставил после себя сыновей Ибрагима, Габдуламина и Габдулвали. Указной мулла Габдулнасыр Габдулкаримов (55 лет) также упоминается с сыновьями Габдулвалием (умер в 1823 г.) и Габдрахманом. Среди других заметных жителей были азанчи Сензяп Муртазин (умер в 1828 г.), чей сын Габдулхалит продолжил род, и Искак Зайсанов (59 лет), чьи сыновья Ибрагим, Аюп, Искак, Исламгали, Мухамметвали и Набиулла также были зафиксированы. В деревне проживали и чиновники, такие как урядник Фаткулла Ильясов (39) и зауряд-сотник Расул Солтанмратов (56), чьи семьи включали несколько поколений. Многие жители, такие как Габдулгафар Акаев (50) и его сыновья, а также Габдулнасыр Габдулгафаров (31), активно участвовали в жизни общины. В деревне также были зафиксированы семьи, потерявшие членов, как, например, семья Кыдраса Кутлуметова (умер в 1817 г.), чей сын Хусаин продолжил род.

Таким образом, за период между ревизиями 1811 и 1834 гг. мужское население деревни выросло со 145 до 209 человек, что составило прирост в 44%. Эта тенденция сохранялась и в последующие десятилетия, отражая устойчивость и жизнеспособность общины.

Сочетание развитой социальной иерархии, многообразия родовых связей и стабильного демографического роста подчеркивает устойчивость традиционного уклада деревни в первой половине XIX в.

В д. **Чалмынар**ат (ныне Чалманарат Актанышского района РТ) в 1811 г. учтены следующие дворы татар башкирского сословия («башкирцев»): 1). Шамгун Чурашев (1735–1810 гг.; дети юртовой есаул Мендикей (его Дин-

¹⁷ Там же. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 292. Л. 286–311.

мухаммет) и Шамсутдин); 2) Чапай Бакиров (1748–1796; дети Мустазяп, квартирмейстер Мурсалим, Мухаммедьяр), 3) Ямангул Аскарров (56 лет; дети хорунжий Балта (его Габдулхалик, Габдулмазит, Габдулгафар, Габдулнасыр), Салимзян, Миннибай (сын Габдулгалим), Кинзякай, Рахматулла); 4) азанчи Атнагул Бакиров (61; дети Губайдулла, Кагарман); 5) Уладимир Мавлигулов (1751–1799; дети Мавлют (его Габдулгафар, Габдулхалик), Валиша (его Надирша)); 6) Суюндук Атнагулов (69; дети Сайфулла, Сайфутдин, Хисамутдин, Шамсутдин, Тазетдин); 7) Ибраш Давлетов (60); 8) Бикмян Бигашов (76; сын Габдрахим (его Мухамметша)); 9) Галикей (56; сын Курмаш) и Мунасып (51; дети Минлихан, Тихан, Валихан) Габдюшевы; 10) Мавлигул Тиханов (1715–1797); 11) Юзей Ишдаветов (41; сын Рафик), у него же живет Габит Юртбагышев (41); 12) Сагит Ишкильдин (1725–1807; дети Габит (1765–1803; его Сафаргали), Габидулла (сын Файзулла), Халит), здесь же живут Имангул (25) и Насифулла (20) Миннигуловы; 13) Смакай Исанбаев (1750–1796; дети Гузеир (его Нугман, Гильман, Гильван), Кагарман); 14) Дюсий (1755–1795; дети Исламгул, Габдулсалих) и Искендер (76; дети Исергап, Исаммет) Исанбаевы; 15) Иксан (55; сын Аккулай) и Ильяс (46; дети Габбяс, Габдюк, Смагиль) Балгазиевы; 16) Тугучай (1715–1801; сын Мукмен (его Исламгул)) и Чуракай (1729–1796; сын Туктар) Уразаевы; 17) Габидулла Кунуров (1765–1809), у него живет Файзулла Шалиев (39); 18) Юзюкей Татлыбаев (1751–1807; сын Атнагул (его Ахмади, Мухаммади, Валиша, Гадельша, Зирянчей, Гали, Габдулвали)); 19) Ишай (1742–1807; дети Худайкул, Субханкул), Мукай (46; сын Ряим) и Асяин (36) Асяновы, здесь же записан Бикташ Бикбаев (49; сын Габдулмазит); 20) Ярмухаммет (52), Альмухаммет (1770–1800; дети Нигматулла, Фаткулла) и Яркей (31; сын Габдулхаким) Агбязовы; 21) Мраткузя (1770–1810), Гайса (34) и Мухамметрахим (1779–1798) Мукаевы; 22) Кадыргул (1751–1801) и Тухфат (1767–1801) Диянгуловы, там же живут Мухамметамин (37; сын Мухамметгали), Мухамметрахим (36), Миннибай (31) и Миннигул (29) Умитбаевы; 23) Габдулкарим (48; дети Габдулвахит, Габдулмен, Габдулсалих) и Габдрахман (44; дети Габдулманнан, Габдулханнан, Габдулзяппар, Габдулкагир) Бикбатыровы; 24) Касим Юнусаев (1750–1810; дети Ишмухаммет, Альмухаммет); 25) Кунакай (1735–1809; дети Ямансар (его Мухамметзян, Мухамметвали), Мратхузя (его Яхья, Хисамутдин), Мратбакый) и Муратай (56; дети Нигматулла, Файзулла, Сайфулла, Мусифулла, Хисматулла) Кузмятевы; 26) Минникей (45) и Мавлюкей (1767–1811; дети Курбанай, Курбангали) Чурашевы; 27) Габдрашит Аптикеев (51; дети Габдулвагап, Сайфутдин, Хисамутдин, Шамсутдин, Сиразутдин); 28) Искендер Назиркаев (1728–1798; дети Мустафа (его Яхья, Юсуп), Мустазяп (его Габдулла), Ильяс (его Мифтахутдин)); 29) Юлдаш Мустумов (46; сын Альмухаммет); 30) Габдулмазит (46; дети Хисматулла, Гыйдаятулла) и Сайфулла (39) Сагитовы. *«Той же деревни Чалмынарата Булярской волости башкирцы»*: 1) Исергап (1715–1796; сын Ибрагим) и Ишкилда (1725–1811) Чирюго-

вы; 2) Габду[л]салям Габдуллин (61); 3) Ишбулда Искендеров (51), всего 164 души муж. пола¹⁸.

Ранее этот список в сокращенном варианте был помещен в 1-м томе нашей книги, так как д. Чалманарат была основана на земле Булярской волости, а абсолютное большинство (кроме 3 дворов) ее жителей по этой причине считались припущенниками¹⁹.

Другой источник указывает, что Искендер Назыркаев (в ревизской сказке 1811 г. он под № 28), Габдрашит Абдюкеев и Рахматулла Рафиков, принадлежавшие к одному роду, ранее проживали в д. Усы и состояли в команде старшины Гадельши Бикбова²⁰.

Отметим, что есаул Мендикей Шамигулов, Суюндук Аднагулов, Мустазяп Чапаев, Салимзян Ямангулов, Иксан Балгазинов, Юлдаш Мустимов, Мавлют [У]ладимиров²¹, Гузеир Смакаев, Аднагул Бакиров, Курмаш Галикеев, Мунасып Габдюшев, Юзей Иждавлетов, Габдулвагап Габдрашитов, Халит Сагитов, Имангул Минлигулов, Габдулхалик Балтин, Курбанай Мавлюкеев, Мустафа Искендеров, Ильяс Балгазинов, Ибраш Давлетов, Ишмухаммет Касимов, Мратай Кузметев, Ильяс Искендеров, Габдулмазит Сагитов также названы в документе от 26 июля 1811 г. и отнесены к Енейской тюбе вместе с вотчинниками деревни Ушар («Семиостровная тож») и других поселений²². Там же приведены их родовые тамги, которые указывают на принадлежность этих лиц к нескольким родам; при этом тамги Юзея Иждавлетова, Халита Сагитова и Имангула Минлигулова свидетельствуют об их общем родовом происхождении.

В ходе исследования была выявлена интересная генеалогическая связь между представителями рода Уразаевых/Куразмановых. В ревизских материалах упоминаются Тугучай Уразаев (1715–1801) и Чуракай Уразаев (1729–1796), тогда как в более ранних документах фигурируют: в акте от 13 февраля 1746 г. – вотчинник Тогусяй Куразманов из д. Азиби, а в списках участников Польского похода – Чуракай Куразбаев.

Сравнительный анализ этих имен позволяет выдвинуть обоснованное предположение, что Тогусяй Куразманов и Чуракай Куразбаев являлись родными братьями и идентичны лицам, известным в более поздних ревизиях как Тугучай и Чуракай Уразаевы. Такая трансформация антропонимов (Тогусяй→Тугучай; Куразманов/Куразбаев→Уразаев) вполне объяснима особенностями документирования XVIII в., когда допускались вариации в записи имен и фамилий.

¹⁸ Там же. Д. 104а. Л. 211 об.–215 об.

¹⁹ Там же. Д. 431. Л. 98 об.

²⁰ Там же. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 5511. Л. 117.

²¹ Ранее в третьей главе мы исследовали этимологию этой фамилии.

²² НА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 393. Л. 280.

Данное родство подтверждает преемственность служилой традиции в этом семействе – от участия в вотчинном землевладении (Тогусый Куразманов в 1746 г.) до военной службы (Чуракай Куразбаев в Польском походе) и фиксации в ревизских сказках начала XIX в. Этот случай наглядно иллюстрирует сложности генеалогических реконструкций и важность комплексного анализа разнородных исторических источников.

Род Уразаевых/Куразмановых, связанный с историей д. Азиби, отражает сложность демографических процессов, характерных для региона в XVIII–XIX вв. Временное исчезновение Азиби в конце XVIII в., связанное с продажей земель русским переселенцам (основавшим д. Русские Азиби), привело к расселению части коренных жителей по соседним селениям. Вероятно, по этой причине представители изучаемого рода стали припущенниками в д. Чалманарат Булярской волости. Возрождение Азиби на новом месте в начале XIX в. создало условия для возвращения части прежних жителей, однако миграционные процессы уже изменили структуру расселения и родственные связи местного населения. Обнаруженные генеалогические связи демонстрируют, как масштабные социально-экономические преобразования (продажа земель, переселения) отражались на судьбах отдельных семей и целых поселений.

Формирование припущенников в д. Чалманарат также произошло с участием татар башкирского сословия из д. Писмень-Илга, которая, как и Азиби, прекратила свое существование в связи с земельными продажами вотчинников. Ранее в договоре от 9 февраля 1749 г. Бакир Тимучев и Мавлигул Тиханов значились вотчинниками д. Писмень-Илга, после этого деревня больше не упоминается. Примечательно, что в ревизской сказке 1811 г. по д. Чалманарат под № 10 записан Мавлигул Тиханов, а под № 2 и 4 – Чапай и Атнагул Бакировы. Это позволяет с высокой долей вероятности утверждать, что Мавлигул Тиханов является тем же лицом, что и упомянутый в договоре 1749 г., а Чапай и Атнагул Бакировы – сыновья Бакира Тимучева. Ранее мы полагали, что отцом Мавлигула был вотчинник Тихан Кушкаев.

Эти данные свидетельствуют о том, как земельные продажи и миграционные процессы влияли на структуру населения и родственные связи в регионе. Они также подчеркивают, что события, связанные с продажей земель и переселением, имели долгосрочные последствия для жизни и судьбы отдельных семей и целых поселений.

В ревизском списке 1811 г. также обращает на себя внимание Дюсей Исенбаев. Он был назван в списке участников Польского похода (1771–1773) в команде старшины Шарипа Айдарова.

В 1816 г. в д. Чалманарат насчитывалось 184 души муж. пола и 164 души жен. пола в 66 дворах, относящихся к команде старшины Максюта Авязова. Среди жителей выделялись Мендикей Шамгунов (40 лет; юртовой есаул, жены 41, 40 и 40 лет), Мустазяп Чепав (44; двоеженец, жены 40 и 25), Мустафа Искендеров (56; двоеженец, жены 50 и 30), Мурсалим Чепав (40) – от-

ставной квартирмистер, Балта Ямангулов (45) – хорунжий и Атнагул Бакиров (65) – азанчи²³.

В списке жителей 7 хозяйств указаны как принадлежащие к Булярской волости, включая семью походного сотника Ибрагима Исергапова. Также отмечено, что житель д. Чалманарат Габит Юртбагышев в 1812 г. перешел в д. Сауз, а семьи Асылгузи и Мраткузи Минликеевых – в д. Кадырметьево²⁴. Эти данные отражают социальную структуру, семейные уклады и миграционные процессы в татарских общинах, а также показывают, как должности и статус передавались внутри общины.

В 1834 г. в д. Чалманарат 35 душ муж. пола и 29 душ жен. пола считались вотчинниками Булярской волости, а 205 душ муж. пола и 206 душ жен. пола – вотчинниками Енейской волости²⁵.

Таким образом, переписи 1811–1834 гг. свидетельствуют о стабильном увеличении численности населения деревни, несмотря на происходившие миграции некоторых ее жителей. Число мужчин возросло от 164 душ в 1811 г. до 240 душ в 1834 г., увеличившись на 76 человек.

Данные переписи помогают нам лучше понять специфику социальной структуры татарских общин того периода, характерные черты семейной жизни и процессы внутренней миграции. Они также подчеркивают механизмы передачи общественных функций и статусов внутри сельских сообществ, демонстрируя устойчивость традиционных институтов даже в условиях изменения демографической ситуации.

В д. **Буазкулево** (ныне Буаз-Куль Актанышского района РТ) в 1811 г. зарегистрированы следующие татары башкирского сословия («башкирцы»): 1) Князь Курусев (1730–1803; сын Зигитей (его Гадельша, Мухаммедьяр)); 2) Уразай (1725–1801) и Абызай (71 год; сын Мяндиkey (его Габдулгали, Габдулнасыр, Габдулхалик)) Тойчины; 3) Батырша (41; дети Надиrша, Гарейша, Миннигул) и Валиша (31; дети Сафаргали, Курбангали, Мухамметгали, Мухамметша) Умировы; 4) Габдулкарим (36; дети Габдулвали, Габдулхаким), Габдулвахит (1781–1811) и Миннибай (1789–1801) Абытаевы; 5) Габдулзялил Иманаев (51; дети Габдулмен, Габдулгафар); 6) Ракай Юсупов (36; сын Сагидин), у него же живут братья Юзей (1760–1805; сын Юзюкей), Ильяс (46), Гайсар (34; сын Габдулсаттар), Кавсяр (29) Мрясевы; 7) Биктимер Телякяев (1755–1795; сын Яркей); 8) Зюмангул (47) и Имангул (44; сын Габдулвахит) Юртушевы; 9) Ишмурат Муслюмов (51; дети Исламгул (его Ямангул, Супханкул), Ишигул, Атнагул); 10) Зумай Килишев (1727–1796; сын Хамит); 11) Юлдаш Юзекеев (39), всего 42 души муж. пола²⁶.

²³ Там же. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 292. Л. 312–323.

²⁴ Там же. Л. 288 об., 316 об., 322 об.

²⁵ Там же. Д. 431. Л. 98 об.–99.

²⁶ Там же. Д. 104а. Л. 216–216 об.

Следует указать, что Габдулзялил Иманаев, Батырша Умиров, Валиша Умиров, Зигитей Князев, Ишмрат Муслимов, Мендей Абзаев, Габдулкарим Абутаев и Юлдаш Юзюкаев также названы в документе от 26 июля 1811 г. и отнесены к Енейской тюбе²⁷. Там же приведены их родовые тамги, которые показывают принадлежность этих лиц к нескольким родам; при этом тамги Князева и Умировых свидетельствуют об их общем родовом происхождении.

Ранее, в договоре от 3 июля 1764 г., упоминались Иманай Асанов, Кузмет Кинзикеев, Чюраш Карабаев и Аблай Иманов. Особый интерес представляет возможное родство Габдулзялила Иманаева (зафиксированного в ревизской сказке 1811 г. под № 5) с Иманаем Асановым, что может указывать на преемственность поколений в роду.

Исследование документов также выявило интересные связи между населенными пунктами. В рассмотренном нами договоре от 6 февраля 1736 г. был назван Килиш Седеев из д. Семиостровная, предположительно родственник Зумая Килишева из списка 1811 г. Учитывая уникальность имени Килиш для д. Семиостровная, можно говорить о возможной миграции представителей этой семьи в д. Буазкулево, что демонстрирует характерную для того времени подвижность населения.

Изучение списков участников исторических событий также дает ценные сведения. В списке участников Польского похода 1771–1773 гг. фигурировали Абызай Тойчин и Абытай Иманаев. Абызай Тойчин записан в списке 1811 г. под № 2. Родство Абытая Иманаева с братьями Абытаевыми и Габдулзялилом Иманаевым, указанными в списке 1811 г., подтверждается совпадением фамилий и историческим контекстом. Это позволяет проследить не только преемственность поколений, но и участие представителей рода в значимых военных и гражданских событиях того времени.

В 1816 г. в д. Буазкулево проживало 48 мужчин и 40 женщин (19 дворов) татар башкирского сословия («башкирцев»), входивших в команду старшины Аптиея Минлибаева. В 1813 г. в деревню прибыл указной мулла Курбангали Кузяккаев (35 лет), который переехал из д. Ушар (Семиостровная тож) «на пожалованную землю»²⁸. Эти данные свидетельствуют о тесных связях между населенными пунктами и миграции отдельных семей, что было характерно для того времени.

К 1834 г. демографическая ситуация в д. Буазкулево изменилась: здесь проживало 51 мужчина и 47 женщин (15 дворов) «башкирцев», относившихся к 14-й юрте 11-го кантона. Курбангали Кузяккаев продолжал исполнять обязанности указного муллы. В ревизской сказке того периода сохранилась

²⁷ Там же. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 393. Л. 280.

²⁸ Там же. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 291. Л. 164–169.

родовая тамга выборного Габдулкарима Абытаева²⁹, что свидетельствовало о его принадлежности к определенному роду.

Таким образом, д. Буазкулево в первой половине XIX в. оставалась небольшим населенным пунктом. Сравнительный анализ данных переписей 1811 и 1834 гг. демонстрирует крайне медленные темпы роста населения. За два с лишним десятилетия мужское население увеличилось всего на 9 человек, что свидетельствует о слабом демографическом развитии деревни.

В д. **Азиби** (Татарский Азибей; упраздненное село Актанышского района РТ) в 1811 г. были записаны следующие двory вотчинников («башкирцев»): 1) мулла Утягул Исергапов (51 год; дети Ризван, Гайнан); 2) Салих (57), Валит (49; дети Габит, Халит, Хисматулла) и азанчи Габдулзялил (43; дети Халилулла, Габдулнасыр) Яркеевы; 3) Галикей Мустаев (51; дети Габдулгалим, Габдуллатип); 4) Файзулла (52; дети Набиулла, Гибатулла, Мусифулла) и Сайфулла (умер в 1804 г.) Баязитовы, здесь же Нугман Алишаев (19); 5) Карчига Ишменев (умер в 1798 г.; дети Мунасып (его Фазлулла, Фаткулла), Супханкул (его Мусифулла, Тохфатулла, Гибатулла)); 6) Муракай (82; дети Полат (46; его Мухамметгали, Мухамметкарим, Габдулкарим), Курус (43; его Мансур, Баязит, Фазил, Файзулла), Сафаргали (26; сын Курбангали)) и Нурбаки (умер в 1797 г.; наследников нет) Чувашаевы; 7) Ибрагим (35; дети Мухамметрахим, Мухамметамин, Мухамметгали), Альмухаммет (31; дети Мухамметкарим, Мухамметгали, Мухаммади), Гайнулла (27) Мряковы; 8) Галикей Давлекеев (36; дети Тоймас, Габдулмазит); 9) Мухамметрахим Мусагитов (49; дети Нигматулла, Губайдулла, Хабибулла); 10) Нигматулла Халилов (46; дети Асылгузя, Губайдулла, Кутлугузя); 11) Исмагиль Сагындыков (умер в 1803 г.; дети Яхья, Якуп); 12) Суюндук (умер в 1797 г.; сын Габдулвахит) и Сагит (51) Якуповы; 13) Минникей Максютлов (умер в 1808 г.; дети Миннибай, Идрис, Минниш, Миннигул), всего 66 душ муж. пола³⁰.

Часть упомянутых лиц принадлежала к роду Кара-бека. На основе открытых источников и данных ревизской сказки 1811 г. были составлены следующие генеалогические цепочки:

Первая линия: Бурнаш → Сака (брат – Савелей) → Тутай (братья – Аккуз, Иткиня, Урай, Гуйтак) → Утяк (брат – Апач) → Юсупкул → Яркей → Салих (1754), его братья – Валит (1762) и Габдулзялил (1768).

Вторая линия: Бурнаш → Сака (брат – Савелей) → Тутай (братья – Аккуз, Иткиня, Урай, Гуйтак) → Утяк (брат – Апач) → Чюваш (брат – Юсупкул) → Муракай (1729; братья – Куруч, Сафаргали) → Полат (1765) → Мухамметгали, Мухамметкарим, Габдулкарим.

Анализ других сведений этого переписного материала раскрывает интересную картину формирования населения д. Азиби, характеризующуюся ус-

²⁹ Там же. Д. 469. Л. 155–160.

³⁰ Там же. Д. 104а. Л. 217–218 об.

тойчивой миграционной динамикой. В 1796 г. произошел основной поток переселенцев из д. Калтеево – 11 семей (согласно ревизской сказке, под № 1–9 и 12–13), в то время как из Апасево прибыло лишь 2 семьи (№ 10–11). К 1811 г. сформировалась четкая демографическая структура: около 85% жителей-татар башкирского сословия были выходцами из Калтеево, образовавшие ядро новой общины.

Этот миграционный процесс отражает характерные для Волго-Уральского региона конца XVIII в. тенденции внутреннего перемещения татарского населения. Особенно примечательно явление «цепной миграции», когда переселение из Калтеево продолжалось и в последующие годы, что указывает на наличие крепких родственных и экономических связей между поселениями. Стабильность миграционного потока позволяет рассматривать 1796 г. как отправную точку нового этапа в истории д. Азиби, связанного с ее вторичным заселением на новом месте и формированием устойчивой общинной структуры.

Таким образом, процесс формирования населения д. Азиби демонстрирует типичный пример миграционной динамики в регионе, где ведущую роль играли родственные связи и экономические интересы, что способствовало созданию прочной общинной организации на новом месте поселения.

Галикей Давлекеев (записан под № 8) и Минникей Максютов (№ 12) – сыновья Девлекея Мратова и Максюта Ишменева из д. Келтево, ранее названных в документе от 16 марта 1754 г. Нурбаки Чувашаев ранее упоминался как участник Польского похода в составе команды старшины Шарипа Айдарова.

В д. Азиби в 1816 г. насчитывалось 160 душ муж. пола и 141 душа жен. пола. В деревне наблюдались переходы жителей в другие деревни Енейской волости, а также приток новых поселенцев из соседних населенных пунктов.

Семья указного муллы Утягула Исергапова (1759–1812; дети Ризван, Гайнан) в 1813 г. перешла в д. Исенбаево Сарапульского уезда «на принадлежащую свою землю». Также Яхья Исмагилов переселился «на свою землю» – в д. Апасево.

В то же время население д. Азиби увеличивалось за счет новопоселенцев из других деревень: Кадырметево (10 семей), Апасево (18 семей), Сикия (3 семьи), Калтеево (2 семьи), Байсарово (семья Кинзягула Альметева), Исенбаево (семья Кильдияра Халилова с сыновьями Хамидуллой и Атнагулом). Житель д. Исенбаево перешел в Азиби в 1812 г., остальные семьи переселились в 1813 г.³¹

Эти переселения отражают сложную динамику миграционных процессов в регионе, где жители перемещались между деревнями в поисках лучших условий или для освоения принадлежащих им земель. Переходы в д. Азиби, а

³¹ Там же. Д. 291. Л. 419–430.

также из нее, подчеркивают активное взаимодействие между населенными пунктами Енейской волости и сохранение связей с историческими землями.

Ниже приведем более подробные сведения о перешедших семьях, чтобы лучше понять их роль в жизни д. Азиби и их вклад в ее развитие.

Из д. Кадырметево перешли следующие жители: 1) Гумер Бикнинин (60 лет; дети Ибрагим, Габдрахим); 2) Кыдрач (42; дети Биктимер, Сафаргали) и Хисамутдин (22) Яркеевы; 3) Габдулсалям Ишбулдин (48; дети Зайнагабдин, Нигматулла, Гибетулла, Хисматулла, Гайнулла); 4) Габдулхаир Мустаев (52; двоеженец; дети Хабибулла, Амирхан, Нигаманнасыр, Абуталлап); 5) Сайфулла Зайсанов (4); 6) Якуп (21) и Юсуп (12) Миннибаевы; 7) Гайса Мустаев (58); 8) Шамгул Атнагулов (42; сын Шапли?); 9) Тойгун Иманаев (34; сын Зайнулла); 9) Даут Яркеев (35); 10) Габдулбашир (23; сын Габдулкагир) и Габдулнасыр (18) Давлетбаевы.

Из д. Апасево перешли следующие жители: 1) указной мулла Гумер Ахмеров (26 лет; сын Гизулла); 2) указной мулла Габдулсалих Мансуров (35; дети Хабибрахман, Габдрахман); 3) Габдрафик Габдулгафаров (18); 4) Ишмухаммет Сатыев (27; сын Ярмухаммет); 5) Габдулвахит Шамгулов (47; дети Габдулхалик, Габдуллатип, Габдулкадыр); 6) Габдулшарип Ганберов (34; дети Габдулгази, Габдулвали), его брат Габдрахман (24); 7) Сатей Мавлигулов (59); 8) Сатлык (30) и Файзулла (15) Сагитовы; 9) Габдулвахит Габзялилов (42; сын Габдуллатип); 10) Ильяс Курбанаев (45; дети Исхак, Исмагиль, Исламгул); 11) Хисматулла Сагитов (42; сын Рахматулла); 12) Габдулкагир (25), Габдулхабир (24), Габдулхаким (22), Габдулбашир (17), Габдулгафар (15) и Тохфатулла (8) Зайнулбашировы; 13) Габдулсалям Идрисов (32; сын Габдулгаллям); 14) Гильман Идрисов (24); 15) Хабибулла Сагитов (60; дети Сафаргали (его Фазулла), Мратхузя, Юмагузя); 16) Габдулмазит Шамгулов (14? сын Шагимухаммет); 17) Хасан Шамгулов (39); 18) Рахимкул Кадыргулов (22).

Из д. Сикия в 1813 г. перешли следующие жители: 1) Сафаргали Габдрахманов (36 лет; дети Хасан, Файзулла); 2) Сайфулла Габдрахманов (32; дети Габдулла, Зиганша); 3) Юнус Ильясов (23)³².

Ранее, рассматривая ревизские сведения 1816 г. по д. Сикия, мы отмечали, что семья Сафаргали Габдрахманова переселилась «в 1815 г. на жалованную предкам их Янейской волости в деревню Новая Азибеи землю»³³. Хотя здесь указан 1815 г., точно установить, произошел ли переход в 1813 или 1815 г., невозможно, но это не имеет принципиального значения.

Примечательно, что источник называет д. Азиби с приставкой «Новая». Это свидетельствует о том, что деревня возродилась в новых условиях после периода отсутствия в источниках. Как мы отмечали ранее, 12 марта 1777 г. в д. Азиби поселились удельные крестьяне. Это означает, что на месте деревни

³² Там же. Л. 428 об.

³³ Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том. 1. Булярская волость. С. 173.

вотчинников (коренных жителей, владевших землей по праву наследования) появились новые поселенцы – удельные крестьяне, а сами вотчинники, вероятно, вынуждены были покинуть это место.

Таким образом, переселение семей из д. Сикия в «Новья Азибеи» в 1813–1815 гг. можно рассматривать как часть процесса восстановления д. Азиби на ее исторической территории. Это также подчеркивает сложную динамику земельных отношений и переселений в регионе, где коренное население (вотчинники) и новые поселенцы (удельные крестьяне) взаимодействовали в условиях изменения административных и земельных порядков.

Среди перешедших из д. Апасево следует выделить Ишмухаммета Сатыева, возможно являющегося сыном Сатыя Баширова из той же деревни. Ранее Сатый упоминался как участник военного похода в Пруссию в 1757 г. и впоследствии участвовал в польской кампании (1771–1773).

Продолжим рассмотрение списков переселенцев в д. Азиби по сведениям ревизской сказки 1816 г. Из д. Калтеево перешли следующие жители: 1) Салих Максютов (65; дети Салимзян, Мухамметзян, Мухамметамин); Габбяс Максютов (умер в 1812 г.; сын юртовой сотник Альмухаммет (его Баязит)).

Часть калтеевцев (Яркеевы и Чувашаевы) относится к известному татарскому роду Кара-бека. Последняя фамилия образовалась от имени Чувашай – это одно из самых популярных среди татар Казанского уезда имен. Неслучайно ясачные татары этого уезда до конца XVII в. именовались чувашами.

Файзулла (52 года) и Сайфулла (умер в 1804 г.) Баязитовы также принадлежат к роду Кара-бека. Центральная линия шеджере выглядит так: Сака (брат Савелей) → Аккуз → Султангул → Бикчентей → Баязит → Файзулла (1759) → Набиулла (1803), Гибатулла (1805) и Мусифулла (1810).

Следует указать, Баязит Бексентеев из д. Байсарово в 1757 г. ранее был указан в составе участников похода русской армии в Пруссию. Вместе с ним в походе участвовал его односельчанин Исергап Рангулов, сыном которого был записанный в ревизской сказке под № 1 указной мулла Утягул Исергапов. Однако Утягул в 1813 г. перешел в д. Исенбаево (ныне Агрызского района РТ) Сарапульского уезда «на принадлежащую свою землю», где его сын в 1859 г. исполнял обязанности указного муллы³⁴.

6 сентября 1865 г. Вятская палата уголовного и гражданского суда рассматривала представленное Елабужским уездным судом на ревизию дело о правах владения «башкирцев» и «тептярей» землями в Сарапульском и Елабужском уездах. В составе документации находилось прошение Фаткуллы Баязитова из д. Татарский Азибей Тогузской тюбы Енейской волости, поданное в Мензелинский суд 24 декабря 1813 г. В данном прошении содержались сведения о жалованных грамотах, выданных предкам заявителя в 1515 (7026),

³⁴ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 789. Л. 145 об.–146.

1545 (7053), 1575 (7083), 1700 и 1701 гг.³⁵, что свидетельствует о длительном процессе юридического оформления земельных прав коренного населения региона.

Документы XVI–XVIII вв., включая наиболее раннюю грамоту 1515 г., представляют собой уникальный комплекс источников, позволяющий проследить более чем 300-летнюю эволюцию системы землевладения татарского населения региона и показать преемственность правовых традиций от периода Казанского ханства до вхождения в состав Российской империи, что дает возможность изучить как трансформацию традиционных форм землевладения под влиянием новых административных норм, так и механизмы социально-экономической адаптации региона в период его вхождения в состав Российского государства.

Следует иметь в виду, что вотчинники д. Азиби ранее упоминались в договоре от 13 февраля 1746 г. Тогда назывались Асан Баисланов, Утекей Токаев, Тогусай Куразманов, Байриш Баисланов. До 1796 г., когда здесь поселились выходцы из дд. Калтеevo и Апасево, от старых вотчинников никто не остался, и неизвестно, куда они переселились. Одно ясно: Азиби – одно из древних поселений Енейской волости, об этом говорит и ее второе наименование «Идиль-Каен-Тюба»³⁶.

В 1834 г. в д. Азибей насчитывалось 255 душ муж. пола и 241 душа жен. пола (102 двора) «башкирцев», относящихся к 15-й юрте 11-го кантона. В ревизской сказке содержится родовая тамга сказкоподателя Габдулвахита Суюндукова, а также татарская подпись и печать юртового старшины Биктимера Сайфулмулюкова³⁷.

Данный документ позволяет проследить перемещения жителей между деревнями. Сообщается, что 6 хозяйств, включая Бикташа Ишмуратова, «перешли здешнего уезда и кантона на принадлежащую им землю из деревни Калтеевой». Кроме того, упоминается походный зауряд-сотник Гадельша Давлетбаев, о котором сообщается, что он «перешел здешнего уезда и кантона на принадлежащую ему землю в деревню Калтееву»³⁸. Однако в данном случае переписчик допустил ошибку: на самом деле речь идет о переходе из д. Калтеevo, что подтверждается фиксацией Гадельши Давлетбаева среди 255 душ муж. пола д. Азибей.

Помимо этих жителей, в другом ревизском документе 1834 г. по д. Азибей зафиксирован татарин тептярского сословия Мухамметкарим Габ-

³⁵ ГА РТ. Ф. 986. Оп. 1. Д. 489. Л. 13 об.

³⁶ Список населенных мест Уфимской губернии по сведениям 1870 года. СПб., 1877. С. 109.

³⁷ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 469. Л. 149–216.

³⁸ Там же. Л. 217–218.

дулкаримов (42 года), его жена, сын (Мухамметамин) и дочь³⁹. Суммируя данные обеих сказок, можно установить общее количество жителей д. Азибей: 257 душ муж. пола и 243 души жен. пола. Эти сведения позволяют уточнить демографическую картину и проследить миграционные процессы между населенными пунктами.

Вышеназванный Гадельша Давлетбаев в формулярном списке чиновников 1837 г. записан под родовой фамилией Кукаев («Кукаев»). Он начал службу рядовым с 1 мая 1809 г., а с 4 марта 1816 г. стал зауряд-сотником. В 1812–1814 гг. находился в армии в составе 6-го Башкирского полка в походах, но в сражениях не участвовал. Линейную службу он проходил под Оренбургом (1818, 1833 гг.) и в крепости Татищево (1829 г.). Гадельша (45 лет) был женат на Сафуре Самаевой и имел сыновей: Хисамутдин (19), Смагиль (16) и Мухаммедьяр (10).

<p>9. Гадельша Габеев (сын Кукаев) 45</p>	<p>роду общий. Вор. майск. 1.</p>	<p>Зауряд-сотников 46. мартал. 4.</p>	<p>1</p>	<p>Оренбург 812, 819, 814. бывший в в. Башкирской полку он находился в составе 6-го Башкирского полка в походах, но в сражениях не участвовал. На линейной службе 818. приурядов 829. с открытием на тат. язык 833. сегод. приурядов.</p>
<p>5. Альмухаммет Мряков (сын Тугеев) 56</p>	<p>роду общий 1797. майск. 1.</p>	<p>Зауряд-сотников 817. феврал. 15.</p>	<p>1</p>	<p>Калининский Сургут 1797. с открытием Калнинской в. с. с открытием защиты 815. с открытием с перемещением в в. Каново-Искосинский тракта на этап на и Лининский Сургут 823. приурядов 830. сегод. с открытием приурядов на тат. язык.</p>

Фрагмент формулярного списка чиновников 1837 г. со сведениями о Г.Д. Кукаеве и А.М. Тугееве из рода Кара-бека (НА РБ, Ф. И-2. Оп. 1. Д. 4022. Л. 21 об.-22.)

Фамилия «Кукаев» означает, что он принадлежит к роду Кара-бека. То же самое относится и к фамилии «Тугеев» (на фрагменте генеалогического древа можно увидеть корни обеих фамилий: Бокселей → Кукей → Бурнаш → Сака → Тютей) другого чиновника, сведения о котором приведены ниже.

Второй зауряд-сотник – Альмухаммет Мряков сын Тугеев (56 лет). Этот чин ему был присвоен 15 февраля 1817 г., службу он начал 1 мая 1797 г. За время своей карьеры он проходил линейную службу в нескольких крепостях: Нижнеозерной (в 1797 г.), Илецкой защите (1808), Чернореченской (1815) и Красногорской (1830). Также он выполнял обязанности под Оренбургом (1823) и на этапе Новомосковского тракта (1819). Альмухаммет владел татарской грамотой, был женат на Райхане Кадыргуловой, и у них было трое сы-

³⁹ Там же. Д. 470. Л. 451–452.

новой: Мухамметгали (29 лет), Мухаммади (27), Мухамметзян (23) и Ахметзян (14).

Гадельша и Альмухаммет были аттестованы как достойные чиновники⁴⁰. Этот пример демонстрирует типичный путь служебного роста для представителей татарской знати того времени: от рядового до зауряд-сотника, с выполнением различных обязанностей на линейной службе. Их семьи и родовые фамилии подчеркивают преемственность поколений и сохранение традиций в рамках военной службы.

Третий по счету чиновник из д. Азиби, записанный в формулярном списке 1837 г., – Шамсутдин Салихов (44 года). Он начал службу рядовым 1 апреля 1811 г., 31 декабря 1830 г. получил звание урядника и стал старшинским писарем, а 18 ноября 1835 г. был переведен в урядники. Линейную службу он проходил в Илецкой защите (в 1812 г.), под Оренбургом (1814), а с 1816 г. служил писарем при юртовой старшине. Шамсутдин был женат на Сарвинисе Тимировой, и у них было двое сыновей: Фаттахедин (15 лет) и Мингазетдин (6). По документу он аттестован как достойный⁴¹.

Этот пример, как и предыдущие, иллюстрирует типичный путь служебного роста для представителей татарской знати того времени. Шамсутдин Салихов, начиная с рядового, смог достичь звания урядника и занять должность писаря, что подчеркивает его грамотность и способности. Его служба в различных регионах, включая Илецкую защиту и Оренбург, а также семейные связи, демонстрируют преемственность традиций и интеграцию в имперскую систему управления.

Итак, в первой половине XIX в. д. Азибей отличалась двухсословной структурой населения. Большинство жителей представляли башкирское сословие, меньшую часть составляли представители тептярского сословия. Такая сословная неоднородность отражает сложную динамику формирования населения деревни, обусловленную процессами миграции и особенностями земельных отношений того времени.

В 1811 г. в д. **Новое Сафарово** («Новое Саперово») зафиксированы следующие домохозяйства татар башкирского сословия («башкирцев»): 1) Мухамметрахим (умер в 1796; сын походный сотник Мухамметгалим), мулла Хамидулла (34 года), Курбангали (30; сын Габдулгалим) и Габдулкарим (21) Гумеровы; 2) Бирдегул (54; сын Кадергол) и азанчи Миннигул (46; дети Мифтахутдин, Тазетдин, Сагитдин, Фахрутдин) Магдеевы; 3) Чирюбай Бичурин («Чирювбай»⁴²; 51; дети Губайдулла, Мусифулла), 4) Абиш (66), Мямат (65; дети Хамит, Валит), Абытай (56; дети Хисамутдин, Сайфутдин) Са-

⁴⁰ Там же. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 4022. Л. 21 об.–22.

⁴¹ Там же. Л. 21 об.–22.

⁴² В ревизском списке 1816 г. его имя – Чирукай (НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 291. Л. 402 об.).

лимовы; 5) Акай (скончался в 1807 г.; дети Алтынгарей, Урмангарей, Фазул-ла), Мяндиkey (умер в 1808 г.; дети Расуль, Шайхутдин) и Халил (36; дети Ахмади, Мухаммади) Кусюмовы; 6) Рафик Гумеров (умер в 1808 г.; сын Тимер), всего 31 душа муж. пола⁴³.

Согласно данному источнику, д. Новое Сафарово была основана в 1804 г. переселенцами из д. Сафарово. Это единственное документально подтвержденное свидетельство, точно фиксирующее дату возникновения нового поселения.

Вместе с тем, в исторической литературе встречаются утверждения о существовании на этой территории в 1795 г. 50 башкирских и 8 тептярских дворов⁴⁴. Однако автор, приводящий эти сведения без ссылки на конкретный источник, очевидно, не учитывал данные ревизской сказки 1811 г., которая однозначно опровергает факт существования деревни в указанный период.

В ревизском списке обращает на себя внимание Акай Кусюмов, у которого наследниками зафиксированы Алтынгарей (21 год), Урмангарей (18) и Фазул-ла (11). Гарей (или Гарай) – одно из распространенных имен того времени, но имя Урмангарей, можно сказать, не встречалось. Сочетание традиционного имени «Гарей» с необычным компонентом «Урман» сразу же ассоциируется с названием древней Урман-Гарейской поземельной волости⁴⁵. Такие редкие случаи существенно обогащают наше понимание антропонимической культуры той эпохи, придавая ей особый колорит и глубину.

Анализ ревизских материалов выявляет преемственность поколений вотчинников рассматриваемой деревни. Салим Москов и Мяди Сарбашев, ранее упоминавшиеся в документе 1757 г. как жители д. Сапарово, являются, судя по данным переписи 1811 г., родоначальниками семей Салимовых и Магдеевых. Однако отсутствие этих фамилий в ревизской сказке 1795 г.⁴⁶ свидетельствует о фрагментарности или неполноте сохранившихся сведений за этот период.

⁴³ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 104а. Л. 218 об.–219; Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том. 1. Булярская волость. С. 164–165.

⁴⁴ «Д. Сапарово в 1795 г. в составе Бугадинской тубы Енейской волости состояла из 50 дворов 260 башкир и 8 дворов 39 тептярей. В 1798–1847 гг. входила в 14-ю юрту 11-го (с 1848 г. 12-го) кантона. Далее происходило уменьшение количества жителей. В 1816 г. – 33, в 1834 г. – 37 душ башкир-вотчинников муж. пола», – пишет один автор в отношении д. Новое Сафарово (Асфандияров А.З. Аулы... С. 396). Однако анализ первичных источников позволяет считать достоверными лишь сведения о численности населения в 1816–1834 гг., тогда как данные о наличии «тептярей» в 1795 г. не находят документального подтверждения. Эти некритически воспринятые сведения были механически перенесены в последующие исследования (История башкирских родов. Еней. Том. 1. С. 46), авторы которых не провели самостоятельной архивной проверки указанных фактов.

⁴⁵ Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том. 1. Булярская волость. С. 165.

⁴⁶ Там же. С. 124–125.

Это несоответствие подчеркивает необходимость критического сопоставления источников разных периодов для точной реконструкции генеалогических связей и демографической истории населения деревни.

5	Ахсан	—	—	—	—	—
	Мяндихан	} Кустомовы	—	—	—	—
	Халим		—	—	—	36
	Ахсанов д-ти	Алтансарин	—	—	—	21
		Урмансарин	—	—	—	18
		Фразулма	—	—	—	11
	Мяндиханов д-ти	—	—	—	—	17
		Расул	—	—	—	4
		Шайхиддин	—	—	—	—
	Халим д-ти	—	—	—	—	10
		Ахмедий	—	—	—	2
		Мухаммедий	—	—	—	—
6	Расул Буларов	—	—	—	—	—
	Расулханов сын Миллер	—	—	—	—	16
Итого во деревне Тюби Саперова						31

Фрагмент ревизской сказки 1811 г., содержащий сведения о первых поселенцах д. Новое Сафарово с указанием даты их переселения – 1804 г. (НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 104а. Л. 219)

В ревизской сказке 1816 г. д. Новое Сафарово («Саперово») отмечена в составе Енейской волости с населением 33 души муж. пола и 33 души жен. пола (14 дворов), состоящими в команде «прежде бывшей Максюты Абызаева, а ныне Мухаметгалия Сафаргалина»⁴⁷.

Следует отметить, что «башкирцы» (146 душ муж. пола и 131 душа жен. пола в 48 дворах) коренной деревни «Саперово» в том же 1816 г. зафиксированы в составе Булярской волости под управлением юртового старшины и кантонного начальника капитана Баязита Султанова⁴⁸. Однако в другом источнике те же 146 душ муж. пола из д. Саперово при рч. Терпеле вместе с 2 душами «тептярей» указаны в составе Богадинской тубы Енейской волос-

⁴⁷ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 291. Л. 401–404.

⁴⁸ Там же. Д. 292. Л. 591–603.

ти⁴⁹, что вызывает противоречие и требует дополнительного источниковедческого анализа.

В 1834 г. в д. Новое Сафарово («Саперово») насчитывалось 37 душ муж. пола и 24 души жен. пола (11 дворов) «башкирцев», относящихся к 14-й юрте 11-го кантона. Мухамметвали Мухамметрахимов (48 лет; двоеженец) исполнял обязанности походного старшины. Вотчинник Чирюбай Бикчурин в данном источнике записан по имени Чирукай. В ревизской сказке содержится родовая тамга сказкоподателя Габдрафика Хамитова, а также татарская подпись и печать юртового старшины Мухамметгалия Сафаргалиева⁵⁰.

Таким образом, за период с момента основания деревни в 1804 г. до 1834 г. поселение оставалось небольшим. При этом численность мужского населения увеличилась всего на 6 человек, что свидетельствует о медленном демографическом развитии населенного пункта.

В д. **Калтеево** (Кальтеево; упраздненное поселение) в 1811 г. записаны следующие семьи татар башкирского сословия («башкирцев»): 1) указной мулла Фейзулла Габдуллин (36 лет); 2) Тимербай (49; сын Тагир) и Кунур (40; дети Габдуллатип, Хасан) Исмагиловы, их племянники Габдулзялил (35; сын Габдрахман) и Сафаргали (28) [Муртазины]; *Той же деревни Енейской волости* 3) Салих (61; дети Салимзян, Мухамметзян, Мухамметамин), Габбяс (54; сын Альмухаммет) Максютовы; 4) Давлетбай Давлякаев (39; дети Гадельша, Габдулнасыр, Габдуллатип); 5) Бикташ Ишмратов (19). Здесь же записан Динмухаммет Ишмухамметов (11); 6) Имангул Ярмяков (41; дети Губайдулла, Мухамметамин); 7) Габдулвахит Суяндукров (13), всего 25 душ муж. пола команды старшины Давлетбая Масяева Байлярской волости⁵¹.

Данный источник не предоставляет однозначного ответа на вопрос, на территории какой волости возникла деревня. Первые две семьи, судя по документу, относятся к Байлярской волости, тогда как остальные, как видно из текста, связаны с Енейской волостью.

Ранее, в документе от 16 марта 1754 г., упоминались Максют Ишменев и Девлекей Мратов из д. Кельтево Енейской волости. Мы полагаем, что представители семей с фамилиями Максютовы и Девлекеевы, зарегистрированные в ревизской сказке 1811 г., являются прямыми потомками этих вотчинников.

Отдельно стоит отметить Имангула Ярмякова (Ермакова), являющегося прямым потомком Килея Токтарова, известного еще по документам начала XVIII в. (упоминался в акте от 1712 г.). Именно через сына последнего, Ермака Килеева, зафиксированного в соглашении от 1761 г., выстраивается непрерывная линия семейного преемства, охватывающая более столетия. Эта документированная генеалогическая цепочка демонстрирует механизмы со-

⁴⁹ Там же. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 1755. Л. 320 об.

⁵⁰ Там же. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 469. Л. 149–153.

⁵¹ Там же. Д. 104а. Л. 1–12 об.

хранения традиций и передачи наследственных прав внутри местных сообществ, а также подчеркивает устойчивость социального статуса вотчинников в регионе.

«Башкирцы» д. Калтеево по 8-й ревизии (1834 г.), состоящие в 6-й юрте 11-го кантона, включали следующие семьи: 1) зауряд-сотник Сафаргали Муртазин (50 лет; дети Мухамметшариф (7) и Шагиахмет (1); 2) зауряд-хорунжий Габдулхаир Муртазин (69); 3) указной мулла Фейзулла Абдуллин (58; сын Габдулгаллям (14); 4) Кунгур Смагилов (62; дети Хасан (27; его Камалитдин) и Хусаин (22); 5) Габдуллатип Кунгуров (29; дети Габдулгафар (9) и Габдулзяппар (2); 6) Габдулзялил Муртазин (57; дети Шагингарей (9), Садретдин (4) и Сиразетдин (2); 7) Темирбай Смагилов (71; сын Тагир (его Габдулкабир, Габдулнасыр, Габдулзабир); 8) Бикташ Ишмуратов (23); 9) Динмухаммет Ишмуратов (15); 10) Имангул Ермаков (15); 11) Губайдулла Имангулов (16), его брат Мухамметдин (5); 12) Давлетбай Девлекеев (43; дети Габдулнасыр (11), Габдуллатип (5) и Габидулла (2); 13) Гадельша Давлетбаев (23; сын Гайнулла). Примечательно, что семьи под № 8–13 переселились в д. Азибеево в 1816 г., поэтому у них возраст указан по сведениям переписи 1811 г. Всего в д. Калтеево насчитывалось 22 души муж. пола и 20 душ жен. пола⁵².

Мы сочли необходимым привести полный перечень мужского населения д. Калтеево, поскольку публикации этого материала встречаются с рядом ошибок, свидетельствующих о слабом навыке чтения подобных документов. Вот лишь некоторые из них: Мухамметшариф ошибочно записан как Мухамметгариф, Кунгур – как Кунчур, Кунгуров – как Кунчуров, Габдулбасыр – как Габдулзабир, Имангул Ермаков – как Ишмрат Еркееев и другие.

Кроме того, в публикациях «башкирцы» указаны как принадлежащие к Байлярской волости⁵³, тогда как в источнике об этом не упоминается. Эти ошибки могут ввести в заблуждение исследователей и историков.

Следует указать, что принадлежность к этой волости может быть взята из другого источника. Действительно, в 1834 г. 22 души муж. пола и 20 душ жен. пола «башкирцев» д. Калтеево показано вотчинниками Калмашевской тюбы Байлярской волости, живущими на собственных землях⁵⁴. Однако, как показали сведения ревизской сказки 1811 г., к байлярам относились лишь 9 человек из 25.

Сафаргали Муртазин сын Бекчурин (53 года), в формулярном списке 1837 г. указанный под своей родовой фамилией «Бекчурин», поступил на военную службу рядовым 1 мая 1803 г., а 13 апреля 1815 г. получил звание зауряд-сотника. Сам он участия в боевых действиях не принимал, однако нес регулярную этапную службу в г. Казань (1816 г.) и охранял линию государст-

⁵² Там же. Д. 468. Л. 318–321.

⁵³ Асфандияров А.З. Аулы... С. 348–349.

⁵⁴ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 431. Л. 95 об.–96.

венной границы в Илецкой защите (1808, 1812 гг.), Красногорской крепости (1830 г.) и под Оренбургом (1834 г.). Его характеристика показала высокую оценку начальства: в аттестационном листе отмечено, что он «достоин»⁵⁵, что говорит о безупречном исполнении служебных обязанностей.

Таким образом, в первой половине XIX в. население д. Кальтеево осталось немногочисленным (вследствие частичной миграции) и сохранило словенную однородность.

В д. **Ушарово** (Старое Семиострово; упраздненное село Актанышского района РТ) в 1811 г. показаны следующие дворы татар башкирского сословия («башкирцев»): 1) старшинский помощник Валит (49 лет; сын Ахмади), Сагит (1765–1808; дети Габдулнасыр, Тохфатулла) и Мусажит (42; дети Гильман, Нурислам, Нуримухаммет) Мясеевы⁵⁶; 2) Мряк Килишев (76; дети Сайфулла (его Мухамметрахим), юртовой есаул Имангул, Искак (его Ибенигаббас)). Мухамметрахима Сайфуллина дети: Габдулсаттар, Мухамметкарим; 3) юртовой сотник Кыдрас Мавлюкеев (34; дети Габдулкарим, Ибрагим); 4) походный есаул Идрис Искендеров (38; сын Шагиахмет); 5) походный сотник Гали Амиров (31; дети Валиша, Давлетша, Мухамметша); 6) хорунжий Ямангул Атзитаров (31; сын Биктимер); 7) мухтасип и мулла Фейзулла Ишменев (50; дети Габдрахман, Мухамметгали, Мухамметвали); 8) мулла Хисамутдин Гумеров (46; дети Габдрахман, Габдулхалик); 9) Аккузя Кичкинин (1725–1809; дети: мулла Габдулмазит, Габдулзялил, Зиганьша); 10) мулла Губайдулла Ишменев (51; дети Сафаргали (его Габдрахман), Зайнулла (его Хабибулла), Мухаммет, Ибрагим); 11) азанчи Гумер Муксинов (63; дети Хабибулла, Ибрагим, Рахматулла, Гибатулла); 12) Мавлюкей Хасанов (86; дети Иткиня, Биккиня (его Бикчантей и Хусаин), Ильяс (его Габдрахим, Габдулгалим), азанчи Гамбар (его Мухамметша, Мухамметсадык, Мухамметгали)). Бикчантея Биккинина сын Нигматулла; 13) азанчи Габит Гусманов (34; дети Габдулгалим, Гыймадетдин); 14) Ахмар Якшигулов (1749–1804; дети Аккулай (дети Исламгул, Ямангул), Акбуре (его Имангул, Мухаммедьяр, Мухамметгали, Мухамметсадик), Акчура (его Биктимер), Илчура (его Тохфатулла, Фатхулла), Кулый); 15) Тимеркай Минлибатов (66; сын Габдулнасыр); 16) Сатый Ишменев (64; дети Сармаш (его Габдулвахит), Ирмяш (его Исхак, Исмагиль, Хабибулла), Габдуллатип (сын Габдрахим), Хасан, Хусаин, Габбас, Гузяир, Габдулманнан); 17) Габдикей (54) и Кутлы (52; его Габдулкарим, Аюп, Динмухаммет) Миннибаевы. Здесь же живет Апанай Абытаев⁵⁷ (28); 18) Биктимер (51; сын Куныр) и Амир (28) Кадыровы. Здесь же жил Ишей Юзюкеев (1723–1803; сын Сайфутдин); 19) Галикей Кутлуметов (56; сын

⁵⁵ Там же. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 4022. Л. 9 об.–10.

⁵⁶ Их братья Салимзян и Габит со своими детьми в 1805 и 1808 гг. переселились в д. Саузово.

⁵⁷ Возможно, сын Абытая Иманаева, участника Польского похода.

Габдулвахит). Здесь же живет Бикчура Ягафаров (29; сын Мухамметрахим); 20) Искендер Исенметов⁵⁸ (1739–1797; сын Ильяс); 21) Ракай (умер в 1797 г.; его Мухамметрахим, Мунасып, Айдаш, Минниш), Шамикай (умер в 1795 г.), Рахал (умер в 1810 г.; его Файзулла, Нигматулла), Абытай (умер в 1803 г.; его Альмухаммет, Динмухаммет), Туктамыш (36; его Рахматулла) Утямишевы. Здесь же живет Хабибулла Рафиков (19); 22) Габдулвахит Салихов (28; дети Габдулвали, Габдулхабир); 23) Габдулсалиям Кичкинин (76; сын Биккения). Здесь же жил Мулла Ишкильдин (1715–1803) со своим внуком Карабашем Габдулхаировым (31; сын Баязит); 24) Сагит (92; дети квартирмистр сотник Сафар⁵⁹ (39; его Файруша, Ахмадиша, Шигабутдин, Мугтасим), Райман (его Габдулвали, Мухаммади)), Бяик (1745–1805; сын Санзяп (его Мухит, Якшигул)) и Уркияк (1745–1801; дети Бахтияр (его Гайнулла), Муратай, Кутлуяр) Султановы; 25) Биккия (36; сын Мухамметрахим) и Сафар (33; дети Мухамметкарим, Ахтям) Бегимовы. Здесь же жил Муса Ишкильдин (1715–1798); 26) Токтар Муслимов (61; дети Нигматулла (его Тохфатулла) и Габидулла); 27) Араслан Мадияров (61; дети Габдулсалиям, Габдулхалик); 28) Бакый (1725–1796; его Батырша) и Мансур (1735–1798) Сырмятевы. Батыршины дети: Надирша (15) и Валиша (8); 29) Суюндук Итлин (61; дети Гайнула, Зайнулла, Фатхулла). Здесь же живет Рахимкул Кусюков (66), жил Файзулла Аиткулов (1750–1806; сын Рахматулла (его Габдрахим)); 30) Абуталип (46; дети Юзюкей, Габдикей) и Курбангали (31) Кузякаевы; 31) Каскын (56; дети Бикбай, Ибниямин, Ягуда), Исмагиль (38), Исламгул (36; его Мусифулла) и Кагарман (1780–1803) Салимовы; 32) Беккия (36; дети Бикташ, Юзюкей) и Хабибулла (33) Сагитовы. Здесь же живут Габдуллатип (10) и Габдулкадыр (8) Тайиновы; 33) Халил (61; сын Сабит), Гадельша (51; сын Зайнетдин) и Махмут (46; дети Ибрагим, Якуп) Зайтовы; 34) Габдулла Кичкинин (66; сын Бикмурза), с ними живет Даут Чинаев (31); 35) Кавсяр Утямышев (56; сын Баязит); 36) Габдулзялил Искандеров (1770–1807; сын Габдулкарим); 37) Исяней Ишкильдин (1730–1805; дети Миннигул (его Минлибай, Минниш), Мавлигул (его Мухаммерахим, Минниллатип)), с ними живет Мухамметгали Султанов (20); 38) Мрат Татлыбаев (1698–1810; сын Сатый (его Асылгузя и Хусаин))⁶⁰; 39) Биктимер (1737–1796; дети Гадельша (его Габдулсаттар, Габдулгафар, Габдулхаким), Габдрашит (его Габдулхалик)), Гумер (1750–1807; дети Абубакир (его Хусаин, Мухамметрахим), Габдулхасан, Габдрахим) и Гусман (1757–1807; дети Габдулмен (его Габдулвали, Габдулмух-

⁵⁸ Сын Исенмета Касимова, указанного в документе от 16 марта 1754 г.

⁵⁹ Сафар Сагитов фигурирует в документе от 24 сентября 1807 г. в качестве поверенного от «башкирцев» д. Ушар Семиостровная тож (НА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 393. Л. 357 об.) Данный факт свидетельствует о его значительном авторитете и активной общественной позиции в делах общины.

⁶⁰ Здесь же числился мулла Япей (41 год; дети Яхья, Музаффар), однако в 1808 г. был «определен по указу муллою в д. Кадырметево».

мин), Габдрахман) Бикметовы; 40) Урускул (52), Урусбай (1760–1796; сын Сююш) и Урусмет⁶¹ (сын Суюндюк) Рысаевы; 41) Гайса Ишигулов (1745–1796; дети Габдулнасир (его Габдулкагир), Сулейман, Атнагол); 42) Утягул (37; дети Гайнулла, Губейдулла) и Бурангул (33; дети Гадельша, Мухамметша) Бердигуловы; 43) Рахманкул Услобаев (1745–1798; дети Нигматулла, Зейникей, Ахмади), с ними жил Таир Абулгаиров (1746–1798); 44) Габдулзяр Мурзин (52; дети Габдулнасир, Габдулгафар, Габдулмен, Габдрафик, Габдрашит); 45) Мяндей Абызаев (1725–1797; дети Габдулвагап (его Габдулсаттар) и Габдулгафар (его Габдулмукмин, Габдулхаким)); 46) Ишбулда Чурагулов (61; дети Рямгул, Юсуф⁶², Якуп), с ними живет Ибрагим Чурагулов (сын Субханкул)⁶³; 47) Кинзя (41; сын Качкын) и Габдулмен (1772–1811; сын Биктимер) Сагитовы; 48) Амир Минлибатов (56; дети Гадельша, Габдулкарим, Габдрашит, Мухамметшарип); 49) Сайфулла Максютов (46; дети Курбангали, Сафаргали); 50) Габдулкарим (51; дети Бурганитдин, Гыймадетдин) и Атнагул (46; сын Габдрахман) Атзитаровы⁶⁴, с ними живет Зиганьша Сатыев (15); 51) Сейфулмулюк (51; дети Минлибай, Татлыбай) и Сатый (34; дети Сабит, Садык, Сагындык) Байсаровы; 52) Салих Ишеев (1745–1809; дети Якуп, Ягафер); 53) Санзяп (46), Сейфулмулюк (44; дети Ризван, Биктимер, Бикташ, Вилдан, Гыйман) и Сейфулла (42; дети Ардуван, Сеитбурхан, Ардашир, Сайфутдин) Кушаевы; 54) Канзафар Ишкуватов (76; дети Камакай (сын Гыйбакай), Акай); 55) Яркей Ишметов (1735–1798; сын Тазетдин (его Шамсутдин, Сагди)), с ними живет Ахмер Апыгов (56; Амир); 56) Аит Бикчурин (1705–1796; сын Даутай (его Валит, Габдулмазит, Габдулкарим)). Валита Даутаева дети: Халит, Уамит (?). Габдулмазита Даутаева сын Габдулхаким; 57) Ишберда Ишмурзин (1725–1803; сын Габдулзялил (его Габдулнасыр)), с ними живет Ишмухаммет Ишалилов (31; сын Ишкильда); 58) Габдикей Искандеров (46; дети Габдулвахит, Габдрахман), с ними живет Габдрахим Исакаев (24; сын Габдулвали); 59) Аит (51) и Давыт (41) Сулеевы, с ними живет Чимикей Тимиркаев (24); 60) Юртай (41; дети Сайфулла, Гыймадетдин, Шамсутдин) и Ибрай (39; дети Исламгул, Мусифулла) Бутаревы; 61) Сайфулмулюк (36; сын Динмухаммет) и Фейзулла (32; дети Мухаммади, Ахмади) Сеитовы; 62) Каранай Мустаев (34; дети Мухамметша, Давлетша); 63) Бикбов (27) и Сеитбаттал (19) Курмангалиевы; 64) Хисамутдин Тилябирдин (1780–1811; сын Шагидулла); 65) Гусман (1720–1802; сын Салих (его Зайнетдин)) и Тимер (81; сын Рахматулла (его Габдрахим)) Ишкинины; 66) Равиль (41), Идрис (39; сын Мухаммедьяр), Ильяс (36; дети Динмухаммет, Ишмухаммет), Сафар (29; сын Рахматулла) Мустакимовы; 67) Биктимер

⁶¹ Вместе с сыном переселился в д. Саус в 1807 г.

⁶² Он переселился в д. Саус в 1810 г.

⁶³ Ибрагим с сыном переселился в д. Саус в 1807 г.

⁶⁴ Сыновья Атзитара Аднагулова, упомянутого в документе от 4 марта 1753 г.

Мусин (1747–1796; дети Бикташ (его Габдулмукмин, Шамсутдин, Ибрагим, Назмутдин, Сайфутдин), Ямангул (его Зайнетдин)); 68) Аскар Рабтанов (51; дети Габдулкарим, Габдрафик), с ними живет Ильяс Мурадымов (41; сын Сагит); 69) Миняй (1750–1796; дети Гыйбадулла, Рахматулла, Сагит) и Миннигул (54; сын Амин) Султыевы; 70) Зайнетдин (30), Сайфутдин (27; его Шамсутдин) и Габдували (24) Кунуровы; 71) Шарифкул Рямгулов (43; дети Шагиахмет, Ахмадиша); 72) Файзулла Салихов (39); 73) Сагит Шидаков (60; сын Халит), всего 371 душа муж. пола⁶⁵.

Значительная часть этих жителей д. Ушар («Семиостровная тож») названа в документе от 26 июля 1811 г. и отнесена к Енейской тюбе⁶⁶. Здесь же приведены их родовые тамги, позволяющие определить принадлежность каждого лица к определенному роду.

Документальные источники середины XVIII – начала XIX вв. свидетельствуют о преемственности вотчиннического статуса жителей деревни, известной под двойным названием Ушарово/Семиостровная (Семестровная). Ранее в договоре от 4 марта 1753 г. вотчинником д. Семиостровная упоминался Ишперда Ишмурзин (1725–1803), а в документе 1760 г. – Мряк Килишев (род. 1735). Ревизская сказка 1811 г. записывает их самих и их потомков как жителей д. Ушарово, что подтверждает не только сохранение права землевладения, но и процесс смены официального названия деревни на обиходное «Ушарово» («Ушар») к началу XIX в.

Особое значение для идентификации населенного пункта имеют сведения о семье Абызаевых. Байсар Абызаев в договоре от 4 марта 1753 г. указан как вотчинник д. Семиостровная, тогда как его брат Мяндей Абызаев (1725–1797) в ревизии 1811 г. записан жителем д. Ушарово. Сыновья Байсара – Сейфулмулюк и Сатый – в том же документе значатся под № 51 как ушаровцы. Эти данные однозначно подтверждают, что Ушарово и Семиостровная являлись одним и тем же населенным пунктом, носившим альтернативные наименования в разные исторические периоды. Это явление было типичным для татарских поселений Волго-Уральского региона, где существовала практика использования параллельных названий: официальное наименование сосуществовало с местным, более употребительным в повседневном общении.

В ревизском списке 1811 г. под № 53 зафиксированы члены семьи Кушаевых: Санзяп (46 лет), Сейфулмулюк (44 г.) с детьми Ризваном и Биктимером, а также Сайфулла. Из них Биктимер, записанный под родовой фамилией Сарбулатов в д. Ушар Семиостровная тож, впоследствии сделал военную карьеру: с 4 марта 1816 г. он исполнял обязанности зауряд-сотника, а 28 сентября 1831 г. был утвержден в должности юртового старшины. Он служил

⁶⁵ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 104а. Л. 219 об.–229.

⁶⁶ Там же. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 393. Л. 279–279 об.

в разных местах: в 1817 г. – на Малмыжском этапе в Вятской губернии, а в 1829 г. – в Илецкой защите. Биктимер (36 лет в 1837 г.) был женат на Зюгре Смагиловой, детей у них не было. При аттестации он получил оценку «достойн»⁶⁷, что подчеркивает его ответственность и преданность службе.

Этот случай демонстрирует типичный путь карьерного роста представителя коренного населения в системе военной службы того времени: начиная с низших чинов (зауряд-сотник), через исполнение различных служебных обязанностей в разных регионах, до утверждения в должности юртового старшины. Положительная аттестация подтверждает его компетентность и надежность как служащего.

Кроме того, в формулярном списке 1837 г. под родовой фамилией Сарбулатов указан еще один зауряд-сотник – Нариман, сын Мендея Габдикеева, уроженец д. Саузово. О нем мы будем вести речь при рассмотрении ревизской сказки 1811 г. д. Новое Саузово Бирского уезда.

В ревизской сказке обращает на себя внимание записанный под № 19 Галикей Кутлуметов (56 лет), у которого был единственный сын Габдулвахит. В формулярном списке 1837 г. он записан как Габдулвахит Галикеев сын Урменяков. Он начал службу рядовым с 1 мая 1809 г., стал зауряд-сотником с 13 апреля 1815 г., а затем старшинским помощником с 19 февраля 1819 г. В походах и сражениях он не бывал, но находился на линейной службе в Илецкой защите (1812, 1815, 1826 гг.), а в 1830 г. участвовал в оцеплении во время эпидемии холеры. Габдулвахит (48 лет) был женат на Махубе Тохфатуллиной, и у них было трое сыновей: Мухамметша (14), Ахметша (11) и Фаррукша (9). При аттестации он был признан «достойным»⁶⁸, что свидетельствует о его добросовестном отношении к службе и выполнении обязанностей.

Родовая фамилия Габдулвахита свидетельствует, что он является потомком вотчинника Урменяка (в других источниках «Уркенячко») Чермышева, известного по документу от декабря 1669 (7178) г. Эта фамилия встречается в форме Уркеняковых, о чём свидетельствует другой пример, который приводится ниже.

В том же формулярном списке 1837 г. именно в форме Уркеняков эта родовая фамилия наблюдается у урядника Габдулкарима Амирова (в ревизской сказке 1811 г. он показан под № 48 как сын Амира Минлибатов), утвержденного на этой должности 6 августа 1823 г. В 1822 г. он находился на этапе в Казанской губернии, затем проходил линейную службу в Илецкой защите (1826, 1831 гг.), в крепости Каменноозерная (1833 г.), под Оренбургом (1835 г.). Габдулкарим (45 лет) был женат на Хабибзямал Габдулхайровой, и у них было двое сыновей. При аттестации он был признан «достой-

⁶⁷ Там же. Д. 4022. Л. 20 об.–21.

⁶⁸ Там же. Л. 21 об.–22.

ным»⁶⁹, что свидетельствует о его добросовестном отношении к службе и преданности своему долгу.

Далее идет следующий представитель чиновничества – Асылгузя Сатыев сын Мратов (45 лет). Родовая фамилия его восходит к долгожителю Мрату Татлыбаеву (1698–1810), что подтверждено записью под № 38 в ревизской сказке 1811 г.

Асылгузя начал службу рядовым 1 мая 1811 г. 6 июля 1827 г. он был произведен в урядники, затем 31 октября 1827 г. получил чин зауряд-хорунжего, а 6 декабря 1835 г. стал зауряд-сотником. Он проходил линейную службу в крепостях Яицкая (1811) и Илецкая защита (1828), участвовал в обеспечении порядка на Макарьевской ярмарке (1813, 1815, 1821), а также служил в Бессарабии в составе 9-го Башкирского полка (10 мая 1832 – 26 февраля 1837). Асылгузя владел татарской грамотой, был женат на Сахибзя-мал Рафиковой, и у них был сын Шагимардан (15 лет)⁷⁰.

Эти примеры демонстрируют, как представители татар башкирского сословия могли продвигаться по карьерной лестнице, выполняя различные важные функции на государственной службе, при этом сохраняя свои семейные и родовые традиции. Их путь от рядового до зауряд-сотника, участие в обеспечении порядка на крупных мероприятиях и служба в отдаленных регионах подчеркивают их значимую роль в имперской системе.

В ревизской сказке 1811 г. особого внимания заслуживают Ракай Утямышев, Таир Абулгаиров, Искендер Исембетев, Токтар Муслимов, Гумер Муксинов, Халил Заитов, Даутай Аитов, Миней Султыев, Габдулла Кичкинин, известные нам ранее по участию в Польском походе (1771–1773 гг.). Примечательно, что фамилия Кичкинин повторяется еще у двоих жителей деревни, что позволяет предполагать их родство друг с другом.

Ревизские сведения показывают, что Ушарово – наиболее крупная деревня Енейской волости, по численности вотчинников она занимает первое место.

К 1816 г. в д. Ушар (Семиостровка тож) проживало 368 душ муж. пола и 356 душ жен. пола (147 дворов) татар башкирского сословия («башкирцев») команды Аптикея Минлибаева. Число жителей несколько снизилось по сравнению с данными 1811 г., что связано с миграциями: семьи Галея Амирова и Сензяпа Беикова (в 1812 г.), а также Мусагита Мясеева (в 1815 г.) переселились на пожалованные земли в д. Саузово, а семья Курбангалия Кузяккаева (в 1812 г.) переехала в д. Буазкул⁷¹.

В 1834 г. в д. Семистровная (Ушар тож) насчитывалось 550 душ муж. пола и 556 душ жен. пола (205 дворов) «башкирцев», относящихся к 15-й юр-

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 291. Л. 170–194.

те 11-го кантона. В ревизской сказке содержится родовая тамга выборного Габбьяса Сатыева⁷², что подчеркивает его принадлежность к определенному роду и сохранение традиций родовой идентификации.

В д. Ушар Семиостровная тож были и другие люди, записанные в формулярном списке чиновников 1837 г. К ним относятся Габдулкарим Кутлин (45 лет), Гайнулла Утягулов (40) и Габдрахман Усманов (35). Габдулкарим получил чин урядника 3 января 1831 г., Гайнулла – 16 февраля 1834 г., а Габдрахман – 31 декабря 1830 г. (он также занимал должность писаря). Все они владели татарской грамотой – умели читать и писать. В документах они аттестованы как достойные⁷³.

Эти примеры дополняют картину служебного роста и роли представителей татарской знати в первой половине XIX в. Получение чина урядника, владение грамотой и выполнение обязанностей писаря подчеркивают их образованность и значимость в местной административной системе. Их аттестация как достойных чиновников свидетельствует о высоком уровне доверия со стороны властей и уважении к их службе.

Последними в команде старшины Максюта Авязова зафиксированы вотчинники д. **Саузovo** (ныне Краснокамского района РБ) Бирского уезда. В списке 1811 г. учтены следующие домохозяйства: 1) Салимзян (54; дети Габдулхалик, Габдуллатип, Фазлулла, Кагарман, Габдулхаким) и Габит (46; дети Габдулбашир, Габдулманнан, Мухамметвали) Мясеевы, *перешли в 1805 г. из д. Ушарово*; 2) Рамгул Ишбулдин (31; сын Алимгул), *переселился в 1810 г. из д. Ушарово*⁷⁴; 3) Ибрагим Чурагулов (49; дети Субханкул (его Якшигул), Атнагул, Миннигул); 4) Урусмет Рысаев (42; сын Суюндук). Оба двора *перешли в 1807 г. из д. Ушарово*; 5) Кыдрас Ислангулов (47; дети Ильяс (его Минлихан), Идрис), *переселился из д. Чалманарат в 1809 г.*; 6) Габдулсалям (59; дети Габдулнасыр, Габдулхабир, Габдулгалим), Мяндей (54; дети Кагарман, Нариман, Ахметзян, Мухамметзян, Мухамметзялал), Габдрахим (42; дети Фазлулла, Гайнулла), Габдуллатип (39; сын Гыймадетдин), Габдулзялил (36) и Габдулшарип (34) Габдикеевы; 7) Габидулла (умер в 1795 г.) и Хабибулла

⁷² Там же. Д. 469. Л. 163–200.

⁷³ Там же. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 4022. Л. 22 об.–23.

⁷⁴ Сохранилось предание об основании деревни, которое частично подтверждает обстоятельство возникновения деревни, называя имя Рамгула: «Ишяры (ешэрдэр) переселились сюда из местечек Кайынтубэ, Буляково. Ишяр-енейцы – припущенники. Родоначальником салагош-енейцев был один предок, от его рода осталось сегодня три семейства; представителей ишярцев – 71 семья. В Олоимяново в 1919 году насчитывалось 1 260 жителей. После голодомора 1921 года осталось всего 772 человека. Родоначальником ишярцев был Рамгул-бабай. В нашей деревне сохранились такие названия, как Дорога Корос-бабая (Корос бабай юлы), Дорога Еркей-бабая (Йэркэй бабай юлы). Эти обозначения уходят корнями в глубокую старину» (Башкирские исторические предания и легенды. С. 441).

(31) Сагитовы; 8) Рахматулла Рафиков (38; сын Нигматулла), всего 44 души муж. пола⁷⁵.

Последние три двора переселились из д. Усы в 1795 г., что дает основания полагать, что именно тогда и возникла д. Саузово. Примечательно, что д. Усы относилась к Мушугинской тюбе Булярской волости, где проживала большая группа енейцев-припущенников, насчитывавшая в 1811 г. 25 душ муж. пола⁷⁶.

В одном из источников середины XIX в. утверждается: «Первоначальное переселение в д. Сауз произошло не в 1804, а в 1801 году до Генерального межевания»⁷⁷. Однако, как следует из предыдущих данных, это утверждение содержит хронологическую неточность, поскольку документально подтвержденное переселение относится к 1795 г., что на шесть лет раньше указанной в источнике даты.

«Юртовой старшина Максют Авязов по незнанию грамоты волостную печать приложил, и вместо ево Авязова, татарским письмом подписался волостной писарь Сагит Юзюкеев»⁷⁸, – так завершаются ревизские сказки данной команды. Это редкий случай, когда юртовой старшина не умеет подписаться. Мы обратили внимание на четкий татарский текст Сагита Юзюкеева, где даже употребляется словосочетание «үтәү буенча» («по выполнению»). Этот пример подчеркивает важность грамотности и роли писаря в оформлении официальных документов, а также демонстрирует, как татарский язык использовался в административной практике того времени.

В литературе можно встретить утверждение, что «жители деревни Новосемиострово (Новый Ушар, Сауз) в начале XIX в. основали д. Саузово. В 1816 г. Саузово представляло собой 20-дворное поселение с 120 жителями. Причём по VI ревизии 1811 г. все они числились в коренной деревне Мензелинского уезда, но проживали в новой деревне, находящейся в Бирском уезде»⁷⁹.

Однако ревизская сказка 1811 г., на которую ссылается автор, опровергает это утверждение. Если рассматриваемая д. Саузово в 1811 г. числилась в Бирском уезде, то в ревизских сказках 1816–1859 гг. она с тем же составом населения административно показана в Мензелинском уезде.

Вслед за А.З. Асфандияровым, энциклопедический портал «Башкортостан» ошибочно сообщает, что д. Саузово Краснокамского района основана выходцами из «деревни Новосемиостровная Енейской волости Мензелинско-

⁷⁵ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 104а. Л. 229–230.

⁷⁶ Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том. 1. Булярская волость. С. 160.

⁷⁷ НА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 5511. Л. 174.

⁷⁸ Там же. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 104а. Л. 230 об.

⁷⁹ Асфандияров А.З. История сел и деревень. С. 215.

го уезда»⁸⁰. Однако, как показывают ревизские сказки 1811 г., д. Новосемиострово в тот период не фигурирует в документах. Население деревни Новый Ушар (ныне Сауз Краснокамского района РБ) составляли выходцы из коренной (Ушар) и других деревень, начавшие переселяться туда с 1795 г.

Мы обратили внимание, что в научных трудах историка Асфандиярова нигде не присутствует ссылка на архивное дело № 104а фонда И–138, содержащее важные сведения о возникновении и эволюции ряда деревень Восточного Закамья. Такой пробел серьезно ослабляет убедительность выводов исследователя и настоятельно диктует необходимость детального обращения к архивным материалам для восстановления объективной исторической картины.

Нариман, сын Мендея Габдикеева, записанного в ревизской сказке 1811 г. под № 6, в формулярном списке 1837 г. указан под родовой фамилией Сарбулатов. Нариман начал службу рядовым с 1 мая 1811 г., а 12 июня 1813 г. получил чин зауряд-сотника. В 1812–1814 гг. он находился в армии в составе 6-го Башкирского полка в походах, но в сражениях не бывал. Линейную службу он проходил в крепостях: Илецкая Защита (1811, 1830 гг.) и Верхнеозерная (1837 г.). Нариман обладал татарской грамотой, был женат на Хадиче Аюповой и имел двух сыновей: Баязита (24 года) и Мухамметсадыка (14). При аттестации он был признан «достойным».

Его служебная карьера иллюстрирует характерный для того времени путь продвижения по службе: от рядового до зауряд-сотника, с участием в военных кампаниях и выполнением ответственных задач на линейной службе. Этот пример показывает, как представители коренного населения могли успешно строить карьеру в военной системе Российской империи, сочетая преданность службе с сохранением своих культурных и родовых традиций. Положительная аттестация Наримана подтверждает его профессионализм и надежность как служащего.

После 1811 г. в демографическом составе д. Саузово произошли значительные изменения. В поселение на пожалованные земли переехали несколько семей: Галея Амирова и Сензяпа Беикова (из д. Ушар Семиостровная тож в 1812 г.), Мусагита Мясеева (из той же д. Ушар в 1815 г.), а также Габита Юрбагышева (из д. Чалманарат).

В результате миграции население деревни заметно увеличилось: в 1816 г. здесь проживало 60 душ муж. пола и 59 душ жен. пола (21 двор) татар башкирского сословия («башкирцев»), входивших в команду старшины Аптикаея Минлибаева⁸¹. Эти данные свидетельствуют о динамичном развитии поселения и активном процессе переселения татар в начале XIX в., что отражает общую тенденцию демографического роста в регионе того времени.

⁸⁰ Саузово. URL: <https://bashenc.online/ru/articles/106363/> (дата обращения: 23.03.2025).

⁸¹ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 291. Л. 157–161.

В 1834 г. вотчинники д. Саузово по-прежнему были отнесены к 15-й юрте 11-го кантона, но уже в составе Мензелинского уезда. В деревне насчитывалось 107 душ муж. пола и 99 душ жен. пола, проживавших в 35 дворах. Особый интерес представляют зафиксированные случаи многоженства среди местного населения: Габдуллатип Салимзянов (40 лет; жены 36 и 30 лет), Габдулбашир Габитов (44; жены 30 и 20), Габдулмен Габитов (39; жены 35 и 20), отставной зауряд-сотник Рамгул Ишбульдин (53; жены 50 и 25), Мяндей Габдикеев (1758–1825; жены 36 и 32). В конце ревизской сказки содержится оттиск печати 15-й юрты и изящная татарская подпись юртового старшины Биктимера Сайфулмулюкова, включающая его родовую фамилию Сарбулатов⁸². Этот документ подчеркивает не только административную принадлежность деревни, но и роль Биктимера как представителя местной знати, ответственного за управление юртой.

Однако в ревизском списке 1834 г. сообщается, что у вышеназванного зауряд-сотника Наримана Мендеева (41 год) были две жены: Махуба (36) и Сархана (32). Сыновьями от первой жены показаны Мухамметша (12) и Ахметша (8), а от второй жены – Фаррухша (3)⁸³. Эти данные уточняют семейное положение Наримана и подчеркивают, что он был двоеженцем, что было нередким явлением в то время.

Родной брат Наримана, Кагарман Мендеев (46 лет), исполнял обязанности указного муллы. Это свидетельствует о том, что потомки вотчинника Сарбулата, жившего в XVII в., оставались влиятельным родом, сохраняя свои позиции как в военной, так и в религиозной сферах. Их статус и активное участие в общественной жизни подчеркивают значимость рода в структуре местного сообщества.

На этом завершаем обзор деревень с населением башкирского сословия команды Максюты Авязова Енейской волости, переходим к рассмотрению команды Нигматуллы Мратхузина той же волости. Здесь в 1811 г. числились татары башкирского сословия дд. Калмурзино (28 душ муж. пола в 2 дворах), Бикбулово («Бетгулово»; 270 в 49 дворах), Нижние Урьяды (13), Новые Бугады (128), Старые Бугады (53), Кадырметево (155), всего насчитывалось 647 душ муж. пола⁸⁴.

В д. **Калмурзино** (ныне Мензелинского района РТ) в 1811 г. были учтены следующие домохозяйства татар башкирского сословия («башкирцев»): 1) Батырша (41 год; сын Давлетша), Кагарман (40; дети Кагатаран, Габдулкасим, Габдулкагир) и Надырша (34) Кусюмовы, их племянники юртовой старшина Нигматулла (42; сын Габдулзяппар), Курбангали (38; дети Юсуп, Тимергали), юртовой писарь Габдулбакый (34; дети Габдулхалик, Габдулла-

⁸² НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 469. Л. 219–227.

⁸³ Там же. Л. 223 об.–224.

⁸⁴ Там же. Д. 104а. Л. 231 об.–247 об.

тип, Габдулвахит), Ханкирман (34) Мраткузины, двоюродные братья Мраткузиных Рахманкул (51; дети Уметкул (его Рахимкул), Якуп, Исламкул), Субханкул (41; сын Камилимухаммет) и Имангул (37) Зигитеевы, двоюродный брат Зигитеевых Яхья Якупов (31; сын Губейдулла); 2) Хабибулла Азаматов (28), всего 28 душ муж. пола⁸⁵.

Анализ демографического состава д. Калмурзино показывает, что абсолютное большинство жителей составляли потомки Кусюма Маметова, переселившегося из д. Бикбулово. Ранее уже отмечалось, что Кусюм был припущен на землю («повыток») вотчинника д. Калмурзино Араслана Сююшева с согласия односельчан, что было зафиксировано в договоре от 20 марта 1756 г. На основании этих данных можно сделать вывод о том, что «башкирское» население д. Калмурзино формировалось из представителей двух основных родов.

Примечательным является присутствие в деревне отдельного жителя – Хабибуллы Азаматова. Существует вероятность, что он не состоял в родственных связях с Канмурзой Азаматовым, чье имя, возможно, легло в основу названия поселения и впервые упоминается в документах начала XVIII в. Это обстоятельство требует дополнительного исследования для прояснения генеалогических связей между представителями рода Азаматовых.

Автор одного из изданий искренне удивляется, сообщая: «Оказалось, что еще в 1756 г. тесть Ильяс Тактагулов, однодеревенцы-башкиры писарь Нигаметулла Мраткузин и Рамангул Зигитеев по непонятным ... причинам стали припущенниками своей же деревни Канмурзино»⁸⁶. Причина, впрочем, довольно очевидна: Мраткузин и Зигитеев действительно числились припущенниками, так как, согласно ревизской сказке 1811 г., они были родственниками детей Кусюма Маметова, который переселился в д. Канмурзино из д. Бикбулово в 1756 г. на участок земли, принадлежавший другому вотчиннику («повыток»).

Согласно ревизской сказке 1816 г., в д. Калмурзино было 35 душ муж. пола и 31 душа жен. пола в 13 дворах. На четвертой позиции в списке значится указной мулла Ханкирман Мраткузин (38 лет). Рахматулла Мраткузин, ранее числившийся старшинским помощником, перевелся в 1815 г. из д. Нижние Урьяды и записан под № 6. В документе также имеется родовая тамга выбранного Умметкула Рахманкулова⁸⁷, изображающая серп.

В 1834 г. д. Калмурзино («Канмурзино») насчитывала 36 душ муж. пола и 27 душ жен. пола татар башкирского сословия, проживавших в 13 дворах. Возглавлял список двор отставного старшины Нигматуллы Мраткузина, про-

⁸⁵ Там же. Л. 232–232 об.

⁸⁶ Асфандияров А.З. Аулы... С. 125.

⁸⁷ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 291. Л. 351 об. –352.

изведенного в 14-й класс Табели о рангах 12 апреля 1825 г.⁸⁸, что подчеркивает его высокое общественное положение.

Семья Нигматуллы Мраткузина сына Бикбова (64 года) состояла из супруги Шагарбану (50) и сына Габсаттара (13), родившегося уже в период, когда отец носил офицерское звание. Стоит отметить, что другой его сын, Габдулзяппар (1806–1825), скончался молодым⁸⁹. Родовая фамилия указывает на происхождение Нигматуллы из древнего рода, восходящего к Бикбову – основателю д. Бикбулово.

Данные о Нигматулле и его семье демонстрируют характерный для XIX в. процесс интеграции местной знати в административную систему Российской империи. Представители старинных родов, такие как Бикбовы, сохраняя свои земельные владения и социальный статус, одновременно занимали важные должности в системе кантонного управления, что подчеркивается отдельным учетом сведений о чиновнике в ревизских документах.

Вторая сословная группа населения д. Калмурзино состояла из «тептярей». Их было 8 мужчин и 10 женщин, входящих в состав 1-й тептярской команды. Это были Исхак (52 года; сын Бикбов), Аскей (49; дети Мухаммади, Ахмади, Мифтахетдин? и Шайхетдин) и Мунасып (40) Ильясовы, их жены и дочери⁹⁰.

Таким образом, в первой половине XIX в. д. Калмурзино оставалась небольшой, сохраняя свое двухсословное устройство: местное население состояло из татар башкирского и тептярского сословий.

В д. **Бетгулово** (ныне Бикбулово Мензелинского района РТ) в 1811 г. учтены следующие дворы татар башкирского сословия («башкирцев»): 1) походный есаул Худойкулуй (42 года; дети Габдулвагит, Габдулкагир), Габдуллатип (36; дети Габдулхаким, Мухамметсадык), Габдулнасир (22) Габдрашитовы; 2) Тимир (41; дети Бикмухаммет, Мухаммедьяр), походный есаул Бикташ (37; сын Динмухаммет), Мратша (24) Субханкуловы («Субаханкуловы»); 3) походный сотник Габдулмен (35), Габдрахим (29), Габдрашит (22) Абдуловы; 4) Мухамметрахим (42; сын Мухамметшариф), Курбангали (35; сын Сафаргали), хорунжий Мухамметгали (33; сын Динмухаммет) Араслановы; 5) Гадельша (54; дети пятидесятник Илкей (его Хабибхузя, Асылгузя), Сафаргали, Муса, Зайнулгабдин, Ибинюгаббас, Хусеин, Хасан)⁹¹, Идрис (36; его Файруша) Араптановы, их племянники: Нигматулла (34; дети Габдулла, Габдулхаким) и Фаткулла (14) Гайсаровы, Гайсаровых племянник Зиганша Батыршин (12); 6) Габдуллатип Абдюшов (27), его племянники Габдулнасир (14), Габдулгафар (11), Габдулхалик (6) Габдусалаямовы; 7) Якшимет (46; де-

⁸⁸ Там же. Д. 469. Л. 352–355.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. Д. 470. Л. 81–84.

⁹¹ Гадельша Араптанов по документу 1795 г. известен как старшина.

ти Зайнулла, Гайнулла, Мусифулла), Рахматулла (39) Камисаровы; 8) указной азанчи Мухамметкарим Галикеев (22); 9) Медияр Салишев (54), его племянники Бахтияр (8), Мухаммедьяр (3), Мухамметша (1) Кильдияровы; 10) Каусар Карсанов (36); 11) Мратбақы[й] (44), Минлибай (41), Миннигул (34) Умирбаевы; 12) Умыр Чураев (33; сын Ильяс); 13) Тимир (47; сын Габдулхабир), Курбангали (41; дети Сафаргали, Мухамметсадык, Габдулкабир) Гумеровы; 14) Габдулвахит Сагитов (26; дети Мухамметкул, Мухаммедьяр), его племянники Габдулсалих (39; Габдулнасир, Габдрафик, Габдрахим, Мухамметрахим), Габдулмукмин (28; сын Динмухаммет) Мукминовы; 15) Габдулсаям (54; дети Фейзулла, Юзюкай, Мухамметша, Рыф?, Исанбулат), Нигматулла (42; сын Ибетулла), Хабибулла (39; дети Габидулла, Мусифулла) Кинзякаевы, Габдулсаямова внук Сейфулла Феткуллин (9); 16) Максют (54; дети Мухаммет[з]ян, Муллагул), Минлияр (41; дети Сафаргали, Тимергали) Мосеевы, их племянник Мухамметгалим Махмутов (20); 17) Габдуллатип (22), Габдулхабир (в источнике «Габдулзябир»); 12) Халитовы; 18) Зайни (61), Габдулзялил (59) Мустакимовы; 19) Рафик (37; сын Расуль), Гали (23) Ягаферовы; 20) Юлдаш Субханкулов («Субаханкулов», 39; дети Гильман, Нугман); 21) Мратбаки Мрадымов (40; дети Мратхузя, Асылхузя); 22) Ибрагим Смагилов (38; дети Аюп, Таип, Якуп); 23) Биккиня (39; сын Асхархузя), Мратхузя (32; дети Габдулгалим, Хупхузя) Бакеевы, их племянник Ардашир Иксанов (18); 24) Габдулмен (44; дети Фазулла, Ахтари, Габдулфеиз), Габдулмазит (43; дети Габдуллатип, Габдулнасыр Габдулвахит) Акаевы; 25) Суюш Кукашев (54; дети Сейфутдин, Нияз (его Токфетулла), Шамсутдин), его внук Гайнулла Хисамутдинов (16); 26) Гайса (52; дети Адигам, Давлетша, Ягуда), Бикбатыр (49; сын Бикмурза) Солтанбековы, их племянник Мухамметмук[с]им Гадельшин (26; сын Мухамметзян); 27) Габдулзялил (64; дети Габдулмуталлап, Габдулхаким), Амирхан (54; сын Хисамутдин (его Сайфутдин)) Биксентеевы; 28) Абдул Сатыев (69; дети Габбас (его Курмакай, Мухаммедьяр), Габдрахим); 29) Саитбатгал Сагитов (37); 30) Искендер Суюндуков (79); 31) Сыртлан Масыгутов (74; сын Фаткулла), его племянники Исхак (46; его Девлетша), Ильяс (43; дети Ибетулла, Хуснутдин, Низамутдин, Шамсутдин), Ибрагим (30; его Смагил), Рафик (26) Солтамратовы; 32) Мукмин Габдулов (89; дети Ибрай (его Габдулвахит, Габдулхаким, Габдулмянньф, Габдулгалим, Габдрафик, Исанбулат), Сейфулла (его Саитбатгал, Габдулгафар, Габдулсаттар), его внук Сабит (?) Габитов (5); 33) Апас (36), Искендер (26) Салимовы, их племянники Тимиргали (23), Мухамм[ет]ша (16) Рафиковы; 34) Исядык (63; дети Аккулай, Мухамметзян), Суюш (54) Кусядыковы, их племянник Рахматулла Бикбов (34; его двоюродные братья Гайнулла, Губейдулла Нигматуллины); 35) Габдулнасыр (21), Габдулгали (16) Сурумовы, их двоюродный брат Музафар Ахмеров (28; сын Ахмадиша), «Музафару брат двоюродной» Мухамметрахим Шарипов (31; дети Мухамметзялал, Мухамметзелил); 36) Назир (36), Хисматулла (17) Тимировы; 37) Курбангали (36);

сын Мухамметша), Мухамметгали (36) Мавлюгуловы, их племянник Ильяс Аблаев (33; сын Мухамметкарим), Ильяса двоюродной брат Яхья Якупов (40; дети Фазулла, Габдулхаким); 38) Рахматулла (53; сын Гайнулла), Баязит (38; сын Гибадулла) Салишевы, их племянники Зайнулла (18), Валиулла (15) Хабibuллины; 39) Абулхаир (64; дети Батырша (его Фейруша), Валиша, Мухамметша), Медияр (59; дети Сафаргали, Ахмер, Габдулмазит, Габдулвахит, Габдулнасир, Габдулкагир), Амин (54; дети Мухаммади, Мухамметзян, Габдулмяннаф) Аблеевы; 40) Тимир Абдалов (46); 41) Биктимер (37; сын Габдулмукмин), Биктагир (35; дети Фейрюша, Зиганша) Тойгуновы; 42) Мухамметшариф (44), Сеитягафер (42; дети Сейфулмулюк, Габдулхабир, Габдулла) Сагитовы; 43) Бакый Максютов (74), дети Фейзулла (39; его Габдулвариз), Габдуллатип (30), его внуки Габдулгафар Габдуллин (7), Габдулвахит (14), Габдулхаким (1) Бикташевы и племянник Ахмедиша Биганеев (25); 44) Сулейман (30), Тойчин (22) Мратсалимовы; 45) Валит Габдулкаримов (36); 46) Суяргул Бухарметов (23; сын Смагил); 47) Ихсан Юмаев (54; дети Смагиль, Смай); 48) Мурсалим Мустаев (64; дети Мунасып (его Бахтияр), Мусагит (его Авлияр)), его племянники Фазаил (42; его Габдусалим, Баязит, Сафаргали), Габдулзялил (39) Мусины; 49) Фейзулла (42) и Нигматулла (34) Муксиновы, всего 270 душ муж. пола⁹².

Ранее говорилось, что в 1757 г. часть татар башкирского сословия Енейской волости приняла участие в походе русской армии в Пруссию. Среди участников этого похода были Абдул Карашаев, Мурат Мусеев, Акай Мукаев, Масыгут Муслюмов и Муксим Мустаев из д. Бикбулово («Бекбово»). Их участие в военной кампании подчеркивает активную роль жителей деревни в военных событиях Российской империи XVIII в.

В ревизском списке 1811 г. можно обнаружить потомков этих людей. К ним относятся, например, Сыртлан Масыгутов (74 года; записан под № 31), братья Акаевы (под № 24) и Муксиновы (под № 49).

Ранее было отмечено, что Гайсар Араптанов и Абдулхаир Аблеев состояли в команде старшины Шарипа Айдарова и были участниками Польского похода (1771–1773 гг.). По данным ревизии 1811 г., родственники Гайсара Араптанова зарегистрированы под фамилией Гайсаров (№ 5), что служит свидетельством сохранения семейной линии и преемственности между поколениями. Что касается Абдулхаира Аблеева, то в указанном документе он обозначен как «Абулхаир» (№ 39), что соответствует правильному варианту имени.

Жители д. Бикбулово также принимали активное участие в военных событиях Российской империи в XIX в. В литературе указывается, что старшинский писарь Сеитбаттал Сайфуллин («Сияфуллин»), служивший в 6-м Башкирском полку, участвовал в Отечественной войне 1812 г. и был награж-

⁹² НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 104а. Л. 233–239.

ден серебряной медалью «1812». Известен также походный старшина Илкай Араптанов, принимавший участие в Прусской кампании 1806–1807 гг.⁹³

Формулярный список 1837 г. уточняет и дополняет биографию Илькея Гадельшина сына Араптанова (55 лет), который, согласно записи, «против французов находился в походах и делах» в составе 3-го Башкирского полка в 1807 г. Он начал свою службу рядовым с 15 апреля 1806 г., затем стал зауряд-есаулом с 12 февраля 1812 г. и походным старшиной с 26 октября 1814 г. Во время службы Илькей выполнял различные задания: находился на линейной службе в крепости Татищевой (1811), при Оренбурге (1815, 1816), в Казанской губернии на этапе (1812), в Илецкой защите (1819, 1822), снова в Оренбурге (1829), на карантинном («кардонном») оцеплении в связи с эпидемией холеры (1830) и вновь на линейной службе в Илецкой защите (1834). Илькей Араптанов был грамотным человеком, знающим татарскую письменность и умеющим читать и писать. В семейной жизни он состоял в браке с двумя жёнами и воспитывал троих сыновей. Однако командование негативно оценило его поведение, сочтя его «распутным» (конкретные причины, вызвавшие такую оценку, не уточняются; вероятно, повод не сводился к факту двоеженства), что отразилось на итоговом результате аттестации⁹⁴.

В формулярном списке чиновников 1837 г. также содержатся дополнительные сведения о втором участнике войны с Наполеоном – Саитбаттале Сайфуллине (45 лет). Саитбаттал был зачислен в ряды армии 1 мая 1812 г., а с 12 апреля 1833 г. утверждён на должность писаря. В 1812–1814 гг. он прошёл кампанию в составе 6-го Башкирского полка, но непосредственного участия в битвах не принимал. Затем он продолжил «линейную службу» в крепости Рассыпная (1818 г.) и при Оренбурге (1820).

Его братом был Габдулгафар Сайфуллин (41 год), занесённый в формулярный список в должности урядника. Оба брата оказались замешанными в судебном разбирательстве в Мензелинском уездном суде, обвиняясь в нанесении телесных повреждений своим односельчанам-«тептярям» Юлдашеву и его спутникам. Судебное решение от 1834 г., утверждённое уголовной палатой, постановило считать братьев подозреваемыми. Вследствие этого в формуляре появилась соответствующая пометка: «Ввиду нахождения под следствием аттестация невозможна» (в источнике: «По случаю бытия под судом не аттестуются»)⁹⁵.

Этот пример показывает, что даже при наличии военных заслуг и служебных достижений личные конфликты и судебные разбирательства могли негативно сказаться на репутации чиновников.

⁹³ Асфандияров А.З. Аулы... С. 118.

⁹⁴ НА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 4022. Л. 26 об.–27.

⁹⁵ Там же. Л. 27 об.–28.

Возвращаемся к ревизской сказке 1811 г. Записанный под № 26 Адигам, которого ранее называли сыном Гайсы Солтанбекова, в 1816 г. получил титул зауряд-сотника и в 1837 г. именовался Адигамом («Адегам») Гайсиным сыном Муслимовым (49 лет). За свою службу он побывал в различных местах: на этапах в Казани (1809), на линейной службе в Илецкой защите (1815), на Новомосковском тракте (1819), на Сарманаевском тракте (1819), а также на линейной службе в крепости Каменноозерской (1830). Он был единственным среди односельчан-чиновников, кто не знал грамоты, однако аттестация признала его «достойным»⁹⁶.

Таким образом, сопоставление ревизских данных 1811 г. с информацией из формулярных списков чиновников позволило выявить новые подробности о жизни и деятельности жителей д. Бикбулово. Эти материалы раскрыли не только количественный состав населения, но и показали индивидуальные судьбы конкретных людей, их продвижение по службе, выполнение ими важных государственных функций, а также события, повлиявшие на их жизнь и репутацию. Эти сведения помогли установить степень вовлеченности бикбуловцев в общеимперские военные мероприятия, подтвердить их заслуги и выявить случаи негативного поведения, повлекшие санкции. Благодаря такому комплексному подходу открывается возможность глубже изучить социальные процессы, происходящие в конкретной деревне, и увидеть влияние внешней политики на повседневную жизнь простых жителей.

В 1816 г. в д. Бикбулово проживало 275 душ муж. пола и 325 душ жен. пола в 109 дворах. Ревизская сказка содержит родовую тамгу Габдулсалиха Салимова, напоминающую букву «Т» с параллельной черточкой вверх⁹⁷. К 1834 г. численность татар башкирского сословия увеличилась до 374 душ муж. пола и 365 душ жен. пола при 144 дворах. В административном отношении они входили в 17-ю юрту, во главе которой стоял Хусейн Акаев сын Зюбеиров – юртовой старшина из д. Зюбеирово⁹⁸.

Вторую сословную группу в 1834 г. составляли 191 душа муж. пола и 193 души жен. пола татар тептярского сословия в 46 дворах, приписанных к 1-й тептярской команде. Среди жителей выделялся 43-летний Габдуллатип Габдулсалимов, служивший указным муллою. Особый интерес представляет запись о Габдулхалике Шарипове (1790–1825), где сделана уточняющая пометка «а не Габдулкарим Ермухамметов»⁹⁹, исправляющая ошибку предыдущей переписи.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 291. Л. 346 об.–347.

⁹⁸ Там же. Д. 469. Л. 328–348.

⁹⁹ Там же. Д. 470. Л. 1–25.

Таким образом, на протяжении второй половины XIX в. деревня сохраняла двухсословную структуру с преобладанием татар башкирского сословия.

В д. **Нижние Урьяды** (ныне Актанышского района РТ) в 1811 г. зафиксированы следующие домохозяйства татар башкирского сословия («башкирцев»): 1) Габдрахман Абдуллин (68 лет; дети Бикташ, Равиль), его племянники Габдулгафар (32), Габдулвахит (22), Зиганьша (20), Курамша (17), Надырша (14), Батырша (9) Габдулкаримовы; 2) старшинский помощник Рахматулла Мраткузин (46; сын Юлдаш); 3) указной мулла Кутлумухаммет Ганберов (51); 4) Ильяс Юлдашев (28), всего 13 душ муж. пола¹⁰⁰.

Согласно ревизской сказке 1816 г., семья старшины Нигьматуллы Мраткузина в 1815 г. переселилась в д. Калмурзино, после чего здесь осталось 12 душ муж. пола и 17 душ жен. пола. Обязанности указного муллы по-прежнему исполнял Кутлумухаммет Ганберов (55 лет), проживавший с двумя жёнами – 45 и 42 лет. Документ также содержит родовую тамгу выборного Зиганьши Габдулкаримова¹⁰¹.

К 1834 г. в д. Нижние Урьяды наблюдался рост численности татар башкирского сословия – их количество достигло 22 душ муж. пола и 22 душ жен. пола, проживавших в 9 дворах и входивших в 6-ю юрту¹⁰². Согласно другим данным, эти жители являлись вотчинниками и поземельно относились к Тугузской тюбе Енейской волости¹⁰³. Упоминание этого факта в нескольких независимых источниках подтверждает устойчивость их правового статуса и земельных прав в данной местности.

Вторую сословную группу составляли татары-«тептяри», которых в 1834 г. насчитывалось 11 душ муж. пола и 13 душ жен. пола, приписанных к 1-й тептярской команде. Они проживали в дворах Салима Сумлытова (1747–1827), Тимергалия Курбангалина (27 лет) и Губейдуллы Махмутова (53). Особый интерес представляет семья Сагидуллы Салимова (58 лет), сына Салима Сумлытова. В ревизских записях отмечено, что его младший сын Смагиль (1) родился от четвертой жены Гульназифы (36)¹⁰⁴. Отсутствие упоминаний о других женах позволяет предположить, что к моменту переписи они либо умерли, либо были разведены (что, впрочем, требовало бы дополнительного документального подтверждения).

Такой материал ценен не только для оценки демографической динамики деревни, но и для реконструкции семейного уклада и социальных норм та-

¹⁰⁰ Там же. Д. 104а. Л. 239–239 об.

¹⁰¹ Там же. Д. 291. Л. 355 об.–356.

¹⁰² Там же. Д. 468. Л. 322–324.

¹⁰³ Там же. Д. 431. Л. 95 об.–96.

¹⁰⁴ Там же. Д. 470. Л. 85–88.

тарской общины первой половины XIX в., где многоженство, хотя и практиковалось, все же не приобрело массового характера.

В д. **Новые Бугады** (ныне Актанышского района РТ) в 1811 г. записаны следующие домохозяйства татар башкирского сословия («башкирцев»): 1) указной мулла Габдулнасыр (46 лет; дети Мухамметсадык, Габдулгали, Нугман, Габдулкабир) и юртовой сотник Габдуллатип (42; сын Габдулкабир) Габдулсаламовы, их племянник Назметдин Загиров (31; сын Тазетдин); 2) Габдулбакый Мратбакыев (12); 3) Габит Мусяков (56; дети Хусеин, Губейдулла (его Бикмурза), Гибетулла); 4) Габбяс Аширов (47; дети Габдулсаттар, Габдулгафар); 5) Назаргул (61; дети походный сотник Акчувак (его Сайфулла, Сайфутдин), Губейдулла (его Хабибулла), Рахматулла) и Гайса (54; сын Балтач (его Фазулла, Смагиль, Исхак, Якуп)) Гусмановы, их племянники Асылгузя (28), Фаткулла (11), Фейзулла (10), Кучарбай (5) Кыдрасевы; 6) Бикташ Чирюев (48; дети Фазаил, Баязит); 7) Ильяс Московов (51; сын Биктимер); 8) Гумер (61; дети Габдулкабир, Габдулбасыр, Нугманнасыр) и Ягафер (38; дети Габдулвали, Габдулбакый, Биккена) Абишевы, их племянник Нардуван Ахмеров (19); 9) Валит Сююшев (56; дети Халил (его Мухамметгали), Гузаир), его племянники Гидай (51; дети Губейдулла (его Тохфатулла, Хисматулла, Фаткулла), Фейзулла, указной азанчи Хабибулла, Фазулла), Рахматулла (42; дети Нигматулла, Гайнан), Гибадулла (39; дети Мусифулла, Зиннатулла), Сайфулмулюк (19) Салиховы; 10) Габдулгафар (20), Габдулвагап (14), Габдулбашар (6) Габдулменевоы; 11) Балта Мурсеев¹⁰⁵ (38; дети Габдулхалик, Габдулхаким, Габдулхаким, Минливагап); 12) Хамит Якаев (34); 13) Тайчи Ураев (83; сын Ильяс (его Хусеин, Хисматулла, Нигматулла, Файзулла)); 14) Мавлюгул Рамгулов (29); 15) Минликей Мусакаев (30); 16) Шигай Ибраев (51; сын Сиразетдин); 17) Ихсан (43) и Исламгул (36) Яхиевы; 18) Рафик Атнагулов (54; дети Габдулвахит, Габдулнасыр, Хисматулла, Мусифулла, Габдулханнан), его племянники Хисамутдин (51; дети Габдуллатип (дети Габдулла, Габдулвагап), Габдуманьян, Габдулмукмин), Губейдулла (34; дети Биктимер, Бикташ), Асфандияр (31; дети Мухаммедьяр, Мухамметша), Сейфин (30; сын Мухамметвали) Мунасыповы, Мунасыповых племянники Юсуп (4) и Якуп (3) Рустамовы; 19) Габдулхалик Ярмухамметов (26); 20) Габдулмазит Габдулкаримов (37; дети Габдулвахит, Шагидулла, Галиулла); 21) Сагит Смаков (51); 22) Габдрафик Ярмухамметов (42); «*живущие в одной деревне Байлярской волости*» 23) Ихсан Юсупов (54; дети походный сотник Махмут (его Габдулнафик, Габдулхалик), Масагут, Мансур, Габдулнасыр, Габдуллатип, Габдрахим), всего 128 душ муж. пола¹⁰⁶.

Габдулбакый Мратбакыев, упомянутый в ревизской сказке 1811 г. под № 1, в формулярном списке чиновников 1837 г. значится 38-летним урядни-

¹⁰⁵ В ревизской сказке 1816 г. его фамилия – Мурзаев.

¹⁰⁶ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 104а. Л. 239–242 об.

ком. Службу начал рядовым 1 мая 1819 г., урядником стал 5 марта 1727 г. Габдулбакый находился на этапной службе в Казанской губернии: сначала в Ерыклинском (1819 г.), затем в Чебоксарах (1824, 1827 гг.). Служил также в Илецкой защите (1831 г.) и под Оренбургом (1833 и 1835 гг.).

Его односельчанин, Габдулгали Габдулнасыров (36 лет), начал службу рядовым 1 мая 1821 г. и был произведен в урядники 6 июля 1827 г. В 1821 г. он стоял на пикете в Мензелинском уезде, а затем проходил линейную службу в крепости Нежинская (1828 г.). В 1831 г. он участвовал в усмирении удельных крестьян в составе 8-го Башкирского полка, а с 10 мая 1832 г. по 26 февраля 1837 г. находился в Бессарабии в составе 9-го Башкирского полка.

Оба они обладали навыками чтения и письма на татарском языке, имели семьи и были аттестованы как «достойные». Этот пример подчеркивает активное участие башкирских служащих в различных военных и административных задачах, что было характерно для Башкирского войска. Их служба охватывала как внутренние регионы Российской империи, так и участие в операциях за ее пределами, что свидетельствует о лояльности и профессионализме этих чиновников.

В рассматриваемой ревизской сказке Назаргул Гусманов и его братья – сыновья Гусмана Якупова, Рафик Атнагулов – сын Атнагула Зайтова, Валит Сююшев – сын Сююша Султанова из договора от 10 апреля 1749 г.

Также в ревизской сказке обратим внимание на Ихсана (43 года) и Исламгула (36) Яхиевых, а также Тайчи Ураева (83). Ясно, что Яхиевы являются сыновьями упомянутого в документе 1757 г. Якыя Карашаева, а имя Тайчи Ураева из того же источника полностью совпадает со сведениями ревизской сказки 1811 г. Расчет показывает, что на момент участия в походе 1757 г. вотчиннику д. Новые Бугады Т. Ураеву было 29 лет.

В 1811 г. среди жителей д. Новые Бугады последними в списке были отмечены представители Байлярской волости. Однако уже в 1813 г. произошел примечательный случай: семья походного сотника Махмута Иксанова решила переехать в д. Туирово Байлярской волости. Причиной такого решения стал земельный вопрос, вынудивший семью вернуться «на собственную их землю»¹⁰⁷. Это переселение отражает сложные земельные отношения и стремление семей сохранить свои права на землю, что было характерно для того времени. Подобные перемещения подчеркивают важность земельных ресурсов для татарских общин, а также их готовность менять место жительства для защиты своих интересов.

По сведениям 1816 г., в д. Новые Бугады, расположенной при р. Безяда, насчитывалось 134 души муж. пола в 50 дворах. Имелась мечеть «посредственной работы»¹⁰⁸. Эти сведения подтверждаются ревизской сказкой, которая

¹⁰⁷ Там же. Д. 292. Л. 341 об.

¹⁰⁸ Там же. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 1755. Л. 320 об.

учитывала 134 души муж. пола и 149 душ жен. пола в (43 двора) команды старшины Акчувака Назаргулова.

Старшина Акчувак, житель этой деревни, был в возрасте 32 лет и имел двух жен – Балхию (32 года) и Хубейбу (17). У него также были сыновья Сайфулла (7) и Шамсутдин (2) и дочь. Кроме него, двоеженцами были Ягафер Абишев (42; женам 55 и 26 лет), Губайдулла Габитов (35; женам 35 и 21), Гумер Абишев (65; женам 70 и 35), Губайдулла Салихов (43; женам 40 и 30), Исхак Юсупов (58; женам 60 и 31), Габдулмазит Габдулкаримов (41; женам 35 и 23)¹⁰⁹.

Эти примеры демонстрируют характерные для мусульманского общества Волго-Уральского региона начала XIX в. брачные практики, где многоженство являлось социальным маркером, отражавшим статус и материальное положение главы семьи. Особенностью семейного уклада были значительные возрастные диспропорции между мужьями и младшими женами (разница до 30–40 лет), причем вторые супруги нередко оказывались младше детей от первого брака. Подобные брачные союзы, с одной стороны, соответствовали нормам шариата, с другой – подчеркивали патриархальный характер семейных отношений и экономическую зависимость женщин. Разночтения в учетных данных о количестве дворов (50 и 43) могут объясняться как особенностями ведения документации, так и реальными демографическими изменениями в динамике.

По сведениям 1834 г., в д. Новые Бугады проживало 197 душ муж. пола и 227 душ жен. пола «башкирцев», всего в 63 дворах. Среди жителей выделялись зауряд-сотник Акчувак Назаргулов (50 лет; двоеженец), урядник Габдулгали Габдулнасыров (32), Нугман Габдулнасыров (28), занимавший должность указного имама (унаследованную от отца Габдулнасыра Габдулсалимова), Мухамметсадык Габдулнасыров, исполнявший обязанности указного азанчея. Двоеженцами также были Губайдулла Мунасыпов (56), Габдулкагир Гумеров (39), Гибадулла Салихов (61), Мавлюгул Рямгулов (51), Габдуллатип Иксанов (37), Габдулмазит Габдулкаримов (59). К ревизской сказке сказкоподатель Мухамметвали Сейфинов подписался по-татарски изящным почерком¹¹⁰. Все они относились к 12-й юрте 11-го башкирского кантона, что отражает демографические и социальные особенности деревни, включая традицию передачи должностей по наследству и характерные черты семейного уклада в татарских общинах.

Другой документ Оренбургской казенной палаты выделяет в д. Новые Бугады следующую структуру населения башкирского сословия: 169 душ муж. пола и 190 жен. пола определены как вотчинники, а 28 душ муж. и 37 жен. пола отнесены к группе припущенников¹¹¹. При этом точно определить, кто конкретно входит в последнюю категорию, оказалось затруднительным.

¹⁰⁹ Там же. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 292. Л. 332–343.

¹¹⁰ Там же. Д. 468. Л. 718–730.

¹¹¹ Там же. Д. 431. Л. 97 об.–98.

Итак, в первой половине XIX в. д. Новые Бугады характеризовалась стабильной демографической ситуацией, показывая уверенный рост численности населения. Одной из особенностей социальной структуры деревни был единый сословный состав: подавляющее большинство жителей составляли башкиры-вотчинники, что подчеркивало их специфический правовой статус и прямую связь с земельными владениями.

В д. **Старые Бугады** (ныне Актанышского района РТ) в 1811 г. зафиксированы следующие домохозяйства татар башкирского сословия («башкирцев»): 1) Атнагул (71; дети Туктагол, Рахманкул, Минлибай, Габдрахим, Габдрахман) и Ямангул (44; дети Якшигул, Азигул) Мустаковы; 2) Юлдаш (36; дети Фазлулла, Габдулгани, Абушахма), Мяндей (30), Султанмрат (28) и Исламгул (26) Валитовы, их племянник Фаткулла Халитов (7); 3) Габдрашит (41; дети Габдрафик, Габдулманнаф) и азанчи Габдулмазит (36; дети Габдулгалим, Габдулвали) Гайсакаевы, их племянник Габдултагир Габзялилов (20); 4) Тимер (28) и Умир (25) Ибрагимовы; 5) Залил Абдулов (36; сын Наримбай); 6) юртовой есаул Габдулхалик Мрясов (28; сын Мухамметсадык); 7) походный есаул Бакир (47; дети Хисамутдин, Сафаргали, Зайнигабдин), Файзулла (43; дети Саитбатгал (его Шамсутдин, Сиразетдин), Хабибулла, Хамидулла, Габдулманнаф), Нигматулла (38; сын Гибетулла), Сайфулла (34; сын Мусифулла) Якшиевы; 8) указной мулла Адигам (54; дети Сайфетдин, Садретдин, Мифтахетдин) и Багман (31; дети Зайнетдин, Гыймадетдин, Фахрутдин) Габдулшариповы, всего 53 души муж. пола¹¹².

По сведениям 1816 г., в д. Старые Бугады, расположенной при р. Безяда, в 19 дворах проживало 55 душ муж. пола. Мечети не было¹¹³. Эти данные подтверждаются ревизской сказкой, которая зафиксировала аналогичную численность мужского населения (55 душ) и близкое количество дворов (18), а также 64 души жен. пола, состоящих в команде старшины Акчуака Назаргулова (а до него – в команде Давлетбая Мясева)¹¹⁴.

По сведениям 1834 г., в д. Старые Бугады проживало 106 душ муж. пола и 94 души жен. пола «башкирцев», всего в 35 дворах, относившихся к 12-й юрте 11-го башкирского кантона. Среди жителей выделялись зауряд-есаул Габсалих Мрясев (50 лет), старшинский писарь пятидесятник Сейфетдин Адигамов (43), отставной зауряд-есаул Бакир Якшиев (69; двоеженец; женам по 63 и 35 лет), двоеженец Юлдаш Валитов (58; женам по 51 и 18). Ямангул Мустакаев также был двоеженцем, однако скончался в 1821 г. (женам было по 38 и 32 года). До своей кончины (1825) должность азанчи исполнял Габдулмазит Гайсакаев, однако после него никого из духовенства в деревне не

¹¹² Там же. Д. 104а. Л. 243 об.–244.

¹¹³ Там же. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 1755. Л. 320 об.

¹¹⁴ Там же. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 292. Л. 344–351.

было. К ревизской сказке сказкоподатель Мифтахитдин Адигамов подписался по-татарски изящным почерком¹¹⁵.

Сведения о Сейфутдине Адигамове (47 лет) также содержатся в формулярном списке чиновников 1837 г. В документе сказано, что он поступил на военную службу рядовым 1 мая 1809 г., а 31 марта 1813 г. был назначен писарем и пятидесятником. Участвия в военных походах и длительных командировках не принимал. Владел татарской грамотой и был аттестован как «достоин». Был женат на Хуснуре Таймасовой, имел двух сыновей: Зямалитдина (15) и Ахметхафиза (4)¹¹⁶.

Таким образом, имеющиеся сведения о численности населения демонстрируют почти двукратный рост жителей деревни. Что касается сословного состава, деревня продолжала оставаться однородной: здесь проживали исключительно «башкиры-вотчинники».

В д. **Кадырметево** (ныне Старое Кадырметьево Актанышского района РТ) в 1811 г. были учтены следующие домохозяйства татар башкирского сословия («башкирцев»): 1) Яркей (66 лет; дети Кыдрас (его Биктимер), Даут, Хисамутдин) и Гапсалям (44; дети Зайнигабдин, Нигматулла, Гибегулла, Хисматулла) Ижбулдины, их племянники Габдулбашар (19) и Габдулнасыр (14) Давлетбаевы, двоюродные братья Давлетбаевых Якуп (17) и Юсуп (8) Минлибаевы, двоюродной брат Минлибаевых Мухаммедьяр Мавлюшев (13); 2) Ахмади Ахмеров (17); 3) Габидулла Максютлов (51; дети Фаткулла, Нигматулла); 4) Галикей Аиткулов (61; дети Тоймас, Тойчин), его племянники Мратхузя (29; сын Мухамметдин) и Асылгузя (24) Минликеевы; 5) Гумер Биккинин (56; дети Ибрагим, Габдрахим); 6) Гаит Мусин (71; дети Рахматулла (его Гайнулла, Гильмулла, Губейдулла), Файзулла (его Сайфулла, Фарушат), Габдулмазит (его Габдулвахит, Габдулгани, Габдулхаким), Габдулсалих, Габдулхалик); 7) Гайса¹¹⁷ (54; его Тохфатулла, Хабибулла, Мусифулла, Нигаманнасыр), Абулхаир (48; его Абулхасан, Амирхан) Мустаевы; 8) Габбас (60; дети указной муазин Муса (его Гимадетдин), Мустаким), Габдрашит (52; дети Яхья, Ягафер, Габдулнасыр, Габдрахим) Умыровы, их племянник Санзяп Шамеев (49; дети Зюбеир (его Мухамметгали), Халит, Габдулвали); 9) Исхак Юзюкеев (27); 10) Давлетьбай Ишметов (56; дети Тагир (его Загир, Габдулкагир), Габдулхабир); 11) Тойгун Иманаев (30), его племянник Шамагул Аднагулов (38); 12) юртовой сотник Курбангали (36; сын Мухамметгали), Мухамметкарим (34; сын Бикташ) Габдуллины, их племянники Габдрашит (22), Габдулваит (18), Габдуллатип (15) Габдулкаримовы; 13) хорунжий Бикмурза Чурагулов (46; сын Кагарман), его братья двоюродные Ямангул (48; сын Гисматулла), Атнагул (56; дети Габдулсаттар (его Габдулхалим), Габдулбашир, Габдулнасир, Габдрахим)

¹¹⁵ Там же. Д. 468. Л. 710–717.

¹¹⁶ Там же. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 4022. Л. 18 об.–19.

¹¹⁷ В 1816 г. это имя было исправлено на Габдулхаир.

Муртазины, их племянники Бикташ (27), Идрис (32; сын Мифтахетдин) Ильясовы; 14) Мухамметша (13), Зиганьша (12), Гадельша (7) Имангуловы, их двоюродной брат Габдулхалик Карагулов (18); 15) Сагындык (52; сын Смагиль (его Якуп, Яхья)), Суюндук (51), Якшигул (40), Исламгул (30; сын Габдрахим) Хусеиновы, их двоюродной брат Тагир Мурсалимов (32), племянники Тагира Музаффар (10), Багаутдин (8) Тоймасовы; 16) Вамит¹¹⁸ (27; сын Альмухаммет), Валит (23), Валиша (19) Шарыповы; 17) Гадельша (44), Хамит (41; дети Даут, Сабит), Габдулвахит (30; сын Ахмадиша), Габдрафик (25) Кусюмовы, их племянники Гибадулла (29), Хабибулла (26; сын Шагидулла), Сайфулла (17), Сафаргали (16) Зюлкарнеевы; 18) Тойгун (52; дети Тойгузя, Биктимер), Мратхузя (35; дети Файруша, Гайнулла, Бикмухаммет), Асылгузя (29; дети Тохфатулла, Рахматулла, Нигматулла) Утягуловы; 19) Гали Сарбашев (71; дети Габдулвахит, Габдуллатип, Габдулгафар); 20) Ардуван (39), Япый (21), Ягафер (18) Валитовы; 21) Биктимер Смагилов (45; дети Сафаргали, Саитбаттал); 22) Бикбатыр (52; дети Бикташ (его Рахматулла), Биктимер), Батырша (39; сын Бикмухаммет) Юзюкаевы; 23) Мухаммедьяр Мухамметрахимов (23); 24) Биктимер Мухамметкаримов (13); 25) Мухамметамин Рафиков (34; сын Мухамметгали); 26) Хисравашир Рахманкулов (18), всего 155 душ муж. пола¹¹⁹.

В документе от 26 июля 1811 г. значительная часть указанных вотчинников отнесена к Енейской тюбе. Среди них: Ямангул Муртазин, хорунжий Бикмурза Чурагулов, Тойгун Утягулов, Аднагул Муртазин, Мратхузя Утягулов, сотник Курбангали Габдуллин, Якшигул Хусеинов, Суюндук Хусеинов, Габдрашит Габдулкаримов, Бикбатыр Юзюкаев, Тимир Рафиков, Гибадулла Зюлкарнеев, Гали Сармашев, Сагындык Хусеинов, Валит Галиев, Курбангали Гумеров, Галикей Аиткулов, Мратхузя Минликеев, Габдулвахит Кучимов, Валит Шарыпов, Биктимер Смагилов, Батырша Юзюкаев, Тагир Мурсалимов¹²⁰. Документ содержит родовые тамги перечисленных лиц, свидетельствующие о принадлежности к разным родам, причем совпадение ряда тамг указывает на общее родовое происхождение ряда индивидуумов.

Сопоставление ревизских записей с иными источниками раскрывает формирование части населения д. Кадырметево за счет выходцев из д. Терпели. Показательным примером выступает семья Сарбаша Бекчурина, фигурирующего в документе от 13 февраля 1746 г. Предположительно, его сын Гали уже в ревизских материалах указан как житель Кадырметево под фамилией Сарбашев, что не только фиксирует факт миграции, но и доказывает непрерывность передачи поколений.

¹¹⁸ Это редкое имя неизменно воспроизводится и в последующих переписях, несмотря на его кажущуюся необычность.

¹¹⁹ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 104а. Л. 244–247 об.

¹²⁰ Там же. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 393. Л. 280.

Особое внимание в ревизской сказке 1811 г. привлекают братья Мратхузя и Асылгузя Минликеевы, указанные как племянники Галикея Аиткулова (под № 4 в документе). Их отец, Минликай Аиткулов, принимал участие в Польском походе русской армии 1771–1773 гг., что представляет особенный исторический интерес.

Упоминание о военной службе Минликай Аиткулова свидетельствует о вовлеченности татарского населения в военные кампании Российской империи во второй половине XVIII в. Польский поход 1771–1773 гг., в котором он участвовал, был частью борьбы за влияние на Речь Посполитую.

Ахмади Ахмеров (17 лет), указанный под № 2 в ревизском списке 1811 г., в источнике 1837 г. упоминается под родовой фамилией Мавлютов. Начав службу рядовым с 15 апреля 1810 г., уже 13 февраля 1811 г. он был произведен в зауряд-сотники. Ахмади не участвовал в сражениях и походах, но прошел линейную службу под Оренбургом (1815 г.) и в Илецкой защите (1825). В 1830 г. он участвовал в борьбе с эпидемией холеры, а с 22 сентября 1834 г. исполнял обязанности лесного надзирателя.

Ахмади, как и многие его современники, владел чтением и письмом на татарском языке, что считалось важным профессиональным качеством. Он был женат на Зюгре Ишменевоу и имел пятерых сыновей: Сиразетдин (15 лет), Фахретдин (12), Зайнебашир (11), Фахрутдин (8) и Ахметша (3). Получив положительную аттестацию как «достоин», он подтвердил свою честность и дисциплину в службе¹²¹.

Еще одним интересным персонажем в ревизском списке является хорунжий Бикмурза Чурагулов (46 лет), записанный под № 13. Его сын Кагарман продолжил династическую традицию, сделав успешную карьеру в Башкирском войске, о чём подробно рассказано в формулярном списке чиновников 1837 г., где он упомянут под родовой фамилией «Борисов».

Карьера Кагармана Бикмурзина сын Борисова началась в чине рядового солдата 1 мая 1813 г., а уже 4 марта 1816 г. он получил звание зауряд-сотника. Его военная служба была насыщенной: в 1813 г. он служил ординарцем при кантонной администрации, затем нес линейную службу под Оренбургом (1817 г.) и в Каменно-Озерной крепости (1828 г.). Самым выдающимся эпизодом его карьеры стала служба в Бессарабии в составе 9-го Башкирского полка с 10 мая 1832 г. по 26 февраля 1836 г.

Подобно многим своим коллегам, Кагарман владел татарской грамотой, что позволяло ему эффективно исполнять должностные обязанности. Он получил положительную аттестацию «достоин», подтвердив свое ответственное отношение к службе и исполнению обязанностей¹²².

¹²¹ Там же. Д. 4022. Л. 17 об.–18.

¹²² Там же. Л. 18 об.–19.

Таким образом, Кагарман Борисов, продолжая путь своего отца Бикмурзы, внес весомый вклад в поддержание порядка и реализацию административных задач Российской империи. Его профессиональная карьера иллюстрирует, насколько важными качествами для успешной службы в Башкирском войске были личные способности, образование и чувство долга.

Родовая фамилия «Борисов» убедительно свидетельствует о генеалогической связи Кагармана с ранее упомянутым вотчинником Борисом Безергеновым, действовавшим в период правления царя Алексея Михайловича (1645–1676 гг.). Антропоним «Борис», представлявший собой исключительную редкость в татарской среде того времени, принадлежал единственному документально засвидетельствованному вотчиннику в Енейской волости. Данное обстоятельство позволяет с высокой степенью достоверности утверждать, что Борис Безергенов являлся прямым предком Кагармана Борисова. Существенным подкреплением этой гипотезы служит фиксация другого потомка Бориса Безергенова в д. Новое Сафарово, что подтверждает устойчивость данной родовой антропонимической модели. Этот случай рельефно демонстрирует значимость родовой памяти и преемственности поколений, характерных для татарского общества XVII–XVIII вв.

Пример Кагармана демонстрирует, как имена и фамилии могли отражать исторические корни и семейные связи, играя ключевую роль в понимании генеалогии и социальной структуры местных сообществ. Таким образом, Кагарман Бикмурзин сын Борисов не только продолжал военную традицию предков, но и поддерживал память о своем происхождении, что подчеркнуло значение родовой идентичности в его жизни и профессиональной деятельности.

В 1816 г. в д. Кадырметево числилось 38 дворов под старшинством Мухамметгалия Сафаргалина и 12 дворов (без учета семей, выбывших в другие деревни) под старшинством Акчувака Назаргулова. Часть семей команды Назаргулова сменила место жительства: в 1813 г. семьи Гумера Биккинина, Кыдрача Яркеева, Габсаляма Ижбулдина, Габдулхайра Мустаева, Якупа Минлибаева, Гайсы Мустаева, Шамгула Аднагулова, Тойгуна Иманаева, Даута Еркеева и Габдулбашара Давлетбаева переселились в д. Азиби на свою землю. В 1816 г. семья Мраткузи Минликеева переехала в д. Чалманарат. Семьи Габбаса Умырова, Габдрашита Умырова, Санзяпа Шамеева и Исхака Юзюкеева отправились в д. Картово («Канбарской волости», команда старшины Максюты Авязова) «на принадлежащую им землю». Завершает перечень указной мулла Гибетулла Карабаев, который в 1813 г. был переведен указом Оренбургского губернского правления из д. Сикия и прикреплен к «пятывременной мечети». Всего в деревне было учтено 123 души муж. пола и столько же женского¹²³.

¹²³ Там же. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 291. Л. 405–418.

Как видим, значительная часть вотчинников д. Кадырметево покинула родные места, переселившись в дд. Азиби и Картово. Мулла Гибетулла Карабаев, переселившийся из д. Сикия Булярской волости, принадлежал к енейцам, составлявшим в д. Сикия 11 дворов.

По другим источникам, в 1816 г. в д. Кадырметево, расположенной при р. Тrepели, проживало 123 души муж. пола в 43 дворах. Имелась мечеть «простой работы»¹²⁴.

В 1834 г. население д. Кадырметево составляло 185 душ муж. пола и 179 душ жен. пола, проживавших в 61 дворе и относившихся к 12-й юрте 11-го башкирского кантона. Среди жителей встречались должностные лица Башкиро-мещерякского войска: Ахмади Ахмеров (39 лет) – зауряд-сотник, Курбангали Габдулов (58) – отставной зауряд-сотник, Исмагиль Сагындыков (1735–1833), Бикмухаммет Чурагулов (68) – отставной зауряд-хорунжий, Тойгузя Тойгунов (48) – зауряд-хорунжий. В деревне также проживали двоеженцы: Фейзулла Гаитов (64; женам 35 и 40 лет), Мухаммедьяр Мухамметрахимов (45; женам 40 и 25), Ардуан Валитов (61; женам 48 и 47), Мратхузя Утягулов (1777–1828; женам 64 и 48), Гибадулла Зюлкарнеев (51; женам 63 и 19), Сейфулла Зюлкарнеев (40; женам 35 и 20). К ревизской сказке сказкоподатель Мифтахитдин Адигамов тамгу свою приложил¹²⁵.

Архивные данные показывают, что в деревне проживали две группы «башкирцев»: вотчинники (35 мужчин и 43 женщины) и припущенники (150 мужчин и 143 женщины), обе поземельно относились к Бугадинской тюбе Енейской волости¹²⁶.

Особый интерес представляют сведения о д. Картово. Хотя эта деревня и ее вотчинники – Даут Сюрметев, Умир Темиров, Сапар Абдулов – впервые упоминались в документе от 1 мая 1738 г., на некоторое время деревня исчезла из источников. По этой причине в ревизском списке 1811 г. она не фигурирует, но появляется в 1816 г. с новым составом жителей.

В д. **Картово** (ныне Актанышского района РТ) в 1816 г. население составляли хозяйства, перешедшие в 1815 г. из разных деревень «на принадлежащую им землю»: 1) отставной мулла Альмухаммет Адылев (64 года; дети Габдулхалик (его Габдулхалим), Габдулгалим, Габдулгани, Габдулкави); 2) указной мулла Габдулханнан Альмухамметов (22); 3) Габдрашит Умиров (56; дети старшинский помощник Яхья (его Биктагир и Шамсутдин), Ягафер, Габдулнасыр, Габдрахим); 4) азанчи Муса Габбясов (38; дети Гимадетдин, Сайфетдин); 5) Габбяс Умиров (умер в 1816 г.; сын Мустаким (его Динмухаммет)); 6) Сензяп Шамеев (53; дети Зюбеир (его Мухамметгали), Халит (его Бикмухаммет), Габдулвали); 7) Исхак Юзюкеев (31); 8) азанчи Ильяс

¹²⁴ Там же. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 1755. Л. 320 об.

¹²⁵ Там же. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 468. Л. 667–709.

¹²⁶ Там же. Д. 431. Л. 98 об.–99.

Усманов (52; дети Бикташ, Биктимер, Габдулханнан); 9) Губай Файзуллин (42; сын Галиуллы); 10) Хайбулла Гусманов (31; сын Мухамметгали); 11) Гадельша Ахмеров (61; дети Нигматулла, Гибадулла, Гисметулла); 12) Кыдрач Гусманов (52; сын Курмаш); 13) Габдулсалам Сыртланов (38); 14) Бикташ¹²⁷ Юзеев (40; сын Ахтям); 15) Юсуп Юзеев (66; сын Якуп); 16) Сагит Габдрахманов (60; брат Габит (его Мухамметгали)); 17) Мифтахетдин Габдуллатипов (13; брат Багаутдин); 18) Идрис Гусманов (умер в 1816 г.; дети Исхак, Смагиль), всего 51 душа муж. пола и 54 души жен. пола татар башкирского сословия («башкирцев») в 17 дворах¹²⁸.

Из числа показанных 2 семьи (отставного муллы Альмухаммета Адылева и указного муллы Габдулханнана Альмухамметова)¹²⁹ перешли из д. Тлянчино (ныне Октябрь Муслумовского района РТ)¹³⁰; 5 семей (включая Габдрашита Умирова) – из д. Кадырметево; 11 семей (включая азанчея Усманова) – из д. Каентуба.

Здесь требуется пояснение относительно того, что татары башкирского сословия д. **Каинтюба** в 1816 г. показаны в составе команде Зюбеира Уметбаева Байлярской волости. В ревизской сказке 1816 г. о 24 душах муж. пола (7 дворов) говорится, что *«перешли в 1815 [г.] на принадлежащую им землю Енейской волости команды старшины Максюта Авязова в деревню Картаеву (Картову. – Т. К.)»*. В д. Картово перешли семьи Юсупа Юзеева (сын Якуп, брат Биктимер (его Ахтям)), азанчея Ильяса Усманова, Идриса Усманова, Гадельши Ахмерова, Габдулсалама Сыртланова, Губая Файзуллина, Сагита Габдрахманова, а семьи братьев Мухамметрахима, Мухамметкарима и Мухамметдина Хамитовых (7 душ муж. пола и 8 жен. пола в 3 дворах) остались¹³¹. Последние (Хамитовы) по источнику 1834 г. показаны припущенниками в д. Каинтюба Булярской волости¹³², поскольку были выходцами из Байлярской волости (именно они в 1816 г. и состояли в команде Зюбеира Уметбаева Байлярской волости, а не перешедшие в д. Картово енейцы).

Итак, к 1816 г. в д. Каинтюба (ныне Кыр-Каентюба Актанышского района РТ) енейцев не осталось. Они жили там как припущенники, поэтому нельзя считать, что деревня относится к Енейской волости или основана на ее

¹²⁷ В других источниках – Биктимер, что следует считать правильным.

¹²⁸ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 292. Л. 326–331.

¹²⁹ 5 сентября 1854 г. представители этого рода из д. Тлянчино – Габдулгали Альмухамметов, Габдулхалил Габдулхаликов и Габдулхалим Габдулхаликов – заявили, что являются выходцами из Камбарской тюбы. В том же документе (НА РБ. Ф. И–172. Оп. 1. Д. 20. Л. 153) содержатся их родовые тамги.

¹³⁰ Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том. 1. Булярская волость. С. 146; НА РБ. Ф. И–172. Оп. 1. Д. 20. Л. 21.

¹³¹ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 292. Л. 242 об.–243.

¹³² Там же. Д. 431. Л. 95 об.–96.

земле. Основное население д. Каинтюба, основанной на землях Булярской волости, всегда составляли татары тептярского сословия.

Переселение их из своих деревень на новое место жительства было обусловлено острой нехваткой земельных ресурсов в местах прежнего проживания. Особенно показательно, что переселенцы (включая семью Габдрашита Умирова) выбирали для нового места жительства территорию с историческими связями, демонстрируя тем самым преемственность в освоении родовых земель. Эти данные отражают процессы миграции и восстановления деревни, а также показывают, как жители возвращались на свои исторические земли, сохраняя связь с ними.

В научной литературе встречается ошибочная трактовка статуса енейцев в д. Кыр-Каентюба, где их необоснованно называют «хозяевами-вотчинниками»¹³³. Фактически, как показывают архивные документы, енейцы в 1815–1816 гг. переселились из Кыр-Каентюбы в д. Картово именно потому, что последняя располагалась на их вотчинных землях Енейской волости. При этом сама д. Кыр-Каентюба всегда находилась на территории Булярской волости, где земельные права принадлежали булярским вотчинникам. Данная научная неточность обусловлена недостаточным пониманием автором сложной системы традиционного землевладения того периода. Единственно верным в рассматриваемом исследовании является утверждение о «возвращении в свою деревню Картово на вотчинные земли», поскольку оно соответствует историческим фактам: енейцы действительно осуществили перемещение на свои старые территории, покинув Кыр-Каентюбу, где изначально они имели статус припущенников.

По данным 8-й ревизии (1834 г.), в д. Картово Енейской волости проживало 65 душ муж. пола и 67 душ жен. пола татар башкирского сословия («башкирцев»). Среди жителей выделялись представители различных семей, включая отставного муллу Альмухаммета Адыева (умер в 1832 г.), чьи сыновья Габдулхалик и внуки Габдулхалим, Габдулхалил и Габдулхабир продолжили род. Указной муллы Габдулгалим Альмухамметов (33 года) и его сыновья Габдулмазит, Ибнихазип и Габдулхафиз также играли важную роль в жизни общины. Среди других заметных жителей были азанчи Муса Габбасов (56) и его сыновья Гимадетдин, Зайнутдин и Хасан, а также старшинский помощник Яхья Габдрашитов (дети Биктагир и Шамсутдин)¹³⁴.

По формулярному списку 1837 г. известен житель деревни Габдулкадыр Минлибаев сын Канбаров (45 лет), получивший звание зауряд-сотника 4 марта 1816 г. В период 1812–1814 гг. он служил в составе 6-го Башкирского полка, участвуя в походах, хотя в боевых действиях не был задействован. Его служба на линиях проходила в следующих крепостях: Татищево (1820 г.),

¹³³ Асфандияров А.З. Аулы... С. 346.

¹³⁴ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 469. Л. 67–73.

Красногорская (1830) и Каменная (1835). По результатам аттестации Габдулкадыр был оценен как «достоин»¹³⁵, что подтверждает его ответственное отношение к службе и качественное исполнение обязанностей.

Этот пример показывает, что в системе военной службы продвижение по карьерной лестнице и получение положительной оценки могли быть достигнуты не только через участие в сражениях, но и через добросовестное выполнение своих обязанностей на различных постах.

Особняком стоит д. Адаево, основное население которой, в отличие от ранее рассмотренных деревень, составляли татары мещеряцкого сословия, жившие вместе с небольшим количеством татар тептярского сословия.

В д. **Адаево** (ныне Актанышского района РТ) в 1811 г. учтены домохозяйства следующих татар мещеряцкого сословия: 1) Шабай (1740–1810; дети юртовой старшина Тойчин (44 года; его Гайнан, Габдулгани, Габдулхаким, Фаттахетдин), Тагир («в бегах»), указной азанчи Мратхузя (его Габдулгаллям, Мухамметвали)) и Хамит (56; дети Габдуллатип (его Габдулнасыр, Гумер, Хабибулла), Сеитбаттал (его Курбангали), Батырша, Фаррахша, Ибрагим) Мосеевы; 2) Мусагит Мосеев («бежал 1802 г.»); 3) Сыртлан (1750–1804; дети Солтанмрат, Солтанбек, Солтангул) и Арслан (46; сын Мухамметгали) Кусюмовы; 4) старшинский помощник Ишмухаммет (66; дети Валит (его Габдулвахит, Авди, Мянди, Габдулхаким), юртовой сотник Халит, Полат (его Ардуван), Ардашир, Крус), Ермухаммет (62; дети Валиша (дети Габдулмазит, Габдулвали), Смагиль, Габдулманнаф) Имановы; 5) Абытай Ермаков (1740–1803; сын Зайнигабдин (49; его Аюп)); 6) Габзялил (1760–1805; дети Габдулгафар, Сеитягафер, Габдулсаттар), Буляк (46; дети Музафар, Мусифулла) Ибрагимовы; 7) Суюндук Алмаметев (1735–1799; сын Габзялил (его Хасан, Мифтахетдин, Фатхетдин)); 8) Кагарман (46; дети Рахманкул, Рахматулла), Альмет (41; дети Губейдулла, Фейзулла, Сагдетдин, Фахретдин) Явметовы; 9) *«перешедшие из Бирского уезда деревни Кулуевой в 1811 г.»* Габдулнасыр Рафиков (45; дети Мухамметкарим, Хусейн), всего 62 души муж. пола¹³⁶.

В 1816 г. в д. Адаево было учтено 77 душ муж. пола и 64 души жен. пола «мещеряков». Габдулсаттар Габзелилов отмечен как переведенный *«по повелению его сиятельства князя Волконскаго в мещеряцкой 4-й кантон в 1812»*. Последним в списке значится Бахтияр Имакаев (54; дети Мухамметюсуп, Багаутдин), указанный как перешедший *«в 1813 г. Бирского уезда из деревни Избули на принадлежащую землю»*¹³⁷.

В ревизском документе зафиксирован любопытный случай варьирования фамилий: ранее известный Хамит Мосеев (60 лет) здесь записан как Московов, что указывает на диалектное произношение имени «Москов» как «Мо-

¹³⁵ Там же. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 4022. Л. 19 об.–20.

¹³⁶ Там же. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 104а. Л. 248–250.

¹³⁷ Там же. Д. 291. Л. 431–437.

сей». Среди других примечательных личностей – 48-летний юртовой старшина Тойчин Шабаев, живший с двумя женами возрастом 35 и 30 лет. Также упоминается 25-летний Ардашир Ишмухамметов, исполнявший важные религиозные обязанности указного муллы. Эти записи отражают характерные особенности социальной структуры и семейных традиций того времени, а также демонстрируют разнообразие профессиональной деятельности представителей татарской общины.

В 1834 г. в д. Адаево насчитывалось 96 душ муж. пола и 85 душ жен. пола (31 двор) татар мещеряцкого сословия. Среди них двоеженцами были Ардашир Ишмухамметов (43 года; обе жены также по 43), Круч Ишмухамметов (42; жены 42 и 30 лет), Зайнигабдин Абытаев (1763–1823; жены 53 и 43), Габзялил Суюндуков (58; жены 58 и 48). Последними в списке записаны Габдулнасыр Рафиков (дети Мухамметкарим, Хусеин), Бахтияр Имакаев (дети Шарафутдин, Мухамметюсуп, Багаутдин) и указной мулла Габдуллалип Рафиков (сын Мухамметзакир; «по седьмой ревизии был пропущены»), перешедшие в 1833 г. в д. Кулаево Бирского уезда к «мещерякам» 4-го кантона¹³⁸.

Эти данные подтверждают тесные связи между жителями деревни и «мещеряками» 4-го кантона. Учитывая дефицит земли в Енейской волости, люди, ранее переселившиеся сюда, нередко возвращались обратно в места первоначального проживания, будь то их собственное владение или собственность их предков.

Согласно другим данным, «мещеряки» (95 мужчин и 86 женщин) проживали в д. Адаево на правах припущенников, поземельно относясь к Тугузской тюбе Енейской волости¹³⁹. Этот факт подтверждается несколькими источниками, что свидетельствует о стабильности их правового статуса в данном поселении.

Как и «башкирцы», «мещеряки» также относились к военному сословию и проходили службу в составе Башкиро-мещеряцкого войска. В качестве примера можно привести данные формулярного списка 1837 г. по д. Адаево.

Халит Ишмухамметов сын Иманов (50 лет) начал службу рядовым с 1 мая 1793 г. Его карьера шла последовательно: зауряд-сотник (с 4 февраля 1809 г.), походный старшина (с 15 февраля 1817 г.), юртовой старшина (с 26 февраля 1827 г.), повторно походный старшина (с 15 ноября 1833 г.), вновь юртовой старшина (с 16 сентября 1835 г.). Он нес службу в крепостях Нижнеозерная (1796 г.), Каменноозерная (1804), Илецкая защита (1807). Владение татарской грамотой и письменно-деловыми навыками выделяли его среди военнотатарских. Женат на Сахибзямал Мустакимовой, воспитывал сына Бикташа (22 года). Аттестация признала его «достойным», что свидетельствует о добросовестном отношении к службе и качественном исполнении обязанностей.

¹³⁸ Там же. Д. 469. Л. 787–794.

¹³⁹ Там же. Д. 431. Л. 95 об.–96.

В отличие от брата, служебный путь Куруча Ишмухамметова сына Иманова (45 лет) был короче: от рядового (с 1 мая 1811 г.) до зауряд-есаула (с 18 апреля 1814 г.). Он не участвовал в походах и сражениях, но нес линейную службу в крепостях: Илецкая защита (1813 г.), Нижнеозерная (1821 г.), Красногорская (1830 г.). Также он неоднократно ездил в Оренбург (1832, 1835–1836 гг.).

Куруч Иманов владел навыками чтения и письма на татарском языке, что выделяло его среди других служащих. Он был женат на Гульбадан Кинзягуловой, в браке у них было шестеро сыновей: Габдулзяппар (17 лет), Габдулбасыр (15), Габдулгафар (13), Габдулвахит (10), Ахметгарей (7) и Хурматулла (3). При аттестации Куруч Иманов был признан «достойным», что свидетельствует о его добросовестном отношении к службе и качественной работе¹⁴⁰.

Примеры братьев Халита и Куруча Имановых показывают, что успешная карьера в Башкиро-мещерякском войске строилась не только на участии в боевых действиях, но и на ответственном исполнении административных и линейных обязанностей. Их вклад в обеспечение порядка и выполнение задач на территории Российской империи был значителен, они демонстрировали преданность службе и высокий профессионализм.

Наряду с «мещеряками», в д. Адаево проживали татары тептярского сословия, приписанные к 1-й тептярской команде. Они были представлены дворами Сайфуллы Зайтова (1759–1820), Габита Зайтова (1765–1817), Кистья Зайтова (1769–1823) и Аптикея Габбясова (41), всего 6 душ муж. пола и 5 душ жен. пола. Особого внимания заслуживает Аптикей Габбясов, который не имел семьи. В документах о нем указано: «причисляется из Мензелинского уезда деревни Бекабызовой с дозволения жителей»¹⁴¹.

Анализ имеющихся данных позволяет сделать важный вывод о структуре тептярского населения деревни: до появления Аптикея Габбясова все «тептяри» Адаево принадлежали к одному роду, что подтверждается общей фамилией (Зайтовы) первых трех семей. Приход Аптикея Габбясова был результатом межпоселенческого перехода, осуществленного с официального согласия местной общины.

Известен документ под названием «Дело по прошению Мензелинского уезда, Янейской волости, деревни Адаевой, поверенного от мещеряков походного старшины Халита Юматова и зауряд-хорунжего Сеитбаттала Халитова, жалующихся на стеснения их башкирами в поземельном владении. 1846 г.»¹⁴². Этот источник подтверждает, что взаимоотношения между «мещеряками» и «башкирцами» носили сложный и конфликтный характер.

¹⁴⁰ Там же. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 4022. Л. 9 об.–10.

¹⁴¹ Там же. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 470. Л. 97–100.

¹⁴² Там же. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 5609. Л. 1–21.

Завершая анализ материалов по Мензелинскому уезду, необходимо обратить внимание на д. Султангулово. Ее население имело происхождение из байлярцев и, как уже упоминалось ранее, проживало на землях енейцев по припуску.

В д. **Султангулово** (ныне Актанышского района РТ) в 1811 г. были записаны следующие татары башкирского сословия («башкирцы»): 1) юртовой сотник Валиша (43 года; дети Нигматулла, Рахматулла), Гадельша (31), Зиганша (23; дети Хисматулла, Мусифулла) Шариповы. Здесь же «Валишин племянник» Курбангали Мраткузин (4); 2) азанчи Мавлюкей (59; дети азанчи Бускун, указной писарь Калкаман, Ибинхазип), Валит (54; дети Албей, Курмакай, Тохфатулла, Галиулла) Муртазыновы; 3) Сафаргали Махмутов (33; сын Миф[т]ахитдин); 4) Мухтасар Мусин (53; сын Ахтари (23; его Габдулгали)); 5) писарь Габдулзелил (39) и Исхак (51) Аскарковы; 6) указной мулла Губайдулла Ягаферов (53; дети Габдулзяпар, Габдуллатип (его Габдулхабир)). Здесь же Габдуллы («Губдуллы») сын Шигабетдин (18); 7) Габдулвахит Хабибуллин (32); 8) Исмагиль Ауязов (77; дети Юртукай (его Габдулвали (его Габдулхаким), Габдулвагап, Шафей, Сейфу[л]мулюк), Сабит (его Саитбаттал, Сулейман, Сейфетдин). Габитовы дети: Габидулла, Габдулсаттар, Зайнагабдин. «Исмагиловы внучки»: Уалит (35; сын Габдулнасыр), Габдулмазит (33; дети Минликагир, Габдулкадир), Габдулшарип (19) Юзюкаевы; 9) Усай¹⁴³ Султангулов (55; дети Тайчин, Таймас, Тазип, Ивинихазип). Усаев племянник Ильяс Магазов (59; дети Габдулмазит, Габдулман (его Габдулкарим), Габдулхалик, Габдулнасыр). Габдулмазитовы племянники: Габдулвахит (17), Минлюбай (13) Габбясовы. 10) Туйгун (39; его Габитулла), Альмухаммет (37), Габдулгафар (36) Баязитовы; 11) Шамсутдин Искендеров (64; дети Мраткузя, Султанмрат (его Мухамметкарим), Ишмухаммет); 12) Габдулвахит Бакиров (28; сын Габдулманнан); 13) Юлдаш Салихов (34; дети Мухамметзян, Ахметзян); 14) Нугай Аблаев (82; дети Девлетбай, Габдулман, Габдулхалик, Габдулсалих); 15) Куныр Гумеров (44; дети Кагарман, Нигаманнасыр), его племянники Ильчигул (15), Аднагул (12) Азикаевы; 16) Ихсан Мадияров (69; дети Гайнулла (его Атнагол, Мухаммедьяр), Сейфулла, Рахматулла (его Хабибулла), Нигматулла, Габидулла, Фейзулла); 17) Сагит Ахмаров (59; сын Зайнагабдин (его Хисамутдин, Хисматулла)). Сагитовы племянники: Ардуван (24; сын Минликей), Амар (22), Юнус (19) [Аминева]; 18) Бакир (71), Башир (64) Асановы, всего 109 душ муж. пола¹⁴⁴.

В данном списке имена и фамилии даны некорректно. Например, фамилия «Мусанов» в других переписях по этой деревне пишется «Мусин», «Гаяфоров» – Ягофаров, «Бакуров» – Бакиров.

¹⁴³ Этот человек, предположительно являющийся сыном основателя деревни, в 1834 г. будет записан под именем Усман.

¹⁴⁴ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 104а. Л. 8 об.–11.

Некоторые из них были влиятельными и имели родовые фамилии, как видно, например, из сведений формулярного списка чиновников 1837 г., которые мы приводим ниже. Ахтарей Мухтасарович Усеинов (51 год) занимал должности рядового (с 1 мая 1807 г.), помощника старшины и рядового есаула (с 31 марта 1813 г.) и юртового старшины 12-й юрты (с 12 июня 1813 г.) в 19-м башкирском полку. К 1837 г. он был четырехженцем, у него были сыновья Габдулвали (21), Динмухаммет (19), Мугтасим (17), Ахмадиша (15), Мухамметсадык (12), Шагиахмет (8), Шайхелимам (6)¹⁴⁵.

К этому же роду принадлежал Калкаман Мавлюкеев сын Усеинов, служивший рядовым писарем при старшине (с 1 мая 1809 г.), пятидесятником (с 10 марта 1810 г.), а в последующие годы – зауряд-есаулом и походным писарем. К 1837 г. он состоял в браке с тремя жёнами, имел сыновей: азанчи Гимадутдина (22 года), Гильмутдина (14), Камалитдина (4) и Галлямутдина (3)¹⁴⁶.

Родовая фамилия «Усеинов» указывает на то, что Ахтарей и Калкаман были продолжателями рода ранее отмеченного первопоселенца [X]усеина Уразаева¹⁴⁷.

По сведениям 1816 г., в д. Султангулово, расположенной при ключе безымянном, насчитывалось 118 душ муж. пола в 34 дворах. Имелась мечеть «посредственной работы»¹⁴⁸.

По данным 1834 г., д. Султангулово представляла собой компактное поселение с населением 364 человека, проживавших в 63 дворах. Преобладание женского населения над мужским (189 против 175 человек) было характерно для региона того времени. Социальная структура деревни была представлена различными слоями населения, среди которых выделялись религиозные и военные деятели.

Особого внимания заслуживают представители местной элиты: Габдулзялил Аскарров (61 год), служивший указным муллой и имевший трех жен, Ибнихазип Мавлюкеев (30), занимавший пост азанчея по наследству от отца Мавлюкея Муртазина, Калкаман Мавлюкеев (38) в звании зауряд-есаула с тремя жёнами (38, 35 и 28 лет), а также Ахтарий Мухтасаров (47) – помощник старшины, состоявший в браке с четырьмя женщинами (41, 37, 35 и 25 лет)¹⁴⁹. Такая полигамия и передача должностей по наследству отражали традиционные устои татарского общества того периода. Поземельно деревня относилась к Бугадинской тюбе Енейской волости и входила в состав 12-й юрты 11-го башкирского кантона.

¹⁴⁵ Там же. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 4022. Л. 17 об.–18.

¹⁴⁶ Там же. Л. 1 об.–2.

¹⁴⁷ Каримов Р.Т. Невотчинники-«башкирцы» д. Султангулово Енейской поземельной волости (вторая четверть XVIII – середина XIX вв.) // Клио. 2024. № 01(205) С. 87; НА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 4022. Л. 1 об.–2.

¹⁴⁸ НА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 1755. Л. 320 об.

¹⁴⁹ Там же. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 468. Л. 746–758.

По другим данным, такое же количество «башкирцев» д. Султангулово (175 мужчин и 189 женщин) фигурирует в качестве припущенников Бугадинской тюбы Енейской волости¹⁵⁰. Одинаковая численность населения в обоих источниках подтверждает достоверность сведений.

Этим заканчивается наше исследование населения деревень Енейской волости, расположенных в пределах Мензелинского уезда. Следует отметить, что часть татар башкирского сословия деревень Енейской волости проживала на территории Сарапульского уезда Вятской губернии под управлением старшины Ильяса Шарыпова. К нему относились дд. Новое Мастеево (9 душ муж. пола), Исенбаево (136), Утяганово (64), Сляково («Исляково»; 140), Касаево («Кусаево»; 7). В ведении старшины Шарыпова находились также «башкирцы» деревень Дивитерня (11), Аккузино (42, включая 3 ревизские души мешчерякского сословия), Ксюково (68) и Бетсымес (4) Байлярской волости¹⁵¹. Полагаем, что причисление жителей к Байлярской волости производилось формально, без учета традиционного проживания здесь вотчинников-енейцев.

В д. **Новое Мастеево** в 1811 г. проживало всего две семьи татар башкирского сословия («башкирцев»). Первая семья – братья Шарыповы: юртовой старшина Ильяс (48 лет, сын Мухамметвали) и Габдуллатип (34; дети Габдулсалих, Габдулвали, Габдулманнаф), проживавшие одним двором. Вторая семья – Рафик Ракаев (50; дети Рахматулла и Габидулла), владевший вторым двором.

Ильяс Шарыпов, упомянутый как юртовой старшина в 1811 г., ранее фигурировал в документах 1790 г. в качестве старшины Енейской волости. Его отец, Шарып Айдаров, также занимал должность старшины, а род восходит к Айдару Уразметову, зафиксированному в 1740 г. как житель д. Утяганово. Эта последовательность демонстрирует сохранение статуса и преемственность управления в роду Шарыповых на протяжении нескольких поколений.

Семьи д. Новое Мастеево относились к роду Кара-бека. Согласно опубликованной генеалогии, их линия записана так: Халит → Байсары → Янсары → Уразмет → Айдар → Рафик (Ракай)¹⁵². Однако ревизский список 1811 г. уточняет, что Рафик был сыном Ракая, что опровергает предположение о том, что имя «Ракай» могло быть диалектным вариантом имени «Рафик». Это подчеркивает важность архивных документов для верификации устных родословных.

Несмотря на малочисленность населения, д. Новое Мастеево сохранялась как самостоятельное поселение на протяжении длительного времени и фиксировалась в официальных переписях. Однако позднее она прекратила свое существование в качестве отдельного населенного пункта, слившись с деревней

¹⁵⁰ Там же. Д. 431. Л. 98 об.–99.

¹⁵¹ Там же. Д. 104а. Л. 109–121.

¹⁵² Ахметзянов М.И. Татарские родословные. С. 22.

Утяганово. Этот процесс отражает общую тенденцию укрупнения поселений и изменения административно-территориального деления в регионе.

В д. **Исенбаево** (ныне Агрызского района РТ) Сарапульского уезда Вятской губернии в 1811 г. зафиксированы следующие дворы татар башкирского сословия («башкирцев»): 1) Назир Ишеев (1726–1796 г.; дети юртовой помощник Махмут, Валит (его Хисамутдин, Губейдулла)); 2) Габбяс (1727–1797; дети Салим (1755–1798; сын Биктимер), Тимка (его Губейдулла, Гайнулла, Габидулла), Тойка (его Рахматулла, Мусифулла), Султи (1734–1801; дети Габидулла (его Хусеин), Габдулла, Тохфатулла), Минлиш (66; дети Сайфулла (Сайфулмулюк), Гибадулла, Сайфулмулюк, Габдулхаким) [фамилия не указана]; 3) Кулшарип (1738–1801; дети Ибрагим (его Габдрафик, Габдрахим) и Исхак (его Мухамметрахим, Габзятар?, Зайнулла, Мухамметсаядык) и Суяндук (63; дети Кидряч (его Хисматулла, Нигматулла) и Габдулнасыр) Даутаевы; 4) Мустафа Адылев (53; сын Валиша (его Сафаргали, Гадельша)); 5) Гумер Амиров (66; дети Тактагул (33), хорунжий Токтар (30) и Ахмади (22)); 6) Мрадым (50; дети Файзулла, Тимергали), Гузаир (42; дети Зайнулла, Гайнулла) и Файзулла (34) [фамилия не указана]; 7) Арслан (1729–1801; сын Бикмухаммет), Сагит (1735–1803; дети Габит (его Халит, Габдулгафар, Габдулхаким), Мавлюкей) и Шарип (66) Юлдашевы; 8) Карабай (63; дети походный есаул Курбангали (его Мратгали, Габдулгали, Габдулвали), хорунжий Габдуллатып, Габдулсафар?), Ягуда (58; дети Явгильда (его Гимран, Нугман) и Иксан), Апсалям (44; его Балта) [фамилия не указана]; 9) Ушай (83; дети Гали (его Габдулнасыр), Габдулла, Кильмурса¹⁵³) и Кумырбай¹⁵⁴ (57; дети походный сотник Атнагул, Габдулмазит, Сафаргали) [фамилия не указана]; 10) Зулькарнаин (1720–1801; дети Расуль (52; его Ямангул¹⁵⁵, Исламкул, Габдулсалих, Габдрахман), указной мулла Аряфис (? 44) и Гадельша (35; его Мухамметша, Мухамметгали)) и Нагай (1735–1808; сын Бикбов) [фамилия не указана]; 11) Сыртлан Танатаров (1728–1795; дети Рахманкули (его Габдулвахит) и Курбангали (его Сафаргали)); 12) Габдулкарим (45; его Габдрахим) и Файзул¹⁵⁶ (42; дети Миней, Минлигул, Минлибай) Башировы; 13) Тимербай Гусманов (1725–1806; дети Биктимер, Мухамметрахим, Тимеркей); 14) Габдулзялил Карчигин (37); 15) Давлетбай Султанмратов (27); 16) Юзекей Балтаев (57); 17) Исмагиль (41; дети Габдулмазит, Гапсалям, Габдулсалих, Габдулнасыр), Зюмагул (37; дети Сеитбостан¹⁵⁷, Сабит), Валиша (34) и Гадельша (32; его Габдулвагап) Исламгуловы; 18) Кильдияр (56; дети

¹⁵³ В 1859 г. имя записано как Бикмурза.

¹⁵⁴ В 1859 г. его дети записаны под фамилией Кумурбаев.

¹⁵⁵ В 1859 г. фамилия Ямангула и его братьев зафиксирована как Рафиков.

¹⁵⁶ В 1859 г. его сын Минлигул записан под фамилией Фазаилов.

¹⁵⁷ В 1859 г. его имя записано как Сеитбатал.

Габидулла, Хамитулла) и сотник Фаткулла (37; дети Мухамметкарим, Мусифулла) Халиловы (?), всего 136 душ муж. пола¹⁵⁸.

В этом источнике у братьев Габбьеса, Султи и Минлиша не указаны их фамилии. Однако имеется важный документ от 1 марта 1761 г., в котором фигурирует Султи Кимеев, вотчинник из д. Исенбаево. Сопоставление этих данных позволяет сделать обоснованный вывод о том, что Султи Кимеев является одним из упомянутых братьев.

Из ревизской сказки 1811 г. видно, что часть вотчинников имела воинские звания в связи со службой в Башкиро-мещерякском войске. Прохождение их службы фиксировалось в формулярных списках чиновников. Рассмотрим сведения за 1837 г., позволяющие раскрыть некоторые детали их службы.

Явгильда Ягудин, упомянутый под № 8 в ревизской сказке 1811 г., начал службу рядовым, но 13 апреля 1815 г. стал зауряд-есаулом, а 12 июня 1832 г. занял должность юртового старшины. Формулярный список содержит его родовую фамилию «Тутеев», что указывает на его принадлежность к известному роду Кара-бека из ноكرатских татар.

Проходя службу, он находился на линейной службе в Илецкой защите в 1804 и 1829 гг., а также на этапной службе в Спасском уезде Казанской губернии в 1814 г. и в Малмыжском уезде Вятской губернии в 1816 г. Явгильда Ягудин обладал навыками чтения и письма на татарском языке, что выгодно отличало его от некоторых других служащих.

Однако в 1825 г. он был осужден Комиссией военного суда и провел один месяц под арестом. По этой причине («по случаю бытия в штрафе») в 1837 г. его не аттестовали, что положило конец его многолетней военной службе¹⁵⁹.

Следующий чиновник – Габдуллатип Карабаев сын Тутеев, также упомянутый под № 8 в ревизской сказке 1811 г., что подразумевает его тесную родственную связь с предыдущим чиновником и совместное проживание на одном дворе. Он также принадлежал к роду Кара-бека.

Свою службу Габдуллатип начал рядовым 1 мая 1801 г., последовательно пройдя ступени хорунжего (с 17 февраля 1808 г.), старшинского помощника и зауряд-есаула (с 4 марта 1816 г.), а затем юртового старшины (с 15 февраля 1817 г.). Однако его успешная карьера оборвалась 2 февраля 1828 г., когда он был снят с должности.

Габдуллатип также участвовал в походах, включая борьбу с армией Наполеона, хотя прямого участия в боевых действиях не принимал. В 1807 г. он проходил этапную службу в Спасском уезде, а в 1812–1814 гг. – линейную службу в Илецкой защите.

¹⁵⁸ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 104а. Л. 109–112.

¹⁵⁹ Там же. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 4022. Л. 37 об.–38.

Однако 1817 г. запомнился ему неприятным событием: за ненадлежащий контроль за задержанными, приведший к их побегу, он был арестован «при кантоне на один месяц» по приказу Оренбургского военного губернатора. Позже, в 1828 г., он был уволен с должности юртового старшины за неправомерную выдачу отгулов «башкирам». Как и предыдущий чиновник, Габдуллатип не прошел аттестацию¹⁶⁰.

Третий чиновник – Сафаргали Кунурбаев сын Тимиров, чье имя также записано под № 9 в ревизской сказке 1811 г., сразу после предыдущих Тутеевых, что символически указывает на его положение в общине. Родовая фамилия «Тимиров» пока не получила исчерпывающего объяснения происхождения, хотя можно предположить, что она произошла от имени деда – Тимира.

Карьерный путь Сафаргали был стремительным: поступив на службу рядовым 1 мая 1815 г., уже через год, 4 марта 1816 г., он получил должность зауряд-сотника. Он нес службу в разных местах: в 1823 г. – линейную службу под Оренбургом, а в 1830 г. – в Илецкой Защите. С 22 сентября 1834 г. его обязанности были связаны с должностью лесного смотрителя («надзирателя»).

Особо отметим, что при аттестации Сафаргали был отмечен как «достойный», что свидетельствует о его безупречной службе, отсутствии штрафов и судебных разбирательств. Этому также способствовали его навыки чтения и письма на татарском языке, что было важным преимуществом для чиновника того времени.

На момент внесения данных в формулярный список 1837 г. Сафаргали находился в кантоне, проживая с женой Зифой Нигматуллиной и тремя сыновьями различного возраста (от 14 до 3 лет)¹⁶¹. Его жизненный путь прекрасно иллюстрирует характерные черты карьеры татарских чиновников того периода: быстрый карьерный рост, многообразие обязанностей и большую ответственность.

Четвертым чиновником, сведения о котором зафиксированы в формулярном списке, стал Габдулвали Курбангалин (29 лет). В ревизской сказке 1811 г. он значится под № 8, как и Тутеевы, что может указывать на их родственные связи. Его служба началась рядовым 1 мая 1826 г., а 9 ноября 1836 г. он стал старшинским писарем.

Несмотря на отсутствие боевого опыта в походах и сражениях, Габдулвали накопил богатый административный опыт. В 1826 г. он нес этапную службу в Вятской губернии, в 1829 г. – в Казанской губернии, а в 1836 г. участвовал в умирении бунтов удельных крестьян в составе 8-го Башкирского полка.

Особого внимания заслуживает образованность Габдулвали: он владел не только татарским, но и русским языком, что было большим плюсом для

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же.

чиновника того времени. Он был женат на Зюлейхе Мухамметовой, и у них было трое сыновей разного возраста – от 7 до 1 года.

При аттестации Габдулвали получил высокую оценку «достоин», что свидетельствовало о его безупречной службе и профессионализме. Грамотность и успешное исполнение обязанностей подтвердили его компетентность и пригодность к дальнейшей службе¹⁶².

Таким образом, наряду с другими известными служилыми людьми – Явгильдой Ягудиным, Габдуллатипом Карабаевым, Сафаргали Кунурбаевым – Габдулвали Курбангалин также выделяется своими профессиональными достижениями и безупречным исполнением обязанностей. Это свидетельствует о высоком уровне профессионализма и ответственности среди исенбаевских чиновников.

Их служба имела важное значение для поддержания порядка и реализации управленческих задач на территории Российской империи. Достигнутые ими успехи показывают, что высокая дисциплина, постоянная готовность и индивидуальный профессиональный подход позволяли добиваться значительных результатов даже в условиях жёстких требований военного руководства.

Ранее в договоре от 1 марта 1761 г. упоминалась группа исенбаевцев, некоторые из которых также были зафиксированы в ревизской сказке 1811 г. под следующими номерами: Кулшарип Даутаев (под № 3), Халил Юлдашев (под № 7), Сыртлан Танатаров (под № 11). В той же ревизской сказке под № 18 записаны Халиловы – сыновья Халила Тимерова, который также был указан в договоре от 1 марта 1761 г. Это свидетельствует о непрерывности документальной фиксации семейств на протяжении пятидесяти лет.

Кулшарип Даутаев принадлежал к роду Кара-бека. Согласно ранее приведенной опубликованной генеалогии, его отцом считался Давекай. Однако ревизская сказка 1811 г. однозначно указывает отчество Кулшарипа как «Даутаев»¹⁶³, что подтверждает имя его отца – Даутай, а не Давекай. Учитыв-

¹⁶² Там же. Л. 38 об.–39.

¹⁶³ Эта фамилия, в её более правильной форме – «Даутаев» – неоднократно появлялась в наших предыдущих публикациях, посвящённых истории и генеалогии жителей с. Катаево Бакалинского района. Тогда мы предположили, что она происходит от личного имени Дауати, состоящего из двух компонентов: «Дау» (большой, старший) и «Ати» (отец). В пользу этой точки зрения свидетельствуют как татарское написание имени в архивном документе, так и название местности «Поляна Дауатия» (по-татарски «Дәү эти яланы»), расположенной в границах указанного села. Различия в написании фамилии одного и того же человека в источниках – Даутаев, Деветеев, Девятеев – связаны со сложностями передачи татарских звуков русской письменностью (см.: Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Т. 2. Киргизская волость. С. 120, 129, 133). «Старший отец» («Дау ати») – традиционное уважительное обращение к деду в татарской патриархальной семье. Давая ребенку

вая, что имя Даутай было распространено в Енейской волости, в то время как имя Давекай в архивных источниках не встречается, опубликованная генеалогическая схема требует исправления. Таким образом, исправленная генеалогия теперь должна выглядеть следующим образом: Морат → Бакты суфи → Исянгул → Бикбау → Сименей → Исенбай → Бухармет → Даутай → Кулшарип → Ибрагим.

Занесённые в ревизскую сказку 1811 г. под № 5 Гумер Амиров и его сыновья Тактагул, Токтар и Ахмади принадлежали к роду Кара-бека. Их генеалогическая линия, реконструированная на основе опубликованных данных с учетом сведений 1811 г., выглядит следующим образом: Бурнаш → Ильчибай → Юбанай → Ибрай → Амир → Гумер (1761) → Тактагул (1794), Токтар (1797) и Ахмади (1805). Эта цепочка демонстрирует непрерывность документальной фиксации рода на протяжении нескольких поколений.

Мы предполагаем, что Токтар Гумеров (1797 г. р.), упомянутый в ревизии 1811 г., может быть тем же лицом, что и Туктар Ибраев, составитель генеалогической рукописи рода Кара-бека 1851 г.¹⁶⁴ Однако роль Туктара в создании рукописи спорна: по другим данным, ее составил указной мулла и мударрис из д. Байсарово Зайнутдин¹⁶⁵ Тохфатуллович Тутаев, а Туктар Гумеров лишь переписал текст¹⁶⁶. Отсутствие Туктара и его потомков в материалах ревизии 1859 г. по дд. Исенбаево и Старое Байсарово требует дальнейшего изучения.

Примечательно, что в одном из источников Тактагул упоминается под именем Тукый, что является примером употребления уменьшительно-ласкательных или альтернативных форм имен, характерных для народной традиции. Подобные вариации подчеркивают важность учета локальных особенностей и устных преданий при исследовании родословных, так как они могут сохранять архаичные или неформальные антропонимы, не попавшие в официальные документы.

По результатам 7-й ревизии (1816 г.) в д. Исенбаево вотчинников, которым был установлен законный надел в размере 40 десятин, было учтено 148 душ муж. пола¹⁶⁷. Однако другой источник называет иные цифры: по той же ревизии здесь числится 141 душа муж. пола и 1 душа припущенника военного звания¹⁶⁸.

это имя, родители, вероятно, надеялись, что тот станет достойным продолжателем традиций и добродетелей своего деда.

¹⁶⁴ Ахметзянов М.И. Татарские родословные. С. 22.

¹⁶⁵ По ревизской сказке 1859 г., указному мулле было 59 лет, что означает его рождение в 1800 г. (НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 753. Л. 877 об.)

¹⁶⁶ Вахит Имамов. Шеджере деревни Байсарово // Мәдәни жомга: газета. 2017. 28 апреля (на татарском языке).

¹⁶⁷ НА РБ. Ф. И–172. Оп. 1. Д. 32. Л. 195.

¹⁶⁸ Там же. Л. 244 об.

Вотчинники дд. Исенбаево, Сляково и Утяганово в 1811 и 1815 гг. продавали часть своих земель, расположенных между деревнями Исенбаево и Сляково, удельным крестьянам Вятской губернии, включая Красноперова, Шестакова, Замараева и других, числом около 150 душ¹⁶⁹. Появившееся поселение получило название починка Кумырса (Красноперов тож; ныне деревня Удмуртии). Известно также, что в 1815 г., согласно «частному договору, не обладавшему юридической силой», «башкирцы» дд. Исенбаево, Сляково и Утяганово разрешили заселяться жильцам починка Кумырса (Красноперов тож), удельным крестьянам различных приказов Сарапульского округа, в количестве 135 душ по 7-й ревизии¹⁷⁰.

Демографическая динамика поселка следующая: по итогам 7-й ревизии в починке Кумырса было записано 115 душ, а по 8-й – уже 179 душ¹⁷¹. Перепись 1859 г. фиксирует в д. Кумырса, расположенной на территории Тугузской тюбы Енейской волости, 279 душ, а размер земельного надела составляет 1898 десятин 2281 сажень¹⁷².

В д. **Утяганово** (ныне Агрызского района РТ) в 1811 г. зарегистрированы следующие дворы татар башкирского сословия («башкирцев»): 1) Зубеир Балтаев (1735–1804; дети юртовой есаул Габдрахим (его Габдулхаким, Габдулнасыр, Габдулкадир), Сафаргали и Фейзулла); 2) Зубеир Нагаев (66 лет; дети Бикмурза, Мурзакай); 3) Баязит Муллагильдин (1735–1801; дети Габдулмазит, Нигматулла); 4) Суюндук Уметбаев (46); 5) Гайсар (61; сын Мухаммади) и Мухамметрахим (возраст не указан; дети Ахмади, Мухамметвали, Мухамметгали) Баислановы; 6) Амин Муканов (1725–1801; дети Хамит, Салих (его Габдуллатип, Габдулгафар, Габдулманнаф, Габдулгаллям), Гайса (его Габдулзялил, Габдулкагир, Габдулсафар, Назиметдин) и Габдулмазит (его Габдулгани)); 7) Бакир Мратов (1740–1811; дети Нигматулла (его Ахтари, Габдулхаким, Габдулнасыр, Насуф?, Ахмади), Сабит (его Файзулла) и Сайфулла (его Зайнулла, Тохфатулла)); 8) Муртаза Айдаров (78; дети Сайфулла (его Гайнулла, Зайнулла, Хабибулла, Бикмухаммет) и Файруша (его Ардуан)); 9) Рафик Мустаев (умер, род. в 1735; дети Габдулкарим (его Габдулвахит?, Габдулмазит, Габдулманнан, Мяндей, Габдулвагап) и Тимер (его Ильяс, Исхак, Идрис)); 10) Габдулзялил Самбаев (36; сын Габдулзямил); 11) Ильяс (23) и Исмагиль (20) Биктимеровы, всего 64 души муж. пола¹⁷³.

Гайсар Баисланов и Муртаза Айдаров ранее были упомянуты в списках участников Польского похода (1771–1773). Предположительно, отцом Муртазы Айдарова мог быть старшина Айдар Уразметов, который фигурирует в

¹⁶⁹ Там же. Л. 224 об.

¹⁷⁰ Там же. Л. 152 об.

¹⁷¹ Там же. 2 об.

¹⁷² Там же. Л. 386 об.–387.

¹⁷³ Там же. Ф. И–138 Оп. 2. Д. 104а. Л. 112–113 об.

документе от 24 марта 1740 г. наряду с Уразметом и Муллагибом Сармановыми, а также Мустаем Сулеевым. Вероятнее всего, Уразмет Сарманов приходился отцом этому старшине, тогда как Муллагиб Сарманов, вероятно, являлся отцом Баязита Муллагильдина. Имя «Муллагиб», по всей видимости, представляет собой искаженную форму имени Муллагильде. Несомненно, Мустай Сулеев был отцом Рафика Мустаева, чье имя значится в ревизской переписи 1811 г.

Данные сведения акцентируют внимание на преемственности поколений и сохранении семейных уз в татарских общинах, а также демонстрируют значимость исторических документов для восстановления генеалогических линий и установления взаимосвязей между поколениями.

По данным 7-й ревизии (1816), в д. Утяганово проживало 77 душ «башкирцев» и 17 душ «тептярей». По 8-й ревизии (1834) численность «башкирцев» увеличилась до 99 душ, а «тептярей» – до 19 душ. При этом в той же деревне, под названием Мастеево¹⁷⁴, по 7-й ревизии было зафиксировано 9 душ «башкирцев», а по 8-й ревизии их число возросло до 14 душ¹⁷⁵. Эти данные демонстрируют устойчивый рост населения деревни, а также ее двухсословную структуру, где основными группами были «башкирцы» и «тептяри».

Приведем более подробные сведения о «тептярях». Согласно ревизской сказке 1834 г., в д. Утяганово были зафиксированы семьи Габдея Мурсалимова (1745–1823), Токтара Мурсалимова (90 лет), Хасана Токтарова (59), Хусейна Токтарова (57), Айдагула Ишмухамметова (59). Всего в пяти дворах проживало 19 душ муж. пола и 18 душ жен. пола. Отдельно отмечено, что Габдулкарим Токтаров был отправлен в ссылку в Сибирь на поселение в 1821 г.¹⁷⁶

Сравнение этих данных со сведениями 1762 г. позволяет прийти к выводу, что все перечисленные «тептяри» являлись потомками Мурсалима Янмурзина. Это обстоятельство свидетельствует о сохранении родовых связей и преемственности поколений на протяжении нескольких десятилетий.

В д. **Исляково** (ныне Старое Сляково Агрызского района РТ) в 1811 г. учтены следующие дворы татар башкирского сословия («башкирцев»): 1) указной мулла Рахматулла Кадырметов (37 лет; сын Нисметдин?); 2) указной азанчи Имангул (61; дети Балта (его Габбяс), Курбангали, Рахматулла, Нигматулла, Хабибулла), Галикей (1755–1801; дети Гапсалям, Габдуллатип, Габдулнасыр) и Гадельша (40; сын Габдулвахит) [фамилия не указана]; 3) Апас (1730–1801; дети Суюндюк (1745–1803; его Файзулла, Сайфулла, Сайфетдин, Хисамутдин), Габдулгабит (41; его Зайнигабдин, Хасан)) и Габдулла (1735–1802; дети Мратхузя (1765–1804; его Юсуп), Сагит (его Габит)) [Кадырметовы]; 4) Башир (1750–1804; дети Бакир, Валиша, Гапсалих), Ашир

¹⁷⁴ В источнике – «В ней же, под названием Мастеево».

¹⁷⁵ НА РБ. Ф. И–172. Оп. 1. Д. 32. Л. 201 об.

¹⁷⁶ Там же. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 580. Л. 580.

(1756–1806) и Габдулзялил (44; дети Габдулвахит, Юзей, Габдулвагап) Габдюкеевы; 5) Ибакай (61; дети Имангол, Минлигол) и Бикташ (1762–1803) Субханкуловы; 6) Насыр Кадыров (1752–1800; дети Гибетьулла, Зубеир, Забир, Амир); 7) Пораш Атнаков (1730–1801; дети Ишмухаммет (1752–1804; его Мухамметрахим, Тойся), Биктимер (46; его Бикчентей, Ильяс) и Биктагир (17)); 8) Килмяк (73; дети Байсака (42; его Шарипкул, Курбангали), Аднагул (20)¹⁷⁷, Тактагул (13), Габдулвахит (4)), Балта (54; дети Ярмухаммет (26; его Мухамметша), Ибрагим (6), Мухаммади (4), Гайнулла (2)) Исембаевы; 9) Саты (66; дети Мунасып, Рафик), Салих (49; дети Габдуллатип, Габдулвагап), Сагындык (46; дети Габдулвахит, Габдулсафар, Габдулгаллям), Ильмухаммет (1772–1804; дети Габдрахим, Габдулгафар) [фамилия не указана]; 10) Мряс Ишбулдов (56; дети Фатхулла, Сайфулла); 11) Урай Аушаев (1747–1806; сын Апсаям); 12) Зайсан Исамбетов (1740–1806; дети Идрис (36; его Габдулгани, Мухаммади), походный есаул Габдулнасыр (28), Габдулмазит (22; его Габдульман)); 13) Газы Кадылев (76; дети Файзулла, Гашим (его Хаммат), Гайса); 14) Чарлак (1730–1797; дети Хамит (его Габдулвахит, Габдулнасыр, Габдулгаллям), Габдулмазит, Халит, Хамит) и Ягуда (61; дети Габдулгали, Курбангали (его Мусифулла, Хасан), Габдулвали, Идрис, Биктимер) Кадыевы; 15) Гайса Тимеров (20); 16) Аиткул Ксюков (56; сын Исламгул); 17) Сафаргали Курбангалиев (25); 18) Бухармет Бикчуров (51; дети Мухамметамин?, Искак, Мухаммади); 19) Ядигар (61) и Явгильде (1755–1801; дети Габит, Гадельша) [фамилия не указана]; 20) Самигул Абулхаиров (41); 21) Карабай Игашев (39); 22) Мякай (57; дети Римзан, Гибетулла), Кайсар (55; дети Хасан, Хисамутдин, Хусаин) Каисяевы; 23) Ярмяк (73; сын Зайнулла), Ягафер (56; дети Габдуллатип (25; его Мухаммади), Габдулгани), Ильяс (11) [Яркеевы]; 24) Шарип (18) и Гапсаям (12) [фамилия не указана]; 25) Мукай Мавлюкеев (1740–1801; дети Аиткул (его Габдулсаттар), Амангул, Альмухаммет, Кильдияр, Габдулмазит); 26) Куныр Халимов (46; дети Фатхулла, Рахматулла); 27) Кильмамет Кутлуметов (49; дети Сафаргали, Салиюлла, Ахташ), всего 140 душ муж. пола¹⁷⁸.

Необходимо обратить внимание на то, что ревизские списки дд. Утяганово и Исляково представлены под единой нумерацией (от № 1 до № 38), что указывает на их историческую взаимосвязь.

Ранее мы отмечали, что Сыр[т]лан Танатаров, Сарым Исембетев, Сагит Болтаев, Назырымбет Бек[ч]юрин и Игиш Муслюмов (из д. Писляк) были включены в список участников похода русской армии в Пруссию в 1757 г. У последнего из них, Игиша Муслюмова, выявляется наследник – Карабай Игашев, который записан в ревизской сказке 1811 г. под № 21. А вот Сыртлана Танатарова мы находим в ревизской сказке 1811 г. уже в д. Исенбаево.

¹⁷⁷ Основатель одноименного починка.

¹⁷⁸ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 104а. Л. 113 об.–116 об.

В ревизской сказке также привлекает внимание Апас Кадырметев (1730–1801), ранее выявленный нами в списке участников Польского похода 1771–1773 гг.

Походный есаул Габдулнасыр Зайсанов, указанный в ревизском списке под № 12, в формулярном списке чиновников 1837 г. проходит под родовой фамилией Исамметов, в отличие от своего отца, который записан под фамилией Исамбетов. Этот факт демонстрирует любопытную закономерность: в документах того времени имя «Исамбет» часто заменялось формой «Исаммет», а имя предка традиционно становилось основой родовой фамилии.

Документ детально освещает его службу. Габдулнасыр Зайсанов начал службу рядовым 1 мая 1801 г., а 26 февраля 1817 г. был утвержден в звании зауряд-есаула. В период с 1812 по 1814 г. он входил в состав 6-го Башкирского полка, участвовавшего в походах против войск Наполеона, однако в реальных сражениях участия не принимал.

В 1832 г. Габдулнасыр числился на линейной службе в Илецкой крепости (указано как «защита»). С 10 мая 1832 г. по 26 февраля 1836 г. он проходил службу в 9-м Башкирском полку в Бессарабии. Несмотря на длительный срок службы, он не был аттестован ввиду «слабости по службе»¹⁷⁹, что, вероятно, указывает на ухудшение здоровья (в 1837 г. ему исполнилось 55 лет) или недостаточное усердие в исполнении служебных обязанностей.

Вторым чиновником, указанным в формулярном списке 1837 г., является Ильяс Яркеев (37 лет). В ревизской сказке 1811 г. он значится под № 23 в многодетной семье: будучи младшим из трех братьев (ему было всего 11 лет), он происходил, видимо, из почтенного рода, поскольку старший брат Ярмак уже достиг 73 лет. Интересно, что в ревизской сказке фамилия Яркеевых не указана, и лишь формулярный список 1837 г. помог определить ее.

Военная карьера Ильяса началась рано: 1 мая 1818 г. он был принят рядовым в Башкиро-мещерякское войско, а спустя 17 лет, 5 апреля 1835 г., повышен до урядника. Его служба не была связана с боевыми действиями, что было типично для большинства односельчан того времени. Основное внимание уделялось выполнению обязанностей по этапной службе, где Ильяс зарекомендовал себя надежным государственным служащим: в 1821, 1824 и 1831 гг. он исполнял обязанности в Вятской губернии и Чистопольском уезде Казанской губернии.

Ильяс Яркеев вел стабильную семейную жизнь: он был женат на Гульбану Махмутовой, в браке родились двое сыновей. Оценка его службы была положительной: он был признан «достойным», несмотря на неграмотность¹⁸⁰, что подчеркивает приоритет личных качеств, таких как ответственность, дисциплина и добросовестность в исполнении обязанностей.

¹⁷⁹ Там же. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 4022. Л. 37 об.–38.

¹⁸⁰ Там же. Л. 38 об.–39.

Пример Ильяса Яркоева демонстрирует важный аспект службы в Башкиро-мещеряжском войске: признание и повышение могли зависеть не только от боевой подготовки или образовательного уровня, но и от приверженности долгу и профессионального подхода к работе. Подобно другим чиновникам Енейской волости, он вносил личный вклад в поддержание порядка и эффективное функционирование региональной администрации, обеспечивающей безопасность и управление обширными территориями Российской империи.

По 7-й ревизии в д. Сляково показано 170 душ муж. пола вотчинников. Часть населения (11 душ) переселилась и основала починок Аднагулово¹⁸¹. По другим сведениям, по 7-й ревизии (1816 г.) вотчинников в д. Сляково было 130 душ¹⁸².

В д. **Касаево** (в источнике – «Кусаево»; ныне Агрызского района РТ) – одной из последних населенных пунктов Енейской волости – в 1811 г. проживали следующие вотчинники: 1) Кузмят Ишимбаев (1722–1804; сын Балта (его Тойка, Фатхулла)); 2) Габдрашит Максютов (54; сыновья Идрис, Надьрыша); 3) Ишмухаммет Биктеев (1767–1802; сын Баязит)¹⁸³.

По данным 7-й ревизии (1816), сословная структура населения д. Касаево представляла собой многокомпонентное сообщество, в котором преобладали «тептяри» (69 душ). При этом коренное население – «башкирцы-вотчинники» – составляли всего 7 душ, что численно равнялось группе «башкир-припущенников» (также 7 душ). Дополняла социальную картину деревни группа казенных поселян, насчитывающая 7 душ¹⁸⁴. По другим данным «тептярей» в 1816 г. было 72 души¹⁸⁵.

Такая структура населения свидетельствовала о том, что деревня развивалась как многосословное поселение, где основную хозяйственную деятельность осуществляли «тептяри», а «башкирцы-вотчинники», несмотря на свой статус, составляли относительно небольшую часть населения.

В д. **Девятёрня** (ныне Агрызского района РТ) в 1811 г. население башкирского сословия (три двора) входило в команду старшины Байлярской волости, при этом один двор относился к Енейской волости. Это была семья Исмагила Мавлюкеева (55 лет; дети Мухаммедьяр, Гайнулла, Фаткулла)¹⁸⁶. Однако по другим источникам, байлярцы в данной деревне были лишь припущенниками.

По данным 7-й ревизии, «башкирцев» насчитывалось 15 душ, а к 8-й ревизии их число увеличилось до 24 душ. «Тептярей» по 7-й ревизии было 87

¹⁸¹ Там же. Ф. И–172. Оп. 1. Д. 32. Л. 244 об.

¹⁸² Там же. Л. 244 об.

¹⁸³ Там же. Л. 116 об.–117.

¹⁸⁴ Там же. Л. 202.

¹⁸⁵ Там же. Л. 244 об.

¹⁸⁶ Там же. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 104а. Л. 117–117 об.

душ, а к 8-й ревизии их численность возросла до 150 душ. Казенных поселян по 7-й ревизии зафиксировано 13 душ, а по 8-й – 21 душа¹⁸⁷. При этом часть «башкир-припущенников» считала себя вотчинниками Енейской волости, что требовало дополнительного выяснения и подтверждения¹⁸⁸. Эти данные отражают сложную сословную структуру деревни, где пересекались интересы различных групп населения.

В списке «тептярей» д. Девятерня в 1834 г. записаны семьи Ягуды Ягаферова (1752–1817), Мандея Габитова (38), Сайфуллы Ягудина (46), Габбьеса Тимерова (80), Биктимера Ягудина (43), троеженца Мухаммадия Гайсина (54), Хабибуллы Габбьесова (56), Гайсы Тимерова (1755–1832), Гашима Гайсина (62), Абдуллы Тимерова (1759–1828), Мухамметвалия Рамазанова (24), Габдрахима Ишмухамметова (42), Аиткула Зюлкарнеева (1765–1834), Биктимера Игметова (48), Бикмамета Супханкулова (1755–1827), Калмамета Супханкулова (1756–1821), Апсаляма Минликеева (43), Галикея Супханкулова (72), Сайфуллы Галикеева, Бикмухаммета Кильмамметова (48), Халита Хусеинова (1854–1834), Муталлапа Халитова (57), Бикбова Хусеинова (1856–1822), Биксентея Бикбова (61), Бикбулата Бикбова (53), Токтагула Уразманова (81), Мухамметвалия Токтарова (37), Мухамметрахима Гумерова (64), всего 150 душ муж. пола и 172 души жен. пола в 28 дворах¹⁸⁹.

Ревизская сказка 1834 г. выявила существенные изменения в составе населения д. Девятерня. Двор Ижбулды Кульметова опустел: сам Ижбулда был сослан в Сибирь на поселение в 1817 г. по делу, а его сын Мухамметгали в 1821 г. отправлен в казаки тептярского полка. В 1830 г. по аналогичной причине в Сибирь на поселение отправился Сайфулла Галикеев. Также в списках сосланных значатся Биктимер Мухамметрахимов (1818 г.) и его брат Фаткулла (1825 г.). Семья Бикмурзы Аиткулова, согласно документу, проживала в починке Малый Кадыбаш. Эти сведения рисуют картину сложных судеб жителей деревни, чьи жизни были отмечены осуждениями, военной службой и переселениями – типичными явлениями первой половины XIX века. Они позволяют реконструировать историю отдельных семей и понять социальные и политические процессы того времени.

Однако казенные поселяне, возглавляемые Хисметуллой Мазитовым, считали себя вотчинниками Енейской волости, утверждая, что «неизвестно почему предки их были записаны в звание крестьян». Их принадлежность к вотчинникам подтверждали все местные поселяне, а также вотчинники д. Касаево. Это свидетельствует о том, что в д. Девятерня существовала сложная ситуация, вызванная недовольством сословной принадлежностью. Часть населения, формально числившаяся казенными поселянами, фактически пре-

¹⁸⁷ Там же. Ф. И–172. Оп. 1. Д. 32. Л. 202.

¹⁸⁸ Там же. Л. 203 об.

¹⁸⁹ Там же. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 580. Л. 108–117.

тендовала на статус вотчинников, что подкреплялось как их собственными заявлениями, так и поддержкой местного сообщества¹⁹⁰.

Деревни Девятерня Сарапульского уезда, Сосновая и Касаево по Генеральному межеванию занимали общее пространство в 29045 десятин 957 саженьей. При этом государственные крестьяне административно относились к Елабужскому уезду, однако по данным межевания их поземельная дача была отнесена к Сарапульскому уезду¹⁹¹. Это указывает на сложное административно-территориальное разделение, где границы уездов не всегда совпадали с границами земельных владений, что могло вызывать путаницу в вопросах землепользования и управления.

Следует отметить, что источники приводят различные данные по 7-й ревизии д. Девятерня. Согласно одному из них, припущенников башкирского сословия насчитывалось 14 душ муж. пола, «тептярей» – 93, а государственных крестьян – 18. Часть государственных крестьян перешла в починок Гаврилов, который в целом состоял из 9 душ муж. пола¹⁹². Однако в указанное число «тептярей» не включены 2 семьи (5 душ муж. пола по 7-й ревизии), которые издавна проживали в починке Малый Кадыбаш¹⁹³.

Ранее мы отметили деление вотчинников Енейской волости на аймаки. Из документа середины XIX в. следует, что данная особенность вотчинного землевладения приводила к «междуусобным спорам». Вотчинники указывали на «неравнительное владение ими угодьями, происходящих чрез присвоение себе название аймаков: большого, средняго и малого», хотя «в грамотах нет особого различия». Вотчинники Большого аймака «присвоили за рекой Белой, за исключением угодий в даче Мензелинского, столько луговых мест, что за избытком продают в значительном количестве посторонним людям, стесняя между тем одновотчинников своих из одного прихотливаго домогательства»¹⁹⁴.

§ 2. Енейцы в Булярской волости в первой половине XIX в.: взгляд сквозь призму переписей

В первой книге из серии, посвященной татарским поземельным волостям, мы частично рассмотрели енейцев, проживавших в Булярской волости на условиях припуска от вотчинников. Однако, учитывая ограниченный формат и специфику темы книги, нам не удалось осветить все аспекты их жизни и статуса. В связи с этим мы решили посвятить отдельное исследование этой группе, частично повторив уже известный материал, но также дополнив его

¹⁹⁰ Там же. Л. 204 об.–205.

¹⁹¹ Там же. Л. 205 об.

¹⁹² Там же. Ф. И–172. Оп. 1. Д. 32. Л. 202., Л. 244 об.

¹⁹³ Там же. Л. 246.

¹⁹⁴ Там же. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 5511. Л. 128 об.–130.

новыми данными и уточнениями. Это позволит более глубоко изучить историю, правовое положение и особенности жизни енейцев в контексте поземельных отношений того времени.

Значительная часть енейцев, переселившихся в Булярскую волость, принадлежала к известному татарскому роду Кара-бека. Отдельные представители этого рода упоминаются в документах XVII–XIX вв. (включая договоры и ревизские сказки), которые мы ранее изучали при исследовании других деревень. Особенно широко род Кара-бека был представлен в дд. Байсарово и Апачево, которые станут предметом нашего отдельного рассмотрения ниже. Этот род играл важную роль в социальной и поземельной структуре региона, что делает его изучение ключевым для понимания истории енейцев и их интеграции в Булярскую волость.

В д. **Байсарово** (ныне Старое Байсарово Актанышского района РТ) в 1811 г. показаны следующие дворы татар башкирского сословия («башкирцев»): № 1–7 – вотчинники-булярцы; далее – енейцы: 8) указной муктасип Гибадулла Мустаев (34; сын Мухамметнасып); 9) указной мулла Тохфатулла Суюндуков (48; сын Зайнутдин); 10) юртовой сотник Равил (44; сын Шамигул), Габдулгаффар (39; дети Бикмурза, Бикмухаммет, Динмухаммет) Габдуллины; 11) Кун[г]ур Ишменев (1758–1806; дети Шамигул, Мавлигул, Ямангул); 12) Гадельша Карметов (55; сын Ибниамин); 13) Юсуп (79; дети Тайгын (его Шагиахмет, Шагимухаммет), Габзялил (его Габдулвали, Габдулбаки, Шайхутдин), Габдулкарим (его Габдулгалим), Габдулвахит), Фазаил (53; дети Габдулмен (его Ардашир), Мухамметгали, Амин, Ардуан), Файзулла (49; дети Батырша (его Мратша, Давлетша), Файруша, Гадельша, Мухамметзян), Тагир (49; дети Мухамметшарип (его Мухаммади), Динмухаммет, Бикмухаммет) Суюндуковы; 14) Мустафа (68; дети Мухамметрахим, Амин, Таймас, Мустаким, Габдулвахит), Курбангали (47; сын Кадыргул) Юлдашевы; 15) Ишмухаммет (52; сын Нигматулла), Яхья (42; сын Якуп) Юмагуловы; 16) указной азанчи Мрадым (55; дети Сайфулла, Гадельша, Нигматулла, Мухамметкарим), Мустаким (1750–1808; дети Ишмухаммет, Мухаммедьяр), Мурсалим (50; сын Мусифулла), Мусагит (47; дети Самигулла, Габидулла, Имангул) Мендеевы; 17) Шарип (58; дети Габдулманнаф (его Габдулхалик), Габдрафик), Габдулкарим (55; сын Хабибулла) Бакировы; 18) Салих (1758–1802), Габит (55; дети Габдулхалик, Габдулгалим, Мухамметгали) Сагындыковы; 19) Чуракай Маметев (1728–1803; дети Сафаргали (его Кадыргул), Кинзягул); 20) Минлибай Салимов (23), его родственник Игимет Иликеев (68; дети Кутлукадам, Кутлумахаммет); 21) Кыдрач Ишкильдин (1765–1799; дети Хабибулла, Фаткулла); 22) Габдулмазит (39; дети Габдулнасыр, Габдулхабир, Габдулвали), Габдуллатип (26; его Габдулвали) Султанбековы; 23) Ишмухаммет Ермухамметов (33; сын Шамсутдин); 24) Ермухаммет (52; сын Габдулнасыр), Исламгул (43; сын Габдулхалик), Габдрашит (33) Рахманкуловы; 25) Сагындык (1743–1807; сын Хабибулла), Сагит (1755–1804) Суюндуковы;

26) Минлигул (48; сын Кутлугузя), Нигматулла (25) Супханкуловы; 27) Гусман Гумеров (36; сын Мухамметамин), его племянник Габит Мунасыпов; 28) Алмет Юзеев (1744–1807; дети Атнагул (его Халит, Сабит), Кинзягул, Ишигул, Кадыргул, Габдулхалик); 29) Зайсан Адылов (1743–1799; дети Тойгун, Габзялил (его Габдулкаир), Габдрахман, Иксан, Зиренчей); 30) Валиша Куручев (49; дети Гадельша, Сафаргали, Мухамметвали); 31) Салих Полатов (1742–1808); 32) Курбангали Юлдашев (29); 33) Аскар Арасланов (34; сын Ямалетдин); 34) Чуракай Мастеев (73; сын Рахматулла (1771–1801; его Хисматулла)); 35) Ракай Рахманкулов (1746–1804; дети Исхак (1775–1807; его Габдулбаки, Габдулвали), Биктимер, Смагиль); 36) Кузягул Исангулов (1745–1798; сын Исламгул (его Ахмади, Ахмадиша)); 37) Солтанмрат Рахманкулов (63; сын Курбангали); 38) Зайсан Зайтев (59; дети Ибрагим, Ильяс, Гайса); 39) Кильдияр (1755–1811; дети Аднабай, Кадыргул), Киликей (1756–1796), Медияр (1762–1798) Зюмагуловы; 40) Фазлулла Суюндуков (29; дети Гибадулла, Губейдулла); 41) Юлдаш Ишалин (1739–1807; сын Тазетдин); 42) Сейфулмулюк Ахмеров (52; сын Гисметулла); 43) Мурсалим (25), Мустахим (22) Араптановы; 44) Мухамметша Мукминов (1755–1803; дети Курамша, Давлетьша, Мухамметкарим); 45) Чурагул Бикчурин (1731–1796); 46) Габдрахим Минлибаев (1769–1809), всего 186 душ муж. пола (в 1795 г. их было соответственно 134)¹⁹⁵.

Ранее Чуракай Мастеев («Чюракай Мястиев»), Мунасып Гумеров, Юлдаш Ишалин и Суюндук Апасев были отмечены как участники Польского похода 1771–1773 гг. В ревизской сказке 1811 г. Чуракай Мастеев записан под № 34, Юлдаш Ишалин – под № 41. В этом же документе можно обнаружить детей Мунасыпа Гумерова и Суюндука Апасева.

Среди других жителей особое внимание привлекают такие личности, как юртовой сотник Равил Габдуллин, указной мухтасиб Гибадулла Мустаев, указной мулла Тохфатулла Суюндуков и указной азанчи Мрадым Мендеев. Должность юртового сотника, которую занимал Равил Габдуллин, свидетельствует о его высоком статусе в системе Башкиро-мещерякского войска и значительной роли в административной и военной структуре региона. Остальные упомянутые лица представляли духовное сословие: муктасип, мулла и азанчи. Их присутствие указывает не только на высокий уровень организации религиозной жизни в деревне, но и на существование мечети, которая являлась центром духовной и общественной жизни местного населения. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что деревня имела важное значение не только в административном, но и в религиозном плане, играя существенную роль в жизни региона.

Ранее в документе от 1 мая 1746 г. упоминался «башкирец» д. Байсарово Пулат Ирмяшев. Он, а также его односельчане – Мастей Абызаев, Суюндук

¹⁹⁵ Там же. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 104а. Л. 185 об.–196.

Князев, Минлибай Ишменев, Ишкиня Азметев и Чуракай Мастеев – также были зафиксированы в договоре от 16 марта 1754 г. Как видно из ревизской сказки 1811 г., Чуракай Мастеев на тот момент был в возрасте 73 лет, и нет сомнений в том, что он являлся сыном Мастея Абызаева. Также можно уверенно говорить, что Юсуп и его братья Суюндуковы были сыновьями Суюндука Князева. Салих Полатов, в свою очередь, был сыном Пулата Ирмяшева. Эти данные не только подтверждают семейные связи и преемственность в рамках общины, но и позволяют лучше понять роль отдельных семей в жизни д. Байсарово и других поселений.

В ревизском списке 1811 г. жителей д. Байсарово особо следует выделить Тохфатуллу Суюндукова (48; указной мулла), известного по другим источникам как представителя рода Кара-бека. Его брат Ибатулла Суюндуков также занимал должность указного муллы, но служил в д. Ахуново Булярской волости. Согласно данным за 1816 г., ему на тот момент было 49 лет. Он проживал с женой, которой было 26 лет, а также с сыном Ахмадием (1) и дочерью (8)¹⁹⁶. Факт наличия двух братьев, занимавших должности указных мулл в разных деревнях, подчеркивает влияние и авторитет Суюндуковых в религиозной и общественной жизни региона.

Генеалогическое древо одной из ветвей рода Кара-бека, ведущей к Суюндуковым, можно представить следующим образом: Бурнаш → Сака (его брат Савелей) → Тутай (братья: Аккуз, Иткиня, Урай, Туйтак) → Апач (его брат Утяк) → Суюндук (братья: Муртаза, Башир, Халил, Сагит) → Тохфатулла (род. 1763; его брат Ибатулла). Такая схема помогает наглядно продемонстрировать родственные связи и преемственность поколений рода.

Вероятно, Валиша Куручев являлся сыном Куруча Ирмяшева, принимавшего участие в походе русской армии против Пруссии в 1757 г. Между тем, доподлинно известно лишь одно: Гибадулла Мустаев действительно был сыном другого участника тех событий – Мустая Юсупкулова, представителя рода Кара-бека.

К 1816 г. численность татар башкирского сословия д. Байсарово увеличилась до 210 душ муж. пола в 73 дворах. В списке енейцев первым записан юртовой сотник Равил Габдуллин (55 лет; женам 48 и 30 лет), сын которого Шамгул имел воинское звание хорунжий. Юртовым сотником также стал Таймас Мустафин (23). Духовенство представляли мухтасип Гибадулла Мустаев (40), живший с 2-мя женами 35 и 18 лет, мулла Тохфатулла Суюндуков (55), мулла Габдрахман Зайсанов (39), азанчи Мрадым Мендеев¹⁹⁷.

Согласно ревизским материалам 1834 г., д. Байсарово обладала сложной сословной организацией: хозяйства с 1 по 15 принадлежали вотчинникам-булярцам, а с 16 по 109 – енейцам-припущенникам. Общая численность насе-

¹⁹⁶ Там же. Д. 292. Л. 561–563.

¹⁹⁷ Там же. Л. 521.

ления составляла 289 душ муж. пола и 283 души жен. пола. Поселение входило в состав 1-й юрты под управлением юртового старшины Габдуллатифа Токтарова, объединявшей также дд. Якшиеве, Сафарове и Улыименеве. Среди жителей выделялись военные и духовные лица: зауряд-хорунжий Шамсутдин Равилов (40 лет), отставной зауряд-сотник Габдулгафар Абдуллин (61), урядник Бикмурза Габдулгафаров (26), мулла Габдрахман Зайсанов (57), зауряд-хорунжий Габидулла Мусагитов (41) и урядник Габдулвахит Юсупов (26)¹⁹⁸. Наличие чиновных лиц подчеркивает интеграцию местного населения в военно-административную систему Российской империи.

Габидулла Мусагитов сын Мендеев начал службу рядовым солдатом 1 апреля 1811 г. Уже 15 февраля 1817 г. он получил звание зауряд-хорунжего. Участвуя в боевых действиях, он прошел Отечественную войну 1812 г. и зарубежные кампании русской армии 1813–1814 гг. в составе 6-го Башкирского полка. Затем он нес линейную службу в крепости Илецкая защита (1822 г.) и при городе Оренбург (1832 и 1834 гг.). Служба проходила без нарушений дисциплины, штрафных санкций и судебных разбирательств, знал татарскую грамоту, что позволило ему пройти аттестацию с формулировкой «достоин». Габидулла был женат на Муслихе Сагитовой и воспитывал двух сыновей: Гарифуллу (11 лет) и Сейфуллу (7)¹⁹⁹.

Под № 107 в ревизской сказке 1834 г. значится Габдулкарим Юсупов (49 лет), сыновьями которого являлись Габдулнасыр (21), Габдулсадык (18), Мухамметсадык (13) и Мухамметхалим (6). Ранее сведения об этой семье были приведены в ревизском списке 1811 г. под № 13 (там указаны Юсуп Суюндуков и его дети). Эти данные, а также данные документа от 1 марта 1761 г. (упоминается Суюндук Князев) позволили составить следующее генеалогическое древо: Князь → Суюндук (его брат Сагындык) → Юсуп (1732) → Габдулкарим (1787) → Габдулнасыр (1813) → Биктимер (1848) → Имамагзам → Шайхелимам → Шайхенур → Вахит (1954).

Необходимо обратить внимание на то, что Суюндук и Сагындык упоминаются в публикации генеалогии рода Кара-бека, где имя их отца ошибочно написана как «Кинзя»²⁰⁰, тогда как в документах он фигурирует как «Князь». **Вахит Шайхович Имамов** – потомок этого знатного рода, стал выдающимся писателем и лауреатом Государственной премии имени Габдуллы Тукая. Это свидетельствует о сохранении духовных и куль-

¹⁹⁸ Там же. Д. 468. Л. 7–28.

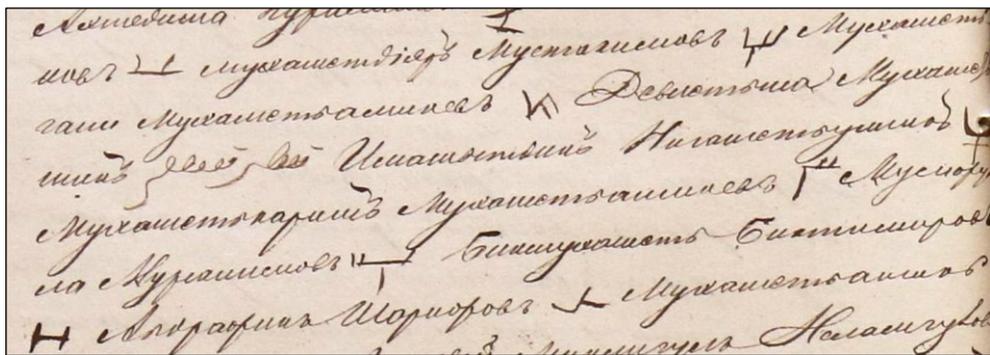
¹⁹⁹ Там же. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 4022. Л. 4 об.–5.

²⁰⁰ Ахметзянов М.И. Татарские родословные. С. 23.

турных традиций в татарских семьях на протяжении веков, а также подчеркивает роль семейной памяти и преемственности поколений в формировании национальной элиты.

Большой интерес представляет также следующая генеалогическая линия, составленная на основе открытых источников и данных переписи населения: Бурнаш → Сака (брат Савелей) → Тутай (братья Аккуз, Иткиня, Урай, Туйтак) → Утяк (брат Апач) → Юсупкул → Мустай (его брат – Яркей) → Гибадулла (муктасип; 1778–1830) → Мухамметрашит (1812), Мухамметзавгяр (1813), Мухаметлатиф (1817), Мухамметгариф (1818), Мухамметхафиз (1821), Габдулмузип (1822), Мухамметнакип (1829), Мухамметфазыл (1831). Эта линия, относящаяся к роду Кара-бека, тесно связана с другой линией, ранее проанализированной нами при рассмотрении ревизской сказки 1811 г. по д. Азиби.

В ревизском списке 1834 г. следует также обратить внимание на Мухамметамина Мустафина (38 лет, умер в 1820 г.), у которого были сыновья Мухамметгали (30; сын Мухамметша, 5), Мухамметкарим (19) и Давлетша (7). Его сыновья Мухамметгали и Мухамметкарим Мухамметаминевы фигурируют в документе 1854 г. Их тамга совпадает с тамгой Апаса Тютеева, что указывает на принадлежность к роду Кара-бека. Кроме того, в документе наблюдаются и другие тамги, характерные для этого широко разветвленного рода.

Фрагмент документа 1854 г. с родовыми тамгами енейцев д. Байсарово, где обращают на себя внимание Мухамметаминевы (НА РБ. Ф. И–172. Оп. 1. Д. 32. Л. 157 об.)

В д. **Апачево** (ныне Актанышского района РТ) в 1811 г. показаны следующие двory татар башкирского сословия («башкирцев»): [...] 5) Салих (1766–1799 гг.) и Габбяс (32 года) Курбанаевы; 6) Габдулвахит (43) и Габдулмазит (40) Шамгуловы; 7) Апекей (52), Габдрафик (28), Мендий (25), Габдулкарим (19) Бакеевы; 8) Габдулшарип (30), Габдулменнан (25), Абдрахман (20) Ганберовы; 9) Сатый Мавлюгулов (54); 10) Сагит Апачев (1731–1805; дети Хабибулла, Гисметулла, Сатлык, Фейзулла); 11) Хамит Муртазин (69);

12) Солтангарей (46) и Габдулвахит (38) Габзеллиевы; 13) Габдулнасыр (25) и Габдулхалик (19) Бакировы; 14) Гусман Муртазин (1735–1799; дети Зейнилбашар, Гайнилбашар); 15) Мухамметамин Биктимеров (1751–1797; дети Балта, Батырша); 16) Исламгул Емангулов (1778–1805; дети Супханкул, Минлигул, Мукминкул); 17) Кадыргул Медияров (1752–1796; сын Рахимкул), всего 83 души муж. пола.

Хотя д. Апачево располагалась на земле Булярской волости, ее население активно участвовало в вотчинно-хозяйственных делах енейцев. Ранее, в документе от 10 марта 1755 г., упоминались Муртаза Апасев и Усман Муртазин, что свидетельствует о значимости этой семьи в жизни деревни. Хамит Муртазин, фигурирующий в ревизском списке 1811 г., был сыном Муртазы Апасева. Таким образом, Хамит и Усман (под № 14 в списке 1811 г.) являлись братьями, сыновьями Муртазы Апасева, который, в свою очередь, был сыном основателя деревни. Брат Муртазы, Сагит, также упоминается в том же списке под № 10.

Апасевы (Апачевы) – представители рода Кара-бека. Ранее мы приводили генеалогическое древо одной ветви рода, с дополнениями оно выглядит так: Кугей («Кукей») → Бурнаш → Сака (брат Савелей) → Тугай (братья Аккуз, Иткиня, Урай, Туйтак) → Апач (брат Утяк) → Суюндук, Муртаза, Башир, Халил, Сагит.

Эти данные позволяют проследить преемственность поколений и роль семьи Апасевых в жизни деревни. Участие представителей этой семьи в хозяйственных делах и их упоминание в официальных документах подчеркивают их влияние и значимость в местной общине. Кроме того, такие сведения помогают восстановить историческую картину социальной структуры деревни и ее связей с соседними волостями, что важно для понимания процессов формирования местного самоуправления и землепользования в тот период.

В 1816 г. половина жителей (19 дворов из 38) д. Апасево перешла в д. Азибей, а Яхья Смагилов, наоборот, из д. Азибей в 1812 г. перешел в Апасево²⁰¹.

Енейцы башкирского сословия вышерассмотренных деревень, как мы ранее отмечали, составляли Большой аймак (1-й аймак), куда также входили вотчинники дд. Исенбаево, Ушар Семиостровная тож и Келтево.

При рассмотрении деревень Булярской волости мы видели, что большая группа енейцев также жила в д. **Аккузево** (ныне Аккузово Актанышского района РТ). В списке 1811 г., кроме вотчинников-булярцев (№ 1–10), были записаны следующие енейцы-припущенники: 11) Галикей Абызаев (1735–1803; дети Муртаза (1760–1796; его Фазулла (его Гимадетдин), Фаткулла), Гибадулла (его Сайфулла, Нигматулла, Хамидулла, Самидулла, Габдулла-тип), Рахматулла (его Мифтахутдин, Гилязетдин, Вахитдин, Ляфизутдин));

²⁰¹ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 292. Л. 648 об.–651 об.

12) Хабибулла (30; его Гисметулла), Гайнулла (25) Габдрахимовы; 13) Рахманкул Мустафин (56; дети Юмагул, Ямангул, Якшигул); 14) Исламгул Миннигулов (1793–1795); 15) Сатый Якупов (1728–1807); 16) Башир Амиров (58; дети Курбангали, Сайфулла, Сайфутдин); 17) Гибадулла Амиров (1782–1802); 18) Салих Кузягулов (1730–1810; дети Валит (его Нигматулла, Рахматулла, Гибатулла), Гайнулла); 19) Сулейман (56; дети Хамит (его Муса), Халит), Даут (41; дети Габдулнасыр, Габдулгафур), Габит (19) Суюндуковы, всего 80 душ муж. пола (в 1795 г. их было соответственно 65)²⁰².

По сведениям 1816 г. в д. Аккузево 42 души муж. пола представляли вотчинников-булярцев (16 дворов), остальные 38 душ муж. пола (9 дворов) – припущенников-енейцев. Всего насчитывалось 80 душ муж. пола и 95 душ жен. пола в 25 дворах, относящихся к команде юртового старшины кантонного начальника капитана Баязита Султанова. Среди енейцев выделяется Сулейман Суюндуков (60), живший с тремя женами (им 60, 40 и 25 лет)²⁰³.

Мы полагаем, что значительную часть енейцев-припущенников д. Аккузево составляли выходцы из д. Терпели. К такому выводу мы пришли в результате анализа данных ревизской сказки 1811 г., сопоставленных с информацией из источников XVIII в. В частности, в двух документах 1757 г. упоминаются вотчинники из д. Терпели: Абызай Аблеев, Мустафа Ишмурзин, Кузягул Кинзягулов и Амир Кинзегулов. При этом в ревизской сказке 1811 г. встречаются лица с фамилиями Абызаев, Мустафин, Кузягулов и Амиров. Важно отметить, что имя Кузягул больше нигде не фиксируется, что делает его уникальным маркером, подтверждающим связь между жителями Аккузево и выходцами из Терпели. Это позволяет с высокой долей уверенности утверждать, что часть енейцев-припущенников Аккузево имела прямое происхождение из д. Терпели.

Кроме того, согласно договору от 2 января 1761 г., Сатый Якупов (в ревизском списке 1811 г. под № 15) фигурировал как енеец (житель) д. Ахуново, что в сочетании с последующими историческими данными позволяет достоверно установить факт его переезда в д. Аккузево. Этот эпизод отражает характерные для того времени миграционные процессы среди сельского населения, когда татары разных сословий могли менять место жительства, переходя из одной деревни в другую в поисках лучших условий для ведения хозяйства.

Следующая большая группа енейцев жила в д. **Улуйменово** (ныне Улиманово Актанышского района РТ). В ревизском списке 1811 г., кроме вотчинников-булярцев (№ 1–4), были записаны следующие енейцы-припущенники башкирского сословия: 5) указной писарь Габит Бикеев (62; дети походный сотник Гумер (его Габдулвали, Габдулгафар), Габдулхалик), его племянник Габдрахим Мусин (48); 6) Хамит (1767–1808; дети Тохфатулла, Му-

²⁰² НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 104а. Л. 302–304.

²⁰³ Там же. Д. 292. Л. 547–555; Д. 302. Л. 69–71 об.

сифулла, Гисматулла), Сулейман (41; дети Фаткулла, Гибетулла), Якуп (39; сын Хисамутдин), Мухамметкулый (25; сын Набиулла), Юсуп (22; сын Гибадулла), Мунасып (19), Мирас (11) Яхины; 7) Габдулмазит (1753–1806; сын Мухамметша (его Хасан)), Гусман (38; дети Сайфутдин, Гимадетдин), Батырша (38; сын Нугман), Мратша (31; дети Мифтахутдин, Сабит) Балтины; 8) Имангул (1743–1801; сын Хисамутдин), Суюш (66; дети указной мулла Исламгул (его Смаиль), Габдуллатип, походный сотник Габдулманнаф (его Габдулвали)), Якшигул (1755–1805; сын Гайнулла), Субханкул (56), Ишигул (1765–1805), Бердыгул (46; сын Абушахма) Ремгуловы; 9) Салих (71; дети Сайфулла (его Гибадулла, Гайнулла, Губейдулла), Рахматулла и Сагындык (62) Шидаковы; 10) Шарип Кусюков (76; дети Исхак (его Исенбай, Яхья), Иксан, Игтисам, Мухамметзян, Мухтасар); 11) Габдулвагап (46; дети Габдулгафар, Габдулкабир, Габдулнасыр), Габдулвахит (44) Наурузовы; 12) Сейфулмулюк (32; сын Файзулла), Сайфулла (19) Санзяповы; 13) Рахманкул Биккенин (1725–1797; сын Уразай (его Хамидулла)); 14) Давлетбай Кансуяров (76); 15) Хисамутдин Умитбаев (37; дети Сайфутдин, Шамсутдин, Зайнутдин); 16) Гали (40; дети Габдулманнаф, Габдулкабир), Курбангали (38; сын Гыкран?), Ахмадиша (25), Смаил (20) Габдрашитовы; 17) Буляк Ишалин (1738–1803; дети Идрис (его Фазлулла, Мусифулла, Гимадетдин), Габдулхалик, Габдулбашир), его племянники Бакир Яньшев (36), Умметкул Кыдрачев (28; сын Нигматулла), всего 108 душ муж. пола²⁰⁴.

В документе особое внимание привлекают записи о Давлетбае Кансуярове (№ 14) и Хисамутдине Умитбаеве (№ 15), фигурирующие последовательно друг за другом. Анализ позволяет установить их связь с более ранними упоминаниями: Кансуяр Касыев из д. Бугады, известный по договору от 10 апреля 1749 г., а также Умютбай Кансуяров, принимавший участие в Польском походе 1771–1773 гг. На основании хронологической и генеалогической связи можно сделать обоснованный вывод, что Умютбай является сыном Кансуяра Касыева, а их род, вероятно, осуществил миграцию в д. Улиманово, что было типичным явлением для того времени.

Отдельного внимания в д. Улуйменово заслуживает фигура Габдулманнафа Суюшева сына Сарбулатова (упоминаемого в ревизской сказке 1811 г. как сын Суюша Рамгулова), который выделяется своими военными заслугами. Участвуя в Отечественной войне 1812 г., он был удостоен высоких наград – серебряных медалей «В память 1812 г.» и «За взятие Парижа». В чине уряд-сотника Габдулманнаф проявил воинские способности и был последовательно удостоен чина 14-го класса (27 ноября 1813 г.) и назначения походным старшиной (13 апреля 1815 г.). К 1837 г., когда его имя появилось в формулярном списке чиновников, он уже имел большую семью: от двух жен – Насихи Карабаевой и Мухипзямал Субханкуловой – у него было восемь

²⁰⁴ Там же. Д. 104а. Л. 274 об.–276 об.

детей: четверо сыновей (Габдулвали, Шагимардан, Шаймухаммет, Сахибгарей) и четыре дочери (Бибилатифа, Бибифатима, Зияда, Фахризиган, Шамсизиган, Шамсибанат). Это свидетельствует не только о его высоком социальном статусе, но и о значительной роли, которую он играл в общественной жизни своего времени²⁰⁵. В 1834 г., будучи чиновником 14-го класса, он был внесен в особый именной список, составленный и заверенный подписью кантонного начальника Султанова²⁰⁶.

Сарбулатов – родовая фамилия Габдулманнафа, происходящая от редко имени Сарбулат. Примечательно, что это имя в ранних источниках упоминается исключительно в д. Девятерня. Данный факт позволяет предположить существование определенных миграционных процессов или исторических связей между населением дд. Улиманово и Девятерня, что было характерно для того времени и могло быть обусловлено различными социально-экономическими факторами.

В 1854 г. группа «припущенников-башкирцев» из д. Улуйменово сделала заявление о своем статусе вотчинников Енейской тюбы Енейской волости. В качестве обоснования своих прав они ссылались на грамоту, хранившуюся у их одновотчинников из д. Челмонарат. Документ содержит их родовые тамги²⁰⁷.

Примечательно, что на этот же документ ссылались и «припущенники-башкирцы» из д. Старое Сафарово. В их числе были: Габдулгалим Габдулхаликов, Зиганьша Хайбуллин, Габдулхаким Хайбуллин, Гимадутдин Хайбуллин, Хуснутдин Хайбуллин, Галлямутдин Габдулхаликов, Габдулфаттах Габдулхаликов, Шагимардан Ибрагимов, Хисамутдин Сайфуллин и Габдулгаллям Габдулгалин. В своем заявлении 1854 г. они указывали, что «перешли на настоящее жительство из вотчинной деревни Челномарат»²⁰⁸.

В контексте данного вопроса следует отметить, что в первом томе нашего исследования был опубликован ревизский список 1811 г. по д. Старое Сафарово. Согласно этому документу, последними в списке значатся: Габзелил Юлаев (1761–1809; сыновья: Габдулсалих, Габдрашит, Габдулхалик, Габдулхабир, Габдулвали); братья Ахмеровы – Исхак (49 лет), Амирхан (40), Хабибулла (38), Сайфулла (35); а также Габбяс (1751–1810; сын Сатылган) и Габдюс (1754–1811) Юлаевы²⁰⁹.

Представляется очевидным, что указанные лица имеют непосредственное отношение к упомянутым выше припущенникам. В этой связи особенно важно подчеркнуть, что в одном из источников все жители деревни

²⁰⁵ Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том. 1. Булярская волость. С. 166.

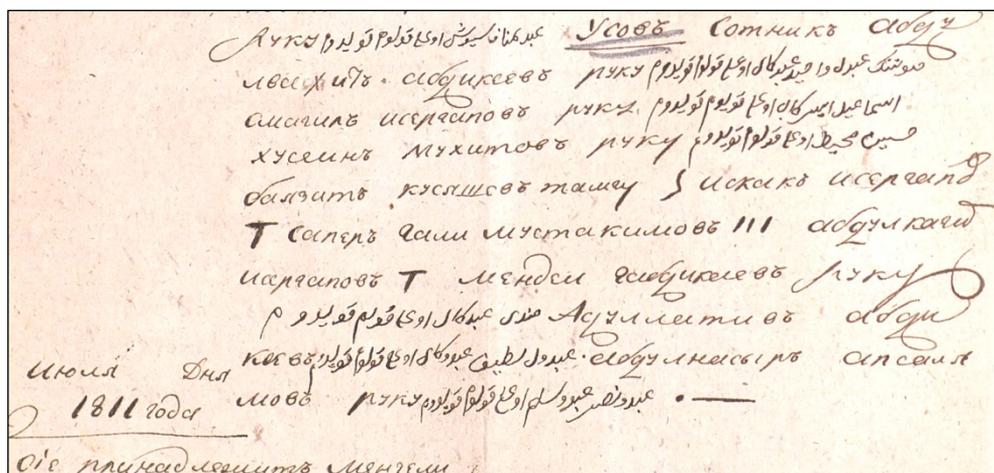
²⁰⁶ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 469. Л. 776–777.

²⁰⁷ Там же. Ф. И–172. Оп. 1. Д. 20. Л. 156.

²⁰⁸ Там же. Л. 155.

²⁰⁹ Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том. 1. Булярская волость. С. 164.

го исследования, по данным 1811 г. здесь было зарегистрировано 80 душ муж. пола вотчинников и 25 душ муж. пола припущенников башкирского сословия. К числу припущенников, указанных в источнике как енейцы по происхождению, относились следующие семьи: 1) юртовой сотник Габдулвахит (43 года; дети Габдулбакир, Фахретдин), Габдулгаффар (30) Аптикеевы. Здесь же Исергап Юзеев (1742–1807); 2) Искак (43; дети Габдулгани, Сулейман), указной азанчи Исмагиль (41; сын Таип), Габдулкабир (25) Исергаповы; 3) Тойка (41; сын Хасан), Хусейн (30; сын Абдулла), Кунафия (20) Мухитовы; 4) Мусей Исламгулов (1735–1809; дети Баязит (его Гайматдин), Тохфатулла); 5) Мустай Аскин (1715–1799; дети Мустахим (его Шамгул (его Сагади) и Сафаргали); 6) Галикей (51) и Гадельша (41) Смагиловы; 7) Мендей Сырталов (?1760–1799; сын Багаман)²¹¹. Ранее мы отмечали, что три семьи енейцев-припущенников (Габдикеевы, Сагитовы и Рафиковы) из этой деревни в 1795 г. переселились в д. Саузово (ныне Краснокамского района РБ).

Фрагмент документа 1811 г. по д. Усы, содержащий родовые тамги и подписи енейцев (НА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 393. Л. 279 об.)

По данным 1816 г., большинство представителей енейцев были внесены в начало списка «башкирцев» д. Усы. При этом в конце списка появляется запись о Габдулгафаре Мендееве (34 года), отсутствовавшем в материалах переписи 1811 г. Рядом с его именем указан Багаман Мендеев (18 лет)²¹², ве-

²¹¹ Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том. 1. Булярская волость. С. 160; НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 104а. Л. 144–145.

²¹² НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 292. Л. 492–501.

роятно, являвшийся его младшим братом. Согласно документам, в 1817 г. Багаман Мендеев переселился в д. Суксы «на принадлежащую ему землю»²¹³.

В ревизском списке 1816 г. мы также обратили внимание на Баязита Кусяшева (№ 7), ранее значившегося сыном Мусея Исламгулова. Очевидно, что это была ошибка: на самом деле его отцом был Кусяш. Фамилия «Кусяшев» встречается и в других источниках, в частности, в фрагменте копии документа 1811 г., который мы приводим в тексте. Это подтверждает правильность данного варианта.

Упомянутый документ 1811 г. примечателен тем, что он включает не только родовые тамги, но и многочисленные подписи на татарском языке. Что интересно, большинство енейцев выбрали именно подпись, а не тамгу, что говорит о высоком уровне грамотности и сильной письменной традиции среди этой группы населения.

К 1834 г. в д. Усы Мушугинской тюбы Булярской волости на правах припущенников проживало 28 душ муж. пола и 37 душ жен. пола, в то время как вотчинники составляли 122 души муж. пола и 128 душ жен. пола²¹⁴. Представители енейцев продолжали фиксироваться в документах и в 1859 г., однако часть из них вскоре после переписи перебралась в другие поселения.

Итак, енейцы представляли собой одну из наиболее многочисленных групп населения Булярской волости, проживавших в различных селениях региона. Их активное присутствие подтверждено множеством документальных источников того периода. Особое место среди енейцев занимал род Карабека, члены которого обладали высоким социальным положением и значительным влиянием на общественно-политические процессы.

²¹³ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 468. Л. 338 об.

²¹⁴ Там же. Д. 431. Л. 95 об.–96.

ГЛАВА 6

Население военного сословия («башкирцы»/«башкиры») по переписи 1859 г.

Указом императора Александра II от 19 апреля 1855 г. «тептяри» были официально включены в состав Башкиро-мещеряжского войска. Это решение стало частью масштабных административных преобразований середины XIX в., направленных на унификацию управления инородческими группами в Российской империи. 31 октября 1855 г. последовало переименование войска в Башкирское, что закрепило новый статус «тептярей», приписанных к войску. С этого момента в официальных документах, включая материалы переписи 1859 г. и последующую статистику, всё приписанное к войску население («башкиры», «мещеряки» и «тептяри») стало обозначаться единым термином – «башкиры».

Данная административная реформа имела глубокие социальные и правовые последствия. «Тептяри», ранее занимавшие особое промежуточное положение между «башкирами»-вотчинниками и государственными крестьянами, были полноценно интегрированы в военно-служилую систему.

Включение «тептярей» потребовало коренного пересмотра существующей системы административного деления. Новое устройство войска, утвержденное 4 февраля 1856 г., предусматривало создание оптимизированной структуры кантонов, юртов и попечительств. Особое внимание уделялось вопросам территориального размежевания и принципам формирования административных единиц с учетом численности и расселения различных групп населения.

Все эти преобразования нашли детальное отражение в материалах переписи 1859 г., которые представляют исключительную ценность для исследователей. Эти документы не только фиксируют новый административный статус различных групп населения, но и позволяют проследить динамику изменений в их социальной структуре и расселении.

Особый интерес для исследования представляют данные переписи по деревням Вятской губернии, хранящиеся в фонде Оренбургской казенной палаты (дело № 789) и относящиеся к 17-му башкирскому кантону. Выбор этого региона для начального этапа анализа обусловлен его пограничным положением

и особенностями этнодемографических процессов, а также тем, что именно здесь процессы административной трансформации и интеграции «тептярей» в состав Башкирского войска проявились наиболее рельефно. Сравнительный анализ этих материалов с более ранними ревизскими сказками и другими архивными источниками не только позволяет проследить динамику изменения численности и расселения изучаемых групп, но и дает возможность выявить особенности адаптации традиционных сословных структур «тептярей» и «башкир» к новой системе военно-административного управления.

В д. **Бетсимас** («Битцемас»; исчезнувшая деревня Агрызского района РТ) Елабужского уезда в 1859 г. учтены семья Хусейна Ишбулдина (44 года) и наследники Хисамутдина Ишбулдина (1801–1852), всего 6 душ муж. пола и 8 душ жен. пола (2 двора) татар башкирского сословия 2-й юрты 17-го кантона¹.

В статистическом сборнике, изданном в 1876 г., содержатся более подробные сведения о населении этой местности. Согласно этим данным, деревня к тому времени разделилась на два населенных пункта: Бытцемыш 1-й и Бытцемыш 2-й. В первом насчитывалось 39 мужчин и 17 женщин, проживавших в 12 дворах, во втором – 6 мужчин и 8 женщин в 2 дворах². Эти цифры свидетельствуют о сравнительно небольшой численности населения и компактном характере его расселения в данных населенных пунктах.

Далее речь пойдет о так называемых «башкирах из тептярей» 4-й юрты 17-го кантона – марийцах по национальности, проживавших в четырех деревнях Елабужского уезда, ныне расположенных на территории Удмуртии и Татарстана.

Первой из них следует рассмотреть д. **Быргында** (в некоторых источниках именуемую Малой Быргындою; ныне Каракулинского района УР) Елабужского уезда. По данным 1859 г., в этом поселении насчитывалось 49 душ муж. пола и 64 души жен. пола «башкир из тептярей»³. Впоследствии Большая Быргында и Малая Быргында составили Быргындинское общество Чегандинской волости Сарапульского уезда.

Согласно историко-статистическим данным, демографическая ситуация в этих поселениях существенно различалась: в Большой Быргынде по 10-й ревизии проживало 187 душ муж. пола «из черемис государственных крестьян», тогда как в Малой Быргынде насчитывалось лишь 50 душ муж. пола «из черемис тептярей»⁴.

Географическое положение и бытовые особенности д. Быргында описаны в статистическом источнике конца XIX в. следующим образом: «*деревня*

¹ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 789. Л. 406–408.

² Вятская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859–1873 годов. СПб., 1876. С. 193.

³ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 789. Л. 331–337.

⁴ Там же. Ф. И–172. Оп. 1. Д. 32. Л. 381 об.

Быргында расположена при речке того-же названия, в 75 верстах от уездного города, в 10 верстах от волостного правления и в 3 верстах от ближайшего училища и приходской церкви. Население составляют черемисы, бывшие государственные крестьяне и тептяри, православные и язычники. В той и другой общине земля разделена по заможности домохозяев. В селении насчитывается до 10 штук веялок»⁵.

Это описание позволяет сделать вывод о смешанном сословном и конфессиональном составе населения, а также о развитой системе землепользования и сельскохозяйственной деятельности в деревне. Особый интерес представляет факт сохранения языческих верований среди части местных марийцев наряду с православным населением.

Вторая деревня – **Нырғындыш** (в некоторых источниках фигурирующая как Малая Нырғында; ныне Нырғанда Каракулинского района УР). По данным ревизской сказки 1859 г., ее жители указаны как «башкиры из тептярей, некрещеных черемис» и насчитывали 19 душ муж. пола и 17 душ жен. пола⁶.

Административно деревня впоследствии вошла в состав Нырғындинского общества Чегандинской волости Сарапульского уезда вместе с Большой Нырғындой. Демографическая ситуация в этих поселениях значительно различалась: если в Большой Нырғынде по 10-й ревизии проживало 223 души муж. пола «из черемис государственных крестьян», то Малая Нырғында имела скромные размеры с 19 душами муж. пола «из черемис тептярей»⁷.

К концу XIX в. в официальных документах происходит любопытная метаморфоза – категория «тептяри» исчезает из учетных записей (возможно, их присоединили к другой деревне). Статистическое описание этого периода содержит подробную характеристику деревни, которая заслуживает дословного цитирования:

«Деревня Большая Нырғында лежит при рч. Нырғындинке, в 75 верстах от г. Сарапула, в 15 верстах от волостного правления и в 4 верстах от приходской церкви (в с. Коростине). В деревне имеется училище. Населяют ее черемисы, бывшие государственные крестьяне, православные и частью язычники. Основана деревня, по словам крестьян, задолго до основания г. Сарапула. В двух верстах от деревни находится высокая гора, с одной стороны почти неприступная, а с другой – окруженная рвом. Прежде около этой горы было много ям, указывавших, что здесь когда-то были землянки. При распахивке новинных земель находили медную посуду. Земля разделена по замож-

⁵ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 7. Сарапульский уезд. Ч. 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 141 (прил).

⁶ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 789. Л. 338–341.

⁷ Там же. Ф. И–172. Оп. 1. Д. 32. Л. 381 об.

*ности домохозяев. В селении имеются 9 вейлок и 5 водяных мукомольных мельниц, находящихся в пользовании отдельных лиц»*⁸.

Это описание дает яркое представление о жизни и быте деревни того времени, ее расположении и хозяйственной деятельности местных жителей.

Третья марийская деревня 4-й юрты – **Мандыково** (ныне Маддык Агрызского района РТ). По данным ревизской сказки 1859 г., ее население, записанное как «башкиры из тептярей, некрещеных черемис», составляло 108 душ муж. пола и 108 душ жен. пола. Заметен значительный рост поселения: если в 1850 г. здесь насчитывалось 10 дворов, то к 1859 г. их число увеличилось до 29⁹.

В статистическом описании более позднего периода говорится, что д. Мандык, которая относилась к Усть-Саклинскому обществу Бимской волости, стоит на р. Мандык – в 102 верстах от города, в 2 верстах от волостного правления и в 7 верстах от церкви. В деревне имеется миссионерское училище. Населена деревня черемисами из «тептярей», частью исповедующими православие, частью же остающимися язычниками. О времени возникновения селения сведений не сохранилось. Ревизских душ числится в селении 105 (из них 4 солдата), земля же во время ревизии 1858 г. была разделена на 99 наделов; после ревизии передела не было. Скот пасётся без присмотра пастухов. При селении имеется одна общественная мельница. Жители занимаются изготовлением мочальных шлей и хомутов; главным же образом занимаются извозным промыслом и пильничеством¹⁰.

Четвертой марийской деревней 4-й юрты 17-го кантона Елабужского уезда была д. **Байтуганово** (ныне Агрызского района РТ). По данным 1859 г., население деревни состояло из «башкир из тептярей некрещеных черемис»: 63 души муж. пола и 75 душ жен. пола (18 дворов). Хотя о них говорится как о «некрещеных черемисах», тем не менее, в списке марийцев башкирского сословия обнаружили Ибая Ярмакова (37 лет), который «по святом крещении в 1854 г. назван Василий Николаев[ич] Репин»¹¹.

Важно отметить, что основная часть татар, относившихся к башкирскому и тептярскому сословиям Енейской волости, была приписана к 5-й и 6-й юртам того же 17-го кантона. В эту административную единицу входило население ряда деревень Елабужского уезда Вятской губернии, что отражает

⁸ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 7. Сарапульский уезд. Ч. 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 143 (прил.).

⁹ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 789. Л. 342–352.

¹⁰ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 6. Елабужский уезд. Ч. 2. Подворная опись. Вятка, 1889. С. 56 (прил.). Термин «пильничество» относится к лесозаготовительной деятельности (от глагола «пилить»), что было распространенным промыслом в лесных районах Вятской губернии.

¹¹ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 789. Л. 177–183.

особенности территориального устройства и сословного деления в данном регионе во второй половине XIX в.

В д. **Сляково** (ныне Старое Сляково Агрызского района РТ) Сарапульского уезда Вятской губернии по состоянию на 11 апреля 1859 г. было зарегистрировано 406 душ муж. пола и 411 душ жен. пола, проживавших в 140 дворах. Все они относились к татарам башкирского сословия 5-й юрты. Среди жителей двое в 1850 г. были сосланы в Сибирь на поселение.

Особый интерес представляет семья старшины 5-й юрты Ахметыши Рахматуллина (43 года), который имел трех жён. Его сыновья Ахметхузя (12) и Ахметзакир (11) обучались в Мензелинском уездном училище¹², что свидетельствует о стремлении местного татарского населения получать светское образование, необходимое для служебной карьеры.

Также заслуживает внимания фигура зауряд-есаула Габдулнасыра Зайсанова (1784–1852), записанного в документах под № 12. Ранее мы уже обращались к изучению этой личности, отмечая его родовую фамилию Исамметов. Примечательно, что по данным переписи 1816 г. эта фамилия встречалась еще в двух деревнях, но не в качестве родовой.

Дополнительные источники 1859 г. уточняют, что указанные 406 душ «башкир» в д. Сляково Тугузской тюбы Енейской волости являлись вотчинниками¹³, что определяло их особый правовой статус и земельные владения. Эти сведения позволяют более полно реконструировать социальную структуру и правовое положение жителей деревни в середине XIX в.

Перепись 1890 г. зафиксировала в деревне 705 душ муж. пола и 626 душ жен. пола в 259 дворах, относящихся к башкирскому сословию¹⁴. Эти цифры показывают значительный рост населения по сравнению с данными 1859 г.

В историческом описании д. Сляково конца XIX в. говорится, что она расположена на р. Биме, в 40 верстах от уездного города. Она является административным центром Исенбаевской волости. Население деревни татарское, состоящее из вотчинников-«башкир», исповедующих ислам. В деревне функционирует мечеть, где мулла также выполняет обязанности учителя. В окрестностях деревни находится уникальный исторический памятник – четырехгранная каменная плита. Размеры плиты составляют: высота – один аршин, длина – пол-аршина, толщина – четверть аршина. Поверхность плиты покрыта непонятными надписями и изображениями животных. Земля в деревне распределяется согласно количеству душ мужского пола. Хозяйственная деятельность жителей разнообразна: у отдельных домохозяев имеется до 10 веялок. На р. Биме функционируют три водяные мельницы. Первая мельница

¹² Там же. Л. 78–110.

¹³ Там же. Ф. И–172. Оп. 1. Д. 32. Л. 380 об.–381.

¹⁴ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 7. Сарапульский уезд. Ч. 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 98–105.

принадлежит первой половине Сляковского общества и «находится в пользовании тех домохозяев, которые сами или их отцы участвовали в постройке». Вторая мельница принадлежит второй половине общества и имеет аналогичный порядок пользования¹⁵.

Таким образом, д. Сляково конца XIX в. представляла собой развитое поселение с налаженной хозяйственной деятельностью, религиозной и образовательной инфраструктурой, а также с интересными историческими памятниками в окрестностях.

В д. **Исенбаево** (ныне Агрызского района РТ) Сарапульского уезда Вятской губернии по данным на 8 апреля 1859 г. было зафиксировано 527 душ муж. пола и 523 души жен. пола (179 дворов) татар башкирского сословия 5-й юрты. В начале списка значатся семьи Мусы Махмутова (33 года), Хисамутдина Валитова (54), братьев Габдулхакима (33), Габдулкадыра (31) и Габдулкабира (27) Хисамутдиновых, а также Габдулгалима Валитова (43).

Особый интерес представляет Габдуллатип Карабаев (1781–1852; «отставной зауряд походный есаул»)¹⁶, чья фамилия встречается также в двух других деревнях Енейской волости, что свидетельствует о распространенности имени Карабай, созвучного с Кара-бек.

В ревизском списке под № 168 упоминается указной мулла Ризван Утягулов (63 года), чей старший сын Габдулханнан занимал должность помощника старшины 5-й юрты. Ризван Утягулов являлся сыном ранее упомянутого мутлы Утягула Исергапова из д. Азибей. В 1813 г. Утягул Исергапов вместе со своей семьей, включая Ризвана и Гайнана, вернулся на землю своих предков. Это возвращение подчеркивает глубокую связь семьи с историческими землями, а также их стремление сохранить родовые традиции и права на землю.

Упоминание Ризвана Утягулова в качестве указного мутлы и административная должность его сына Габдулханнана свидетельствуют о значительной роли этой семьи в религиозной и общественной жизни местной общины. Этот пример наглядно иллюстрирует процессы преемственности поколений среди духовных и общественных лидеров, а также характерные для XIX в. миграционные процессы и стремление вернуться на исторические земли в условиях меняющихся социально-экономических отношений.

Такое же количество ревизских душ (527) указано и в другом источнике. Деревня входила в состав Исенбаевского сельского общества¹⁷. Важным хозяйственным объектом деревни была мукомольная мельница на р. Бима, оснащенная двумя поставами. В 1861 г. местный житель Габдуллатипов-Тютеев обратился с просьбой о передаче ему мельницы в оброчное содержание сро-

¹⁵ Там же. С. 53 (прил.).

¹⁶ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 789. Л. 111–149.

¹⁷ Там же. Ф. И–172. Оп. 1. Д. 32. Л. 384 об.–385.

ком на 12 лет¹⁸. Такая форма использования общинного имущества была распространена в тот период и позволяла эффективно эксплуатировать важные хозяйственные объекты.

По источникам известно, что к 10 марта 1866 г. существовало Исенбаевское волостное правление¹⁹, что говорит о значимости деревни. Вотчинник д. Исенбаево Габдулвали Курбангалиевич Тютеев обратился с жалобой на имя Оренбургского и Уфимского генерал-губернатора 22 февраля 1867 г. Поводом послужило несанкционированное поселение удельных крестьян на территории починка Кумырса²⁰. Данный факт подчеркивает нарушение процедуры продажи земель, поскольку земля передавалась крестьянам без согласования с общиной вотчинников д. Исенбаево.

Тютеев – родовая фамилия, подчеркивающая принадлежность владельца к роду Кара-бека. Эта информация помогает лучше понять происхождение и статус вотчинника в местном сообществе.

По данным статистики 1876 г., д. Исенбаево (в источнике «Исанбаево») располагалась в Сарапульском уезде на р. Бима («Биша»), в 60 верстах от уездного города и в 16 верстах от становой квартиры. В деревне было 65 дворов и проживало 810 человек, из них 413 душ муж. пола и 397 душ жен. пола. Инфраструктура поселения соответствовала типичному укладу большинства татарских деревень того времени: функционировали мечеть и мельница, обслуживавшая потребности местных жителей²¹.

Следует отметить, что приведенные данные могут содержать неточности и требуют критического подхода, поскольку численность населения и количество дворов существенно ниже показателей предыдущей переписи 1859 г. Более достоверную и подробную информацию предоставляет перепись 1890 г.

Согласно данным этой переписи, население деревни значительно возросло. В 339 дворах проживало 1640 человек: 778 душ муж. пола и 862 души жен. пола. Сельская община владела обширными земельными угодьями общей площадью 6977 десятин, которые распределялись следующим образом: 44 десятины отводились под усадьбу, 2580 десятин составляли пахотные земли, 300 десятин – луговые угодья, 3882 десятины занимали лесные массивы, а 170 десятин относились к землям, непригодным для хозяйственного использования²².

Согласно историко-статистическому описанию 1892 г., д. Исенбай (Яланос) располагалась при реке Бима, протекавшей через деревню. Расстояние

¹⁸ Там же. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 11350. Л. 1.

¹⁹ Там же. Ф. И–172. Оп. 1. Д. 32. Л. 155 об.

²⁰ Там же. Л. 157.

²¹ Вятская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859–1873 годов. СПб., 1876. С. 605.

²² Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 7. Сарапульский уезд. Ч. 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 98–103.

до уездного города составляло 55 верст, а до волостного правления – 17 верст. В деревне было две мечети, строилась третья; при них служили четыре муллы. Каждый из мулл заведовал школой, где обучались почти все дети, как мальчики, так и девочки, хотя грамотными были не все, так как основным предметом обучения была «вера». Население деревни состояло из татар, принадлежащих к сословию вотчинников-«башкир», исповедующих магометанство. По словам жителей, деревня возникла более 200 лет назад, но менее 300 лет. Среди письменных памятников старины в деревне хранились копия грамоты царя Михаила Федоровича и подлинная грамота царя Петра Алексеевича. Земля была разделена в 1886 г. на 12 лет по числу наличных душ мужского пола. В деревне имелось до 50 веялок, а при селении действовали две общественные мукомольные мельницы²³.

В д. **Агрыз** Сарапульского уезда Вятской губернии по состоянию на 26 апреля 1859 г. насчитывалось 3 души муж. пола и 12 душ жен. пола (2 двора) татар башкирского сословия 6-й юрты. Это были наследники указного ахуна Абубакира Ягаферова (1786–1854; троереженец) и Габдулнафика Ахмадиева (1801–1852)²⁴.

Следует подчеркнуть, что абсолютное большинство населения д. Агрыз составляли государственные татары (бывшие ясачные татары). Именно при их активном участии в XVIII в. окончательно сформировался сословный состав Юрминской поземельной волости²⁵.

Важно отметить, что д. Агрыз не может рассматриваться как поселение, основанное на землях Енейской волости. Енейцы поселились здесь в силу сложившихся обстоятельств, о чём свидетельствует указание в источнике 1834 г., что они проживают «на казенной земле». Этот факт подтверждает особый статус данного поселения и его отличие от традиционных вотчинных деревень енейских «башкир».

В д. **Утяганово** (ныне Агрызского района РТ) по данным на 16 апреля 1859 г. проживало 236 душ муж. пола и 241 душа жен. пола в 85 дворах. Население состояло из двух сословных групп: «башкир»-вотчинников (214 мужчин и 212 женщин в 76 дворах) и «тептярей» (22 мужчины и 27 женщин в 9 дворах). Среди жителей выделялся указной мулла Назметдин Гайсин (53 года), а также примечателен факт обучения 13-летнего Мухамметкарима, сына «тептяря» Габдулкарима Габдрахимова (34)²⁶, в Мензелинском уездном училище – аналогичный случай ранее отмечался в д. Сляково.

²³ Там же.

²⁴ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 789. Л. 150–152.

²⁵ Каримов Т.Т. Азнакай төбәге авыллары һәм нәселләре тарихы (История поселений и генеалогии Азнакаевского края). Казань, 2023. 316 с.

²⁶ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 789. Л. 185–209.

Уточненные сведения показывают, что в Утяганово вместе с д. Новомастеево насчитывалось 252 «башкира»-вотчинника, еще 32 вотчинника проживали в д. Аднагулово. «Тептяри» (22 души) владели земельным наделом в 475 десятин 1917 сажений. Эти три поселения составляли единое Утягановское сельское общество²⁷.

Особенностью административного учета было разделение по уездам: «башкиры из тептярей» относились к Елабужскому уезду, а вотчинники – к Сарапульскому, что полностью соответствовало практике, применявшейся и для д. Касаево.

Статистический сборник 1876 г. зафиксировал в д. Утяганово Елабужского уезда 427 жителей (214 мужчин и 213 женщин), проживавших в 84 дворах. Наличие мечети²⁸ в поселении подчеркивало сохранение традиционного мусульманского уклада жизни местного населения, характерного для татарских деревень региона.

Однако представленные демографические показатели вызывают обоснованные сомнения, поскольку они оказались ниже данных 1859 г., что противоречит общей тенденции естественного прироста сельского населения во второй половине XIX в. Расхождение может объясняться методическими проблемами статистического учета того времени (неполный охват населения, ошибки в подсчетах).

Согласно переписи 1890 г., д. Утяганово продемонстрировала значительный демографический рост. Вотчинники составляли 877 человек (441 мужчина и 436 женщин) в 147 дворах, тогда как «тептяри» насчитывали 70 человек (41 мужчина и 29 женщин) в 14 дворах. В состав Утягановского сельского общества также входила д. Аднагулово (в источнике обозначенная как «Андаулов (Голодаевка)»), где проживало 116 вотчинников (56 мужчин и 60 женщин) в 23 дворах²⁹.

Эти данные отражают существенное увеличение численности населения по сравнению с 1859 г. – с 718 до 1016 человек обоего пола. Примечательно, что в переписи обе сословные группы (вотчинники и «тептяри») указаны с «башкирской» народностью, что свидетельствует о сохранении административных последствий закона 1855 г., согласно которому «тептяри» были причислены к башкирскому сословию. Этот факт подчеркивает устойчивость

²⁷ Там же. Ф. И–172. Оп. 1. Д. 32. Л. 380 об.–381.

²⁸ Вятская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859–1873 годов. СПб., 1876. С. 605.

²⁹ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 7. Сарапульский уезд. Ч. 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 98–99. В данном источнике указывается, что селение, расположенное в 8 верстах от волостного правления, возникло в 1830 г., а его основателем был татарин по имени Аднаул. Источник предпочёл назвать его и других вотчинников, населяющих деревню, татарами (Там же. С. 55 (прил.)).

сословных классификаций в официальной статистике даже спустя 35 лет после принятия указанного закона.

Проведенные расчеты земельного обеспечения в Утягановском сельском обществе показывают практически равные условия для разных сословных групп: вотчинники располагали 7,56 дес. на душу мужского пола (всего 3337 дес.), тогда как «тептяри» – 6,21 дес. (255 дес.). Аналогичная ситуация наблюдалась в д. Аднагулово, где на 56 мужчин-вотчинников приходилось 423 дес. земли (по 7,55 дес. на человека)³⁰.

Эти цифры свидетельствуют о незначительном различии (всего 1,35 дес.) в земельном обеспечении между вотчинниками и «тептярями», что может объясняться особенностями земельного перераспределения в рамках конкретного сельского общества. Примечательно, что норма землепользования в Аднагулово практически полностью совпадала с утягановскими показателями для вотчинников (7,55 против 7,56 дес.), демонстрируя единый подход к землеустройству в пределах одной административной единицы.

В д. **Новое Мастеево** Сарапульского уезда Вятской губернии в 1859 г. учтено 38 душ муж. пола и 32 души жен. пола (9 дворов) татар башкирского сословия 5-й юрты. Здесь отмечены семьи Габдрахмана Мухамметвалиева (25 лет), Габдулгафара Ильясова (43), Габдулвалия Габдуллатипова (55), Габдулхабира Габдулвалиева (30), братьев Шаяхмета (45), Хамдусания (41), Рахматуллы (61), Губейдуллы (1803–1857) Рафиковых и Биктимера Губайдуллина (22)³¹.

После 1959 г. д. Новое Мастеево перестала фигурировать в переписных материалах как самостоятельный населенный пункт. Как следует из нашего предыдущего анализа по д. Утяганово, в некоторых учетных документах Ново-Мастеево уже учитывалось совместно с Утяганово. Примечательно, что в отдельных источниках этот административный переход был зафиксирован еще до официального исчезновения деревни из переписей.

Далее перечислим другие населенные пункты, относящиеся к 5-й юрте 17-го кантона. Это: Аднагулов Починок (Сарапульский уезд) с населением 32 души муж. пола и 46 душ жен. пола (12 дворов), числящиеся как «башкиры»; Усть-Саклы (Елабужский уезд) с 230 мужчинами и 198 женщинами (65 дворов), записаны как «башкиры из тептярей, некрещеные черемисы»; Пелемышево (Елабужский уезд) с 64 мужчинами и 75 женщинами (21 двор), обозначены как «башкиры из тептярей, некрещеные черемисы»; Бима (Елабужский уезд) с 207 мужчинами и 247 женщинами (59 дворов), отмечены как «башкиры из тептярей, некрещеные черемисы»; Ошбуй (Елабужский уезд) с 25 мужчинами и 35 женщинами (11 дворов), записаны как «башкиры из тептярей, некрещеные черемисы»; Кадряково (Елабужский уезд) с 119 мужчинами и

³⁰ Там же. С. 102–103.

³¹ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 789. Л. 216–220.

160 женщинами (44 двора), указаны как «башкиры из тептярей, некрещенные черемисы»; Текашево (Елабужский уезд) с 30 мужчинами и 28 женщинами (9 дворов), отмечены как «башкиры из тептярей, некрещенные черемисы».

Как видим, большую часть населения в этих поселениях составляли некрещенные черемисы тептярского сословия, ставшие «башкирами» в 1855 г. Все деревни, за исключением Аднагулова Починка, относились к Елабужскому уезду.

Согласно источнику 1876 г., жители тептярского сословия дд. Текашево (30 душ муж. пола по 10-й ревизии), Бима (207 душ муж. пола), Кулегаш (64), Каменный Ключ (32), Байтуганово (63), Ожбуй (25), Кадряково (119), Пелямыш (63) и Мандык (47) входили в состав Бимского общества и волости Елабужского уезда, пользовались правами «тептярей» и выплачивали подушный сбор в размере 2 руб. 41 коп., а также государственный земский сбор – 1 руб. 17,5 коп.³²

Однако в данном источнике вызывает вопрос численность ревизских душ в д. Мандык, так как ранее она указывалась в других, отличающихся данных. Это расхождение может свидетельствовать о возможных изменениях в составе населения деревни с течением времени.

По данным того же источника, дд. Усть-Саклы (230 душ муж. пола «тептярей») и Ахтиал (33 души государственных крестьян без вновь причисленных) составляли Усть-Саклинское общество и были обозначены как «деревни Усаклы (Ахтиал тож) владения крещеных и некрещеных черемис и тептярей» дачи № 19. Первая имела 1202 десятины 1597 саженой земли, вторая – 227 десятин 1942 сажени³³.

Население обеих деревень обозначено припущенниками. В историко-статистическом описании говорится, что *«деревня Усакла (Усть-сакла) находится при рч. Усакле и пруде, в 50 верст от уездного города, в 15 в. от волостного правления и в 6 в. от ближайшего училища и приходской церкви. Жители – черемисы из тептярей, «вотчинники», православного вероисповедания и язычники. Возникла деревня раньше 1723 г. (сохранился документ этого года, по которому Исенбаевцы уступают Усаклинским черемисам-тептярям землю, принадлежащую в настоящее время Исенбаевцам же – башкирам и удельным крестьянам дер. Гремячаго ключа). Первые переселенцы приехали сюда, как предполагают, из Яранскаго и Уржумскаго «округов». У довереннаго общества Кучерги Изергина хранятся: 1) расписки в платеже налогов от 1736–1741 гг., 2) копия с записи от 1723 года, утверждающей право владения Усаклинцев на уступленные им башкирами д. Исенбаевой (Арзамасцевской в.) земли и 3) копия с плана генеральнаго межевания земель от 1807 г. с межевой книгой. Земля разделена по наличным*

³² Там же. Ф. И–172. Оп. 1. Д. 32. Л. 311 об.–312.

³³ Там же. Л. 313 об.

душам мужского пола, с условием нового передела через каждые 12 лет. В селении имеется 5 веялок. Общине принадлежат две водяных мукомольных мельницы»³⁴.

Представленное описание в значительной степени дублирует и подтверждает ранее изложенную информацию о происхождении деревни. Важно отметить, что **Усть-Саклы** (ныне Каракулинского района Удмуртии) административно относилась к Сарапульскому уезду Вятской губернии.

Примечательно, что в том же статистическом источнике упоминается д. Татарский Ахтиал (ныне входящая в состав Менделеевского района РТ), расположенная в Елабужском уезде той же губернии. Несмотря на то, что д. Усть-Саклы имеет связь с топонимом Ахтиал, между этими населенными пунктами отсутствует какая-либо историческая взаимосвязь, хотя они и относятся к одному географическому ареалу.

Вернёмся к ревизским сказкам 1859 г. К 6-й юрте 17-го кантона относились татары тептярского и башкирского сословий Елабужского уезда Вятской губернии, жившие в дд. Девятерня, Кадыбаш и Касаево.

В д. **Девятерня** (ныне Агрызского района РТ) в 1859 г. насчитывалось 329 душ муж. пола и 333 души жен. пола (106 дворов), принадлежавших к тептярскому и башкирскому сословиям. При этом «башкирских» дворов было всего 16 (это дворы братьев Мухаммадия, Ахметзяна и Ахмадия Суюндуковых, Ермухаммета Сагындыкова, Биктагира и Биктимера Мухамметаминовых, Тактагула Мукаева, Мухамметлатипа и Габдулмухита Тактагуловых, Забира Юзеева, Гайнуллы Исмагилова, Файзуллы Гайнуллина, Мухамметши и Хусеина Мухаммедьяровых, Тохфатуллы Исмагилова). Поскольку в 1855 г. «тептяри» перешли в Башкирское войско, на титульном листе ревизской сказки всё население указано как «башкиры», а внутри документа «тептяри» обозначены как «башкиры из тептярей».

Состав жителей деревни претерпел изменения. Например, семья Абушахмы Сафаргалиева переехала в д. Кадыбашево по распоряжению командующего Башкирским войском от 22 августа 1858 г. Также в Девятерню из д. Большие Варзи переселились братья Габдулкабир (24 года), Габдулхалик (14), Габдулвахит (13) и Ахмадиша (9) Габдулнасыровы. Последним в списке значится отставной солдат Губейдулла Галикеев (41), уволенный в 1859 г. Кроме того, в документе приведены данные предыдущей ревизии 1850 г., согласно которой в деревне проживало 267 мужчин³⁵.

Известно также, что семьи Тохфатуллы Сафаргалиева и Аиткула Зуюлькарнеева (5 душ по 7-й рев.; 10 душ по 8-й рев.; 17 душ по 10-й рев.) прожи-

³⁴ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 7. Сарапульский уезд. Ч. 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 143 (прил).

³⁵ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 789. Л. 19–40.

вали в починке Малый Кадыбаш «с давних лет». Эти сведения сообщили в 1867 г. представители деревни³⁶.

По уточненным данным, в 1859 г. в д. Девятерня Тугузской тюбы Енейской волости (так указано в источнике) проживало 41 душа «башкир-припущенников», а также 266 «тептярей» и 24 государственных крестьянина. Государственные крестьяне владели 154 десятинами 1528 саженьями земли, в то время как «башкиры-припущенники» и «тептяри» совместно владели 2904 десятинами 308 саженьями земли. Эти данные подчеркивают сложную социальную и земельную структуру деревни, где в середине XIX в. сосуществовали различные сословные группы с разными правами на землю и имущество³⁷.

В документах отмечается, что «башкиры» д. Девятерня административно относились к Байлярской волости, будучи приписанными к Тугузской тюбе, хотя фактически эта тюба являлась структурным подразделением Енейской волости. Такая административная условность объясняется особенностями учета населения: наряду с Девятерней к этой тюбе были отнесены вотчинники д. Куразово³⁸, тогда как остальные байлярцы к ней отношения не имели. Это свидетельствует о характерной для того периода практике формального прикрепления населенных пунктов к административным единицам без учета реальной поземельной или волостной принадлежности, что создавало искусственные административные границы между волостями. В случае с Тугузской тюбой мы видим типичный пример такого «бумажного» поземельного образования, созданного для упрощения управления, но не отражавшего реального расселения и земельных отношений.

Следует отметить, что в одном из источников «тептяри» упоминаются как «башкиры», общее число которых составляет 330 душ, при этом весь земельный надел для этой категории населения указан в размере лишь 1100 десятин.

Кроме того, здесь же зафиксированы 27 душ государственных крестьян, которые владеют 141 десятиной и 1300 квадратными саженьями земли³⁹.

Эти данные демонстрируют важность критического подхода к анализу исторических источников. Существенные расхождения в численности населения и размерах земельных наделов указывают на необходимость тщательной проверки и сопоставления различных документов.

Примечательно, что терминология и классификация населения («тептяри» как «башкиры») могут значительно варьироваться в зависимости от источника, что требует особого внимания при изучении и интерпретации исторических данных.

³⁶ Там же. Ф. И–172. Оп. 1. Д. 32. Л. 246.

³⁷ Там же. Л. 380 об.–381, 384 об.–385.

³⁸ Там же. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 431. Л. 103 об.–104.

³⁹ Там же. Ф. И–172. Оп. 1. Д. 32. Л. 311 об.

В конце 1862 – начале 1863 гг. «башкиры» д. Девятерня 17-го кантона заключили договор об аренде с одновотчинниками Тактагуловым, Габдрахимовым и Мухаммадиевым, передав им в 12-летнее кортомное (арендное) содержание базарные помещения⁴⁰. Этот факт, зафиксированный в официальных документах (хотя и с некоторыми орфографическими неточностями в именах арендаторов), красноречиво свидетельствует о значительном торговом статусе Девятерни в середине XIX в. Наличие стационарных базарных построек и долгосрочные арендные отношения указывают, что деревня являлась не просто периодическим местом торговли, а устойчивым торговым центром региона, приносившим стабильный доход как владельцам-вотчинникам, так и предпринимчивым арендаторам из числа местных жителей.

Согласно данным статистического сборника 1876 г., д. Девятерня Сарapulьского уезда находилась при реке Кырыкмас, в 40 верстах от уездного города и 35 верстах от становой квартиры. Поселение насчитывало 151 двор с населением 358 мужчин и 369 женщин (всего 727 жителей). Важным элементом инфраструктуры деревни являлась мечеть⁴¹, известная также по ранним источникам. Эти сведения демонстрируют значительный рост населения по сравнению с более ранними периодами: если в 1859 г. в деревне проживало 662 человека (329 мужчин и 333 женщины), то к 1876 г. численность увеличилась на 65 человек, что соответствует естественному приросту населения во второй половине XIX в.

Согласно историко-статистическому описанию 1889 г., д. Девятерня располагалась при рч. Большая Казы в 45 верстах от уездного города и в 8 верстах от волостного правления. В деревне функционировали татарское училище и мечеть, а население состояло из «башкир» (включая собственно «башкир, тептярей и бывших государственных крестьян») мусульманского вероисповедания. Примечательно, что земля под деревней была пожалована царем Иваном Грозным «башкиру» Шагастану Япарову. Изначально поселение носило название Шульповской. Среди местных жителей сохранились предания о Пугачеве, с которым их предки якобы участвовали в походе на Казань. В двух верстах к западу от деревни до сих пор можно увидеть дорогу, по которой проходил Пугачев, а также земляной мост, который, по легенде, был построен его отрядами. У местного муллы хранились ценные письменные памятники: копия грамоты царя Михаила Федоровича, грамота Петра Алексеевича, а также документы 1809 г. – копия мирского приговора о выборе казака во 2-й тептярский Казанский полк и письменное обязательство «тептяря» Мухаммет-Рахатова служить за семейство Супханкулова. В хозяйственном плане деревня развивалась следующим образом: у «башкир» и

⁴⁰ Там же. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 11949. Л. 1–2.

⁴¹ Вятская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859–1873 годов. СПб., 1876. С. 605.

«тептярей» земля была разделена в 1886 г. на 12 лет по рабочим силам мужского пола, а у бывших государственных крестьян – по ревизским душам. Общество арендовало казенную оброчную статью за 55 руб. 50 коп. для выпаса скота. В деревне имелась общественная водяная мукомольная мельница, а у десяти домохозяев были веялки⁴².

Эти сведения частично согласуются с генеалогическими данными государственных крестьян, где упоминается имя Япара, что косвенно подтверждает существование исторической фигуры Шагастана Япарова. Тем не менее, документальное подтверждение выдачи грамоты от Ивана Грозного отсутствует. Согласно другой информации, грамота Шигастану Япарову, «башкирцу» д. Тугуз, датируется 22 ноября 7210 г. от царя Федора Ивановича и подтверждается памятью от 1710 г.⁴³ Однако правление царя Федора Ивановича происходило в период с 1584 по 1598 г., что вызывает сомнения относительно достоверности указанной даты документа.

Необходимо отметить, что этот исторический документ имел непосредственное отношение и к «тептярям» дд. Утяганово (19 душ муж. пола) и Каддыбаш (131 душа). По их показаниям в 1847 г., они проживали на указанных территориях «с давних лет», что подтверждалось представленной ими в официальных документах «памятью» (грамотой), якобы выданной в период правления Ивана Васильевича (Грозного)⁴⁴.

В 1890 г. д. Девятёрня Исенбаевской волости Сарапульского уезда являлась типичным примером сословного учета населения в Российской империи. По данным переписи, из 1054 жителей (522 мужчины и 543 женщины) большинство – 1007 человек – были зарегистрированы как «башкиры». В их число входили 76 вотчинников (40 мужчин и 36 женщин в 17 дворах) и 930 «тептярей» (455 мужчин и 475 женщин в 164 дворах). Отдельно учитывались 59 государственных крестьян (27 мужчин и 32 женщины в 10 дворах), составлявших менее 6% населения⁴⁵.

Такой учет ярко демонстрирует административную практику того времени, когда термин «башкир» использовался исключительно как сословная категория. Объединение вотчинников и «тептярей» (последние составляли 92% от общего числа «башкир») под одной рубрикой отражало их прежнюю принадлежность к Башкирскому войску с 1855 г., хотя эти группы сохраняли различия в происхождении и традиционных правах. Подобная система учета

⁴² Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 7. Сарапульский уезд. Ч. 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 51–52 (прил.).

⁴³ НА РБ. Ф. И–172. Оп. 1. Д. 32. Л. 251–258 об.

⁴⁴ Там же. Л. 257 об.

⁴⁵ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 7. Сарапульский уезд. Ч. 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 98–99.

подчеркивает приоритет сословного принципа над этническим в имперской статистике XIX в.

В д. **Кадыбаш** (ныне Агрызского района РТ) в 1859 г. насчитывалось 309 душ муж. пола и 293 души жен. пола (106 дворов) татар тептярского и башкирского сословий. Так как «тептяри» стали «башкирами» в 1855 г. с переходом в Башкирское войско, то в титульном листе ревизской сказки обозначены как «башкиры из тептярей».

В ревизской сказке 1859 г. зафиксированы характерные фамилии местного населения – Сатыев, Назиров, Ермухамметов, Амиров, Габдулгазиев, Абдуллин и Габдулкаримов, которые демонстрируют удивительную преемственность поколений. Сравнительный анализ с более ранними ревизскими списками, в частности с документами 1762 г., позволяет предположить, что эти фамилии представляют собой прямое продолжение родовых линий, где современные носители фамилий являются сыновьями или прямыми потомками лиц, упоминавшихся столетием ранее. Эта устойчивая антропонимическая традиция не только отражает глубокие корни местных семей в регионе, но и свидетельствует о сохранении системы именования, где фамилии формировались по классическому восточному принципу – через отчество (имя отца), что обеспечивало четкую генеалогическую идентификацию на протяжении многих поколений.

В августе 1858 г. сюда перешли семьи «башкирцев» братьев Гибадуллы (36 лет), Мухамметсадыка (31) и Мухамметзяна (29) Зюбеириных из д. Старое Ашаново Осинского уезда Пермской губернии, зафиксированные на новом месте одним двором. Тогда же из д. Девятёрня перешла «тептярская» семья Абушахмы Сафаргалиева (56; сыновья Ахметситдык, Губейдулла). Последними учтены уволенные в отставку Габдрахман Габдрафиков (35; «отставной рядовой» с 1858 г.) и Абубакир Биктемиров (35; «отставной унтер-офицер» с 1856 г.). Последний «находится лесным объездчиком в Елабужском уезде»⁴⁶.

Следует особо подчеркнуть, что до перехода татар башкирского сословия из д. Старое Ашаново рассматриваемая д. Кадыбаш была односословной (ранее по материалам 1762 г. мы отметили, что там жил старшина ясачных татар Енейской волости Уразмет Юсупов). Переселение староашановцев указывает как на единство менталитета, так и на давние связи между татарами Елабужского, Мензелинского и Осинского уездов, что подтверждается и другими источниками.

Особого внимания в переписной ведомости 1859 г. заслуживает запись № 8, в которой указан Муса Сейфульмулюк (37 лет). Его жена – Шамсиган Рахматуллина (33), а дети – двое сыновей: старший Идрис (13) и младший Мифтахутдин (3; в источнике ошибка – «Мувтахитдин»), а также дочь Шамсиниса⁴⁷.

⁴⁶ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 789. Л. 42–64.

⁴⁷ Там же. Л. 44 об.–45.

Дальнейший анализ исторических источников позволил обнаружить интересную связь. В военных документах фигурирует рядовой 156-го пехотного Елисаветпольского полка Мусин Муштадин, уроженец д. Кадыбаш Исенбаевской волости Сарапульского уезда. Согласно записям, он погиб в октябре 1877 г., участвуя в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.⁴⁸

Сопоставление этих двух источников позволяет выдвинуть гипотезу о том, что имя «Муштадин» также является ошибочной записью, и правильной формой следует считать «Мифтахутдин». Это предположение подтверждается схожестью происхождения и хронологическим соответствием возрастов.

Данный пример наглядно демонстрирует, насколько важно проводить тщательный анализ исторических документов и критически оценивать содержащуюся в них информацию. Ошибки в написании имен и фамилий могут существенно затруднить идентификацию исторических личностей и восстановление их биографий. Подобные уточнения играют ключевую роль в воссоздании достоверной картины прошлого, особенно при изучении участия отдельных семей в значимых исторических событиях, таких как военные кампании и войны.

Такой подход к работе с историческими источниками не только помогает восстановить точные факты, но и позволяет глубже понять социальные и демографические процессы того времени, а также проследить судьбы конкретных семей на протяжении нескольких поколений.

Согласно обновленным данным, в 1859 г. в д. Кадыбаш Тугузской тюбы Енейской волости, включая починок Галеев, насчитывалось 7 душ «башкир»-припущенников, 333 души «тептярей» и 84 души государственных крестьян. «Тептяри» и «башкиры» совместно владели 3575 десятинами 798 саженьями земли, а государственные крестьяне – 125 десятинами 1090 саженьями. Оба поселения (Кадыбаш, Галеев) входили в состав Кадыбашевского сельского общества⁴⁹. Эти данные подчеркивают сложную социальную и земельную структуру, где сосуществовали различные сословные группы с разными правами на землю и имущество. Разделение земельных владений отражает различия в статусе и хозяйственной деятельности между «тептярями», «башкирами-припущенниками» и государственными крестьянами в середине XIX в.

Статистический сборник 1876 г. показывает, что в д. Кадыбаш Елабужского уезда проживало 309 мужчин и 252 женщины в 106 дворах. В деревне также функционировала мечеть⁵⁰, являвшаяся важной частью религиозной и культурной жизни местного населения. Однако зафиксированная численность населения не отражала реальное количество жителей.

⁴⁸ Кадыбаш. URL: <https://rodnaya-vyatka.ru/places/107969> (дата обращения: 15.05.2024).

⁴⁹ НА РБ. Ф. И–172. Оп. 1. Д. 32. Л. 381 об.–382.

⁵⁰ Вятская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859–1873 годов. СПб., 1876. С. 192.

Особый интерес представляет историко-статистическое описание 1889 г. Деревня Большой Кадыбаш Исенбаевской волости Сарапульского уезда расположена при речке того же «имени», в 40 верстах от уездного города, в 5 верстах от волостного правления и в 4 верстах от ближайшего татарского училища. В деревне имеется мечеть. Население состоит из татар (преимущественно «тептярей» и частично «башкир») мусульманского вероисповедания. Это одна из старейших деревень, старше Сосновки и Косаева: первые поселенцы вынуждены были ездить за огнем (спичек тогда не было) за 25 верст в деревню Большую Салью Елабужского уезда, так как ближе не было ни одного селения. По словам крестьян, у них были жалованные грамоты на землю от царя Ивана Грозного. Около четырех лет назад общество решило ходатайствовать о подтверждении своих прав на эту землю. Был выбран уполномоченный, которому вручили все документы и отправили в Петербург. Однако ходок умер в Петербурге, и судьба документов осталась неизвестной. Земля делится по наличным душам мужского пола (надел получают все лица мужского пола от однодневного до 100-летнего возраста). Общество нанимает для выпаса скота Башкирскую и Старосальинскую казенные дачи за 51 рубль. Пасутся все виды скота, кроме свиней и коз. Арендная плата распределяется по числу голов скота: по 11–12 коп. с коровы и лошади и по 5 коп. с овцы. В деревне имеются 3 вейлки⁵¹.

Как видим, ключевым земельным документом жителей выступает грамота, датированная эпохой правления царя Ивана Грозного. Однако этот документ, фигурирующий в исторических источниках без какого-либо содержательного наполнения, вызывает серьезные сомнения в своей достоверности. При детальном анализе, особенно в контексте изучения д. Девятёрня, чьи «тептяри» также апеллировали к этому документу, были выявлены существенные несоответствия как в датировке выдачи грамоты, так и в личности царя, якобы ее выдавшего. Более тщательное исследование выявляет явные хронологические нестыковки, которые ставят под вопрос как время появления этого документа, так и его фактическое соответствие историческим реалиям описываемого периода. Это особенно заметно при сопоставлении с другими историческими источниками и контекстом развития региона в XVI в.

Следует особо указать, что решение земельного вопроса в д. Кадыбаш (включая починок Галеево) демонстрировало строго нормированное распределение угодий по сословному принципу. Согласно данным 7-й ревизии, на каждую душу мужского пола приходилось: 40 десятин у вотчинников, 27 десятин 836 саженей у припущенников военного ведомства и всего 13 десятин 1618 саженей у государственных крестьян гражданского ведомства (так назывались ясачные татары). При общем земельном фонде в 3575 десятин 798

⁵¹ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 7. Сарапульский уезд. Ч. 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 52–53 (прил.).

саженей (включая 47 десятин 954 сажени неудобных земель) на 129 ревизских душ⁵², эти нормативы показывают, что «тептяри» хотя и получали значительно меньше земель, чем вотчинники, но всё же имели существенно лучшие условия по сравнению с государственными крестьянами, что отражало их промежуточный сословный статус в системе землепользования.

Отметим, что земельные наделы и в других населенных пунктах Енейской волости также распределялись строго пропорционально численности населения. Так, в д. Большая Быргында 187 душ государственных крестьян-черемисов владели 3024 десятинами 1173 саженьями земли (примечание: владели вместе с крестьянами д. Большая Ныргында), тогда как в д. Малая Быргында 50 душ «тептярей» располагали 369 десятинами 305 саженьями. Аналогичная картина наблюдалась в Ныргындиных поселениях: 228 душ (223 основных и 5 вновь причисленных) государственных крестьян Большой Ныргынды контрастировали с 19 душами «тептярей»-черемисов Малой Ныргынды, чей надел составлял лишь 143 десятины 574 сажени. Все указанные поселения находились на казенных землях⁵³.

В д. **Косаево** (ныне Косаево Агрызского района РТ), относящейся к Елабужскому уезду, по состоянию на 17 апреля 1859 г. было зарегистрировано 156 душ муж. пола и 160 душ жен. пола 6-й юрты, проживавших в 50 дворах. Эти жители, ранее принадлежавшие к тептярскому сословию, с 1855 г. получили статус «башкир из тептярей». Среди них значились наследники Биктагира Гумерова, Бикмухаммета Валитова, семья Шагиахмета Валитова (62 года) и другие. Особый интерес представляет последняя запись в списке – 72-летний Хамит Абдулов, бывший фейерверкер 4-го класса до выхода в отставку⁵⁴.

В тот же день был составлен отдельный список жителей д. Косаево, относящейся к Сарапульскому уезду Вятской губернии. В него вошли 30 душ муж. пола и 31 душа жен. пола из 11 дворов, принадлежавших к татарам башкирского сословия 6-й юрты. Среди них указаны наследники Тойки Балтина, семья Идриса Габдрашитова (67 лет) и другие⁵⁵. Примечательно, что обычно на татар обоих сословий составлялся единый список, поэтому такая форма оформления ревизской сказки представляет собой исключительный случай.

Обращаем внимание, что одна часть деревни отнесена к Елабужскому уезду, другая – Сарапульскому. После ревизии по предписанию Командующего войском от 19 июня 1859 г. в список «башкирцев» д. Косаево Сарапуль-

⁵² НА РБ. Ф. И–172. Оп. 1. Д. 32. Л. 232. По другому источнику, в д. Кадыбаш (возможно, без починка) «тептярей» в 1816 г. было 123 души (Там же. Л. 244 об.)

⁵³ Там же. Л. 381 об.–382.

⁵⁴ Там же. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 789. Л. 65–77.

⁵⁵ Там же. Л. 153–157.

ского уезда внесли семью указного муллы Мраткузи Моратова (57 лет) из д. Большие Варзи, состоявшую из 3 душ муж. пола и 2 душ жен. пола⁵⁶.

Согласно уточненным данным, в 1859 г. среди татар башкирского сословия, проживавших в деревне, 13 человек считались вотчинниками, а 17 – припущенниками. Кроме того, 159 человек относились к «тептярям», а 13 – к государственным крестьянам. Государственные крестьяне владели 98 десятинами 755 саженьями земли, а остальные жители (вотчинники, припущенники и «тептяри») совместно владели 2306 десятинами 724 саженьями земли⁵⁷. Эти сведения отражают сложную социальную и земельную структуру деревни в середине XIX в.

Следует указать, что «тептяри» д. Касаево, численность которых увеличилась с 69 душ мужского пола (7-я ревизия) до 96 душ (9-я ревизия), обладали значимым юридическим документом – земельной грамотой петровского времени, которая служила ключевым основанием для их земельных притязаний. Этот документ подтверждал их заявления о происхождении «из рода башкирцев» и длительном проживании на данной территории. Аналогичный правовой статус наблюдался и у «тептярей» других деревень региона, таких как Девятёрня (рост с 87 до 150 душ муж. пола) и Кадыбашево⁵⁸, что свидетельствует о системном характере интеграции этих групп в социально-экономическую структуру края. Наличие схожих земельных грамот у разных общин подчеркивает не только их общие юридические основания для владения землей, но и стратегию легитимации своих прав через апелляцию к историческим документам, что было характерно для татар тептярского сословия в XVIII–XIX вв.

По данным 1890 г., д. Касаево Исенбаевской волости имела следующее сословное деление населения: «тептяри» – 309 мужчин и 281 женщина в 103 дворах, вотчинники – 23 мужчины и 19 женщин в 7 дворах, государственные крестьяне – 19 мужчин и 18 женщин в 7 дворах.

Примечательно, что данные о наличном приписном населении оказались несколько меньше: среди «тептярей» – 304 мужчины и 275 женщин в 102 дворах, среди государственных крестьян – 18 мужчин и 18 женщин в 6 дворах, тогда как численность вотчинников осталась неизменной⁵⁹. Это свидетельствует о том, что часть жителей временно отсутствовала, вероятно, занятая сезонными работами или поиском дополнительных источников дохода за пределами деревни. Такая ситуация была характерна для многих сельских поселений того времени и отражала стремление крестьян улучшить свое материальное положение.

⁵⁶ Там же. Л. 161 об.–162.

⁵⁷ Там же. Ф. И–172. Оп. 1. Д. 32. Л. 380 об.–381.

⁵⁸ Там же. Л. 4 об., 257–257 об.

⁵⁹ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 7. Сарапульский уезд. Ч. 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 98–105.

Важно отметить, что в этом и других документах «тептяри» и вотчинники записывались по народности как «башкиры», что отражало не этническую принадлежность, а их административно-сословное положение. Эта практика, установленная для «тептярей» в связи с их причислением в Башкирское войско в 1855 г., сохранялась вплоть до 1917 г., демонстрируя приоритет сословного принципа в государственном учете населения.

Согласно краткому историко-статистическому описанию конца XIX в., д. Косаево (название происходит от слова «косасл», что в переводе означает «пальник» – место, где когда-то выгорел большой лес) расположена при рч. Ильмарзе, в 40 верстах от уездного города и в 5 верстах от волостного правления. В деревне имеется мечеть с двумя муллами, которые также занимаются обучением детей. Организованная школа находится в 4 верстах, в д. Девятерня. Население состоит из татар мусульманского вероисповедания, принадлежащих к трем сословиям: тептяри, башкиры-вотчинники и бывшие государственные крестьяне. Деревня основана в 1785 г. «Башкиры» и «тептяри» переселились сюда из д. Куяново той же волости, а бывшие государственные крестьяне – из д. Кучуково (бывшей Сальинской, ныне Мушаковской волости Елабужского уезда). Последние ранее принадлежали к казачьему татарскому войску. «Тептяри» рассказывают, что во время их проживания в Куянове к ним заходил Пугачев и даже гостил у татарского сотника Гумара Маувлишева⁶⁰, который, по преданию, провел его до Казани. В благодарность за гостеприимство войско Пугачева не трогало деревню. Земля у «тептярей» делится по ревизским душам, а у «башкир» и бывших государственных крестьян – по наличным душам с переделом каждые 12 лет. В деревне у отдельных хозяев имеется около 20 веялок, которые можно использовать за плату от 5 до 10 коп. за один прием веяния⁶¹.

Следует заметить, что указанная в данном источнике дата основания деревни – 1785 г. – требует критического подхода и внимательного анализа. Эта дата, очевидно, не отражает момент первоначального заселения территории, а скорее обозначает важный этап административно-демографических изменений. В этот период произошло значительное преобразование состава населения за счет новопоселенцев, что привело к формированию новой сословной структуры поселения. Важно понимать, что подобные даты в официальных документах часто фиксировали ключевые вехи юридического оформления земель

⁶⁰ Ревизская сказка 1834 г. по д. Косаево Елабужского уезда позволяет установить его правильную фамилию – Гумер Мавлюшев (1732–1817). У него были следующие сыновья: Биктагир (58 лет), Валит (1760–1819), Габит (71), Габдулмазит (69), Хабибулла (57), Биктимер (57). В деревне насчитывалось 96 душ муж. пола и 106 душ жен. пола татар тептярского сословия команды старшины Фаткуллы Тукаева (НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 580. Л. 119–124).

⁶¹ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 7. Сарапульский уезд. Ч. 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 53 (прил.).

ных прав или изменения статуса населенного пункта, а не реальный возраст поселения. Такой подход был характерен для многих населенных пунктов региона, где официальные даты основания нередко отражали не начало заселения, а именно момент юридического оформления или административного признания. Поэтому при изучении истории возникновения и развития деревни необходимо учитывать, что указанная дата 1785 г. может относиться скорее к административному акту, чем к реальному времени начала поселения.

В д. **Сосново** (ныне Агрызского района РТ) Сарапульского уезда в 1859 г. проживало 244 «тептяря» (формально учитывавшихся как башкиры в связи с их принадлежностью к Башкирскому войску с 1855 г.) и 93 государственных крестьянина. Земельные владения этих групп существенно различались: «тептяри» обладали 2625 десятинами 1582 саженьями земли, тогда как государственные крестьяне – лишь 1060 десятинами 491 саженьями⁶². Такое неравномерное распределение земель отражало различия в правовом статусе и хозяйственных практиках этих сословных групп. «Тептяри» неизменно составляли большинство населения, что подтверждается и данными 7-й ревизии по д. Наратово (Сосново тож), где тогда насчитывалось 94 «тептяря» против 74 государственных крестьян (по другим данным, 93 «тептяря» и 71 государственный крестьянин)⁶³. Обе деревни – Сосново и Касаево – входили в Сосновское сельское общество и поземельно относились к Тугузской тюбе Енейской волости, что определяло особенности их земельных отношений и местного самоуправления.

В «Списке населенных мест Российской империи», изданном в 1876 г., населенный пункт упомянут как две казенные деревни 2-го стана Елабужского уезда Вятской губернии, при рч. Кырыкмасе, расположенные в 120 верстах от уездного города Елабуга. В первой насчитывалось 36 дворов и проживало 220 человек (108 мужчин и 112 женщин), во второй было 86 дворов и проживало 546 жителей (253 мужчины и 293 женщины), имелась мечеть⁶⁴.

Согласно краткому историко-статистическому описанию конца XIX в., д. Сосново (Наратово) располагалась на берегу речки Куртась в 38 верстах от уездного центра и в 6 верстах от волостного правления. По местным преданиям, это одно из древнейших селений в округе, хотя официальные документы отдают первенство соседнему Девятернинскому. Население состоит из двух основных групп: татар-«тептярей», записанных как «новые башкиры», и бывших государственных крестьян – все они исповедуют ислам. Первые поселенцы прибыли сюда «из-за речки» Ай (Эй) Оренбургской губернии. Особый интерес представляют сохранившиеся в народной памяти свидетельства

⁶² НА РБ. Ф. И–172. Оп. 1. Д. 32. Л. 384 об.–385.

⁶³ Там же. Л. 202–202 об., 244 об.

⁶⁴ Вятская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859–1873 годов. СПб., 1876. С. 192.

о событиях пугачевского восстания – жители готовились встретить бунтовщиков «хлебом-солью», но сам Пугачёв в деревню не зашел. В деревне имелась мечеть, где мулла совмещал духовные обязанности с преподаванием. Земельные отношения демонстрировали сословные различия: у «тептярей» земля делилась по ревизским душам, у бывших государственных крестьян – по зажиточности хозяйств. Наличие 10 веялок указывает на определенный уровень технического оснащения сельского хозяйства⁶⁵. Эти данные рисуют картину устойчивого, сложившегося поселения с четкими социальными границами и традиционным укладом жизни.

Особый интерес представляет указание на то, что первые поселенцы д. Сосново прибыли с берегов реки Ай в Оренбургской губернии. Этот факт свидетельствует о тесных исторических связях с татарами Южного Урала, проживающими на территории современного Башкортостана, Челябинской и Курганской областей. Миграция из бассейна реки Ай говорит об активном взаимодействии этих территорий в прошлом. Сохранившаяся память о происхождении первых жителей подчеркивает давние традиции переселения и культурного обмена между различными группами татарского населения, что, в свою очередь, повлияло на формирование демографического состава и культурного наследия деревни.

В 1890 г. в д. Сосново (Нератово) Сосновского сельского общества Исенбаевской волости Сарапульского уезда проживало 667 «тептярей» башкирского сословия в 132 дворах и 194 государственных крестьянина из татар в 46 дворах (всего 861 человек, в том числе 445 мужчин и 416 женщин) наличного приписного населения.

Особого внимания заслуживает статус («народность») «тептярей», которые были обозначены как башкирского сословия. Это связано с их прежним причислением в Башкирское войско согласно закону 1855 г., что автоматически присваивало им статус башкирского сословия.

Примечательно, что среди наличного приписного населения наблюдалось небольшое преобладание мужского населения над женским (445 мужчин против 416 женщин). При этом общая численность приписного населения государственных крестьян была выше, чем аналогичного наличного (194), и составляла 209 человек, что свидетельствует о временном отсутствии части жителей, возможно, занятых сезонными работами вне деревни.

Жители занимались земледелием (имелось 25,4 дес. усадебной земли, 963,7 дес. пашни, 182,5 дес. сенокоса, 14,2 дес. выгона, 767,6 дес. подушного леса и 102,4 дес. лесного надела, а также 137,9 дес. неудобной земли), скотоводством (180 лошадей, 240 голов КРС, 366 овец, 113 коз), пчеловодством (в 17 дворах), из промыслов – поденной работой⁶⁶.

⁶⁵ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 7. Сарапульский уезд. Ч. 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 54 (прил.).

⁶⁶ Там же. С. 98–105.

Выше мы рассматривали вотчинников и невоотчинников Енейской волости, проживавших на территории Елабужского и Сарапульского уездов Вятской губернии. Однако в материалах дела № 789 отсутствуют сведения о дд. Кучуково и Аккузино. Восполним этот пробел, обратившись к данным статистических и других источников.

Татары башкирского сословия д. Кучуково Елабужского уезда относились к Тугузской тюбе Енейской волости. Согласно данным 1834 г., 105 душ муж. пола и 102 души жен. пола в этой деревне обладали статусом вотчинников, в то время как 24 мужчины и 22 женщины относились к категории припущенников⁶⁷.

Согласно «Списку населенных мест Российской империи» 1876 г., д. **Кучуково** Елабужского уезда Вятской губернии административно делилась на два самостоятельных поселения – Кучуково 1-е и Кучуково 2-е, расположенные при рч. Варклед-Бобье в 70 верстах от Елабуги. Кучуково 1-е представляло собой небольшое селение с 38 дворами и 270 жителями (133 мужчины и 137 женщин), тогда как Кучуково 2-е являлось значительно более крупным населенным пунктом – 95 дворов с 775 жителями (374 мужчины и 401 женщина), где находилась мечеть⁶⁸. Такое административное деление одной деревни на две части было характерно для практики учета крупных поселений в XIX в. и могло отражать как естественное территориальное разделение, так и особенности сословного или земельного размежевания. Примечательно, что оба поселения сохраняли общее историческое название, указывающее на их единое происхождение, но развивались как самостоятельные административные единицы, что подчеркивает сложность процессов формирования сельской системы расселения в пореформенный период.

Перепись 1887 г. выявила, что деревня Кучуково Салаушской волости Елабужского уезда была крупным поселением, насчитывающим 1116 жителей (545 мужчин и 571 женщина), проживавших в 203 дворах. Население делилось на две группы с примечательными социально-экономическими характеристиками. Первая группа, состоящая из 83 дворов (468 человек: 222 мужчины, 246 женщин), владела земельным наделом в 1549,04 десятины, что составило в среднем 18,66 десятины на двор. Вторая, более крупная группа, объединяла 120 дворов (648 человек: 323 мужчины, 325 женщин) и располагала 2300,78 десятинами земли, или 19,17 десятины на двор. Это распределение свидетельствует о поразительно равном обеспечении землей обеих частей деревни, несмотря на разницу в численности их жителей.

Основным занятием жителей обеих частей деревни было изготовление кулей (кульевичество), причем в первой группе этим промыслом занима-

⁶⁷ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 431. Л. 102 об.–103.

⁶⁸ Вятская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859–1873 годов. СПб., 1876. С. 193.

лись 126 человек из 46 дворов, а во второй – 76 человек из 30 дворов. Отхожие промыслы были развиты крайне слабо – всего 9 жителей всей деревни участвовали в торговле на мензелинских ярмарках⁶⁹. Эти данные красноречиво свидетельствуют о преобладании традиционных форм хозяйствования, ориентированных на местные лесные ресурсы, при минимальной вовлеченности населения в отходничество. Особого внимания заслуживает сбалансированная половая структура населения во всех группах, что указывает на устойчивый демографический баланс в этом поселении.

По статистическому описанию, д. Кучуково расположена при рч. Барклят, в 83 верстах от города и в 25 верстах от волостного правления зимой (летом – 30 верст). Население состоит из башкирского и тептярского сословий. По данным ревизии, в селении числилось 338 ревизских душ. В 1858 г. земля была разделена на 370 наделов, но после ревизии несколько семей с 32 ревизскими душами переселились в д. Новое Аккузино, и теперь земля делится на 338 наделов. Скот пасется на своих полях без пастухов. В деревне имеются две общественные мельницы на рч. Барклят. Основными местными промыслами являются рогожный и кулевой⁷⁰.

Согласно официальным данным 1876 г., д. **Аккузино** Елабужского уезда Вятской губернии была разделена на два административно самостоятельных поселения, расположенных на р. Иж в 70 верстах от уездного центра. Аккузино 1-е (известное также как Старое Аккузино) насчитывало 20 дворов с населением 160 человек (84 мужчины и 76 женщин), демонстрируя сбалансированную половозрастную структуру. В то же время Аккузино 2-е (Новое Аккузино) представляло собой значительно более крупное и развитое поселение: 37 дворов с 330 жителями (155 мужчин и 175 женщин), где располагались мечеть и мельница⁷¹.

Такое административное деление отражало процесс естественного роста и расширения населенного пункта, когда новый выселок (Новое Аккузино) по численности населения и уровню инфраструктурного развития превзошел исходное поселение (Старое Аккузино). Наличие в новой части деревни мечети и мельницы свидетельствовало о её превращении в локальный хозяйственный и религиозный центр.

В историко-статистическом описании 1887 г. говорится, что д. Старое Аккузино расположена на р. Иж, в 83 верстах от уездного города, в 28 верстах от волостного правления зимой и в 32 верстах летом, а также в 25 верстах от ближайшей русско-татарской школы («училища»). Население относи-

⁶⁹ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 6. Елабужский уезд. Ч. 2. Подворная опись. Вятка, 1889. С. 32–33.

⁷⁰ Там же. С. 53 (прил.).

⁷¹ Вятская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859–1873 годов. СПб., 1876. С. 190.

лось к башкирскому сословию, время возникновения деревни неизвестно. По переписи 1858 г. в деревне числилось 39 душ, а земля была разделена на 43 надела. Однако через 10 лет после переписи четыре души, числившиеся как подлежащие переселению, переселились в д. Новое Аккузино, и в настоящее время земля разделена на 39 наделов. Скот пасется на своих полях без пастухов. В деревне одна общественная водяная мельница. Жители занимались подённой работой у лесопромышленников по берегам реки Иж, получая оплату от 30 до 50 коп. в день⁷².

В этом же источнике приводятся историко-статистические данные о д. Новое Аккузино, расположенной на р. Чучля, в 73 верстах от уездного города и в 5 верстах от волостного правления. Население смешанного сословного состава – «башкиры» и «тептяри» – переселилось сюда в 1863 г. из соседних дд. Старое Аккузино и Кучуково той же волости. В деревне функционировала русско-татарская школа («училище»). Земля была разделена на 156 наделов по числу ревизских душ, скотоводство же велось свободно – без пастухов. Основными промыслами жителей были плотничество и заготовка дров, но доходы их были нерегулярными, что затрудняет оценку экономического благосостояния поселения. Отличительной чертой села было отсутствие централизованной системы выпаса скота, что отражало специфику местного землепользования⁷³.

По данным 1887 г., д. Новое Аккузино насчитывала 528 жителей (239 мужчин и 289 женщин в 97 дворах), среди которых преобладали «башкиры», тогда как «тептяри» составляли лишь 13 человек (7 мужчин и 6 женщин) в 3 дворах. В то же время Старое Аккузино, переживавшее демографический спад, сократилось до 101 жителя (53 мужчины и 48 женщин в 17 дворах), при этом население тептярского сословия ограничивалось 7 человеками (5 мужчин и 2 женщины) в одном дворе. Эти цифры наглядно демонстрируют, что Новое Аккузино, несмотря на более позднее основание (1863 г.), значительно превзошло по численности исходное поселение, став центром притяжения для местного населения, в то время как Старое Аккузино постепенно приходило в упадок, сохраняя лишь небольшую общину преимущественно башкирского сословия.

Земельное обеспечение дд. Новое и Старое Аккузино в конце XIX в. демонстрирует существенные различия. Новое Аккузино располагало значительным земельным фондом в 1765,45 десятин, что обеспечивало относительно равномерное распределение угодий между сословиями: на двор «башкирам» приходилось 18,18 десятин, «тептярям» – 18,98 десятин. В то же время Старое Аккузино с его скромными 46,99 десятинами земли показывало иное соотношение: «башкирские» дворы владели в среднем 26,34 десятина

⁷² Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 6. Елабужский уезд. Ч. 2. Подворная опись. Вятка, 1889. С. 53 (прил.).

⁷³ Там же.

ми, тогда как единственный «тептярский» двор – 22,78 десятинами⁷⁴. Эти данные свидетельствуют, что средняя обеспеченность земель на двор в обоих поселениях оставалась на сопоставимом уровне (18–26 десятин), несмотря на разницу в общих площадях.

Отметим, что «башкирское» население д. Аккузино Елабужского уезда, насчитывавшее в 1834 г. 83 души муж. пола и 72 души жен. пола, обладало статусом вотчинников и входило в состав Чигирской тюбы Енейской волости вместе с деревнями Битсимяс и Таузима⁷⁵. Примечательно, что топоним «Чигир» встречается также в материалах, относящихся к Киргизской волости⁷⁶, что может свидетельствовать о его широком распространении в регионе и возможных историко-культурных связях.

Выше речь шла о деревнях енейцев, относившихся к Елабужскому и Сарапульскому уездам Вятской губернии. Однако основная часть енейцев проживала в Мензелинском уезде Оренбургской (с 1865 г. – Уфимской) губернии, рассмотрение которых последует ниже.

Значительная часть татар башкирского и тептярского сословий Енейской волости Мензелинского уезда относилась к 9-й юрте 18-го кантона, где юртовым старшиной был урядник Сахабетдин Габдулнасыров[ич] Кузяшев. Под его командой состояло население дд. Верхние Урьяды, Нижние Урьяды, Бекбулово, Уменево, Буранчи и Калмурзино, далее они будут рассмотрены в такой последовательности.

В д. **Верхние Урьяды** (ныне Старые Урьяды Актанышского района РТ) в 1859 г. насчитывалось 315 душ муж. пола и 326 душ жен. пола (107 дворов) татар тептярского сословия. Наследники Динмухаммета Забирова, Файзуллы Нурбакиева, Габдулмукмена Габдулменева, Ямангула Имангулова, Багима Бикбова, Башира Сманова, Мухамметрахима Имангулова, семьи Шигаюпа Аюпова (36 лет), Хабибуллы Нурбакиева (71), Шагиахмета Файзуллина (37), Сейфутдина (51) и Бурганитдина (32) Сейфулмулюковых, Бикташа (59) и Габдулкагира (53) Бикбатыровых, Гимадетдина Уметкулова (36), Динмухаммета Аксанова (60), Ахметвалия (43) и Ахмадиши (36) Ильясовых, Сафаргалия Тимергалина (30), Валиши Баширова (71), Реяна Валишина (32), Нигматуллы Мраткузина (54), Галиуллы Нигматуллина (33), Мухамметгалия (44), Габдулгафара (34) и Габдулгалляма (24) Башировых *«переселились в 25-й кантон в 1861 г.»*. Один новокрещеный житель тептярского сословия отдан *«в рекруты и исключен из башкир[ского] звания»*⁷⁷. Последний факт свиде-

⁷⁴ Там же. С. 32–33.

⁷⁵ НА РБ. Ф. И–138. Оп. Д. 431. Л. 102 об.–104.

⁷⁶ Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том 2. Киргизская волость. С. 295–296.

⁷⁷ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 753. Л. 805 об.–824.

тельствует об оформлении татар тептярского сословия в башкирском звании (сословии) с момента вступления в Башкирское войско (1855 г.).

По другому источнику известно, что вышеперечисленные жители д. Верхние Урьяды поселились в д. **Шареево** (ныне Старое Шареево Кармаскалинского района РБ). Всего туда перешли 67 душ муж. пола и 69 душ жен. пола. До этого в д. Шареево Уфимского уезда в 1859 г. было 125 душ муж. пола и 117 душ жен. пола (38 дворов) татар тептярского сословия⁷⁸.

Кроме того, семья Шамситдина Шамсатдинова (в источнике указано именно такое написание фамилии; 3 человека) в 1880 г. переселилась на вновь образованный Кадырметевский запасной участок. Этот земельный надел располагался в непосредственной близости от уже существовавших деревень Кадырметево и Терпеле⁷⁹, что создавало условия для хозяйственного взаимодействия между старыми и новыми поселениями. Данный факт иллюстрирует практику земельного размежевания и расселения в регионе в пореформенный период, когда выделение запасных участков позволяло решать проблему земельной тесноты сельских общин.

Эти и другие факты свидетельствуют о том, что ко второй четверти XIX в. в д. Верхние Урьяды обострился земельный вопрос, вызванный значительным ростом населения. Сравнение с ревизскими данными 1834 г., когда было учтено 217 душ муж. пола и 206 душ жен. пола (51 двор) тептярского сословия из 3-й тептярской команды, демонстрирует устойчивую демографическую динамику. Примечательно, что дополнительный учет 2-летнего Шагимардана Аиткулова, первоначально пропущенного, увеличивал мужское население до 218 человек. Список глав дворов включал представителей разных поколений: Забира Срымова (1769–1830), Амира Срымова (62 года), Зайнуллу Суяргулова (1798–1825), двоюродного брата Муталлапа Султангулова (49), Кыдрача Султангулова (60), Султанбека Бигишева (1755–1825), Идриса Султанбекова (58), Аюпа Султанбекова (58), Таипа Султанбекова (54), Нурбакия Бигимова (1758–1822), Сейфулмулюка Нурбакиева (1778–1832) и Салиха Бигимова (1764–1822)⁸⁰. Эти данные не только фиксируют сложную социальную структуру тептярской общины, но и отражают особенности демографического учета и семейно-родственных связей в первой половине XIX в., когда многочисленные представители одних и тех же родов (Срымовы, Султангуловы, Бигишевы) формировали костяк сельского общества.

По данным за 1870 г., д. Верхние Урьяды располагалась при рч. Урьяде в 29 верстах от уездного города и 18 верстах от становой квартиры. В деревне

⁷⁸ Там же. Д. 729г. Л. 866 об.–873.

⁷⁹ Там же. Ф. И–10. Оп. 1. Д. 890. Л. 6.

⁸⁰ Там же. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 470. Л. 400–415, 637–637 об.

насчитывалось 41 двор, в которых проживало 129 мужчин и 121 женщина, все жители – «башкиры»⁸¹.

В этих сведениях обращает на себя внимание уменьшение численности населения в 2,4 раза по сравнению с 1859 г., возможно, из-за ошибки в учете населения. То, что здесь «тептяри» обозначены «башкирами», говорит о том, что сказывались результаты прошлого перевода их в Башкирское войско в 1855 г., согласно которому они закрепились в башкирском звании.

Согласно описанию 1896 г., д. Верхние Урьяды Семиостровской волости располагалась на равнинной местности с южным уклоном при р. Урьяды, пригодной для мельничного строительства. Земельный надел, выделенный на 140 ревизских душ, представлял собой единый массив с селением в южной части. Хозяйственная деятельность общины характеризовалась освоением новых угодий – 12 десятин кустарника были расчищены под пашню. Землепользование осуществлялось по традиционному принципу распределения по ревизским душам. Поля располагались на холмистой местности: одно поле имело склон на юг, другое – на север, на расстоянии до 3,5 верст от селения. Почва представляла собой чернозем с примесью песка и чистый чернозем. В селении имелась 1 веялка, а пашню обрабатывали сохами. На лугах рос кустарник, но скот на выпас не отдавался⁸².

Особый интерес представляют демографические изменения: если в 1859 г. числилось 315 душ муж. пола, то к 1896 г. земельный надел сохранился лишь для 140 душ. Это свидетельствует о масштабном переселении 175 душ муж. пола, вызванном острой нехваткой земельных ресурсов. Данный факт подтверждает ранее выявленную тенденцию миграционного оттока населения из перенаселенных деревень региона во второй половине XIX в. Сохранение традиционной системы землепользования при сокращении численности наделяемых душ указывает на кризис общинной модели хозяйствования в условиях демографического давления.

Однако к концу XIX в. демографическая ситуация в деревне не только стабилизировалась, но и достигла нового уровня: перепись 1896 г. зафиксировала 351 мужчину и 316 женщин в 121 дворе. Деревня активно развивалась и имела необходимую инфраструктуру: функционировала мечеть, работали две торговые лавки и три мукомольные мельницы⁸³, что свидетельствовало о стабильном экономическом положении и социальной устроенности поселения.

В д. **Нижние Урьяды** (ныне Актанышского района РТ) в 1859 г. татары (71 душа муж. пола и 69 душ жен. пола в 25 дворах) относились к башкир-

⁸¹ Список населенных мест Уфимской губернии по сведениям 1870 года. СПб., 1877. С. 109.

⁸² Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. Уфа, 1899. С. 73 (прил.).

⁸³ Полный список населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1896. С. 211.

скому (18 дворов) и тептярскому сословию. Фейруша Зиганьшин показан «деревенским начальником». Братья Хабибулла (38 лет) и Файзулла (25) Назаровы в 1861 г. переселились в 25-й кантон⁸⁴.

Дополнительный источник показывает, что семьи Хабибуллы (38) и Файзуллы (25) Назаровых (всего 7 душ муж. пола и 3 души жен. пола) из д. Нижние Урьяды поселились в д. Шареево (ныне Старое Шареево Кармаскалинского района РБ)⁸⁵. Как видим, здесь они ошибочно зафиксированы под фамилией «Назаров».

Кроме того, семьи Смагила Абдуллина (2 души), Бикмухаммета Динмухамметова (3), Гиматдина Абдуллина (3), Тимергалия Тимергалина (4), Садиг-на Хисамутдинова (5), переселились на вновь выделенный в 1880 г. Кадырметевский запасной участок, расположенный в непосредственной близости от существующих населенных пунктов Кадырметеево и Терпеле⁸⁶.

По сведениям 1870 г., д. Нижние Урьяды располагалась при рч. Урьяде, в 28 верстах от уездного города и 18 верстах от становой квартиры. В деревне насчитывалось 29 дворов, в которых проживало 74 мужчины и 79 женщин тептярского сословия. В населенном пункте имелась мечеть, было развито пчеловодство⁸⁷.

Согласно краткому описанию за 1896 г., д. Нижние Урьяды Семиостровской волости находилась на равнине при рч. Урьяде, пригодной для устройства мельниц. Надел земли был получен на 47 ревизских душ и располагался в двух местах, при этом селение находилось на востоке надела. Земля распределялась по ревизским душам. Поля располагались на ровном отлогом скате, на расстоянии до 2 верст от присельного выгона, который находился на кру-

⁸⁴ НА РБ. Ф. И–138. Оп. Д. 753. Л. 825–833.

⁸⁵ Там же. Д. 729г. Л. 880–881. Несмотря на происходившие переселения, земельный вопрос оставался острым. По постановлению губернских властей от 12 декабря 1879 г. было запланировано переселение 20 душ дд. Верхние и Нижние Урьяды в проектируемый запасной участок. Этот участок располагался в Богадинской тюбе Енейской волости при деревнях Кадырметеево и Терпели и имел площадь 1440 десятин. Однако по состоянию на 25 сентября 1881 г. переселение не было осуществлено. На тот момент 22 души «тептярей» из дд. Адаево (2 души), Верхние и Нижние Урьяды еще не переехали. Впервые д. Новое Кадырметеево упоминается в документе от 31 августа 1882 г. (НА РБ. Ф. И–10. Оп. 1. Д. 890. Л. 22, 55, 60). Не имея достаточных источников, один автор ошибочно рассуждает, что д. Новое Кадырметеево возникла как выселок из Старо-Кадырметеево между 1870 и 1900 гг. (Асфандияров А.З. Аулы... С. 342).

⁸⁶ НА РБ. Ф. И–10. Оп. 1. Д. 890. Л. 6.

⁸⁷ Список населенных мест Уфимской губернии по сведениям 1870 года. СПб., 1877. С. 109.

том скате. Лес в округе отсутствовал, но имелся мелкий кустарник на луговых участках. Основными промыслами жителей были плотничество и извоз⁸⁸.

Таким образом, из 71 зарегистрированной души по данным переписи 1859 г. в деревне осталось лишь 47 ревизских душ, имеющих право на получение надела, что свидетельствует о выбытии 24 человек. Несмотря на эту миграцию, оставшиеся хозяйства продемонстрировали значительный естественный прирост населения (в 1896 г. в деревне было 90 душ муж. пола и 94 души жен. пола в 32 дворах⁸⁹). Благодаря устойчивой демографической динамике к концу XIX в. общая численность жителей деревни не только не сократилась по сравнению с показателями 1859 г., но и продолжала расти. Этот факт указывает на жизнеспособность местной общины и ее способность компенсировать миграционные потери за счет естественного воспроизводства населения, что подчеркивает ее устойчивость и адаптивность к изменяющимся условиям.

В д. **Бекбулово** (ныне Бикбулово Мензелинского района РТ) в 1859 г. насчитывалось 829 душ муж. пола и 806 душ жен. пола (325 дворов) татар башкирского и тептярского сословий. «Тептяр» Габдулхалим Аतिकеев (28 лет) *«по приговору сослан в Сибирь в 1862 г. ... без исключения из башкир»*. Семьи Файруши Аднагулова (27 лет), братьев Гильмана (51) и Мухамметзяна (48) Кавсяровых, Марданши Валиуллина (29), братьев Насыруллы (38) и Асадуллы (34) Габдулвахитовых, Валимухаммета Динмухамметова (25) в 1860 г. переселились в Уфимский уезд (25-й кантон)⁹⁰. После переходов из учтенных в 1859 г. душ муж. пола останется 809 (в т. ч. 554 вотчинника и 255 припущенников).

Другой источник свидетельствует, что семьи татар тептярского сословия (в источнике «башкиры из тептярей»; 12 душ муж. пола и 13 душ жен. пола в 5 дворах) поселились в марийской д. Малые Шида (ныне Нуримановского района РБ) Уфимского уезда⁹¹.

⁸⁸ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. Уфа, 1899. С. 73 (прил.).

⁸⁹ Полный список населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1896. С. 211.

⁹⁰ НА РБ. Ф. И–138. Оп. Д. 753. Л. 401–448. В исторической литературе без ссылки на источник приводится утверждение о том, что в 1859 г. в Бикбулове 1-м проживало 890 «башкир», а в Бикбулове 2-м – 488 «тептярей» (Асфандияров А.З. Аулы... С. 117). Однако данные ревизской сказки за тот же год свидетельствуют, что существовала лишь одна деревня Бикбулово, не разделенная на две части, а общая численность ее населения составляла 1635 человек обоего пола. Существенное расхождение этих цифр ставит под сомнение достоверность сведений, приведенных в указанной литературе. Впоследствии эти непроверенные данные были некритически заимствованы в другой научный труд (История башкирских родов. Еней. Том 1. С. 84), авторы которого не предприняли попытки их верификации.

⁹¹ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 729. Л. 1445–1446.

В 1838–1850 гг. «тептяри» дд. Бикбулово и Уменеево оказались вовлечены в земельный спор с местными вотчинниками из-за границ их владений. Конфликт стал предметом рассмотрения Мензелинского уездного суда, который начал разбирательство 28 декабря 1838 г. Хотя земский исправник Ленковский первоначально отвел луговой участок земли «тептярям», позже выяснилось, что эта земля фактически принадлежала вотчинникам. Следствие по этому делу затянулось, и за медлительность губернские власти через земский суд сделали замечание приставу 1-го стана Мензелинского уезда 22 марта 1848 г. Согласно переписке от 5 октября 1849 г., Мензелинский уездный суд передал дело на рассмотрение чиновнику губернского правления Крюкову. Окончательное решение, подтвердившее права на спорный луговой участок за вотчинниками, было вынесено только в феврале 1850 г. и 2 марта 1850 г. дело было закрыто⁹².

Этот случай иллюстрирует сложность земельных отношений и частые споры между различными сословными группами («тептярями» и вотчинниками) в Башкирии в XIX в., где права на землю часто оспаривались из-за исторических, юридических и социальных противоречий. Такие конфликты подчеркивают напряженность в вопросах землепользования и собственности, характерную для того периода, а также бюрократические сложности и длительность судебных процессов в разрешении подобных споров.

В 1870 г. д. Бикбулатово (так указано в источнике), расположенная на р. Ик в 24 верстах от уездного города и 12 верстах от становой квартиры, представляла собой крупное татарское поселение. В 350 дворах проживало 1812 «башкир» (896 мужчин и 916 женщин), что говорит о значительной плотности населения (около 5,2 человека на двор). Поселение отличалось развитой инфраструктурой: здесь действовали 3 мечети, 3 учебных заведения (мектеба) и 3 ветряные мельницы⁹³.

Наличие трех мечетей и учебных заведений подчеркивает религиозную и образовательную значимость поселения, а три ветряные мельницы указывают на развитое зерновое хозяйство. Такая инфраструктура была типична для крупных татарских сел, выполнявших функции местных административных и культурных центров во второй половине XIX в.

Как видим, в состав башкирского сословия статистический сборник включил и «тептярей», что в целом правильно с учетом закона 1855 г. Позже подобное будет наблюдаться и в переписях⁹⁴ вплоть до 1917 г., поэтому при рассмотрении их также нужно иметь в виду последствия закона 1855 г.

⁹² Там же. Ф. И–1. Оп. 1. Д. 1509. Л. 1–52.

⁹³ Список населенных мест Уфимской губернии по сведениям 1870 года. СПб., 1877. С. 109.

⁹⁴ Так, в 1912 г. данная деревня фиксируется как две части: Бикбулово 1-е (вотчинники) и Бикбулово 2-е (припущенники), причем обе группы обозначены в документах

В 1896 г. д. Бикбулово Семиостровской волости представляла собой крупное поселение с населением 2089 человек, проживавших в 395 дворах. Примечательно, что в деревне наблюдался практически равный баланс полов: 1044 мужчины и 1045 женщин⁹⁵. Расположение на берегу р. Ик обеспечивало деревне важное экономическое преимущество: плодородные пойменные земли создавали благоприятные условия для сельского хозяйства.

Бикбулово отличалась развитой для своего времени инфраструктурой и выполняла роль важного торгово-религиозного центра региона. В деревне функционировало три мечети, что свидетельствовало о значимости поселения в религиозном плане. Кроме того, здесь работали две торговые лавки и хлебозапасный магазин, что говорило о высоком уровне экономического развития и активной торговой деятельности.

Особый интерес представляет двойственная структура землепользования в Бикбулово, описанная в статистической литературе по состоянию на 1896 г. Вотчинническая часть деревни, насчитывавшая 554 ревизские души (по данным 1859 г.), занимала возвышенные участки между реками Большая Дарья и Ик, где действовали водяные мельницы. Земельные владения состояли из двух участков, при этом само селение находилось в южной части владений. Земледелие велось на удаленных склонах (до 19 верст от деревни) со сложным почвенным составом – черноземом с галькой и солончаковыми участками. Лес находился в одном участке, но в двух местах: первый участок – к северу, второй – к северо-западу от селения. Характерно, что традиционные сабаны здесь уже заменили на более экономичные сохи. Основным дополнительным заработком для жителей служили отхожие промыслы – они уходили на сезонные работы в помещичьи имения и на заводы Златоустовского уезда.

Участок припущенников располагался на равнинной местности у рек Маткаушка и Ик, с компактным наделом на 255 ревизских душ. В отличие от вотчинников, их поля находились значительно ближе к селению (до 3 верст) и имели более однородные черноземные почвы, хотя и с включением суглинков и солончаков. Примечательной особенностью был активно растущий овраг, угрожавший пахотным землям. Лес находился в одном участке на юго-западе от селения. Как и вотчинники, припущенники сохраняли общинное землепользование⁹⁶, но благодаря более выгодному расположению угодий их хозяйство носило менее экстенсивный характер. Общими для обеих частей

как «башкирские» (Подворная перепись 1912–1913 гг. Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Часть II. Таблицы. Уфа, 1914. С. 130–131). Следовательно, новые (башкирские) сословные характеристики татар-«тептярей» продолжают фигурировать в официальных источниках даже спустя много десятилетий.

⁹⁵ Полный список населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1896. С. 213.

⁹⁶ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. Уфа, 1899. С. 71–72 (прил.).

деревни оставались зависимостью от отхожих промыслов и постепенная модернизация сельскохозяйственных орудий.

Анализ этих данных по д. Бикбулово выявляет удивительную стабильность населения: по нашим расчетам, из 829 ревизских душ мужского пола, учтённых в 1859 г., к 1896 г. осталось 809, что означает минимальную миграционную убыль всего в 20 человек (2,4%) за 37-летний период. Такая демографическая стабильность, наблюдаемая, несмотря на значительное неравенство в обеспеченности землей вотчинников (5390 десятин земли или 9,72 десятины на душу муж. пола в 1859 г.) и припущенников (1242 десятины или 4,87 десятины на душу муж. пола в 1859 г.), свидетельствует о высокой степени адаптации местного сообщества к сложившимся условиям.

Подобную стабильность можно объяснить совокупностью факторов: развитой системой сезонных промыслов, компенсировавших нехватку земли; сохранением эффективных механизмов общинного самоуправления; высокой производительностью местного хозяйства, основанного на рациональном использовании природных ресурсов. Примечательно, что даже существенная разница в земельных наделах между сословными группами не приводила к заметному оттоку населения, что противоречит распространенным представлениям о прямой зависимости миграционных процессов от уровня обеспеченности землей. Данный особый случай требует дальнейшего изучения как пример устойчивой социально-экологической системы в условиях доиндустриального аграрного общества.

В д. **Уменево** (исчезнувшая деревня Актанышского района РТ)⁹⁷ в 1859 г. татары тептярского сословия составляли 99 душ муж. пола и 94 души жен. пола в 41 дворе. Несмотря на то, что деревня была сравнительно небольшой, в ней имелась мечеть, где должность указного муллы исполнял молодой Рахимкул Рамгулов (26 лет)⁹⁸.

Сравнение с ревизией 1834 г. (72 мужчины и 58 женщин в 19 дворах) показывает значительный рост населения за четверть века. В более ранний период среди глав дворов фигурировали представители местных родов: Фейзулла Кинзягулов (1794–1825), Губейдулла Ирмяшев (1781–1825; его 41-летний брат «был в казаках и возвратился в 1828 г.»), Ишей Имекеев (1747–1821), Габдулла Ишеев (в некоторых записях – Габидулла; 1777–1829), Нигматулла Ишеев (54 года), Аглиулла Ишбердин (53), Хамидулла Ижбулдин (1783–1829), Габзялил Кусюков (1757–1823), Бадамша Володимеров (1783–1822) и Ибрагим Мратов (63)⁹⁹. Эти данные не только отражают устойчивые родственные связи в общине, но и фиксируют такие специфические биогра-

⁹⁷ В справочных изданиях после 1966 г. не упоминается. Население переселилось в с. Кузякино Актанышского района.

⁹⁸ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 753. Л. 450–458.

⁹⁹ Там же. Д. 470. Л. 149–158.

фические детали, как служба в казачьих формированиях с последующим возвращением в деревню, что было характерно для тептярского населения в первой половине XIX в.

В 1870 г. д. Уменево, расположенная при р. Большая Базяна в 28 верстах от уездного центра и 20 верстах от становой квартиры, насчитывала 233 жителя (117 душ муж. пола и 116 душ жен. пола), проживавших в 45 дворах¹⁰⁰. Эти демографические показатели отражают устойчивое развитие поселения во второй половине XIX в.

К 1896 г. д. Уменево, находившаяся вблизи р. Базяна, имела численность населения в 264 человека: среди них насчитывалось 127 мужчин и 137 женщин, живущих в общей сложности в 47 дворах. Важнейшими объектами инфраструктуры являлись местная мечеть и торговое заведение – лавка¹⁰¹.

Согласно статистическим данным 1896 г., д. Уменево Семиостровской волости располагалась в низинной местности у рек Базяна и Ик, где имелись благоприятные условия для устройства мельниц. Земельный надел деревни, выделенный на 99 ревизских душ (по данным 1859 г.), представлял собой единый массив с селением, расположенным в его южной части. За последние годы 42 десятины кустарниковых земель были освоены под пашню. Поля деревни располагались на ровной возвышенности с небольшим уклоном к северу и северо-западу, не далее 1,5 версты от селения. Почвенный покров отличался разнообразием: преобладал чернозем с значительной примесью песка, встречались суглинистые и супесчаные участки. Техническое оснащение хозяйств включало всего одну веялку, что указывало на скромный уровень механизации. Огородничество носило исключительно потребительский характер, а основным неземледельческим промыслом жителей был извоз¹⁰².

Таким образом, количество ревизских душ, согласно которому распределялась надельная земля, к 1896 г. не изменилось, что свидетельствует о стабильности демографической ситуации в деревне.

Также небольшой оставалась д. **Буранчи**¹⁰³, где в 1859 г. проживало лишь 22 души муж. пола и 23 души жен. пола (9 дворов) населения татар тептярского сословия. К тому же после 1859 г. часть населения перешла в другие деревни. Так, в 1863 г. семьи Мухамедьяра Рафикова (57 лет) и его сына Мухамметвалия Мухамедьярова (31) переселились в д. Сингрян (20-й кантон). Семья Шагиахмета Файрушина (24) в 1861 г. перешла в одну из деревень Уфимского уезда (25-й кантон)¹⁰⁴. Как свидетельствует другой источник, по-

¹⁰⁰ Список населенных мест Уфимской губернии по сведениям 1870 года. СПб., 1877. С. 109.

¹⁰¹ Полный список населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1896. С. 212.

¹⁰² Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. Уфа, 1899. С. 76 (прил.).

¹⁰³ Исчезнувшая деревня Актанышского района РТ.

¹⁰⁴ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 753. Л. 459–462.

следняя семья поселилась в д. Шареево Уфимского уезда¹⁰⁵, в титульном листе ревизского документа их сословие названо «башкиры», а во внутреннем – «тептяри».

Отметим, что в 1834 г. в д. Буранчи Базяна Илга проживало 16 душ муж. пола и 17 душ жен. пола в 5 дворах, приписанные к 1-й тептярской команде. Главами дворов значились: Ишигул Маев (1747–1816), Рафик Абзаев (1770–1825), Сайфулла Абзаев (52 года), Габдрахим Гадылев (с пометкой «сослан в Сибирь») и Габдулвахит Гадылев (52)¹⁰⁶.

В 1870 г. д. Буранчино, расположенная при р. Большая Базяна, находилась в 28 верстах от уездного центра и 12 верстах от становой квартиры. Согласно статистическим данным, в поселении проживало 34 человека (22 мужского и 12 женского пола), распределенных по 9 дворам¹⁰⁷.

По данным 1896 г., д. Буранчино, расположенная вблизи р. Базяна, представляла собой небольшое компактное поселение с населением 55 человек (29 мужчин и 26 женщин), проживавших в 12 дворах. Сбалансированное соотношение полов (коэффициент 1,12) и средняя плотность заселения (4,6 человека на двор) характерны для малых деревень региона в конце XIX в. Близость к водному источнику создавала благоприятные условия для ведения традиционного сельского хозяйства, хотя скромные размеры поселения указывают на его периферийное положение в системе расселения Мензелинского уезда¹⁰⁸.

Согласно краткому описанию 1896 г., д. Буранчи Семиостровской волости располагалась на северо-восточном склоне у рек Базяна и Степной, которые не использовались для мельничного дела. Небольшой земельный надел, выделенный на 16 ревизских душ, представлял собой единый массив с селением в северо-западной части. В хозяйственной деятельности наблюдались изменения: 14 десятин луговых угодий были переведены в пахотные земли. Особенностью землепользования было разделение половины площади полевых угодий между равниной и юго-западным склоном с преобладанием песчанистого чернозема. Местные жители практиковали платный выпас скота: 14 лошадей содержались за плату 1 рубль с головы за летний сезон, а за выпас коров взималось по 50 коп. Отсутствие лесных угодий¹⁰⁹ в окрестностях деревни ограничивало хозяйственные возможности населения, что компенсировалось рациональным использованием имеющихся земельных ресурсов.

¹⁰⁵ Там же. Д. 729г. Л. 878–879.

¹⁰⁶ Там же. Д. 470. Л. 89–72.

¹⁰⁷ Список населенных мест Уфимской губернии по сведениям 1870 года. СПб., 1877. С. 109.

¹⁰⁸ Полный список населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1896. С. 212.

¹⁰⁹ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. Уфа, 1899. С. 72 (прил.).

В д. **Калмурзино** (ныне Мензелинского района РТ) в 1859 г. насчитывалось 78 душ муж. пола и 79 душ жен. пола (31 двор) татар башкирского и тептярского сословий. Доминирующим родом среди башкирского сословия был род отставного зауряд-есаула Кагармана Кучумова (1772–1855), чей сын Габдулкагир Кагарманов служил указным муллою. Более многочисленным был род Габдулбакиевых, представители которого владели семью дворами. К тептярскому сословию относились Бикбов Исаков (40 лет; «начальник деревни Калмурзиной»), братья Мухаммади (46), Ахмади (46), Шайхитдин («поступил в рекруты в 1851 г.») и Габдулкадыр (15) Аскеевы¹¹⁰. По ревизиям 1795, 1811 и 1816 гг. известно также о проживании в данной деревне одного рода ясачных татар (в 1795 г., например, братья Ишмрат, Ишмухаммет и Рахим Саперовы¹¹¹), однако, кроме сведений этих ревизий, дополнительной информации о них обнаружить не удалось.

В 1870 г. д. Калмурзино, расположенная у озера Большого в 26 верстах от уездного центра и 13 верстах от становой квартиры, включала 202 жителя (98 мужского и 104 женского пола), проживавших в 31 дворе. Согласно официальным статистическим данным того времени, все жители деревни были записаны как «тептяри»¹¹². Однако эта информация требует дополнительной проверки.

Согласно краткому описанию за 1896 г., д. Калмурзино Семиостровской волости располагалась на равнине при реках Ик и Базяна, а также нескольких озерах. Надел земли был получен на 72 ревизских души и находился в двух местах. Селение находилось на юге надела. Изменения в угодьях включали переход около 5 десятин пашни под выгон. Земля распределялась по наличным душам. Поля находились на склонах, на расстоянии до 6 верст от селения. В полях имелось несколько оврагов, которые ежегодно увеличивались. Лес располагался на болотистой местности: первый участок – на северо-востоке от селения, второй – на юго-западе¹¹³.

Получение надела на 72 ревизских души свидетельствует о том, что из общего числа в 78 душ, зарегистрированных в 1859 г., шесть душ покинули деревню. Несмотря на это, во второй половине XIX в. деревня продемонстрировала устойчивый рост населения.

Татары башкирского и тептярского сословий одной деревни Енейской волости относились к 10-й юрте 18-го кантона, где юртовым старшиной был зауряд-хорунжий Габдулмазит Иманов. Ниже подробно рассмотрим сведения по д. Адаево.

¹¹⁰ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 753. Л. 463–473.

¹¹¹ Там же. Д. 48. Л. 189. В источнике деревня названа «Каймурзино».

¹¹² Список населенных мест Уфимской губернии по сведениям 1870 года. СПб., 1877. С. 109.

¹¹³ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. Уфа, 1899. С. 73 (прил.).

В д. **Адаево** (ныне Актанышского района РТ) в 1859 г. насчитывалось 207 душ муж. пола и 158 душ жен. пола (64 двора) татар башкирского и тептярского (4 двора) сословий. Отметим некоторых жителей: Сеитбаттал Хамитов (74 года; отставной зауряд-хорунжий), Мухамметкарим Ардаширов (28; указной азанчи), Крус Ишмухамметов (66; отставной зауряд-есаул), двоеженец Габдулмазит Валишин (50; зауряд-хорунжий, юртовой старшина), Сеиттягфар Абзеллилов (69; указной азанчи), Габдулхаким Валитов (47; «деревенский начальник»). Габдуллатип Габдулвахитов *«принял св. крещение в 1854 г. и исключен по предписанию казенной палаты от 1 июня 1858 г. из башкирского звания»*. Часть татар башкирского сословия (Габдулнасыр Габдуллатипов и др.) в 1861 г. перешла в 25-й кантон (Уфимский уезд). На год раньше туда же переселились и семьи татар тептярского сословия Имангула Мамметова (58 лет) и Минликеев Кучумова (38)¹¹⁴.

Сравнивая сведения ревизских сказок 1834 и 1859 гг., мы установили, что в 1859 г. татары мещеряцкого сословия д. Адаево окончательно оформились в башкирском сословии. В 1834 г. Мухамметшарип, Батырша и Фаррахша Хамитовы и другие были зафиксированы «мещеряками»¹¹⁵, а в 1859 г. они же или их потомки стали «башкирами».

Из другого источника известно, что семьи татар башкирского сословия (10 душ муж. пола и 6 душ жен. пола в 3 дворах) Габдулнасыра Габдулатипова (55 лет), Сиразетдина Габзелилова (45) и Губейдуллы Альметева (55) из д. Адаево поселились в д. Шареево Уфимского уезда¹¹⁶. Семья татарина башкирского сословия Хисметуллы Габдулзелилова (33 года), состоящая из 3 душ муж. и 5 душ жен. пола, обосновалась в д. Сарт-Наурузово Уфимского уезда (ныне Кармаскалинского района РБ)¹¹⁷.

Архивные материалы сохранили переписку 1866–1870 гг. относительно планируемого переселения «башкир» д. Адаево Мензелинского уезда в деревню Уткеево (ныне Уткеево Иглинского района РБ) Уфимского уезда¹¹⁸, однако окончательный результат этой миграционной инициативы остается неизвестным из-за отсутствия последующих документальных свидетельств. Данный эпизод представляет интерес как пример внутренних миграционных процессов среди населения поземельных волостей в пореформенный период, когда общины активно искали возможности решения земельного вопроса через переселение, хотя многие подобные планы так и оставались нереализо-

¹¹⁴ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 754. Л. 92–103.

¹¹⁵ Там же. Д. 469. Л. 787–794. В 1834 г. «мещеряков» было 96 душ муж. пола и 85 душ жен. пола в 31 дворе.

¹¹⁶ Там же. Д. 729 г. Л. 876.

¹¹⁷ Там же. Л. 897–898.

¹¹⁸ Там же. Ф. И–10. Оп. 1. Д. 1689. Л. 1.

ванными в полной мере из-за административных сложностей или изменения обстоятельств.

Из документа от 7 марта 1880 г. видно, что Габдулханнан Габдулманнапович Иманов (52 года; двоеженец) и его брат Габдулгаллям (40) из д. Адаево Тугузской тюбы со своими семьями пожелали переселиться в Кадырметевский запасной участок, расположенный в 25 верстах от их деревни. Габдулханнан имел 2 лошадей, 4 коровы и 10 голов домашней птицы, а также владел избой, клетью и баней. Его брат Габдулгаллям был менее зажиточным, хотя также имел 2 лошадей¹¹⁹. Переселение их состоялось, о чём сообщается в документе 1882 г. В рапорте старшины Байсаровской волости Султанова от 24 августа того же года указывается, что деревня переселившихся «наименована жителями *Новое Кадырметево*» и имела 153 дес. 200 саж. удобной земли¹²⁰.

Этот случай иллюстрирует стремление сельчан к переселению на новые земли, что было характерно для того времени. При этом различия в уровне достатка между братьями подчеркивают социальное расслоение внутри земледельческой общины, где одни семьи могли позволить себе большее имущество, а другие – лишь минимально необходимое для ведения хозяйства.

Согласно литературным данным, в 1863 г. 20 «тептярей» из дд. Чиниково, Адаево, Карачево, Усово и Буранчино переселились в Кадырово и Сингряново, получив по 10 десятин земли на душу¹²¹. Однако отсутствие конкретных имен переселенцев в источниках затрудняет детальную реконструкцию этого процесса. Анализ численности переселившихся (20 человек) и количества населенных пунктов (5 деревень) позволяет предположить, что из Адаево могла переселиться лишь одна семья (4–5 человек), что было типично для подобных миграций в пореформенный период.

В 1870 г. в д. Адаево, расположенной на р. Адаевка, в 30 верстах от уездного центра и в 25 верстах от становой квартиры, проживало 365 жителей (226 душ муж. пола и 139 душ жен. пола) в 74 дворах. Население деревни по сословиям регистрировалось как «мещеряки» (213 муж. и 133 жен. пола) и «тептяри» (13 муж. и 6 жен. пола) В населенном пункте имелась мечеть, а также было развито пчеловодство¹²². Выраженный гендерный дисбаланс заставляет усомниться в справедливости показателей численности населения.

По данным 1896 г., д. Адаево находилась на ключе Безымянный и была типичным средним поселением того времени. Население деревни составляло

¹¹⁹ Там же. Д. 890. Л. 13–15.

¹²⁰ Там же. Л. 57.

¹²¹ Асфандияров А.З. История сел и деревень... С. 270.

¹²² Список населенных мест Уфимской губернии по сведениям 1870 года. СПб., 1877. С. 109.

748 человек, из них 362 мужчины и 386 женщин, проживавших в 134 дворах. В деревне имелись мечеть, хлебозапасный магазин и бакалейная лавка¹²³.

Согласно статистическому описанию, д. Адаево Семиостровской волости находилась на склоне с уклоном на север при рч. Буг. Надел земли был получен на 192 ревизские души и располагался в одном месте, при этом селение находилось на севере надела. В угодьях произошли изменения: 4 десятины пахотной земли были превращены в сенокос, более 4 десятин кустарника расчищены под пашню, а около 30 десятин пашни и 10 десятин сенокоса запущены под выгон. Земля распределялась по ревизским душам. Пашня располагалась на возвышенных участках и склонах с уклоном на север, на расстоянии не более 1,5 верст от селения. Почва включала чернозем с примесью песка, а также 100 десятин чистого чернозема. В полях находились 2 оврага¹²⁴.

Сравнение данных 1859 и 1896 гг. позволяет сделать важные выводы: из 207 ревизских душ муж. пола, зафиксированных в 1859 г., земельный надел сохранился для 192 душ, что указывает на переселение лишь 15 человек. Этот факт опровергает ранее встречавшееся в литературе утверждение о переселении части «тептярей» из Адаево в дд. Кадырово и Сынгряново в 1863 г. Незначительный масштаб миграции (7,2% от общего числа душ) свидетельствует, что большинство жителей предпочли остаться в родной деревне, адаптируясь к новым условиям через преобразование земельных угодий, а не через переселение.

Часть населения башкирского и тептярского сословий деревень Енейской волости относилась к 12-й юрте 18-го кантона, где юртовым старшиной был зауряд-хорунжий Арасланбек Султанов. Ниже рассмотрим сведения по дд. Шабиз, Калмашево, Картово, Чалманарат, Сууксы, Черемисские Сууксы.

В д. **Шабиз** (ныне Шабызово Актанышского района РТ) в 1859 г. насчитывалось 205 душ муж. пола и 196 душ жен. пола (93 двора) татар башкирского и тептярского (5 дворов) сословий. Исмагил Галин (47 лет) показан муллой, Губайдулла Мухамметзянов – «деревенским начальником». Семьи татар тептярского сословия Имангула Маметова (58) и Минликеев Кучумова (38) в 1860 г. переселились в 25-й кантон (Уфимский уезд)¹²⁵. Другой источник сообщает, что данные татары (6 душ муж. пола и 4 души жен. пола в 2 дворах) обосновались в д. Красный Яр Уфимского уезда¹²⁶.

Мухаммедьяр и Исмагиль Исамметовы («тептяри»), а также Габдулгазиз Галимов из д. Шабиз Семиостровской волости, по земельным вопросам причисленные к Калмашевской тюбе Байлярской волости, пожелали переселить-

¹²³ Полный список населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1896. С. 212.

¹²⁴ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. Уфа, 1899. С. 71 (прил.).

¹²⁵ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 754. Л. 215–232.

¹²⁶ Там же. Д. 729е. Л. 1389–1390.

ся на запасной участок Чуракаевской тюбы Булярской волости, который находился в 50 верстах от их деревни. Из них только Мухаммедьяр был зажиточным и имел 3 коровы, 3 козы и 6 птиц. Остальные переселенцы почти не имели живности, за исключением Исмагила, у которого было 5 птиц¹²⁷.

Этот случай отражает типичную для того времени ситуацию, когда крестьяне и «тептяри» стремились переселиться на новые земли в поисках лучших условий для ведения хозяйства. При этом различия в уровне достатка между переселенцами подчеркивают социальное расслоение внутри общины, где одни могли позволить себе содержать скот и птицу, а другие – лишь минимальное количество живности. Такие переселения часто были связаны с надеждой на улучшение экономического положения, несмотря на удаленность новых участков от прежних мест проживания.

По данным за 1870 г., д. Шабызово (также известная как Шабис) располагалась при р. Шабыз. В деревне насчитывалось 95 дворов, в которых проживало 197 мужчин и 214 женщин, все жители – «башкиры»¹²⁸. В населенном пункте имелись мечеть, мектеп («училище») и ветряная мельница.

По сведениям 1896 г., д. Шабызово находилась на р. Шабыз и представляла собой небольшое поселение того времени. Население деревни насчитывало 400 человек, из которых 202 были мужчинами и 198 – женщинами, проживавшими в 82 дворах. В деревне имелись мечеть и хлебозапасный магазин¹²⁹.

Согласно описанию, д. Шабизово Семиостровской волости располагалась на равнине при р. Шабиз, которая была пригодна для устройства мельниц. Земельный надел, полученный на 199 ревизских душ, находился в двух местах, а само селение располагалось на восточном «крае мензелинского участка». Земля распределялась на 198 ревизских душ. Поля находились на восточном склоне с обнажениями подпочвенного суглинка, на расстоянии до 3 верст от селения. Почвенный состав представлял собой смесь супесчаного и суглинистого чернозема. В полях, помимо обнажений, имелись овраги, что могло влиять на сельскохозяйственные практики. Лесные угодья располагались в Бирском уезде. Основными занятиями жителей были традиционные промыслы: плетение лаптей и витье веревок¹³⁰. Другие виды промыслов в деревне не отмечались, что свидетельствует о специфике хозяйственной деятельности населения и его приспособленности к местным условиям.

¹²⁷ Там же. Ф. И–10. Оп. 1. Д. 890. Л. 40

¹²⁸ Список населенных мест Уфимской губернии по сведениям 1870 года. СПб., 1877. С. 111.

¹²⁹ Полный список населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1896. С. 212.

¹³⁰ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. Уфа, 1899. С. 75 (прил.).

Данное описание, фиксирующее количество ревизских душ по переписи 1859 г. (всего 199), позволяет сделать важный вывод о демографической истории деревни. После переселения татар тептярского сословия в 1860 г. не зафиксировано новых миграционных процессов, что свидетельствует о стабильности состава населения. Это указывает на то, что община смогла адаптироваться к новым условиям и сформировать устойчивую социальную структуру, не испытывая необходимости в дальнейших переселениях.

В д. **Калмашево** (ныне Актанышского района РТ) в 1859 г. зафиксировано 186 душ муж. пола и 195 душ жен. пола (78 дворов) татар башкирского сословия. Среди жителей двоеженец Ильяс Хамитов (51) показан как «азанчи» (муэдзин), Мухамади Габдулгафаров – «деревенский начальник». Двоеженцами отмечены Габдулнасыр Салихов (1792–1851; походный зауряд-сотник), Гибадулла Сейфуллин (44) и Давлетша Ягаферов (40)¹³¹.

По данным за 1870 г., д. Калмаш располагалась при р. Шабыз, в 46 верстах от уездного города и 25 верстах от становой квартиры. В деревне насчитывалось 78 дворов, в которых проживало 208 мужчин и 215 женщин, все жители – «тептяри». В населенном пункте имелись мечеть, мусульманский мектеп («училище») и ветряная мельница¹³².

Описание д. Калмашево Семиостровской волости гласит, что она размещалась на равнинной местности рядом с речкой Шабыз. Надел земли был получен на 186 ревизских душ и располагался в трех местах, при этом селение находилось на северо-востоке надела. В угодьях произошли изменения: часть леса, лугов и выгона были превращены в пашню. Земля распределялась по ревизским душам. Поля располагались на ровной местности на расстоянии до 4 верст от селения. Почва включала чернозем и частично песчаные участки. Лес находился в двух участках. Основным промыслом жителей была сдача наделов в аренду¹³³.

Однако к 1896 г. численность снизилась до 316 человек (150 мужчин, 166 женщин)¹³⁴, хотя количество надельных душ оставалось неизменным (186 ревизских душ). Это расхождение может объясняться статистическими погрешностями или временным оттоком части населения, но в целом община сохраняла стабильность.

В д. **Картово** (ныне Актанышского района РТ) в 1859 г. насчитывалось 105 душ муж. пола и 103 души жен. пола (43 двора) татар башкирского сословия. Отметим следующих жителей: Габдулгалим Альмухамметов (57 лет;

¹³¹ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 754. Л. 234–248.

¹³² Список населенных мест Уфимской губернии по сведениям 1870 года. СПб., 1877. С. 111.

¹³³ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. Уфа, 1899. С. 73–74 (прил.).

¹³⁴ Полный список населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1896. С. 213.

указной мулла), его сын Габдулхафиз (27; указной мулла), Ямалитдин Габдулнасыров (25; двоюродный брат), Муса Габбясов (80; азанчи). К ревизской сказке «деревенский начальник Фатхутдин Габдулнасыров тамгу [приложил]»¹³⁵, похожую на треугольник. Данная тамга встречается и у татар тептярского сословия (в частности, д. Буранчи той же Енейской волости).

В документе от 24 января 1854 г. говорится, что жители д. Картово нуждаются «в сенокосной и пахотной земле, так как нарезка оной была произведена им по 15 десятин на душу по 5-й ревизии». Несмотря на это, желающих переселиться из деревни не было, за исключением одного человека – Ахтяма Биктимерова¹³⁶. Этот случай подчеркивает, что даже при недостатке земельных ресурсов жители предпочитали оставаться на своих местах, что может свидетельствовать об их привязанности к родной деревне и сложностях, связанных с переселением.

По сведениям 1870 г., в д. Картово, расположенной при р. Картово, насчитывалось 100 душ муж. пола и 80 душ жен. пола башкирского сословия, которые проживали в 33 дворах. Деревня находилась в 45 верстах от уездного города и в 26 верстах от становой квартиры¹³⁷.

По данным конца XIX в., д. Картово Семиостровской волости располагалась на равнине при роднике «Чишма». Надел земли был получен на 105 ревизских душ и находился в двух участках. Селение располагалось в середине надела. Земля распределялась по ревизским душам. Поля находились на склоне, обращенном к северо-западу, близ самого селения. Выгон располагался на ровной местности, а скот пасся на всех полях, но только на своих участках. Лес был разделен на подворные участки. Основным промыслом жителей была поденная работа с оплатой от 5 до 10 коп. в день¹³⁸.

Судя по этому описанию, число ревизских душ, подлежащих наделению землей, не изменилось с момента переписи 1859 г. Однако к 1896 г. численность населения заметно выросла: в деревне проживало уже 138 мужчин и 147 женщин, расселившихся в 54 дворах¹³⁹. Более того, теперь в деревне имелся хлебозапасный магазин. Наблюдаемая демографическая динамика в сочетании с появлением нового хозяйственного объекта указывает на положительную тенденцию развития деревни.

В д. Сууксы (ныне Татарские Сукусы Актанышского района РТ) в 1859 г. учтено 298 душ муж. пола и 253 души жен. пола (110 дворов) татар башкирского сословия. Габдрафик Ибрагимов (22 года) и Ахметхан Сагитов (22) «по

¹³⁵ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 754. Л. 262–273.

¹³⁶ Там же. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 7576. Л. 20 об.

¹³⁷ Список населенных мест Уфимской губернии по сведениям 1870 года. СПб., 1877. С. 110.

¹³⁸ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. Уфа, 1899. С. 73 (прил.).

¹³⁹ Полный список населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1896. С. 213.

принятии св. крещения» в 1859 г. были **исключены «из башкир[ского звания]»**. Габдулнасыр Габдулкаримов (79), Нурмухаммет Бухарметев (43) и троеженец Сарбетулла Бикташев (43) исполняли должность указного муллы, Багуман Габдулманнанов (64) – азанчя. «Деревенским начальником» показан Габдулвахит Сагитов¹⁴⁰.

По данным 1870 г., д. Татарские Сууксы (Башкирские Сууксу), расположенная на р. Суксе (43 версты от уездного центра, 25 верст от становой квартиры), представляла собой крупное поселение. В 100 дворах проживало 632 человека (307 душ муж. пола и 325 душ жен. пола) башкирского сословия. В деревне имелись мечеть, училище, а также одна водяная и одна ветряная мельницы¹⁴¹.

Эти сведения показывают, что д. Сууксы стала называться современным названием уже к 1870 г. Первоначально ее хотели назвать «Башкирские Сууксу», но, видимо, жители были против такого названия, не отражающего их национальность.

*«Деревня называлась Татарские Сууксы, хотя из татар не было припущенников военного звания»*¹⁴², – отмечает один автор. Однако это не вызывает удивления, поскольку большинство вотчинников «военного звания» Приуралья были татарами. Таким образом, название деревни отражает их национальную принадлежность, что является естественным для данного региона. Этот пример наглядно демонстрирует, что топонимические названия населенных пунктов часто имеют глубокие исторические корни и тесно связаны с этническим составом населения, его социальным статусом и исторической ролью в формировании региональной идентичности.

Деревня Татарские Сууксы во второй половине XIX в. превратилась в значимый административно-хозяйственный центр Семиостровской волости, демонстрируя при этом характерные черты устойчивого развития татарской сельской общины. Получив в 1859 г. надел на 295 ревизских душ, деревня сохранила практически неизменным количество наделяемых земель мужчин (уменьшение всего на 3 души), что свидетельствует о стабильности общинного состава и отсутствии массовых миграций. К 1896 г. население значительно выросло – до 332 мужчин и 383 женщин в 133 дворах¹⁴³, что отражает естественный прирост и благоприятные условия жизни.

Расположенная на равнинной местности при пересыхающем ключе, деревня имела надел в двух участках с полями на холмистой местности в 6 верстах от селения. Особенностью было смешанное использование выгона – час-

¹⁴⁰ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 754. Л. 306–322.

¹⁴¹ Список населенных мест Уфимской губернии по сведениям 1870 года. СПб., 1877. С. 110.

¹⁴² Асфандияров А.З. Аулы... С. 402.

¹⁴³ Полный список населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1896. С. 212.

точно степного, частично болотистого, при этом практиковалась своеобразная форма скотоводства: весь деревенский скот собирался и отдавался на выпас за общую плату (5 руб. за весь скот)¹⁴⁴, что указывает на развитые формы коллективного хозяйствования.

Статус волостного центра подчеркивался наличием волостного правления, а развитая инфраструктура включала мечеть, хлебозапасный магазин, три ветряные мельницы и бакалейные лавки. Примечательно отсутствие промыслов – это говорит о том, что основой экономики оставалось сельское хозяйство с акцентом на земледелие и скотоводство. Сохранение традиционной системы землепользования (распределение по ревизским душам) в сочетании с ростом населения и развитием инфраструктуры показывает, как татарская деревня адаптировалась к условиям пореформенного периода, сохраняя общинные устои и одновременно усиливая свою роль как локального центра.

В д. **Черемисские Суксы** (ныне Мари-Суксы Актанышского района РТ) проживало 226 душ муж. пола и 200 душ жен. пола марийцев тептярского сословия, зафиксированных как «башкирцы». В начале списка отмечены Биктаир Бикметев (44 года), Ахмади (48), Ахтям (45), Ахмер (43) и Бигим (35) Бикметевы. К ревизской сказке «*деревенский начальник деревни Черемисских Сууксов башикирец Яманай Еманов ... тамгу приложил*»¹⁴⁵.

По данным 1870 г., д. Черемисские Суксы (также известная как Черемисские Суоксу) располагалась на р. Суксе в 43 верстах от уездного центра и 25 верстах от становой квартиры. Поселение насчитывало 445 жителей (228 душ муж. пола и 217 душ жен. пола), проживавших в 75 дворах. Хозяйственная инфраструктура деревни включала 4 ветряные мельницы и развитое пчеловодство¹⁴⁶.

Согласно статистическим данным 1896 г., д. Черемисские Сууксы Семиостровской волости располагалась на крутом северо-западном склоне у ключа Сууксы. Земельный надел, выделенный на 36 ревизских душ, состоял из двух участков, при этом само селение находилось в северной части надела. В структуре угодий произошли значительные изменения: 27 десятин кустарника были распаханы и переведены в пахотные земли. Традиционно земля распределялась общиной по ревизским душам. Поля располагались на ровной местности, некоторые участки отстояли от деревни на 7 верст. Почвы представляли собой чернозем с примесью песка и песчаника. Местные жители активно занимались огородничеством, выращивая овощи как для собственных нужд, так и на продажу. Лесные угодья находились в отдаленной части

¹⁴⁴ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. Уфа, 1899. С. 74 (прил.).

¹⁴⁵ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 754. Л. 323–337.

¹⁴⁶ Список населенных мест Уфимской губернии по сведениям 1870 года. СПб., 1877. С. 110.

надела. Характерной особенностью хозяйственной жизни деревни было развитие отхожих промыслов, преимущественно в Пермской губернии.

Припущенники располагались на северо-западном склоне и получили земельный надел на 228 ревизских душ, который представлял собой единый массив с селением в северной части. Активно велось освоение новых земель – кустарниковые участки постепенно переводились под пашню. Система землепользования также строилась по принципу распределения участков по ревизским душам. Поля располагались на возвышенностях и крутых склонах, при этом удаленность некоторых участков от селения достигала 6 верст. Почвенный состав характеризовался черноземом с мелкопесчаной примесью. Хозяйство было оснащено одной веялкой и одной сортировкой для обработки урожая. Огородничество носило полуторговый характер: значительная часть выращенных овощей реализовывалась на рынке¹⁴⁷, что свидетельствует о развитии товарно-денежных отношений в общине. Такая хозяйственная деятельность позволяла припущенникам не только обеспечивать себя продуктами, но и получать дополнительный доход от продажи излишков сельскохозяйственной продукции.

Приведенные данные указывают на существенное увеличение количества ревизских душ в д. Черемисские Суксы по сравнению с результатами переписи 1859 г., что говорит о миграции населения извне численностью приблизительно 38 человек. Несмотря на этот приток, общий рост населения оказался умеренным: в 1896 г. здесь проживали 259 мужчин и 235 женщин, распределенных по 92 дворам¹⁴⁸.

Отметим, что ранее жители марийской национальности Енейской волости часто регистрировались как «башкирцы». Такие исторические свидетельства позволяют утверждать, что к 1859 г. марийцы тептярского сословия окончательно вошли в состав башкирского сословия. Примечательно, что название самой деревни также отражает национальную принадлежность ее обитателей, подобно случаю с татарскими деревнями, такими как д. Татарские Суксы, о чём мы уже упоминали ранее.

В состав 11-й юрты входила лишь одна деревня Енейской волости. Речь идет о д. **Калтеево**, где в 1859 г. насчитывалось 43 души муж. пола и 41 душа жен. пола в 17 дворах. Это были дворы Мухамметшарипа (31 год) и Шагиахмета (25) Сафаргалиных, указного муллы Фейзуллы Абдуллина (1776–1853), Кунгура Смагилова (1772–1854), Хусеина Кунгурова (46), Габдулгафара (33) и Габдулзяппара (26) Габдуллатиповых, Габдулзялила Муртазина (81), Шангарея Габдулзялилова (1825–1857), Габдулхабира (37) и Габдулнасыра (35) Тагировых, Ильяса Шамгулова (1772–1855), Ибниамина (59), указ-

¹⁴⁷ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. Уфа, 1899. С. 75 (прил.).

¹⁴⁸ Полный список населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1896. С. 212.

ного муллы Тохфатуллы (53; двоеженец) и Гайнуллы (1808–1850) Ильясовых, Гарифуллы Гибетуллина (36)¹⁴⁹.

По данным за 1870 г., д. Калтеево располагалась при р. Шабыз, в 37 верстах от уездного города и 23 верстах от становой квартиры. В деревне насчитывалось 18 дворов, в которых проживало 50 мужчин и 50 женщин, все жители – «башкиры». В населенном пункте имелись мечеть и мусульманский мектеп («училище»)¹⁵⁰.

К 1896 г. д. Калтеево оставалась небольшим поселением, о чём свидетельствуют ее скромные демографические показатели: в 24 дворах проживало всего 56 мужчин и 65 женщин. Единственным социально-значимым объектом в деревне являлся хлебозапасный магазин¹⁵¹. Такие статистические данные характеризуют Калтеево как типичное малодворное сельское поселение конца XIX в. с преобладанием традиционного аграрного уклада жизни. Небольшая численность населения при практически равном соотношении мужчин и женщин (56 против 65) указывает на отсутствие значительных миграционных процессов и относительную демографическую стабильность в данной местности.

Согласно статистическим данным 1896 г., д. Калтаево, входящая в состав Семиостровской волости Мензелинского уезда, располагалась на склонах у р. Шабыз. Земельный надел, полученный на 43 ревизские души, был разделен на два участка при западном расположении самого селения. В структуре землепользования произошли существенные изменения: 2 десятины выгонных земель были переведены под усадебную застройку, при этом община сохраняла традиционный порядок распределения земли по ревизским душам. Пахотные угодья, находившиеся на юго-западных склонах и холмистой местности на расстоянии до 2 верст от деревни, отличались смешанным песчано-черноземным составом почв, что во многом определяло специфику местного земледелия и сельскохозяйственных практик¹⁵².

Татары башкирского и тептярского сословий нескольких деревень Енейской волости входили в состав 13-й юрты 18-го башкирского кантона, должность юртовой старшины исполнял сотник Ахметша Мутин из д. Такталачук. Здесь объектом пристального внимания являются дд. Сауз, Яней Иткина тож, Каракул, Семиостровная Ушар тож и Азибей.

Первой в списке 13-й юрты зафиксирована д. **Сауз** (ныне Краснокамского района РБ), где в 1859 г. проживали 222 души муж. пола и 224 души жен.

¹⁴⁹ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 754. Л. 136–140.

¹⁵⁰ Список населенных мест Уфимской губернии по сведениям 1870 года. СПб., 1877. С. 110.

¹⁵¹ Полный список населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1896. С. 214.

¹⁵² Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. Уфа, 1899. С. 73 (прил.).

пола (96 дворов) татар башкирского сословия. Мухамметвали Гамберов (43 года) «причислен по предписанию г. помощника командующаго Башкирским войском ... из деревни Семиостровной» в 1858 г. К ревизской сказке «деревенский начальник деревни Сауз» Шагиагзям Ремгулов «тамгу приложил»¹⁵³.

Ранее при рассмотрении ревизской сказки 1811 г. мы видели, что основную часть жителей д. Сауз составили выходцы из д. Семиостровная (Ушар). Данный документ показывает, что семиостровцы продолжали переселяться даже в 1858 г.

В 1870 г. д. Новое Саузово, расположенная на правом берегу реки Белой у озера Сауз, представляла собой крупное татарское поселение. В 96 дворах проживало 455 человек (226 мужчин и 229 женщин) башкирского сословия, что демонстрирует сбалансированную демографическую структуру (соотношение полов 1:1,01) и среднюю плотность населения 4,7 человека на двор. Поселение, находившееся в 50 верстах от уездного города и в 45 верстах от становой квартиры, имело необходимую инфраструктуру, о чём свидетельствовало наличие мечети и школы («училища»)¹⁵⁴.

По данным переписи 1896 г. д. Саузово, относившаяся к 4-му стану Кавесской волости, располагалась при озере Саузовом и насчитывала 129 дворов с населением 718 человек (353 муж. и 365 жен. пола). Наличие мечети подчеркивает религиозно-культурную идентичность татарского населения, а хлебозапасный магазин свидетельствует о включенности деревни в систему государственного продовольственного обеспечения. Бакалейная лавка и мельница отражают развитие локальной торгово-экономической инфраструктуры, характерное для крупных сельских поселений конца XIX в.

В конце XIX в. д. Сауз располагалась на равнинной местности, находясь в 150 верстах от города Бирска и всего в восьми верстах от с. Каракулино Вятской губернии. Поселение имело характерную сословную структуру и было разделено на две части.

Первую часть составляли «башкиры-припущенники» (99 ревизских душ), владевшие единым земельным участком без переделов с X ревизии. Их хозяйство базировалось на пашне у рыбного озера Сауз с песчано-черноземными почвами, обширных сенокосах по поймам рек Камы и Белой, а также лесном участке общего пользования. В хозяйстве имелось 2 веялки и 2 ветряные мельницы, а основными промыслами были извоз и рыболовство.

Вторая часть деревни принадлежала «башкирам»-вотчинникам (143 ревизские души), чьи земли делились на три участка, включая удаленные на 8–10 верст территории. Их пашня у озера Сауз, распаханная 80 лет назад, имела аналогичные песчано-черноземные почвы, но не удобрялась. В хозяйстве ис-

¹⁵³ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 754. Л. 339–351.

¹⁵⁴ Список населенных мест Уфимской губернии по сведениям 1870 года. СПб., 1877. С. 112.

пользовалось 3 веялки, однако из трех мельничных мест доход приносила лишь одна, находившаяся в аренде. Значительная удаленность от административных центров компенсировалась выгодным расположением у р. Кама, что способствовало развитию торговли и транспортировке грузов¹⁵⁵.

Статистическое описание показывает, что по сравнению с 1859 г. количество ревизских душ мужского пола, имеющих право на получение надельной земли, выросло с 222 до 242 душ. Разрыв в 20 душ свидетельствует о том, что именно такое количество мигрантов прибыло в деревню. Однако основной причиной значительного прироста населения к концу XIX в. стал естественный прирост коренного населения.

Вторая деревня 13-й юрты – **Яней выселок Иткина тож** (упраздненная д. Еней-Иткино Краснокамского района РБ) – сплошь состоит из причисленных «по предписанию командующего башкирским войском от 16 сентября 1858 г. за №11452» татар башкирского сословия, почти половину (14 дворов из 30) составляли жители д. Чалманарат. Это – семьи Шарафутдина Шамсутдинова (32 года), Шангарея Сейфуллина (35), наследники Хисамутдина Суюндукова (умер в 1854 г.), семьи братьев Шамсутдина (52) и Тазитдина (49) Суюндуковых, Габдулменняфа¹⁵⁶ Габдрахманова (59), Габдулханна Габдулменняфова (30), Шагимухаммета Нигматуллина (28), наследники Файзуллы Муратова (умер в 1856 г.), семьи братьев Яхьи (50) и Реяна (46) Мраткузиных, Курбаная Мавлюкеева (61), Ибрагима Курбанаева (37), Умяткула Курбангалина (33)). Из д. Буаскул перешли наследники Габдулкагира Мендеева (умер в 1855 г.), семьи Габдулкадыра Мендеева (36 лет в 1859 г.), Мифтахетдина Атнагулова (37), Исламгула Ишмратова (74), Бурганитдина Ямангулова (24), Супханкула (47) и Мукменкула (37) Исламгуловых. Туда же из д. Семиостровная Ушар тож перешли семьи Габдрахима Рахматуллина (57), Токтара Габдрахимова (27), наследники Мухамметгалия Акбурина (умер в 1853 г.), семьи Мухамедьяра Акбурина (50), Мухамметсадыка Акбурина (48), Мифтахетдина Ирмяшева (30), наследники Якупа Ижбулдина (умер в 1852 г.), семьи Хабибрахмана Габдрахманова (31) и Сагындыка Сатыева (48). Всего во **«вновь заведенной»** д. Яней выселок Иткина тож зафиксировано 74 души муж. пола и 63 души жен. пола (30 дворов) татар башкирского сословия¹⁵⁷.

Следует указать, что в документе от 23 июня 1844 г. говорится о «вновь заселенной деревни Иткиной до озера Иткино Танады тож»¹⁵⁸. Этот факт дает основание говорить о существовании деревни уже тогда, до 9-й ревизии.

¹⁵⁵ Сборник статистических сведений по Бирскому уезду, 1899 г. С. 275 (прил.).

¹⁵⁶ В другом источнике 1859 г. – Габдулменнян.

¹⁵⁷ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 754. Л. 352–357.

¹⁵⁸ Там же. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 5511. Л. 78 об.

Хотя ранее в документе от 2 апреля 1745 г. упоминалась д. Иткино, в ревизских источниках первой половины XIX в. ее не наблюдали. Естественно, связать происхождение вновь образованной д. Еней-Иткино с древней столетней давности мы не можем¹⁵⁹, тем более «Иткино» присутствует не только как топоним, но и как гидроним.

В 1870 г. д. Иткино (известная также как Яней и Барановка) располагалась на правом берегу реки Белой у озера Танады. Поселение насчитывало 146 жителей башкирского сословия (72 души муж. пола и 74 души жен. пола), проживавших в 32 дворах. Деревня находилась на значительном удалении – в 50 верстах как от уездного города, так и от становой квартиры¹⁶⁰.

По данным статистического обследования 1896 г. д. Иней-Иткино (также известная как Иткино) Касевской волости была расположена при озере Иткино и относилась к 4-му стану. В поселении насчитывалось 29 дворов с населением 159 человек (73 мужского и 86 женского пола). Наличие хлебозапасного магазина (общественного зернохранилища) указывает на то, что деревня была включена в систему государственного продовольственного обеспечения, что было характерно для сельских поселений Российской империи в конце XIX в. Приведем подробное описание социально-экономического состояния деревни:

«Деревня Енеева Иткино тож: расположена в равнине, с краю владения, в 140 верстах от г. Бирска и в 12 верстах от с. Каракулина. При селении озеро Таныды – рыбное. Население: башкиры-припущенники. Земля в 1 участке, на 38 ревизских душ. Пашня в равнине, орошается; при селении пашня старая, а остальная площадь распахана из-под леса в 1896 году. Почва: песчаный чернозем, до 1,5 четверти глубиной. Подпочва – красная глина. Поля не удобряются. Огороды разводятся. Выгон по песчаному чернозему. Сенокос заливается р. Камой, в низине, по песчаному чернозему. Лес в 1 участке также по песчаному черному, рубится без дележа. Промыслы: население занято полевыми работами на стороне, а при селении рыболовством.

Часть вышеописанной деревни: расположена на равнине, при озере Таныды, в 140 верстах от г. Бирска и в 12 верстах от с. Каракулина. Население – башкиры-вотчинники. Земля в 2 участках на 23 ревизских души. Пашня в равнине. Поля удобряются. Огороды разводятся. Остальное описание угодий и леса, а также землепользования, землевладения и промыслов смотри выше»¹⁶¹.

¹⁵⁹ Не изучив ревизскую сказку «вновь заведенной» д. Яней выселок Иткина тож, один автор связал историю д. Еней-Иткино со старым топонимом середины XVIII в. (Асфандияров А.З. История сел и деревень... С. 214).

¹⁶⁰ Список населенных мест Уфимской губернии по сведениям 1870 года. СПб., 1877. С. 112.

¹⁶¹ Сборник статистических сведений по Бирскому уезду, 1899 г. С. 275–276 (прил.).

На основании данного описания можно сделать вывод, что д. Енеево (Иткино тож) в конце XIX в. представляла собой типичное поселение смешанного типа, где сосуществовали припущенники и вотчинники. Расположенная на равнинной местности в 140 верстах от Бирска и 12 верстах от Каракулино, она обладала четко структурированной системой землепользования: припущенники (38 душ) владели единым земельным участком с экстенсивной системой хозяйствования (старая и лесная пашня, неудобряемые поля), тогда как вотчинники (23 души) использовали два участка с более интенсивными методами (удобрение полей). Хозяйственный уклад основывался на сочетании земледелия (песчано-черноземные почвы глубиной до 1.5 четвертей с красноглинистой подпочвой), животноводства (выгоны на тех же почвах) и промыслов (рыболовство в озере Таныды и отхожие работы).

Особенности природопользования в Енеево отражают переходный характер аграрных отношений у татар поземельных волостей в пореформенный период. При сохранении общинных принципов лесопользования (рубка без раздела) и сенокосных угодий (заливные луга в пойме Камы), наблюдалась дифференциация земледельческих практик: вотчинники применяли удобрения и более рациональное двухучастковое землепользование, тогда как припущенники сохраняли традиционные экстенсивные методы. Такое сосуществование различных систем хозяйствования в рамках одного поселения демонстрирует сложность адаптации традиционных общинных структур к новым экономическим условиям конца XIX в., где рыболовство и отхожие промыслы компенсировали ограниченность земельных ресурсов.

Анализ земельных наделов показывает сокращение числа ревизских душ с 74 (по данным 1859 г.) до 61, что свидетельствует о переселении 13 душ. Эти переселенцы основали в последней четверти XIX в. д. Саузбаш (известную также как Новое Чалманаратово; ныне Краснокамского района РБ) в Касевской волости Бирского уезда. Согласно статистическому сборнику, новое поселение имело следующие характеристики:

«Деревня Саузбашева Новая Чалманаратова тож: расположена на возвышенной равнине, в 150 верстах от г. Бирска и в 12 верстах от с. Каракулина; при селении ни озер, ни речек нет; водою пользуются из колодцев. Население: башкиры-припущенники. Земля в 1 участке, на 208 ревизских душ. Последний передел был в 1894 году. Пашня в равнине, распахана в 1895 г. изпод леса. Почва – песчаная, до 3/4 аршин глубиной. Подпочва – красная глина. Севооборот – безсистемный: сеют обычные хлеба. Огороды разводятся. Выгон по песчаной почве. Сенокос по возвышенной местности, по песчаной почве. Лес рубится по всему участку, за исключением 30 десятин, охраняемых согласно желанию населения. В селении бакалейная (торговая) лавка. Население ходит на сельские работы в Вятскую и Пермскую губернию; часть населения занимается тканьем кулья и витьем веревок.

Часть вышеописанной деревни: расположена на возвышенной равнине, в северо-восточной части надела: при селении ни озер, ни речек нет, водою пользуются из колодцев. Население – башкиры-вотчинники. Земля в двух участках, на 37 ревизских душ. Последний передел был в 1894 г. Пашня в равнине, распаханна в 1895 г. Почва – песчаная. Подпочва – красная глина. Огороды разводятся. Выгона нет. Сенокос по болотистой местности. Из всей площади леса 67 десятин не рубят, а остальной вырубается без всякого порядка. Всеми домохозяевами арендуется 10 десятин покоса. Промыслы: население отправляется на сторонние заработки в Вятскую и Пермскую губернию, а дома заняты плетеньем лаптей, выделкой веялок и др.»¹⁶².

Таким образом, общее число получивших наделы составило 245 ревизских душ. При этом 13 переселенцев из д. Енеево составляли лишь незначительную часть нового населения. К сожалению, данный источник не содержит сведений о происхождении остальных переселенцев.

Каракул – третья «башкирская» деревня 13-й юрты, ранее ее население в документе 1795 г. было учтено как «из черемис государственные яшайные тептяри». В ревизской сказке 1859 г. зарегистрировано 74 души муж. пола и 70 душ жен. пола марийцев тептярского сословия, отмеченные в титульном листе документа как «башкиры». Наследники Габдулманьяна Айбашева переселились в 25-й кантон (Уфимский уезд)¹⁶³. Одно новокрещёное «*семейство перечислилось в мензелинские мещане с исключением из башкир с 1 января 1861 г.*». К ревизской сказке «*деревенский начальник деревни Каракулов башкирец Алтынай Акылбаев ... тамгу свою приложил*»¹⁶⁴. Вот так согласно закону «О присоединении тептярей и бобылей к Башкиро-мещерякскому войску» от 22 февраля 1855 г. мариец Алтынай стал «башкиром».

В пореформенный период д. Каракул упоминается крайне редко. Согласно данным 1870 г., в Мензелинском уезде за рекой Ик сохранялось небольшое поселение с этим названием, где проживало 24 мужчины и 23 женщины в 9 дворах. Примечательно, что его жители были записаны как русские, а их основным промыслом значилось ткачество холстов¹⁶⁵.

Наиболее крупным поселением 13-й юрты в 1859 г. была д. **Семиостровная Ушар тож** (Старое Семиострово; упраздненное село Актанышского района РТ), где ревизская сказка зафиксировала 826 душ муж. пола и 792 души жен. пола (323 двора) татар башкирского сословия. Как было сказано выше, в межревизский период часть населения перешла в дд. Яней Иткино тож

¹⁶² Сборник статистических сведений по Бирскому уезду, 1899 г. С. 276–277 (прил.).

¹⁶³ Они поселились в д. Шареево Уфимского уезда (НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 729г. Л. 874–875).

¹⁶⁴ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 754. Л. 358.

¹⁶⁵ Список населенных мест Уфимской губернии по сведениям 1870 года. СПб., 1877. С. 130.

и Сауз. Кроме них, еще 5 семей переселились в д. Буаскуль. Один новокрещеный житель **«исключен из башкир** и причислен в оренбургские мещане в 1861 г.». В д. Семиостровная Ушар тож должность указных мулл исполняли Сулейман Гайсин (71 год), Аднагул Гайсин (61) и его сын Мухаммет Аднагулов (30). Родные братья последнего Зайнутдин (25), Сейфутдин (20), Ямалетдин (15) и Залялетдин (9) с 1 января 1861 г. перечислены в д. Иманово 19-го кантона¹⁶⁶.

По данным 1870 г., в д. Старая Семиостровная (также известной как Ушарово), расположенной на р. Ушар в 35 верстах от уездного города и 40 верстах от становой квартиры, проживало 752 мужчины и 694 женщины башкирского сословия в 250 дворах. Основной инфраструктурой деревни были волостное правление, мечеть и мусульманский мектеп («училище»)¹⁶⁷. Наличие волостного правления свидетельствует об административном значении поселения в регионе.

В 1896 г. д. Старая Семиостровка располагалась на низменной равнине вдоль реки Белой и нескольких озер. Земельный надел, выделенный на 685 ревизских душ, состоял из разрозненных участков, при этом само селение находилось в северной части земельного массива.

За время хозяйственного освоения территория претерпела значительные изменения: было вырублено 1017 десятин леса, а на 200 десятинах образовавшегося кустарника организованы пашни и луга (часть кустарниковых участков сохранилась). Землепользование осуществлялось по традиционной общинной системе с распределением по ревизским душам.

Сельскохозяйственные угодья включали ровные поля (до 8 верст от деревни) и 75 десятин возвышенных участков («гривки»). Почвенный покров отличался разнообразием: супесчаный и иловатый чернозём чередовался с песчаными участками. Многие хозяйства были обеспечены веялками, что свидетельствовало о развитии зернового хозяйства. Выгонные земли располагались на равнинных, частично заболоченных территориях. Особенностью деревни было сочетание земледелия с промысловой деятельностью: часть жителей круглогодично занималась рыболовством, используя ресурсы реки Белой и окрестных озер.

Анализ демографических данных выявляет существенное расхождение в численности ревизских душ. Зафиксированное количество 685 душ значительно меньше показателя в 826 душ, отмеченного X ревизией 1858 г. Данный дисбаланс свидетельствует о существенном оттоке населения, составившем 141 души.

¹⁶⁶ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 754. Л. 363–400.

¹⁶⁷ Список населенных мест Уфимской губернии по сведениям 1870 года. СПб., 1877. С. 110.

Историко-демографический анализ показывает, что вскоре после X ревизии, предположительно в 1860–1870-х гг., произошло официальное оформление д. **Новая Семиостровная**. Данный факт объясняет демографическое сокращение населения в исходной деревне. Наблюдаемое явление отражает типичную для пореформенного периода тенденцию внутренней миграции населения. Основными факторами данного процесса выступали земельная теснота в традиционных поселениях, необходимость освоения новых территорий и административная практика выделения выселков в самостоятельные поселения.

Примечательно, что оставшееся население в количестве 685 душ сохранило традиционную общинную организацию землепользования с распределением наделов по ревизским душам.

Таким образом, представленный анализ позволяет констатировать, что наблюдаемые демографические изменения являлись частью более широкого социально-экономического процесса трансформации сельских поселений пореформенного периода. В заключение следует отметить, что данный пример иллюстрирует комплексный характер демографических процессов того времени, когда миграционные тенденции сочетались с сохранением традиционных форм землепользования, что обеспечивало устойчивость крестьянского хозяйства в условиях социально-экономических преобразований.

По сведениям 1870 г., в д. Новая Семиостровная (также известной как Новое Ушарово и Саузово), расположенной при озере Саузе в 50 верстах от уездного города и 35 верстах от становой квартиры, насчитывалось 145 мужчин и 151 женщина башкирского сословия в 51 дворе. В деревне имелись мечеть и две ветряные мельницы¹⁶⁸.

Согласно статистическим данным 1896 г., д. Новая Семиостровная (известная также под названиями Пузырево и Чиалик) представляла собой значительное поселение с населением 476 человек (228 мужчин и 248 женщин), проживавших в 81 дворе. Расположенная при озере Чиалик, деревня обладала развитой для своего времени инфраструктурой: здесь функционировала мечеть и две торговые лавки¹⁶⁹, что свидетельствовало о ее роли как местного торгово-религиозного центра.

Особого внимания заслуживает наличие у поселения трех вариантов названия (официального – Новая Семиостровная, и двух местных – Пузырево и Чиалик), что характерно для многих населенных пунктов региона и отражает сложные процессы их формирования. Название «Чиалик», производное от озера, указывает на природно-географические особенности местности, а вот происхождение названия «Пузырево» остается неясным и представляет интерес для дальнейших исследований.

¹⁶⁸ Там же. С. 111.

¹⁶⁹ Полный список населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1896. С. 218. С. 211.

Согласно статистическим данным 1899 г., д. Новая Семиостровская Семиостровской волости располагалась на равнинном низменном участке у речки Ямакай, в одной версте от реки Белой, с двумя озерами (Токтар и Буар-Куль) в окрестных полях. Земельный надел, выделенный на 127 ревизских душ, состоял из нескольких разрозненных участков, при этом само селение находилось в северной части надела, частично заходя на территорию Бирского уезда. В структуре землепользования произошли существенные изменения: часть лесных и кустарниковых угодий была распахана под пашню, другая часть кустарника отведена под сенокосы, а участки выгона преобразованы под усадьбную застройку. Традиционно земля распределялась общиной по ревизским душам. Поля располагались в низменной местности на расстоянии до 4 верст от селения, с преобладанием иловатых и супесчаных черноземных почв. Выгонные земли занимали равнинные участки вокруг деревни¹⁷⁰, а лесные ресурсы были представлены преимущественно кустарниковыми зарослями, что определяло особенности местного природопользования и ведения хозяйства.

В д. **Азибей** (Татарский Азибей; упраздненное село Актанышского района РТ) в 1859 г. насчитывалось 436 душ муж. пола и 428 душ жен. пола (164 двора) татар башкирского сословия. Среди жителей выделялись Шарифулла Гумеров (31 год; указной мулла), Габдулсалих Мансуров (77; указной мулла), Мухамметгалим Альмухамметов (49; указной мулла), Мухаммади Альмухамметов (47; оспопрививатель), Шамсутдин Салихов (64; отставной урядник), Гадельша Давлетбаев (65; отставной зауряд-сотник), и Гайнан Утягулов (57; указной азанчи). Также упоминаются Гайнутдин Габдулшарипов (29), который «по принятии св. крещения поступил в рекруты в 1860 г.», и Галиулла Исаков (28), который «в 1862 г. принял св. крещение, но **из башкир[ского звания] не исключен**»¹⁷¹. Эти данные отражают не только сословную и профессиональную структуру населения, но и процессы религиозного перехода, сохранявшие связь с башкирским сословием.

В 1870 г. д. Азибей (Идиль-Каин-Тюба) при озере Митав представляла собой значительное татарское поселение. Расположенная в 39 верстах от уездного города и 40 верстах от становой квартиры, она насчитывала 160 дворов с населением 929 человек (472 души муж. пола и 457 душ жен. пола) башкирского сословия, что свидетельствует о средней плотности 5,8 человека на двор. В населенном пункте имелись мечеть, 4 ветряные мельницы и было развито пчеловодство¹⁷².

¹⁷⁰ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. Уфа, 1899. С. 74 (прил.).

¹⁷¹ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 754. Л. 401–428.

¹⁷² Список населенных мест Уфимской губернии по сведениям 1870 года. СПб., 1877. С. 111.

К 1896 г. д. Татарский Азибей при озере Митау представляла собой крупное поселение с 258 дворами, в которых проживало 741 мужчина и 734 женщины. Социально-экономическая инфраструктура селения включала мечеть как духовный центр, хлебозапасный магазин для обеспечения продовольственной безопасности, 3 торговые лавки и 4 мукомольные мельницы¹⁷³, свидетельствующие о развитии зерновом хозяйстве и предпринимательской активности местных жителей.

Введение приставки «Татарский» в официальное название д. Азибей в конце XIX в. отражает важные изменения в административной практике Российской империи. Несмотря на то, что местные жители относились к башкирскому сословию, власти предпочли обозначить населенный пункт по этнической принадлежности его жителей. Этот факт свидетельствует о постепенном переходе от сословного принципа идентификации к национальному в системе государственного учета. Примечательно, что подобное уточнение появилось именно в тот период, когда требовалось четко различать одноименные поселения с разным этническим составом населения – в данном случае татарский Азибей и русский Азибей.

Данный случай наглядно демонстрирует сложность этносоциальных процессов в регионе. Формальная принадлежность жителей к башкирскому сословию не помешала властям зафиксировать их реальную языковую и культурную идентичность через топонимику. Это говорит о том, что к концу XIX в. этнический фактор стал играть не менее важную роль, чем сословный, в официальном делопроизводстве. Одновременно подобное наименование отражает политику имперских властей, стремившихся к четкой систематизации и каталогизации разнородного населения страны через унификацию названий населенных пунктов.

Согласно краткому описанию за 1896 г., д. Татарский Азибей Семиостровской волости находилась на ровном низменном месте при рч. Зияк и нескольких озерах, в 4 верстах от реки Камы. Надел земли был получен на 452 ревизские души и располагался в одном месте, при этом селение находилось на востоке надела. В угодьях произошли изменения: 3401 десятина леса была вырублена и частично превращена в пашню, луга или неудобные земли, а также увеличилась площадь под выгоном и усадьбой. Земля распределялась по числу наличных душ. Поля располагались на ровной местности с множеством гривок (небольших возвышенностей). Почва включала иловатый и песчаный черноземы, а на гривках – подзол. Все жители использовали сохикунгурки, а зажиточные крестьяне имели веялки. Основным промыслом были отхожие заработки¹⁷⁴.

¹⁷³ Полный список населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1896. С. 213.

¹⁷⁴ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. Уфа, 1899. С. 74–75 (прил.).

Представленные статистические данные наглядно иллюстрируют значительный прирост населения д. Татарский Азибей, имеющего право на получение земельных наделов. В частности, если в 1859 г. здесь было зарегистрировано 436 ревизских душ, то впоследствии их число возросло до 452 душ, что соответствует увеличению на 16 человек. Данный показатель указывает на миграционный поток новых семей, прибывших в деревню.

Выше мы рассмотрели деревни 13-й юрты. 2 деревни Енейской волости входили в состав 14-й юрты 18-го кантона (юртовой старшина урядник Ибрагим Габдрашитович Мутин). Далее мы уделим внимание дд. Буаскулево и Новое Сафарово.

В д. **Буаскулево** (ныне Буаз-Куль Актанышского района РТ) в 1859 г. зафиксированы 64 души муж. пола и 62 души жен. пола татар башкирского сословия. Наследники Габдулгагира Мендеева и семьи Габдулкадыра Мендеева, Мифтахетдина Атнагулова, Исламгула Ишмратова, Бурганетдина Ямангулова, братьев Супханкула и Мукменкула Исламгуловых «перечислены по предписанию г. помощника командующего Башкирским войском от 16 сентября 1858 г. за №11452 в деревню Янееву». Последними учтены 13 душ муж. и 9 душ жен. пола (5 дворов), перешедшие из д. Семиостровная Ушартож¹⁷⁵. Как видим, в рамках одной деревни наблюдается перемещение значительного количества населения.

В 1870 г. д. Буаскулево, расположенная у озера Буаскул, представляла собой небольшое татарское поселение. Находясь в 40 верстах от уездного города и 33 верстах от становой квартиры, деревня насчитывала 137 жителей (65 душ муж. пола и 72 души жен. пола) башкирского сословия, проживавших в 25 дворах. Имелась мечеть¹⁷⁶, что в таком небольшом поселении подчеркивает важную роль религии в жизни татарских общин.

К 1896 г. д. Буаскулево сохраняла статус небольшого поселения, о чём свидетельствуют ее демографические показатели: в 31 дворе проживало 94 мужчины и 100 женщин. Несмотря на скромные размеры, поселение обладало важными элементами инфраструктуры: мечетью как духовным центром мусульманской общины и хлебозапасным магазином, выполнявшим функцию продовольственного резерва.

Расположенная у ключа Безымянное¹⁷⁷, деревня демонстрировала устойчивость традиционного уклада жизни. Сохранение почти равного соотношения мужского (94) и женского (100) населения указывает на сбалансированную демографическую структуру без признаков значительной миграции. Отсутствии упоминаний о торговых заведениях или промышленных объектах

¹⁷⁵ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 754. Л. 476-484.

¹⁷⁶ Список населенных мест Уфимской губернии по сведениям 1870 года. СПб., 1877. С. 110.

¹⁷⁷ Полный список населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1896. С. 213.

подчеркивает аграрный характер поселения, где основой хозяйства оставались земледелие и скотоводство.

Статистический сборник 1896 г. описывает д. Буазкуль Семиостровской волости, подразделяя ее на две категории населения: вотчинников и припущенников. Вотчинники обосновались на наклонном участке, направленном к северо-востоку, владея двумя участками земли, предназначенными для 14 ревизских душ. Селение занимает северную часть надела, распределение земли осуществляется общинным порядком по ревизским душам. Почва полей характеризуется как супесчаный чернозем, южнее селения произрастает мелкий кустарник.

Припущенники, напротив, располагаются на ровном откосе, направляющемся к северо-западу, с единым наделом, охватывающим 45 ревизских душ. Подобно вотчинникам, селение припущенников находится на северной границе надела. Отмечается ряд изменений в структуре угодий: 33 десятины лесного массива и 40 десятин сенокоса подверглись распашке, тогда как 7 десятин пашни были переведены под выгон. Припущенническая община также придерживается принципа деления земли по ревизским душам. Поля размещены на холмистой местности с наклоном к северу и северо-западу, на расстоянии не превышающем одну версту от селения, почва преимущественно супесчаная. Неподалеку от деревни расположены шесть десятин мелкоколосья¹⁷⁸.

Анализируя приведенные данные, можно отметить снижение численности ревизских душ на пять единиц по сравнению с уровнем 1859 г., а также значительную долю припущенников по отношению к вотчинникам (соотношение 45 к 14). Такое сокращение числа ревизских душ служит признаком процесса внутренней миграции.

В д. **Новое Сафарово** (в источнике «Новое Саперово») ¹⁷⁹ в 1859 г. насчитывалось 50 душ муж. пола и 38 душ жен. пола (18 дворов) татар башкирского сословия (Габдрафик и Габдулгаффар Хамитовы, Валит Маметов, Зейнулла Чурабаев, Зейнигабдин Тимиров и др.).

Первую позицию в списке занимает зауряд-хорунжий Ахметзян Мухаметгалин сын Борисов (37 лет)¹⁸⁰. Ранее, анализируя материалы по д. Кадырметево, мы уже упоминали другого носителя этой фамилии – Кагармана Бикмурзина сына Борисова. Тогда мы отметили, что фамилия «Борисов» происходит от татарского имени «Бураис», известного в родословной рода Кара-бека.

По данным 1870 г., д. Новое Сафарово (Новое Сапарово, Титеево) располагалась при реке Аксазе в 50 верстах от уездного города и 35 верстах от

¹⁷⁸ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. Уфа, 1899. С. 72 (прил.).

¹⁷⁹ В довоенном списке сел и деревень указано как поселение Актанышского района.

¹⁸⁰ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 754. Л. 485–488.

становой квартиры. Поселение насчитывало 88 жителей башкирского сословия (56 душ муж. пола и 32 души жен. пола), проживавших в 21 дворе¹⁸¹.

Указанное в скобках название «Титеева» служит важным историко-генеалогическим маркером, подтверждающим связь населения с вотчинниками рода Кара-бека через его яркого представителя Тютя (Титея).

К 1896 г. д. Новое Сафарово (Тетеево), расположенная у ключа Безымянное, представляла собой небольшое компактное поселение: в 20 дворах проживало 47 мужчин и 50 женщин. Несмотря на скромные размеры, деревня обладала важной инфраструктурой: хлебозапасным магазином, обеспечивавшим продовольственную безопасность общины, и двумя ветряными мукомольными мельницами¹⁸², свидетельствующими о развитии зернового хозяйства и предпринимательской инициативе местных жителей. Практически равное соотношение мужского и женского населения (47 против 50) указывает на сбалансированную демографическую структуру и отсутствие значительных миграционных процессов. Наличие мельниц, являвшихся в то время значимыми производственными объектами, позволяет предположить, что деревня играла определенную роль в местной экономической системе, обслуживая не только собственные нужды, но и потребности окрестных поселений.

Согласно краткому описанию за 1896 г., д. Новое Сафарово Семиостровской волости находилась на ровном месте при рч. Ямакай, пригодной для устройства мельниц. Надел земли был получен на 48 ревизских душ и располагался в двух уездах, при этом селение находилось на востоке надела. В угодьях произошли изменения: часть сенокоса была превращена в пашню, а другая часть – в выгон; также 12 десятин кустарника были расчищены под пашню. Земля распределялась по ревизским душам. Поля располагались на склонах на расстоянии до 2,5 верст от селения. Почва была песчаной, леса в округе не было. Выгон находился на ровном месте близ селения. Основным промыслом жителей был извоз¹⁸³.

В целом, данные второй половины XIX в. демонстрируют незначительный демографический рост деревни, при этом количество ревизских душ уменьшилось на 2 человека по сравнению с 1859 г.

Население нескольких деревень Енейской волости состояло в 18-й юрте 18-го кантона (юртовой старшина зауряд-хорунжий Габдулгани Иксанов[ич] Токтаров). Это следующие деревни: Старые Бугады, Терпеле, Кадырметево, Новые Бугады, Новое Зияшево и Султангулово.

¹⁸¹ Список населенных мест Уфимской губернии по сведениям 1870 года. СПб., 1877. С. 111.

¹⁸² Полный список населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1896. С. 211.

¹⁸³ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. Уфа, 1899. С. 74 (прил.).

В д. **Старые Багады** (ныне Старые Бугады Актанышского района РТ) в 1859 г. учтено 248 душ муж. пола и 223 души жен. пола (99 дворов) татар башкирского сословия. В начале списка жителей отмечены Мухамметсадык (1811–1853) и Мухамметкарим (45 лет) Габсалиховы, Сайфутдин (67) и Садретдин (57) Адигамовы, далее Мухамметсадык Габдулнасыров (58; указной мулла), Хайретдин Мухамметсадыков (36; урядник) и другие. Последним показан Сиразетдин Калкаманов (43; указной азанчи), перешедший из д. Султангулово¹⁸⁴.

В 1870 г. д. Старые Бугады при рч. Бизяда представляла собой значительное татарское поселение. Находясь в 51 версте от уездного города и 25 верстах от становой квартиры, она насчитывала 121 двор с населением 684 человек (350 душ муж. пола и 334 душ жен. пола) башкирского сословия, что соответствует средней плотности 5,7 человека на двор. В населенном пункте имелись мечеть, мектеп («училище»), ветряная мельница и было развито пчеловодство¹⁸⁵.

К 1870–1872 гг. относится архивное дело под названием «Материалы /переписка по прошению о выдаче денежного пособия от башкир-припущенников военного ведомства, в числе 23 старших домохозяев деревни Старые Бугады и 3 старших домохозяев деревни Новые Бугады, Мензелинского уезда Енейской волости Бугадинской тюбы, назначенных к переселению в деревни Султангулово и Новое Зияшево»¹⁸⁶. Заголовок дела указывает на то, что часть населения дд. Старые и Новые Бугады переезжала в дд. Султангулово и Новое Зияшево. Переселенцам была положена государственная денежная помощь, которая выдавалась после обоснования на новом месте.

К 1896 г. деревня, расположенная при рч. Бизяда, значительно разрослась, достигнув численности 792 жителей (376 мужчин и 417 женщин) в 150 домохозяйствах. Инфраструктура поселения включала мечеть, хлебозапасный магазин, бакалейную лавку, кузницу и ветряную мельницу, принадлежавшую Алиеву¹⁸⁷.

Согласно краткому описанию 1896 г., дд. Старые и Новые Бугады Байсаровской волости располагались на северо-восточном склоне при рч. Бизяда. Земельный надел, выделенный на 498 ревизских душ (по данным 1859 г.), находился в двух местах и претерпел существенные изменения: значительные площади лесов и сенокосов были переведены в пахотные земли. Землепользование осуществлялось по традиционной общинной системе распределения

¹⁸⁴ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 754. Л. 832–847.

¹⁸⁵ Список населенных мест Уфимской губернии по сведениям 1870 года. СПб., 1877. С. 111.

¹⁸⁶ Бугады Новые. URL: https://forum.vgd.ru/3285/94974/10.htm?a=stdforum_view&o= (дата обращения 30.06.2025).

¹⁸⁷ Полный список населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1896. С. 218.

по ревизским душам. Поля, расположенные по небольшому склону на северо-восток, находились близ селения и включали три оврага. Хозяйства были оснащены современным по тем временам оборудованием – в наличии имелось 8 веялок. Лесные насаждения и кустарники были сконцентрированы в двух обособленных участках. Характерной особенностью являлось отсутствие развитых неземледельческих промыслов¹⁸⁸.

Сравнительный анализ данных выявляет любопытную демографическую динамику: если в 1859 г. общее количество ревизских душ в двух деревнях составляло 512 (248 в Старых и 264 в Новых Бугадах), то к 1896 г. их число сократилось до 498. Это уменьшение на 14 человек связано с миграционными процессами, о которых ранее сообщалось. Важно отметить, что указанные цифры отражают только мужское население, тогда как общая численность жителей, судя по другим источникам, демонстрировала рост.

Таким образом, во второй половине XIX в. деревни демонстрировали устойчивую социально-экономическую динамику развития. Основой жизнедеятельности оставалось земледелие, о чём свидетельствует активное преобразование угодий под пашню. Отсутствие развитых промыслов подчеркивает аграрную специализацию этих поселений, что было типично для большинства татарских деревень региона того периода. При этом техническое оснащение (веялки) и рациональное использование земельных ресурсов указывают на поступательную модернизацию сельскохозяйственного производства во второй половине XIX в.

В д. **Тирпеле** (ныне Терпеле Актанышского района РТ) в 1859 г. насчитывалось 115 душ муж. пола и 88 душ жен. пола (39 дворов) марийцев башкирского сословия во главе с Идрисом Гайсиным (63 года)¹⁸⁹. В данном источнике не упоминается, что в прошлом они относились к тептярскому сословию.

В 1870 г. д. Тирпили была компактным марийским поселением, расположенным на р. Тирпиле. Деревня находилась в 52 верстах от уездного центра и 26 верстах от становой квартиры. В ней насчитывалось 50 дворов с населением 231 человек (113 душ муж. пола и 118 душ жен. пола), что говорит о сбалансированном гендерном соотношении (1:1,04). Средняя плотность населения составляла 4,6 человека на двор. В деревне были развиты традиционные промыслы, такие как пчеловодство и изготовление лаптей¹⁹⁰.

Согласно статистическим данным 1896 г., д. Терпели насчитывала 312 жителей (165 мужчин и 147 женщин), проживавших в 51 дворе. В поселении

¹⁸⁸ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. Уфа, 1899. С. 56 (прил.).

¹⁸⁹ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 754. Л. 848–856.

¹⁹⁰ Список населенных мест Уфимской губернии по сведениям 1870 года. СПб., 1877. С. 111.

функционировали бакалейная и винная лавки, что свидетельствовало о развитии местной торговли¹⁹¹.

Описание д. Терпели 1896 г. содержит важные сведения о землепользовании и хозяйственной деятельности. Поселение располагалось на равнине у реки Терпели, с земельным наделом, полученным на 344 ревизские души. С 1880 г. произошли существенные изменения в структуре угодий: было распашано 800 десятин леса, 300 десятин выгона и 100 десятин сенокоса. Поля находились на ровной местности с легкими склонами к юго-западу, в сторону речки Елга-Тамак, и располагались близ селения. Почва была черноземной. В селении имелось 3 веялки. Лес находился к северо-западу от деревни. Основным промыслом жителей была сезонная работа на железной дороге, приносившая 15–20 руб. дохода за период с весны до начала страды¹⁹².

Статистические данные 1896 г. по д. Терпели Байсаровской волости содержат существенные расхождения, требующие критического осмысления. Указанное количество ревизских душ (344), формально относящееся к 1859 г., вызывает недоумение, поскольку оно не только противоречит данным самой ревизской сказки 1859 г., но и более чем вдвое превышает фактическое мужское население деревни в 1896 г. (165 человек). Это несоответствие может быть ошибкой в документе или следствием особенностей учёта.

Демографические изменения в регионе на рубеже XIX–XX вв. наглядно иллюстрируются активными миграционными процессами. В 1897 г. переселенцы из Тамбовской губернии, осевшие в Белебеевском уезде (села Верхне-Троицкое и Воздвиженское), ходатайствовали о выделении им казенных земель в Тrepельском участке Байсаровской волости. Среди просителей значились С.В. Адгин, Г.П. Доин, П.Е. Богдашкин и другие. Параллельно аналогичные прошения подавали местные крестьяне Мензелинского уезда – Я. Голяков с братом, И. Пономарев, Е. Седунов, а также переселенец М. Черепанов¹⁹³. Эти факты свидетельствуют о значительном земельном голоде и активном перераспределении населения в условиях аграрного перенаселения региона.

В д. **Кадырметево** (ныне Старое Кадырметьево Актанышского района РТ) в 1859 г. зафиксировано 279 душ муж. пола и 255 душ жен. пола (102 двора) татар башкирского сословия. Перечислим имена некоторых жителей: Тоймас Галикеев (63 года), Гибетулла Каранаев (67; указной мулла), Музафар Тоймасов (56), Бикмухаммет Батыршин (48), Ямангул Муртазин (94), Габдулхалик Карагулов (64), Ибатулла Нигматуллин («деревенский начальник»)¹⁹⁴.

¹⁹¹ Полный список населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1896. С. 218.

¹⁹² Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. Уфа, 1899. С. 55 (прил.).

¹⁹³ Байсаровская волость. URL: https://forum.vgd.ru/3285/94974/30.htm?a=stdforum_view&o= (дата обращения: 30.06.2025).

¹⁹⁴ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 754. Л. 867–883.

Известно дело, инициированное «вотчинниками-башкирами» д. Кадырметово Байсаровской волости под руководством Ибата Нигматуллина с целью предотвращения самовольного захвата земли пришлыми жителями (1865–1868 гг.)¹⁹⁵. Этот случай наглядно иллюстрирует сложность взаимоотношений между вотчинниками и припущенниками.

В 1870 г. д. Кадырметово, расположенная при ключе, представляла собой значительное татарское поселение. Находясь в 50 верстах от уездного города и 26 верстах от становой квартиры, она насчитывала 101 двор с населением 546 человек (272 души муж. и 274 души жен. пола), демонстрируя практически идеальное гендерное равновесие (соотношение 1:1,01) и среднюю плотность 5,4 человека на двор. В деревне имелись мечеть и училище¹⁹⁶, что свидетельствует о развитии религиозной и образовательной инфраструктуры в поселении.

Спустя четверть века, в 1896 г., д. Старое Кадырметово Байсаровской волости, расположенная при р. Терпели, представляла собой крупное поселение с 755 жителями (381 мужчина и 374 женщины) в 135 дворах. В деревне, помимо мечети, имелся хлебозапасный магазин.

Параллельно существовала небольшая д. Новое Кадырметово, насчитывавшая всего 42 жителя (22 мужчины и 20 женщин) в 7 дворах. Несмотря на скромные размеры, этот населенный пункт также обладал собственной религиозной инфраструктурой в виде мусульманского молитвенного дома¹⁹⁷.

В кратком описании за 1896 г. о д. **Новое Кадырметово** Байсаровской волости говорится, что она расположена на ровной местности при рч. Терпеле, с уклоном к юго-западу. Надел земли был выделен на 22 ревизские души, при этом само селение находится в юго-восточной части надела. Земля распределялась по ревизским душам. В деревне отсутствуют промыслы, усовершенствованные орудия труда и огороды. Лес расположен к северо-востоку от селения¹⁹⁸. Этот пример иллюстрирует типичные условия жизни населения в XIX в., где основой хозяйства было земледелие и скотоводство, а уровень технического развития оставался низким. Переселение в такие деревни часто было связано с надеждой на улучшение условий жизни, несмотря на скудость ресурсов и отсталые методы хозяйствования.

Сведения о возникновении д. Новое Кадырметово нами ранее сообщались при рассмотрении д. Адаево. Другая часть сведений будет рассмотрена в рамках анализа исторических материалов по д. Султангулово, с которой она

¹⁹⁵ Там же. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 13970.

¹⁹⁶ Список населенных мест Уфимской губернии по сведениям 1870 года. СПб., 1877. С. 111.

¹⁹⁷ Полный список населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1896. С. 218.

¹⁹⁸ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. Уфа, 1899. С. 55 (прил.).

находилась в тесной административной и территориальной связи. Это позволяет комплексно раскрыть процесс формирования нового поселения в контексте миграционных процессов и земельной политики в Байсаровской волости во второй половине XIX в.

В д. **Новые Бугады** (в источнике «Новое Багады»; ныне часть д. Старые Бугады Актанышского района РТ) в 1859 г. учтено 264 души муж. пола и 228 душ жен. пола (95 дворов) татар башкирского сословия. Отметим следующих жителей: Нугуман Габдулнасыров (52 года; указной имам), Хабибулла Гадаев (65; указной азанчи), Габдулгаллям Габдулменнянов (40; указной мулла), Ахметнаби Файзуллин («деревенский начальник»). Шагимрат Сайфуллин «по принятии св. крещения из башкирского звания исключен»¹⁹⁹.

Следует указать, что случаи принятия православия и исключения из башкирского сословия наблюдаются и в некоторых других деревнях. Тяжелые условия жизни, экономические трудности, социальная несправедливость и безвыходное положение могли быть факторами, которые заставляли людей принимать новую религию. Ведь принявшие православие имели право на определенные льготы, что делало этот шаг прагматичным решением.

В 1870 г. д. Новые Бугады представляла собой крупное татарское поселение с устойчивой демографической структурой. Расположенная в 50 верстах от уездного центра и 26 верстах от становой квартиры, деревня насчитывала 110 дворов с населением 563 человека (290 мужчин и 273 женщины), относящихся к башкирскому сословию. Характерными особенностями поселения были сбалансированное соотношение полов (1,06:1), средняя плотность населения 5,1 человека на двор, а также наличие мечети и училища. Часть жителей занималась традиционным промыслом – плетением лаптей²⁰⁰.

К 1896 г. деревня, расположенная при рч. Бизяда, продемонстрировала значительный рост – до 792 жителей (376 мужчин и 416 женщин) в 143 дворах. Инфраструктура поселения включала мечеть и водяную мельницу, принадлежавшую Насырову²⁰¹.

В д. **Новое Зияшево** (ныне Актанышского района РТ) в 1859 г. насчитывалось 59 душ муж. пола и 62 души жен. пола (25 дворов) татар башкирского сословия. Первыми в списке отмечены дворы Абдуллы (53 года) и Тимергалия («поступил в службу в 1834 г. [и] не возвратился») Самигуловых, Хабиба Сензяпова (48), Шагидуллы Гайнуллина (23)²⁰². До 1855 г. население данной деревни относилось к тептярскому сословию. Таким образом, к 1859 г. татары

¹⁹⁹ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 754. Л. 907–921.

²⁰⁰ Список населенных мест Уфимской губернии по сведениям 1870 года. СПб., 1877. С. 111.

²⁰¹ Полный список населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1896. С. 218.

²⁰² НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 754. Л. 901–906.

д. Новое Зияшево оформились в башкирском сословии. О том, что они раньше были в тептярском сословии, в документе вообще не сообщается.

По сведениям 1870 г., в д. Новое Зияшево (Каратал), расположенной при ключе, проживало 66 мужчин и 73 женщины тептярского сословия в 21 дворе. Деревня находилась в 41 версте от уездного города и в 35 верстах от становой квартиры²⁰³.

К концу XIX в. д. Новое Зияшево (Каратал) Байсаровской волости, расположенная при реке Бизяда, представляла собой значительное поселение с 59 дворами, где проживало 170 мужчин и 145 женщин. Социальная инфраструктура включала мечеть, выполнявшую роль духовного центра мусульманской общины, а также водяную мельницу Мухамметкаримова²⁰⁴, свидетельствующую о развитии местного зернового хозяйства и предпринимательской активности. Наличие собственной мельницы указывает на экономическую самостоятельность поселения и его способность обеспечивать переработку сельскохозяйственной продукции.

Сравнение с данными 1859 г. (121 душа обоего пола) демонстрирует существенный рост населения – к 1896 г. число жителей увеличилось более чем в 2,5 раза. Такой значительный прирост (со 121 до 315 человек) может объясняться не только естественным приростом, но и миграцией родственных семей в пределах волости. Рост числа дворов, сохранение мечети и появление мельницы отражают устойчивое развитие деревни во второй половине XIX в., которое сочеталось с сохранением традиционного уклада.

В д. **Султангулово** (ныне Старое Султангулово Актанышского района РТ) в 1859 г. насчитывалось 268 душ муж. пола и 272 души жен. пола (101 двор) татар башкирского сословия. В начале списка жителей отмечены Фатхулла Нигматуллин (40 лет), Мухамметвали Курбангалин (21), Габдулзялил Аскарлов (1773–1853; отставной сотник), Калкаман (72; отставной зауряд-есаул) и Ибнихазип (54; указной азанчи) Мавлюкеевы. Другой указной азанчи Гимадетдин Калкаманов перешел в д. Старые Бугады «по предписанию» от 16 сентября 1858 г. Ахметзян Юлдашев (48) показан оспопрививателем, Фахретдин Сафаргалин – «деревенским начальником»²⁰⁵.

В 1870 г. д. Султангулово, расположенная при ключе, представляла собой типичное татарское поселение. Деревня находилась в 58 верстах от уездного центра и в 27 верстах от становой квартиры. В ней насчитывалось 110 дворов с населением 588 человек (292 мужчины и 296 женщин) башкирского сословия, демонстрируя практически равное гендерное соотношение (1:1,01) и среднюю плотность населения 5,3 человека на двор. В деревне функциони-

²⁰³ Список населенных мест Уфимской губернии по сведениям 1870 года. СПб., 1877. С. 110.

²⁰⁴ Полный список населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1896. С. 220.

²⁰⁵ НА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 754. Л. 922–938.

ровали мечеть и мектеп («училище»)²⁰⁶, которые были неотъемлемой частью повседневной жизни местных жителей.

В официальном документе от 13 августа 1882 г. зафиксировано наличие двух запасных земельных участков в Байсаровской волости. Первый участок – Султановский – был выделен из земельных владений Енейской волости (Богадинская тюба) вблизи дд. Султангулово и Новое Зияшево. Вторым участком – Тrepельский, также относящийся к Енейской волости, располагался около дд. Кадырметево и Тrepели²⁰⁷.

На этих запасных землях впоследствии возникли новые поселения: д. Новое Султангулово была основана на Султановском участке, а Новое Кадырметьево – на Тrepельском участке. Данный факт свидетельствует о процессе внутренней миграции и освоения новых территорий в пределах волости в последней четверти XIX в. Образование новых деревень на специально выделенных запасных участках отражает характер земельной политики российских властей в регионе в пореформенный период.

К 1896 г. д. Султангулово при реке Сарсаз представляла собой крупное и развитое поселение. В 140 дворах проживало 332 мужчины и 367 женщин, что свидетельствовало о значительной численности населения и устойчивом демографическом развитии. В деревне имелись мечеть и хлебозапасный магазин²⁰⁸.

Согласно краткому описанию за 1896 г., дд. Султангулово и Новое Зияшево Байсаровской волости были расположены на равнине при речках Бизяда и Сарсаз, пригодных для устройства мельниц. Надел земли был получен на 383 ревизские души, при этом Султангулово находилась на юго-западе, а Новое Зияшево – на юге надела. Зафиксированы значительные изменения в угодьях: распаханно более 200 десятин леса и около 350 десятин покосов. Земля распределялась общиной по ревизским душам. Поля располагались по равнине и небольшим склонам на юго-запад, близ селения. Почва была преимущественно черноземной, с частичным подзолом. В полях находился один овраг, который ежегодно быстро увеличивался. Лес располагался на северо-западе от селения. Основным промыслом жителей был отхожий, приносящий доход около 25 руб. за три месяца работы²⁰⁹.

Следует отметить, что в состав Байсаровской волости, кроме дд. Султангулово и Новое Зияшево, входили следующие населенные пункты: Улуименово, Токмаково, Сикия, Сафарово, Тирпили, Новые Бугады, Старые Бугады,

²⁰⁶ Список населенных мест Уфимской губернии по сведениям 1870 года. СПб., 1877. С. 111.

²⁰⁷ НА РБ. Ф. И–10. Оп. 1. Д. 890. Л. 55–55 об.

²⁰⁸ Полный список населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1896. С. 218.

²⁰⁹ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. Уфа, 1899. С. 56 (прил.).

Минлярово, Биксентеево, Бишкучаево, Аккузово, Апасево, Ахуново, Старое Байсарово, Новое Байсарово, Казгаляк-Якшиеве, Старое Курмашево, Кыр-Каин-Тюба, Новое Кадырметево, Старое Кадырметево, Новое Курмашево²¹⁰.

Примечательно, что большинство деревень Байсаровской волости изначально располагались на территории Булярской волости, подробно рассмотренной в первом томе нашего исследования. Значительную часть населения этих поселений составляли енейцы, выступавшие припущенниками булярцев. Хотя информация об этих енейцах уже была представлена при описании Булярской волости, необходимо дополнить ее важными деталями.

В частности, рассматривая д. Аккузево (ныне Актаньшского района РТ) Булярской волости мы отметили данные за 1859 г., согласно которым, в населенном пункте проживало 265 мужчин и 257 женщин (всего 92 двора) «башкир». Из них 50 дворов принадлежали вотчинникам, а 42 двора занимали припущенники из Енейской волости²¹¹.

В этой связи особого внимания заслуживает документ от 5 сентября 1854 г., где «башкиры-припущенники» свидетельствовали: *«Мы в доказательство вотчинного права своего в Енейской волости имеем данную предкам нашим грамоту, которая находится в руках одновотчинников наших башкир деревни Челнаарата, в том тамги приложили Абдулгафар Даутов, Мисбахитдин Рахматуллин, Нигматулла Валитов, Фаткулла Муртазин, Мухамметсадык Валитов, Зейнулла Сагитов, Хамидулла Хибадуллин, Рахматулла Валитов, Мухамедьяр Хабибуллин, Мухамметзян Рахматуллин, Мухамметнабий Рахметуллин таковы. Сказку отбирал управляющий кантоном (12-м) хорунжий Султанов»*²¹².

Следующая деревня – **Чалманарат**, которая представляет особый интерес по другой причине. В документе от 24 января 1854 г. говорится, что жители д. Челномарат нуждаются в «сенных покосах, которых накашивают только по 15 копен на душу». Там же отмечается, что «башкирцы деревни Челномарат принадлежат к числу вотчинников Енейской волости»²¹³. Это свидетельствует о том, что, несмотря на принадлежность к вотчинникам, жители деревни испытывали недостаток в сенокосных угодьях, что могло негативно сказываться на их хозяйственной деятельности. Такая ситуация подчеркивает сложности землепользования и распределения ресурсов среди татарских общин в середине XIX в.

²¹⁰ Полный список населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1896. С. 218–220.

²¹¹ Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том. 1. Булярская волость. С. 230.

²¹² НА РБ. Ф. И–172. Оп. 1. Д. 20. Л. 147.

²¹³ Там же. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 7576. Л. 20 об.–21.

1854 года Сентября 5 дня Управляющему Иваш-
 куринскому Капитану, проживающему на даче Буль-
 шой асиновской приписанным башкирской деревни Акку-
 зовой, поочередно предвелевая Комиссии
 Непочайме учрежденной для наделения землей
 или башкирской приписанной от 30го
 Июня 1842 года 462^ю сего означено по-
 казано, что мы в доказательство взысканного
 права своего в Соединенной воюющей империи
 дачно предвелевая нашим граблям, которые
 находились в руках едновластных на-
 ших башкирской деревни Селемнарата, в том
 постраничье своем там же приписанной
 деревни Дачной Фельдшера Исаев
 Рахметуллы + Ибрагимов Рахметуллы +
 брату его Муртазин Фельдшера Исаев
 Рахметуллы + Рахметуллы Салимов + Рахметуллы
 Абдуллин + Рахметуллы Рахметуллы +
 с Мураметовича Каюмович + Мураметович
 Рахметуллы + Мураметович
 Рахметуллы + Иванов.

Копия документа от 5 сентября 1854 г., содержащая родовые тамги енейцев
 из д. Аккузево (НА РБ. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 20. Л. 147)

Здесь следует заметить, что Ждан Асыллов и Янгильде Ядигеров, извест-
 ные по документу от 6 июня 1700 г., согласно данным 1854 г., считались ро-
 доначальниками енейцев д. Чалманарат²¹⁴ и исторически относились к Мало-
 му аймаку. Можно предположить, что это обстоятельство также повлияло на
 решение их земельного вопроса.

²¹⁴ Там же. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 20. Л. 138.

По данным 1859 г., рассмотренным в первом томе нашего исследования, здесь проживало 651 человек (336 мужчин и 315 женщин) в 128 дворах, относившихся к башкирскому и тептярскому сословиям. Примечательно, что 14 дворов были в 1858 г. переведены в д. «Яней выселок Иткина тож» 13-й юрты 18-го кантона по распоряжению командующего Башкирским войском.

К 1870 г. статистические данные демонстрируют существенные изменения. Население деревни (в источниках того времени обозначавшейся как «Челмо-Наратово (Чалма-Нарат)») сократилось вдвое – до 306 человек (153 мужчины и 153 женщины) в 51 дворе²¹⁵. Однако повторное изучение источника выявило интересную особенность: в тот период деревня фиксировалась статистикой раздельно, и её части были указаны на разных страницах документа.

Первая часть деревни насчитывала 51 двор (306 жителей) с мечетью и еженедельными базарами по средам. Вторая часть – 80 дворов (366 жителей) с более развитой инфраструктурой: мечетью, училищем, 4 ветряными мельницами, 18 лавками и такими же еженедельными базарами. Здесь также было отмечено развитое пчеловодство²¹⁶.

Приведенные данные позволяют сделать важное наблюдение: административное разделение д. Чалманарат в 1870 г., вероятно, отражало сохранявшиеся сословные различия между вотчинниками и припущенниками. Однако это разделение носило временный характер, о чём свидетельствует последующая учетная практика, где поселение фигурирует как единое целое. Примечательно, что несмотря на формальное деление в статистических отчетах, инфраструктура деревни оставалась общей – обе части поселения обслуживались одной мечетью и едиными базарами, проводившимися по средам. Этот факт подтверждает, что административное разделение не нарушало сложившуюся хозяйственную и религиозную жизнь местного сообщества.

К 1896 г. д. Чалманарат на р. Шабыз Семиостровской волости являлась значительным поселением с населением 219 мужчин и 226 женщин, проживавших в 82 дворах. Населенный пункт отличался развитой инфраструктурой, включавшей не только обязательную для мусульманской общины мечеть, хлебозапасный магазин, но и солидные производственно-торговые объекты. Две ветряные мукомольные мельницы свидетельствовали о развитом зерновом хозяйстве, а торговый комплекс из лавки, двух корпусов базарных рядов и винной лавки подчеркивал коммерческое значение деревни. Особую роль в экономической жизни играли еженедельные базары по средам, превращавшие Чалманарат в важный торговый центр округи²¹⁷. Примечательно сочетание традиционных элементов (мечеть) с новыми экономическими явлениями

²¹⁵ Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости Том. 1. Булярская волость. С. 229.

²¹⁶ Список населенных мест Уфимской губернии по сведениям 1870 года. СПб., 1877. С. 110–111.

²¹⁷ Полный список населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1896. С. 211.

(винная лавка), характерное для периода модернизации конца XIX в. Столь развитая инфраструктура при численности менее 500 жителей указывает на особое экономико-географическое положение деревни, вероятно, находившейся на пересечении торговых путей или выполнявшей функции местного центра для группы окрестных поселений.

Согласно краткому описанию за 1896 г., д. Челномаратово демонстрировала четкое разделение на вотчинников и припущенников, что отражалось в особенностях землепользования. Вотчинники были разделены на две группы: первая получила надел на 29 ревизских душ с землями в трех местах и суглинистым черноземом, основным промыслом была сдача земли в аренду; вторая группа (153 ревизские души) сохранила лесной массив на юго-востоке и проводила еженедельные базары.

Припущенники также делились на две части: первые (36 душ) имели наделы в двух местах со степным выгоном и смешанными почвами; вторые (12 душ) обрабатывали компактные участки с песчаными почвами, расположенные вблизи селения. Примечательно, что часть бывших неудобных земель и выгонов была освоена под пашню²¹⁸, что свидетельствует об интенсификации сельского хозяйства.

Особого внимания заслуживают демографические изменения: за 40 лет (с 1859 по 1899 г.) число ревизских душ (учтенных в 1859 г. и подлежащих наделению землей) сократилось со 336 до 230, что указывает на переселение 106 душ муж. пола. Несмотря на это, деревня оставалась важным населенным пунктом с развитой инфраструктурой, базарами и промыслами, а ее жители занимались земледелием, пчеловодством и торговлей.

Итак, обзор ревизских сказок 1859 г. татар башкирского и тептярского сословий показывает, что малоземелье привело к миграции некоторой части енейцев Мензелинского уезда в Уфимский уезд и к переходам из одной деревни в другую (в одном случае с образованием новой деревни).

После 1855 г. татары тептярского сословия (в прошлом ясачные татары) стали фиксироваться «башкирцами». Впоследствии это отразилось в материалах переписи и в сведениях метрических книг, где население сплошь обозначалось «башкирцами» и даже показывалось как «народность», что отнюдь не означало национальность. Как мы видели, именно ревизские сказки 1859 г. часто фиксируют факты, свидетельствующие о том, что в определенных случаях государство лишало своих граждан «башкирского звания», тем самым подчеркивая сословно-привилегированный характер термина «башкирцы».

Факты ревизских сказок 1859 г. также свидетельствуют, что политика христианизации нерусского населения все еще продолжалась. Однако в отличие от начала века, новокрещенных направляли в города, где они поселялись в

²¹⁸ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. Уфа, 1899. С. 75 (прил.).

мещанском статусе. Среди новокрещеных стало больше татар башкирского сословия, которые испытывали такие же трудности бытия, как и остальное население.

С образованием сельских поземельных обществ и новых административных-территориальных волостей Енейская волость перестала существовать. Однако в архивных документах она долго будет упоминаться в связи с распределением наделной земли и образованием новых деревень.

Важнейшей методологической проблемой при анализе дореволюционных документов является смешение категорий «народность» и «сословие»: административная практика 1855–1917 гг. фиксировала «тептярей», вотчинников и припущенников башкирского сословия как «башкир» не по этническому принципу, а в соответствии с их правовым статусом – как в период существования Башкирского войска, так и после его упразднения, что искажает восприятие реального сословного состава региона.

Однако было бы ошибочным полностью уравнивать эти понятия. Сословная принадлежность действительно доминировала в официальном учете, но не заменяла полностью этническую идентификацию. В различных документах одного периода можно встретить как сословные, так и этнические характеристики, что требует комплексного источниковедческого анализа. Таким образом, народность в дореволюционной статистике часто подчинялась сословному принципу в официальной документации, что необходимо учитывать при историко-демографических исследованиях.

Лишь с введением советской системы учета населения была впервые установлена четкая национальная идентификация для групп, ранее фигурировавших под собирательным сословно-административным термином «башкир». Исследования показывают, что большинство «тептярей» и все «мещеряки», формально причисленные к «башкирам» с 1855 г., а также значительная часть лиц, зарегистрированных в этом статусе, при переписях идентифицировали себя как татары. Это отражало их действительную этническую принадлежность, которая в дореволюционный период скрывалась за сословными категориями учета. Примечательно, что даже в советский период официальная статистика нередко продолжала записывать татар как «башкир», хотя эти условные «башкиры» по языку, культуре и этническому самосознанию принципиально отличались от собственно башкирского этноса.

ГЛАВА 7

Стратегия перехода: к башкирскому сословию ради земли

В XIX в. земельный вопрос приобрел особую остроту, во многом обусловленную сословной системой. Различия в земельных наделах между условиями были значительными: «башкирам-вотчинникам» полагалось 40 десятин земли, «тептярям» – 30, а государственным крестьянам – всего 15. Это неравенство порождало социальную напряженность, становилось причиной многочисленных споров и ходатайств.

Неравные земельные наделы не только отражали сословные привилегии, но и провоцировали конфликты. Различные группы населения стремились восстановить или подтвердить свои права на землю, что часто приводило к длительным судебным разбирательствам и административным решениям. Эти процессы подчеркивали сложность земельных отношений в сословном обществе Башкирии того времени.

Сословные притязания государственных крестьян: пример деревни Девятерня. Ярким примером сословных притязаний государственных крестьян служит ситуация в д. Девятерня Караганской волости Сарапульского уезда Вятской губернии. Согласно документу 1867 г., на душу мужского населения по 7-й ревизии (1816 г.) им было выделено всего 12 десятин земли, в то время как «тептяри-припущенники» получили по 24 десятины¹.

Чтобы получить больший земельный надел, необходимо было изменить свой сословный статус. Жители деревни, в том числе Хисматулла Мазитов, Мусифула Файзуллин и Габдрафик Габдрахимов, представлявшие 27 мужчин своего сообщества, не смирились с существующим положением. 10 февраля 1859 г. они подали прошение властям Оренбургской губернии.

В своем ходатайстве они просили восстановить им право «башкир-вотчинников», которым пользовались их предки, и предоставить владение «башкирской» землей наравне с вотчинниками. Заявители настаивали на признании их вотчинниками на земле «башкир» Тугузской тюбы Енейской волости, утверждая, что они происходят от «башкир-вотчинников» этой тюбы, но по неизвестным причинам их предки были ошибочно записаны в сословие государственных крестьян.

¹ НА РБ. Ф. И–172. Оп. 1. Д. 32. Л. 182.

Свои претензии они подкрепляли поддержкой родственников из д. Тюпкильды (ныне Туймазинского района РБ), имевших официальный статус «башкирцев» и готовых оказать помощь заявителям. В качестве доказательства своей принадлежности к роду они составили подробную генеалогию, прослеживающую их родство до основателя рода Абдала через девять поколений.

Заявителей поддержали татары-вотчинники башкирского сословия из д. Касаево. Они выразили недоумение по поводу того, что их соплеменников из д. Девятерня записали как крестьян. «Башкиры-припущенники» из Девятерни подтвердили, что просители действительно происходят «из рода башкир» и являются их родственниками, но не смогли объяснить причину внесения в ревизские сказки крестьянами.

Ключевым аргументом стали показания 16 «припущенников-башкирцев» из Урмекеевской тюбы Канлинской волости. Они утверждали, что их предок Ильмамет Тлявлин жил в д. Девятерня. Вместе с сыновьями Кадыргулом и Сагындыком, а также однородцами Аиткулом, Абдалом, Срымом и Салихом, он переселился на Юрт Кангли. На прежнем месте жительства, в д. Девятерня, остался брат Ильмамета, Алберда Тлявлин, с сыновьями и другими родственниками.

Однако Ирмамет («а не Ильмамет») не направился напрямую из деревни Девятерня в Тюпкильды, а сначала оказался в Айлинской волости (позднее вошедшей в состав Троицкого уезда). После пребывания там Ирмамет переместился в Канлинскую волость, где и обосновался в деревне Тюпкильды².

Согласно сказкам 6-й ревизии 1811 г., в д. Тюпкильды были зафиксированы следующие лица, являвшиеся однородцами Алберды Тлявлиной:

- Сырым («а не Срым») Якупов, 67 лет (№ 2);
- Кадыргул Альмаметев («а не Ирмаметев»), 69 лет (№ 6);
- Аиткул Адилев, 72 года (№ 11)³;
- Салих Курбангалин, 56 лет (№ 14);
- Абдул («а не Абдал») Адилев, 76 лет (№ 15), умерший в 1808 г. (по данным 5-й ревизии).

Ревизские данные, с учетом трех незначительных ошибок в именах и фамилии, подтверждали устные предания. Официальный документ стал важным аргументом. Опираясь на поддержку родственников из Тюпкильды, челобитчики составили генеалогические схемы для демонстрации своего происхождения:

1. **Линия из Тюпкильды:** Абдал → Япар → Дериш → Аккузя → Ишмяк (братья Тлявли, Сарбулат) → Асан → Якуп (братья Сыртлан, Срым) → Курбангали → Салих. Все они были «башкирцами» и проживали в Тюпкильды.

² Там же. Л. 83 об.–84 об.

³ По нашим сведениям, участник Польского похода (1771–1773 гг.).

2. **Линия Ильмамета:** Абдал → Япар → Дериш → Аккузя → Тлявли → Ильмамет («башкирец») → Сагындык (потомки живут в Тюпкильды). У Сагындыка был брат Кадыргул.

3. **Линия из Девятерни:** Абдал → Япар → Дериш → Аккузя → Тлявли → Акберда (ясачный татарин) → Гали и Габдулзелил (потомки живут в Девятерне)⁴.

Изучение родословной позволяет сделать вывод о том, что у Аккузи было несколько сыновей: Бухар (предок Юсупа, Гаделя, Умера), Агач (предок Биккени), Ишмяк (сыновья Асан, Аит), Тлявли (предок Ильмамета и Акберды) и Сарбулат. За исключением линии Акберды и его потомков, записанных в государственные крестьяне, все остальные представители рода имели статус «башкирцев».

Генеалогическое древо подтверждает родственные связи заявителей и обосновывает их претензии на права татар-вотчинников башкирского сословия. Эти претензии подкрепляются историческими фактами и документами, указывающими на наличие общего предка с представителями башкирского сословия.

Детальный анализ родословной и других источников указывает на ключевой факт: общий предок, живший в глубокой древности, был родом из Казанского уезда. Один из его потомков, Акберда, сохранил эту связь, продолжая нести налоговые повинности, свойственные ясачным татарам данного уезда. В то же время, другие представители рода, перешедшие под юрисдикцию Уфимского уезда и его налоговую систему, были классифицированы как «башкирцы», что соответствовало их новому социальному положению.

Следовательно, государственные органы не имели законных оснований для присвоения потомкам Акберды статуса башкирского сословия, поскольку этот статус исторически был связан исключительно с жителями Уфимского уезда.

Известно, что айлинцы заселились в д. Тюпкильды в 1714 г. на основании договора с вотчинниками Урмекеевской тюбы Канлинской волости⁵. Этот факт подтверждает активное перемещение групп населения между волостями и их интеграцию в новые земельные системы. Примечательно, что в составе Айлинской поземельной волости существовала Тугузская тюба, структурно аналогичная Тугузской тюбе Енейской волости. Это сходство указывает на общность происхождения или тесные исторические связи между группами населения, а также демонстрирует направление миграционного потока из Айлинской волости в регионы, контролируемые канлинцами.

Данный пример подчеркивает, что миграция была не случайным явлением, а стратегическим процессом, регулируемым договорами припуска и

⁴ НА РБ. Ф. И–172. Оп. 1. Д. 32. Л. 89 об.–90.

⁵ Тюпкильды, село в Туймазинском р-не. URL: <https://bashenc.online/ru/articles/76319/> (дата обращения: 15.05.2024).

отражавшим сложные взаимоотношения между вотчинниками и пришлым населением. Наличие одноименных тюрб в разных волостях свидетельствует о сохранении прежней идентичности даже при территориальном перемещении, а также о механизмах адаптации мигрантов к новым условиям через воспроизведение привычных социальных структур.

Переселение татар из деревни Девятёрня сначала в Зауралье, а затем обратно в Приуралье отражает сложную картину миграций среди татарского населения XVII–XVIII вв. Эти процессы были обусловлены не только экономическими факторами, такими как нехватка земель и поиск новых угодий, но и необходимостью разрешения межсословных конфликтов. В условиях аграрного перенаселения и усиления давления на земельные ресурсы миграция становилась инструментом снижения социальной напряжённости и поиска компромиссов между различными группами населения.

Ранее мы ссылались на документ от 23 июля 1734 г., зафиксировавший соглашение между вотчинниками Айлинской волости Сибирской дороги и их родственниками из Енейской волости Казанской дороги. Представители айлинцев, включая Чюраша Келдышева, Абубакира Кулачева, Аликея Сарычевева и Байзигита Ишибаева, подтвердили права енейцев на совместное владение родовой вотчиной, основанное на общем происхождении от предка Япара («Епара») Абдалова.

Этот документ играет важную роль в уточнении и дополнении генеалогической схемы. Он утверждает, что после смерти Япара Абдалова его сыновья – Дериш, Елат и Шигасан – переселились из Айлинской волости в Енейскую, где и провели остаток своей жизни. Однако некоторые их потомки, включая Ибрая Бигашева и Арасланова Иликова, решили вернуться назад, восстановив свои права на проживание и владение. Соглашение гласило: «паки по прежнему припустили к житью в показанную Айлинскую волость ко всякому владению и к поселению дворами, и во всякие свои угодьи».

Возвращение потомков на прежние земли говорит о давнем взаимодействии Айлинской и Енейской волостей. В частности, Шигасан Япаров (о котором мы уже писали), будучи одним из сыновей основателя, утвердился в Енейской волости как полноправный вотчинник, что ещё раз подтверждает значимость и распространённость рода Япара Абдалова в обеих волостях.

Примечательно, что значительная часть потомков рода Япара Абдалова в документах XVIII в. обозначены как «башкирцы». Выделение линии Акберды, известной как ясачные татары, указывает на общую для всего рода первоначальную сословную позицию. Этот факт подтверждает, что до определенного момента род имел единый статус, вероятно, схожий с ясачным, пока не произошло его оформление в новый, башкирско-вотчинный статус в рамках административной системы Уфимского уезда. Таким образом, судьба рода Япара Абдалова наглядно иллюстрирует процессы сословного размежевания, происходившие среди татарского населения края в XVII–XVIII вв.

Сословные притязания «тептярей» Тугузской тюбы. В середине XIX в. татары тептярского сословия Тугузской тюбы активно заявляли о своих правах на статус «башкирцев». Например, в 1847 г. 96 душ «тептярей» д. Касаево утверждали, что происходят «из рода башкирцев» и владеют землей «с давнего времени», ссылаясь на документ 1710 г., выданный в период правления Петра I. В этой же деревне проживали 10 «башкирцев» и 7 казенных крестьян, поселившихся без формальных актов.

Аналогичные претензии предъявляли «тептяри» д. Девятерня (150 душ), сосуществовавшие с 21 казенным крестьянином и 24 «башкирцами», а также «тептяри» д. Наратово (158 душ), жившие рядом с 95 казенными крестьянами. Как и в Касаево, ни казенные крестьяне, ни «башкирцы» Девятерни не могли предъявить документов, подтверждающих их права на землю.

«Тептяри» дд. Утяганово (19 душ) и Кадыбаш (171 душа) в качестве обоснования своих вотчинных прав представили память (документ), датированную периодом царствования Ивана Васильевича (Ивана Грозного)⁶. Это указывает на попытку легитимизировать свои претензии через апелляцию к глубокой исторической традиции.

Данные примеры демонстрируют, что «тептяри» Тугузской тюбы, не имевшие формальных вотчинных прав, стремились получить статус «башкирцев» для решения земельного вопроса. Их претензии отражали обострение земельных отношений в регионе и попытки уязвимых групп защитить свои интересы через административные механизмы.

Наибольшую активность проявляли «тептяри» д. Девятерня, не согласные с тем, что им полагалось по 24–27 дес. на душу 7-й ревизии, в то время как «башкирцы» наделялись 40 дес. Так, в 1867 г. Гайнулла Биктимеров и Низамутдин Сайфуллин обратились к властям с жалобой на неправильный отвод причитающихся им поземельных угодий. В ответ на их обращение власти предоставили подробное разъяснение системы распределения земли в данной местности. Согласно предоставленной информации, дача Енейской волости Тугузской тюбы имела следующую систему наделения землей: вотчинникам-башкирцам выделялось по 40 десятин на душу населения по 7-й ревизии, припущенникам военного ведомства полагалось по 24 десятины 1040 сажень, а припущенникам гражданского ведомства выделялось по 12 десятин 520 сажень⁷. Такая система распределения земельных наделов была характерна для данной волости и определяла различный размер земельных участков в зависимости от сословного статуса жителей.

Из документа от 24 мая 1879 г. видно, что к властям обращался их представитель Назмутдин Мухаммадиев⁸, который в своем прошении подчеркнул,

⁶ НА РБ. Ф. И–172. Оп. 1. Д. 32. Л. 257–257 об.

⁷ Там же. Л. 171–173.

⁸ До этого он же, как поверенный «тептярей» д. Девятерня, 15 октября 1868 г. подал жалобу властям на передачу земель, которыми они пользовались 30 лет, жителям

что они «наделены землею из общей Енейской дачи Тугузской тюбы не по праву вотчинников, а по праву припущенников 27 десятинную пропорциею на душу. Между тем они равноправны с вотчинниками, произошли от одного родоначальника и имеют две копии с грамоты блаженной памяти царя Федора Иоанновича (правил в 1584–1598 гг.), данной предку Шигостану Япарову, как «башкирцу» д. Тугуз.

Здесь важно обратить внимание на два ключевых обстоятельства. Во-первых, ранее упомянутый в соглашении 1734 г. Шигасан Япаров в этой более поздней записи фигурирует под именем Шигостан. Не столь важно, какое из этих имен является первоначальным; гораздо существеннее то, что он получил жалованную грамоту в конце XVI в., что позволяет установить приблизительное время его активной деятельности. Отсюда можно сделать вывод, что его отец – также ранее упомянутый в генеалогии Абдал Япаров – жил и действовал в середине XVI в.

Во-вторых, данное прошение наглядно демонстрирует, что род Абдала Япарова в XIX в. представлял собой сложную сословную структуру. Его потомки разделились не только на «башкирцев» и ясачных татар, но и на «тептярей». Как и «башкирцы», «тептяри» административно относились к Уфимскому уезду, но существенно отличались от первых размерами и характером податных платежей и, что наиболее важно, не обладали правами «вотчинников-башкирцев». Это разделение внутри одного рода подчеркивает сложность и многослойность сословных процессов, происходивших в регионе на протяжении столетий.

Таким образом, прошение Назмутдина Мухаммадиева свидетельствует о настойчивых попытках части рода восстановить вотчинные права, дающие статус «башкирцев» и, соответственно, повышенный земельный надел. Они апеллировали к исторической памяти, утверждая, что их предки изначально обладали вотчинными правами, что подтверждала грамота, выданная Шигостану Япарову. Однако в административной практике Российской империи вотчинные права переходили из поколения в поколение неразрывно с фискальными обязательствами, присущими только «башкирцам». Серьезными основаниями для признания их вотчинниками были бы не ссылки на древнюю грамоту, а предъявление документов, доказывающих непрерывный платёж «башкирского» (окладного) ясака наряду с другими «башкирскими» общинами. Отсутствие таких доказательств в текущих ревизиях и окладных книгах оставляло их в сословном статусе припущенников, несмотря на общность происхождения.

В исторической литературе нередко предпринимаются попытки интерпретировать сословные переходы татар в башкирское сословие через призму этничности. Рассмотрим позицию группы исследователей: *«Следует также*

дд. Касаево и Кадыбаш. В результате у «тептярей» Десятерня осталась лишь небольшая часть пригодной к использованию земли (Там же. Л. 181–183).

учесть, что часть башкир находилась в составе такой этносословной группы исторического Башкортостана, как «тептяри». Тому подтверждение один документ от 1842 г., когда доверители тептярей деревень Девятерня и Сосново (Нарат) утверждали, что они происходят «из рода башкирцев», что ошибочно попали в сословие «тептярей», а из д. Касай заявили, что «они происходят из рода башкирцев и живут на занимаемых местах с давнего времени и по праву принадлежности земли считают себя с вотчинниками башкирцами Енейской волости равными владельцами, в доказательство чего пред ставили при сем память по указу царя Петра Алексеевича, в 1710 г. им данную, и копию с объявления в 1747 г. от них поданною нащет неправильно зачисления их в сословие тептярей»⁹.

Данный отрывок демонстрирует наличие серьезной методологической проблемы в современной историографии: некоторые исследователи смешивают сословную и этническую принадлежность населения, что приводит к искажению исторической действительности.

Необходимо подчеркнуть, что категория «башкирцев» носила исключительно сословный характер, а не этнический. В ее состав входили различные группы населения – татары, башкиры, марийцы и представители других нерусских народов, объединенные общим правовым статусом землевладельцев.

Упрощенный подход, при котором сословная принадлежность отождествляется с этнической, приводит к существенным искажениям исторической реальности. Особенно ярко это проявляется в утверждениях о населении д. Утяганово (ныне Агрызского района РТ) как территории, заселенной «этническими башкирами рода Еней»¹⁰.

Подобные интерпретации не только игнорируют историческую роль татар в формировании служилого сословия Башкирии, но и свидетельствуют о недостаточной проработке исследовательской базы.

Важно понимать, что сословная принадлежность в рассматриваемый период определялась не этническим происхождением, а строго фиксированным правовым статусом, который включал в себя конкретные обязанности перед государством и вытекающие из них права на землю. Следовательно, самовольный переход лиц из сословия «башкирцев» в состав «тептярей» без санкции государства был административно невозможен – подобные случаи в документах того времени не зафиксированы. В равной степени не существует и документально подтвержденных примеров санкционированного государством перехода целых групп из башкирского сословия в тептярское, так как это противоречило бы фискальным интересам казны, стремившейся к сохранению стабильности податного обложения.

⁹ История башкирских родов. Еней. Том 1. С. 36.

¹⁰ История башкирских родов. Канглы. Том 5. С. 169.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Енейская волость представляет собой одну из многочисленных татарских волостей, обладающую как общими чертами с аналогичными административными образованиями, так и уникальными особенностями. Главной отличительной характеристикой волости является ее деление на аймаки – территориальные единицы, не характерные для большинства соседних волостей. Эта особенность организационной структуры отражает специфику землевладения и социальных отношений в регионе.

Формирование аймачной системы в Енейской волости было напрямую связано с различиями в земельных правах местных вотчинников. Каждый аймак объединял группы владельцев с одинаковым правовым статусом и сходными условиями землепользования. Источники свидетельствуют, что такое деление основывалось на хронологии получения земельных прав – наиболее древние вотчины образовывали Большой аймак, а более поздние – Малый и Средний аймаки.

Особый интерес представляет эволюция аймачной системы на протяжении XVII–XVIII вв. Документы фиксируют случаи изменения состава аймаков, появления новых поземельных единиц и даже выделения вотчинников отдельных деревень в особые поземельные образования. Эти процессы отражали динамику земельных отношений и изменение баланса сил между различными группами вотчинников. При этом система сохраняла свою устойчивость, продолжая играть важную роль в организации управления волостью.

Анализ аймачного деления Енейской волости позволяет по-новому взглянуть на систему землевладения в регионе. В отличие от классического тюбового деления, характерного для большинства татарских волостей, аймачная система демонстрировала более сложную иерархию земельных прав. Это своеобразие делает Енейскую волость ценным объектом для изучения вариативности поземельных структур в закамско-приуральском регионе в ранний период Российской империи.

Енейская волость представляет собой уникальный пример административного устройства среди татарских волостей региона. Помимо характерного аймачного деления, волость отличалась сложной системой земельных отношений, где традиционные вотчинные права сочетались с практикой припуска. Особенно примечательны случаи, когда вотчинники, переселившиеся в другие волости (как жители дд. Апасево, Ахуново и Байсарово в Булярской волости), сохраняли права на свои исконные земли в Енейской волости и продолжали участвовать в распоряжении ими.

Большой аймак исторически являлся ядром Енейской волости, вокруг которого происходило ее территориальное и административное оформление.

Уникальный топоним «Еней», встречающийся исключительно в пределах этого аймака, стал основой для названия всей волости. Это свидетельствует о центральной роли данного территориального кластера в консолидации окрестных земель и населения. Процесс расширения волости включал интеграцию соседних территорий, таких как Тугузская тюба, которая ранее имела статус самостоятельной волости. Присоединение подобных территориальных единиц демонстрирует механизм формирования административных структур через поглощение более мелких образований.

Присоединение Тугузской тюбы, ранее обладавшей статусом волости, к Енейской волости отражает динамику административно-территориальных преобразований в регионе. Этот процесс, вероятно, был обусловлен как политическими (упрощение системы управления), так и экономическими (объединение земельных ресурсов) факторами. Сохранение названия «Тугузская тюба» после интеграции указывает на определенную автономию или узнаваемость данной территории в рамках более крупной волости.

Данный пример иллюстрирует общую тенденцию формирования крупных волостных объединений в Башкирии, где изначально независимые территориальные единицы постепенно включались в состав более крупных образований, сохраняя при этом элементы своей идентичности. Это позволяет говорить о гибком подходе к административному устройству региона, учитывающем как государственные интересы, так и местные традиции.

Аймаки (тюбы) представляли собой не только поземельные единицы, но и являлись коллективными владельцами вотчинных прав на определённые территории. В рамках каждой тюбы главенствующую роль играли представители конкретных родов, что закрепляло их правовой и социальный статус. Например, в Канбарской тюбе основными вотчинниками выступали потомки Канбара, а в Тугузской тюбе – представители рода Кара-бека. Такая организация отражала принцип родового землевладения, где территория и управление ею были тесно связаны с генеалогией и историческими правами определенных семейных кланов.

Доминирование отдельных родов в тюбах обеспечивало контроль не только над земельными ресурсами, но и над административной властью. Представители этих родов, как правило, занимали должности старшин или сотников, что позволяло им регулировать вопросы землепользования, разрешать споры, представлять интересы тюбы во взаимодействии с имперскими властями.

Такая система показывает, что тюбы были не просто географическими образованиями, а полноценными социально-политическими структурами, где власть и собственность концентрировались в руках ограниченного круга родов. Подобная организация способствовала сохранению стабильности, однако могла также провоцировать конфликты между родами за влияние и ресурсы.

Представление всех родов, имеющих свои аймаки (тюбы), в рамках волости как единого монолитного образования (например, искусственно конструируемого «рода Еней») является методологически ошибочным. Это не только искажает историческую реальность, но и игнорирует сложную структуру взаимоотношений между различными семейными кланами внутри волости, каждый из которых обладал собственными вотчинными правами и уникальной историей.

Подобные упрощения, характерные для некоторых современных историографических подходов, нарушают принцип исторической достоверности и навязывают анахроничные этнополитические схемы, не имеющие оснований в архивных источниках. Такая интерпретация приводит к ряду негативных последствий:

1. **Искажение полиэтничного характера сословия.** Сословие «башкирцев-вотчинников» включало различные этнические группы (татары, башкиры, марийцы и др.). Упрощённая схема сводит это разнообразие к искусственной однородности, нарушая точность исторического анализа.

2. **Обесценивание правовых стратегий населения.** Исторически жители имели возможность ссылаться на различные правовые акты независимо от своей сословной принадлежности при защите земельных прав или требований на увеличение земельных наделов. Их произвольное объединение в единый род уничтожает понимание этой гибкости и многообразия юридических практик.

3. **Искусственное конструирование современной этнической идентичности.** Концепции наподобие «рода Еней» создают ложную непрерывность между прошлым и современностью, что затрудняет объективное изучение реальных исторических процессов.

Таким образом, объективное историческое исследование должно базироваться на тщательном изучении архивных источников и учитывать всю сложность взаимодействий между различными социальными, этническими и территориальными группами. Только такой комплексный подход обеспечивает научную достоверность результатов и создает фундаментальные знания, которые станут надежным ориентиром для будущих поколений исследователей. В противном случае существует риск создания искусственных конструкций, способных ввести в заблуждение научное сообщество и исказить историческую правду. Важно помнить, что любая историческая реконструкция должна опираться на документальные свидетельства и учитывать контекст эпохи, а не строиться на предположениях и домыслах. Именно такой подход позволяет создать достоверную картину прошлого и передать ее последующим поколениям в неизменном виде.

Анализ ревизских материалов 1859 г. по населению «военного звания» из 31 деревни Вятской и Оренбургской губерний (включая Агрыз, Байтуганово, Исенбаево и другие поселения) позволяет сделать важные выводы о заверше-

нии формирования башкирского сословия в середине XIX в. Особое значение имеет изучение деревень Мензелинского уезда Оренбургской губернии (Адаево, Азибей, Бикбулово и другие), где процесс инкорпорации «тептярей» в башкирское сословие проявился наиболее отчетливо. Документы фиксируют, как бывшие «тептяри», сохраняя свои традиционные хозяйственные практики и культурные особенности, юридически приобретали статус «башкир», что отражало политику имперских властей по унификации управления нерусским населением региона. При этом в метрических книгах сохранялось различие между «старыми башкирами» (потомственными вотчинниками) и «новыми башкирами» (бывшими «тептярями»), что свидетельствует о сохранении внутренней стратификации внутри формально единого сословия.

Исследование демонстрирует, как административное решение о включении «тептярей» в состав Башкирского войска (1855 г.) реализовывалось на практике в конкретных населенных пунктах. В деревнях, где отсутствовало традиционное «башкирское» население (например, в некоторых поселениях Вятской губернии), «тептяри» могли фиксироваться просто как «башкиры» без дополнительных уточнений. Однако в поселениях со смешанным населением (как большинство деревень Мензелинского уезда) сословные различия сохранялись в документах вплоть до 1917 г. Этот процесс имел важные последствия для этнической самоидентификации населения: формальное объединение в единое сословие способствовало консолидации различных групп, но при этом сохранялись локальные особенности и историческая память о происхождении. Проведенное исследование подтверждает, что формирование башкирского сословия к середине XIX в. действительно завершилось, но этот процесс носил во многом формально-бюрократический характер, не отменяя полностью сложившейся социальной структуры.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Тексты архивных документов XVI–XVII вв.

№ 1. Грамота Кукею Боскосееву (Тугузская волость) на владение оброчными угодьями, ранее принадлежавшими Сава Обтякову (май 1575 г.)¹

По государеву цареву и великого князя Ивана Васильевича всея Рос[с]и[и] наказу царев и великого князя дьяк Афонасей Битяговской дал на оброк башкирцу Кукею Боскосееву сыну ис Токузул волости вотчину бортной ухожей новокрещеновской Савы Обтякова на сей стороне Камы реки против Белые Волошки по Быргыде речки по обе стороны да по Килмесове речке по обе ж стороны да около Олзята озера да около Керменчина городища на усть Белые ж, в старице² против тое ж пустоши да по Митаву озеру в чипте в дву островках да по Кубенешу озеру по обе стороны с выморка Аккозинскова да Аксубинскаго.

И Кукею тем бортным ухожеем владети, по тому ж, как владел тою вотчинную Сава Обтяков, а оброк ему дати в цареву и великого князя казну, цареву и великого князя Ивана Васильевича дьяку Афонасью Битяговскому, по четыре батмана меду да пошлин гривна. А оброк ему медвяной давати з башкирцы вместе [...]³.

К сей грамоте царев и великого князя дьяк Афонасей Битяговской печать свою приложил. Писан в Казани лета 7083 году майя 29 дня.

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 132. Л. 36. Грибковое повреждение нанесло ущерб документу 1733 года (копия 1575 г., предположительно, оригинал). В связи с утратой читаемости отдельных фрагментов были привлечены альтернативные источники (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 132. Л. 44; Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1337. Л. 10). Точность сохранившейся копии вызывает сомнения. Автор выражает признательность краеведу Ниязу Сиразетдинову за предоставление архивной копии документа, что позволило включить его текст в данное издание.

² В тексте было произведено исправление: слово «стрелице» было заменено на «стариче» (старое русло реки) согласно данным из альтернативного источника.

³ Из-за грибкового поражения текст в этом месте неразборчив. Однако, судя по сохранившимся словам, грамота, вероятно, предоставляла владельцу защиту от незаконных посягательств бояр и сборщиков ясака.

№ 2. Оберегальная память Уфимской приказной избы на вотчину «башкирцев» Енейской волости Казанской дороги по реке Ик (от 3 марта 1640 г.)⁴

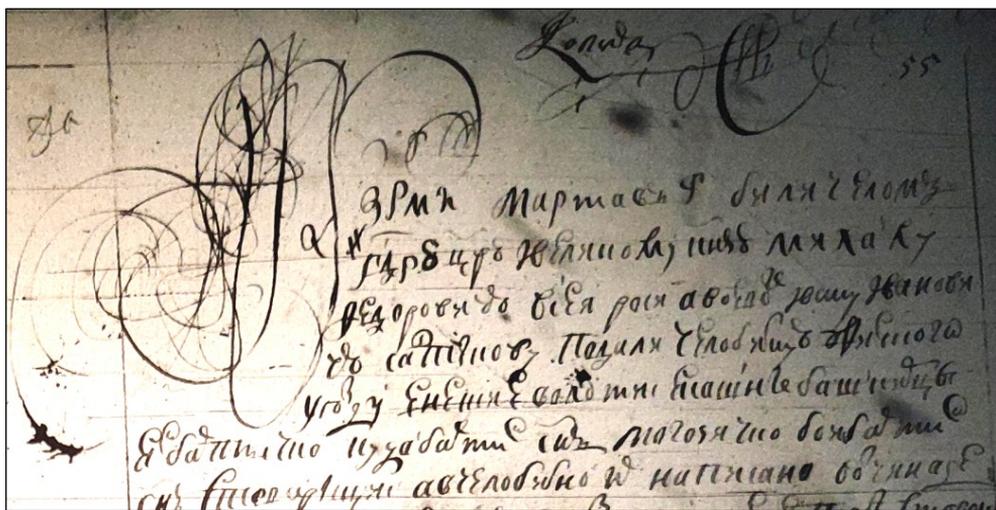
//л. 55// Лета 7148-го марта в 3 день били челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю, всея Рос[с]и[и], а воеводе Ивану Ивановичу Салтыкову подали челобитную Уфинского уезду Енейские волости яшашные башкирцы Янбахтычко Кудайбахтин сын, Могозячко Бойбахтин сын с товарищи. А в челобитной их написано:

Вотчина де дедов и отцов их и их вниз по Ику реке по обе стороны, бортные ухожия и всякие зверовые ловли и с озеры. А межи де той вотчине по Ику реке вверх Тадуша озера исток, да нижняя межа той вотчине по Ику реке вниз завод Уртаря. Да в той же вотчине озера Таралы и с истоками и со всякими угоды. И в тое де их вотчину приезжают ис Казани рус[с]кие люди, и чуваша, и черемиса, и вотяки и в той де их вотчине в озерах и в истоках рыбу ловят и борти выдирают и насильство де им всякое чинят. А они де с той вотчины дают твоего государева ясаку на Уфу десять ку[ниц] да в Казань девять куниц да полдевета батмана меду.

И им де от тех приезжих людей жити стало невозможно и государева де есаку добыти негде. И государь бы их, Янбахтычко с товарищи, пожаловат[ь] велити б им дать оберегальную память, чтоб казанцы рус[с]кие люди, и чуваша, и черемиса, и вотяки, приезжая им насильства никакова не чинили.

И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Рос[с]ии указу воевода Иван Иванович Салтыков Уфинского уезду Енейской волости башкирцом Янбахтычку с товарищи //л. 55 об.// дал оберегальную память, чтоб их башкирские вотчины в Ык реку и в озера для рыбные ловли и для всяких обид не приезжали, и будет, приезжать учнут без оброчных паметей, им тех людей не впускати.

⁴ Документ из РГАДА (Ф. 248. Оп. 3. Кн. 132. Л. 55–55 об.), представляющий собой список 1733 г. и опубликованный в сборнике «Документы и материалы по истории башкирского народа (1574–1798). Уфа, 2012. С. 40), был сверен нами с архивным источником, что позволило исправить ряд ошибок. Выявлены существенные расхождения: «хожия» вместо «ухожия», пропуск слова «вотчине», «всеми угоды» вместо «всякими угоды», «добыти» вместо «добыть», «пожаловать» вместо «пожаловал» и др. Наш исправленный вариант устраняет эти неточности, обеспечивая надежную основу для исследования истории вотчинников поземельных волостей. Эта работа подчеркивает важность критического подхода к уже опубликованным материалам и важность постоянного обращения к оригинальным архивным документам для обеспечения достоверности исторических исследований. На основании проведенного текстологического анализа мы предлагаем исправленный вариант документа, более точно отражающий содержание архивного источника.

Фрагмент копии XVIII в. с документа 1640 г.
(РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Д. 132. Л. 55)

К сей оберегальной памяти государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича, всея России, печать Уфинского города приложил воевода Иван Иванович Салтыков.

№ 3. Грамота Приказа Казанского дворца уфимскому воеводе П.Д. Пожарскому о подтверждении вотчинных прав ясачного «башкирца» Янбахты Кудайбахтина (Кудайбахтова) от 12 февраля 1645 г.⁵

//л. 54// От царя и великого князя Михаила Федоровича, всея России, на Уфу стольнику нашему Петру Дмитриевичу Пожарскому.

Бил челом Уфинского уезду Казанской дороги ясашной башкирец Яжбахтко Кудабхатов з братом. А сказал: владел де он, Янбахтко, в Уфинском уезде старинною отца своего вотчиною Бугит. А той де ево вотчине верхняя межа Терпели, а нижняя межа Талламас Башнатар по обе стороны речки Толламас. И в тое де старинную отца ево вотчины ходят насильством всякие ру[с]ские люди, и чюваша, и черемиса, и башкирцы, и в той ево вотчине лисиц и куниц и всякой зверь быют и борти с медом подсекают и всяким угодем владеют насильством. И нам бы пожаловать ево, велеть дать ему к тебе на

⁵ Документ из РГАДА (Ф. 248. Оп. 3. Кн. 132. Л. 54–54 об.), представляющий собой список 1733 г. и опубликованный в сборнике «Документы и материалы по истории башкирского народа (1574–1798)». Уфа, 2012. С. 46–47), был сверен нами с архивным источником, что позволило исправить ряд ошибок.

Уфу нашу обережьную грамоту, чтоб в тое ево вотчине всякие люди не ходили и насильством всякого зверя не били и бортей с медом не подсекали, чтоб ему, Енбахтку, впредь нашего есаку не отбыть. А с тое де вотчины ане, Ямбахтко, дает в нашу казну на Уфе ясаку по батману меду да по две куницы на год.

И буде так, как нам уфинской есашной башкирец Ямбахтко Кудабахтов з братом бил челом, и как к тебе ся наша грамота придет, и ты б Уфинского уезду ясашного башкирца в Бахткову вотчину Кудабахтина з братом, в старинную отца ево Бугид, рус[с]ким никаким людем, и чюваше, и черемисе, и башкирцом ходить и в той ево вотчине лисиц и куниц и всякого зверя бить и борти с медом подсекать и всяким угодем владети //л. 54 об.// насильством не велел и ото всяких сторонних людей ево, Ямбахтка, и брата ево во всем оберегал, чтоб ему, Ямбахтку, з братом ево, без суда и без сыску напрасных продаж и убытков ни в чем ни от кого не было.

Писан на Москве. Лета 7153 февраля 12 день.

Припись у подлинной грамоты дьяка Спиридона Пятова.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асфандияров А.З. Аулы мензелинских башкир. Уфа, 2009. 600 с.
2. Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, 2009. 744 с.
3. Ахметзянов М.И. Ногайская Орда: историческое наследие татарского народа. Казань: Магариф, 2002. 343 с. (на татарском языке)
4. Ахметзянов М.И. Татарские родословные. Казань, 1995. 128 с. (на татарском языке)
5. Башкирские исторические предания и легенды. Авт.-сост. Ф.А. Надршина. Уфа, Китап, 2015. 528 с.
6. Башкирское войско в Польском походе (1771–1773). Сборник документов. Уфа, 2009. 178 с.
7. Башкирское общество конца XVI – XVII в. по документам Уфимской приказной избы: Сборник документов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. 204 с.
8. Башкиры и мишари – участники похода Русской армии в Пруссию 1757 г. Сборник документов / сост. И.М. Васильев. Уфа, 2012. 155 с.
9. Вахит Имамов. Шеджере деревни Байсарово // Мәдәни жомга: газета. 2017. 28 апреля (на татарском языке).
10. Вятская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859–1873 годов. СПб., 1876. 993 с.
11. Документы и материалы по истории башкирского народа (1574–1798). Уфа, 2012. 548 с.
12. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археологической комиссией (ДАИ). Т. 10. СПб., 1867.
13. История башкирских родов. Еней. Том 1 / С.И. Хамидуллин, Ю.М. Юсупов, Р.Р. Асылгужин, Р.Р. Шайхеев, Р.М. Рыскулов, А.Я. Гумерова. Уфа: ГУП РБ Уфимский полиграфкомбинат, 2014. 432 с.: илл.
14. История башкирских родов. Канглы. Том 5 / С.И. Хамидуллин, Ю.М. Юсупов, Р.Р. Асылгужин, Р.Р. Шайхеев, А.М. Зайнуллин, И.Р. Саитбатталов, В.И. Муратова, Р.М. Рыскулов, А.Я. Гумерова, Г.Ю. Галеева, Г.Д. Султанова. Уфа: ГУП РБ Уфимский полиграфкомбинат, 2014. 560 с.: илл.
15. История башкирских родов. Кыргыз. Том 10 / С.И. Хамидуллин, Ю.М. Юсупов, Р.Р. Асылгужин, Р.Р. Шайхеев, И.Р. Саитбатталов, В.Г. Волков, А.А. Каримов, А.М. Зайнуллин, Р.М. Камалов, Ф.С. Марваров, Р.М. Рыскулов, А.Р. Асылгужин, А.Я. Гумерова, Г.Ю. Галеева, Г.Д. Султанова. Уфа: ГУП РБ Уфимский полиграфкомбинат, 2015. 808 с.: илл.
16. Каримов Р.Т. Невотчинники-«башкирцы» д. Султангулово Енейской поземельной волости (вторая четверть XVIII – середина XIX вв.) // Клио. 2024. № 01(205). С. 87.

17. Каримов Т.Т. Булярская поземельная волость Уфимского уезда в первой четверти XVIII в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 7. С. 21–26.

18. Каримов Т.Т. Енейская поземельная волость Уфимского уезда в первой четверти XVIII в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 2. С. 26–29.

19. Каримов Т.Т. Енейская поземельная волость Уфимского уезда в 30-е годы XVIII в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 4. С. 16–20.

20. Каримов Т.Т. Енейская поземельная волость Уфимского уезда в 40-е годы XVIII в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 8. С. 17–22.

21. Каримов Т.Т. Енейская поземельная волость Уфимского уезда в 50-е годы XVIII в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 9–2. С. 12–17.

22. Каримов Т.Т. Как маришцы стали башкирами-вотчинниками и продавали земли // Восточное Закамье как один из очагов этногенеза и культуры татарского народа: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 90-летию Актанышского района и 310-летию основания Актаныша. Казань, 2020. С. 222–228.

23. Каримов Т.Т. Сословная структура деревень Нугушево и Туктагулово Канлинской поземельной волости Белебеевского уезда Уфимской губернии // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 3–2. С. 7–10.

24. Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том 1. Булярская волость / науч. ред. Р.Р. Салихов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2023. 284 с., ил.

25. Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том 2. Киргизская волость / науч. ред. Р.Р. Салихов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2024. 340 с., ил.

26. Каримов Т.Т. Ярмекей Суюндуков – основатель деревни Ермекеево Кыр-Еланской поземельной волости Уфимского уезда // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 2–2. С. 18–22.

27. Краткое географическое и статистическое описание Оренбургской губернии / сост. в 1832 г. И. Жуковским [Ред. и предисл.: Н. Гурвич]; изд. Уфим. стат. комитета. 2-е изд., с прим. и доп. Уфа: Уфимск. стат. ком., 1880. 103 с.

28. Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 6. Елабужский уезд. Ч. 2. Подворная опись. Вятка, 1889.

29. Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 7. Сарапульский уезд. Ч. 2. Подворная опись / Стат. отд. Губ. земск. упр. Вятка : Вят. губ. земство, 1892.
30. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I: Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936.
31. Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 7. Сарапульский уезд. Ч. 2. Подворная опись. Вятка, 1892.
32. Полный список населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1896.
33. Сборник статистических сведений по Уфимскому уезду. Т. 3. Мензелинский уезд. Уфа, 1899.
34. Список населенных мест Уфимской губернии по сведениям 1870 года. СПб., 1877. 337 с.
35. Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722–1782 гг.): справочное издание. 2 изд., испр. и доп. / Отв. ред. Р.Р. Исхаков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. 240 с.; 16 с. ил.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Агырзи (ныне г. Агрыз РТ) – 149.
- Адаево (ныне Актанышского р-на РТ) – 41, 53, 69, 80, 92, 112, 128, 137, 148, 150, 212–214, 271, 278–281, 304.
- Азибей (Азиби, Назби, что на рч. Азби, Татарский Азибей; упраздненное село Актанышского р-на РТ) – 41, 95, 109, 128, 134, 143, 145, 151, 155, 167–168, 171–175, 177, 181, 208–209, 234–207, 247, 288, 296–298, 324.
- Азмеево (ныне Старое Азмеево Бакалинского р-на РБ) – 76.
- Айманово (ныне Старое Айманово Актанышского р-на РТ) – 148.
- Аккузево (деревня Енейской волости) – 150.
- Аккузево (ныне Илишевского р-на РБ) – 64, 94, 101, 123, 128, 149.
- Аккузово (ныне Актанышского р-на РТ) – 143, 235–236, 308–309.
- Аккул (деревня Гарейской волости) – 88.
- Актанышбаш (деревня) – 149.
- Актово (ныне Староактау Буздякского р-на РБ) – 125.
- Акчюрино (деревня Енейской волости) – 101.
- Алимово (ныне Старое Алимово Актанышского р-на РТ) – 83, 149.
- Алтыбаево (ныне Старокангильдино Бураевского р-на РБ) – 67.
- Аняково (ныне Актанышского р-на РТ) – 149.
- Апачево (Апасево; ныне Актанышского р-на РТ) – 31–32, 68–69, 77, 99, 104, 108, 110, 118, 128, 139, 143–144, 152, 172–175, 235, 308, 321.
- Аптиново (Аптьяново; исчезнувшая деревня Енейской волости) – 85, 108.
- Армамаково (деревня Ельдякской волости; с 1989 г. в составе г. Дюртюли РБ) – 59.
- Ардаш (деревня) – 113.
- Асылтюш (исчезнувшая деревня Булярской волости) – 128, 139.
- Атнагулово (Аднагулово; исчезнувшая деревня Агрызского р-на РТ) – 227, 250–251.
- Атрякле (ныне Мензелинского р-на РТ) – 80.
- Ахтиал (ныне Татарский Ахтиал Менделеевского р-на РТ) – 252–253.
- Ахуново (ныне Актанышского р-на РТ) – 32, 116, 232, 236.

Б

- Байбулатово (ныне Чекмагушевского р-на РБ) – 148.
- Байкино (деревня Сибирской дороги Уфимского уезда) – 56.
- Байляр (ныне Старый Байлар Тукаевского р-на РТ) – 42–43.
- Байсарово (ныне Старое Байсарово Актанышского р-на РТ) – 31–32, 46, 61, 87–88, 97, 104–105, 110–111, 128, 139, 143, 149, 152–154, 172, 174, 184, 222, 230–232, 234, 280, 303–308, 321.
- Байтуганово (ныне Агрызского р-на РТ) – 127, 245, 252.
- Бекабызово (Бакабыз; ныне Бакабизово Муслимовского р-на РТ) – 137, 148, 214.
- Бектибаево (деревня) – 60.
- Бетцимас (Бытцемыш; исчезнувшая деревня Агрызского р-на РТ) – 243.
- Бикбулово (Бекбулово, Бекбово; ныне Мензелинского р-на РТ) – 41, 44, 46, 50, 59, 66, 68, 80, 88, 108, 110, 131–132, 143, 148–150, 152, 192–194, 196, 198, 272–275, 324.
- Биксентеево (ныне Старое Бикчентаево Актанышского р-на РТ) – 148, 308.
- Бима (ныне Агрызского р-на РТ) – 252.
- Бишкучачево (упразднённая деревня Актанышского р-на РТ) – 148, 308.
- Богады (ныне Старые Богады Буздякского р-на РБ) – 82.
- Балтаево (Болтаево; ныне Туймазинского р-на РБ) – 111.
- Большая Быргында (деревня Сарапульского уезда Вятской губернии) – 243, 260.
- Большая Девятерня – см. Девятерня.
- Большая Салья (деревня Елабужского уезда Вятской губернии) – 259.
- Большая Ныргында (ныне Ныргында Каракулинского р-на УР) – 244, 260.
- Большие Варзи (деревня) – 260.
- Большие Терси (ныне Терси Агрызского р-на РТ) – 37, 51.
- Буаскулево (ныне Буаз-Куль Актанышского р-на РТ) – 32, 93, 99, 103–105, 122, 125, 290, 294, 298.
- Бугады (Богады; ныне Старые Бугады Актанышского р-на РТ) – 14, 18, 21, 64, 74–75, 78–79, 82, 99, 102–103, 128, 145, 147, 192, 203, 237, 300–302, 306–307.
- Буглы (деревня в Енейской волости) – 23.
- Бураево (ныне Бураевского р-на РБ) – 67.
- Буранчи (Буранчино; исчезнувшая деревня Актанышского р-на РТ) – 54, 57–58, 128, 133–134, 151–152, 268, 276–277, 280, 284.
- Бурнашево (деревня Енейской волости) – 36–37.

Бустанаево (Пустанаево; ныне Бураевского р-на РБ) – 67.

Былышлы (ныне Балышлы Благоварского р-на РБ) – 149.

В

Варзи (деревня Байлярской волости) – 23.

Верхне-Троицкое (ныне Верхнетроицкое Туймазинского р-на РБ) – 303.

Верхние Урьяды (ныне Старые Урьяды Актанышского р-на РТ) – 58, 138, 149, 268–270.

Воздвиженское (ныне Воздвиженка Туймазинского р-на РБ) – 303.

Г

Гаврилов (починок) – 229.

Галаново (ныне Каракулинского р-на УР) – 121–122.

Глухово (ныне Сарапульского р-на УР) – 97.

Д

Девятерня (Большая Девятерня Тогуз тож, Улу Дювтир; ныне Агрызского р-на РТ) – 129–130, 149, 227–229, 238, 253–257, 259, 313–319.

Досайкичево (ныне Дусай-Кичу Мензелинского р-на РТ) – 149.

Дрюш (ныне Старый Дрюш Тукаевского р-на РТ) – 152.

Е

Еней (деревня) – 28, 81, 293.

Еней-Иткино (упраздненная деревня Краснокамского р-на РБ) – 290–293.

Ермекеево (ныне Ермекеевского р-на РБ) – 139–140.

Ермухаметово (ныне Туймазинского р-на РБ) – 85.

Ершовка (Ершевка; ныне Камбарского р-на УР) – 110.

З

Зены (деревня Енейской волости) – 25.

Зубаирово (Зюбеирово; ныне Актанышского р-на РТ) – 148, 198.

И

- Иванаево (ныне Дюртюлинского р-на РБ) – 41, 91.
Иваново (деревня Енейской волости) – 34, 41.
Избули (ныне Учпили Дюртюлинского р-на РБ) – 212.
Измеиково (Зизмеиково, Юзмеиково; исчезнувшая деревня) – 69, 128, 138, 152.
Иликово (ныне Староиликово Бакалинского р-на РБ) – 87.
Илишево (ныне Илишевского р-на РБ) – 150.
Ильtimiрово (Илтемирово; исчезнувшая деревня Актанышского р-на РТ) – 128, 149, 152.
Иркеняш (ныне Старый Иркеняш Мензелинского р-на РТ) – 80.
Исаметово (Исеметево; ныне Илишевского р-на РБ) – 148.
Исанбаево (Исамбаево; ныне Илишевского р-на РБ) – 61.
Исенбаево (Исанбаево; ныне Агрызского р-на РТ) – 27, 31, 41, 46, 62, 70, 78, 104–105, 112–113, 118, 172, 174, 217–219, 222–223, 225, 235, 247–248, 252, 323.
Иткинеево (ныне Янаульского р-на РБ) – 93.
Иткино (Иткинино; деревня Енейской волости) – 62, 66, 93.
Ишметово (деревня) – 72.
Ишметово (деревня Осинской дороги) – 68.

К

- Кадряково (ныне Агрызского р-на РТ) – 251–252.
Кадыбаш (Большой Кадыбаш; ныне Агрызского р-на РТ) – 51, 69, 72, 127–128–129, 149, 253, 257–261, 318–319.
Кадырметево (ныне Старое Кадырметьево Актанышского р-на РТ) – 69, 142–143, 145, 160, 169, 172–173, 183, 192, 204–206, 208–210, 269, 271, 299, 300, 303–304, 307–308.
Кадырово (ныне Илишевского р-на РБ) – 149, 152, 280–281.
Каентюба (Каинтюба, Каинтуба, Каентуба; ныне Кыр-Каентюба Актанышского р-на РТ) – 32, 53, 62, 121, 211–212.
Казгаляк (деревня Булярской волости) – 149, 308.
Калмаш (ныне Калмашево Актанышского р-на РТ) – 22, 32, 93, 99, 120–121, 143, 148, 155, 159–161, 163, 281, 283.
Калмурзино (ныне Мензелинского р-на РТ) – 41, 58, 107, 151, 192–194, 199, 268, 278.

- Калтеево (Кальтеево, Келтево; упраздненное поселение) – 31, 77, 104–105, 108, 118, 143, 172, 174–175, 180–182, 235, 287–288.
- Камаево (исчезнувшая деревня Енейской волости) – 13.
- Каменный Ключ (ныне Агрызского р-на РТ) – 252.
- Капей-Кубово (ныне Буздякского р-на РБ) – 124–125.
- Карагай Астык (деревня) – 83.
- Каракулино (село, пригород) – 55, 64–66, 68, 74, 97, 116, 124, 146, 289.
- Каракуль (деревня) – 127, 131, 293.
- Каратал (Караталово; ныне Новое Зияшево Актанышского р-на РТ) – 128, 136.
- Карачево (Карасево; Актанышского р-на РТ) – 148, 165, 280.
- Картово (ныне Актанышского р-на РТ) – 22, 85, 95, 99, 118, 152, 208–211, 281, 283–284.
- Касаево (Старый Тогуз; ныне Агрызского р-на РТ) – 9, 41, 83–85, 111, 113, 149, 217, 227, 229, 250, 253, 260–261, 318–319.
- Касево (село; с 1960 г. в черте г. Нефтекамск) – 93.
- Катаево (ныне Новокатаево Бакалинского р-на РБ) – 151, 221.
- Каясаф (марийская деревня) – 127, 130.
- Келтево (деревня Енейской волости) – см. Калтеево.
- Кирилов Починок (деревня) – 97.
- Козекино (деревня) – 58.
- Козюково (деревня) – 54, 134.
- Колесниково (ныне Каракулинского р-на УР) – 98, 105.
- Кочаш (деревня Осинской дороги Уфимского уезда) – 67.
- Красный Яр (ныне Красная Горка Нуримановского р-на РБ) – 281.
- Крымсараево (деревня Амзинской волости Зюрейской дороги) – 56.
- Кубяково (ныне Кубяк Буздякского р-на РБ) – 88, 90.
- Кузембетеево (Куземметево; ныне Мензелинского р-на РТ) – 151.
- Кузкеево (Кускеево; ныне Тукаевского р-на РТ) – 53.
- Кулаево (Кулуево; ныне Бураевского р-на РБ) – 212–213.
- Кулегаш (ныне Агрызского р-на РТ) – 252.
- Кулешево (Кулюшево; ныне Каракулинского р-на УР) – 36, 94–95, 146.
- Кулуново (ныне Актанышского р-на РТ) – 148.
- Кумырса (Красноперов тож; ныне Киясовского р-на УР) – 223, 248.
- Куразово (ныне Менделеевского р-на РТ) – 254.
- Курмашево (деревня) – 23, 148, 308.
- Кырпы (деревня Казанской дороги) – 72.

М

- Мазунино (ныне Сарапульского р-на УР) – 94, 101, 122–123.
Малая Быргында (деревня Сарапульского уезда) – 243.
Малая Деветерня (деревня) – 112.
Малая Ныргында (деревня) – 244, 260.
Маляши (Маляш, Малиш; исчезнувшая деревня Каракулинского р-на УР) – 116, 124–126.
Малые Шидаы (ныне Нуримановского р-на РБ) – 272.
Малый Кадыбаш (починок) – 228–229, 254
Мандыково (ныне Мадык Агрызского р-на РТ) – 245, 252.
Мари-Суксы (Черемисские Суксы; ныне Актанышского р-на РТ) – 59, 119, 136, 286.
Марийское Текашево (ныне Менделеевского р-на РТ) – см. Текашево.
Марино (Марьино; с 1969 в составе г. Нефтекамск РБ) – 92, 94.
Мартыново (исчезнувшая деревня) – 58.
Масляный Мыс (исчезнувшая деревня Краснокамского р-на РБ) – 100–101.
Масягутово (деревня) – 111.
Маткауш (деревня) – 80, 128, 133.
Маткауштамак (Маткаушское Устье; исчезнувшая деревня Енейской волости) – 46, 58, 108, 148–149.
Медведево (ныне Аю Мензелинского р-на РТ) – 148–149.
Мелкен (деревня Зюрейской дороги) – 20.
Мердешево (деревня Енейской волости) – 127, 130.
Минлярво (ныне Миннярово Актанышского р-на РТ) – 79, 92.
Мостовая (ныне Сарапульского р-на УР) – 80, 96.
Мрясево (ныне Актанышского р-на РТ) – 64.
Мурзагулово (исчезнувший антропотопоним Енейской волости) – 102–103.

Н

- Нагашево (Ногашево; исчезнувший антропотопоним Енейской волости) – 63.
Наратово (ныне Сосново Агрызского р-на РТ) – см. Сосново.
Нижние Бишинды (ныне Туймазинского р-на РБ) – 106, 141.
Нижние Урьяды (ныне Актанышского р-на РТ) – 41, 57, 128, 136, 148, 150–151, 192–193, 199, 268, 270–271.
Николо-Берёзовка (ныне Краснокамского р-на РБ) – 28.

- Новая Семиостровная (Новая Семиостровская, Новое Ушарово; исчезнувшая деревня) – 147, 295–296.
- Новое Аккузино (деревня Енейской волости) – 266–267.
- Новое Байсарово (деревня) – 308.
- Новое Зияшево (Новое Дияшево; ныне Актанышского р-на РТ) – 79, 82–83, 92, 128, 136, 300–301, 305–307.
- Новое Курмашево (деревня) – 308.
- Новое Мастеево (Ново-Мастеево; исчезнувшая деревня Енейской волости) – 217, 251.
- Новое Сафарово (деревня Енейской волости) – 155, 177–180, 208, 298–300.
- Новое Султангулово (исчезнувшая деревня Актанышского р-на РТ) – 307.
- Новое Чалманаратово (деревня) – см. Саузбаш.
- Новый Кадермет (Новое Кадырметево; Актанышского р-на РТ) – 271, 280, 304, 308.
- Новоселово (исчезнувшая деревня Каракулинского р-на УР) – 124.
- Новые Бугады (ныне Актанышского р-на РТ) – 305.
- Новый Тогуз (деревня Енейской волости) – 9, 37.
- Нугуш (деревня Канлинской волости) – 84–85.
- Ныргындыш (ныне Нырганда Каракулинского р-на УР) – 244.

О

- Ожбуй (Ошбуй; ныне Агрызского р-на РТ) – 251.
- Октябрь (ныне Муслюмовского р-на РТ) – см. Тлянчино.

П

- Пелемеш (Пелямыш, Паламыш; ныне Агрызского р-на РТ) – 127, 130, 251.
- Пермяково (Перьмяково; ныне Каракулинского р-на УР) – 95, 102, 109, 124.
- Пермяковская слобода – 116, 118.
- Пиначово (марийская деревня) – 127, 131.
- Писляково (деревня Енейской волости) – см. Старое Сляково.
- Писмен-Елга (исчезнувшая деревня Енейской волости) – 98, 106–107, 168.
- Пичмен-Илга (деревня Белебеевского уезда) – 98.
- Поисево (ныне Актанышского р-на РТ) – 148–150.
- Псеево (ныне Менделеевского р-на РТ) – 108.
- Пустошь Кулушевская – 20.
- Пустошь Мелкенево (деревня Зюрейской дороги) – 20.

Р

Русское Азибеево (Русские Азиби; исчезнувшая деревня Актанышского р-на РТ) – 16, 145.

С

Сабаетово (ныне Буздякского р-на РБ) – 83–84, 88, 90, 111–112.

Саклово (ныне Краснокамского р-на РБ) – 93.

Салагуш (ныне Агрызского р-на РТ) – 80, 150.

Санганды (деревня Арской дороги Казанского уезда) – 55.

Сарапул (село, город) – 110, 244.

Сармаш (ныне Сармаш-по-Ирне Заинского р-на РТ) – 69.

Сарсаз (Сарысаз; деревня Енейской волости) – 99–100, 102, 148.

Сарсаз (деревня Зюрейской дороги Казанского уезда) – 20.

Сарсаз-Тралы (исчезнувшая деревня Енейской волости) – 20.

Сарсас (деревня Байлярской волости) – 64.

Сарт-Наурузово (ныне Кармаскалинского р-на РБ) – 279.

Саузово (Сауз, Новое Саузово; ныне Краснокамского р-на РБ) – 187, 289.

Саузбаш (Новое Чалманаратово; ныне Краснокамского р-на РБ) – 292.

Сафарово (Саперово; ныне Старое Сафарово Актанышского р-на РТ) –

Сеитово (деревня) – 152, 163.

Семекеево (Симьякаево; деревня Тукаевского р-на РТ) – 149.

Семиостровная (Семестровная, Семеостровная, Ушарово, Старое Семиостровно; упраздненное село Актанышского р-на РТ) – 31–32, 34, 56, 62, 66, 68, 71–72, 81, 95, 97–99, 103–104, 106, 108–109, 113, 116, 122, 124, 146–148, 167, 172, 182–183, 185–186, 188–191, 235, 288–290, 293–294, 298.

Семяково (Симьяково; ныне Муслюмовского р-на РТ) – 149.

Сикия (деревня Муслюмовского р-на РТ) – 172–174, 208–209, 307.

Сляково (Писляково) – 41, 80, 96–97, 149–150, 217, 223–225, 227, 246–247, 249.

Соколовка (ныне Сарапульского р-на УР) – 122.

Сомово (исчезнувшая деревня Енейской волости) – 62.

Сосново (Наратово; ныне Агрызского р-на РТ) – 10, 39, 65, 67, 88, 90, 127, 129–130, 149–150, 259, 263–264, 318–320.

Старое Аккузино (исчезнувшая деревня Агрызского р-на РТ) – 266–267.

Старое Ашаново (деревня Осинского уезда Пермской губернии) – 257.

Старое Кадырметьево (Кадырметеево; ныне Актанышского р-на РТ) – см. Кадырметеево.

- Старое Сляково (ныне Агрызского р-на РТ) – см. Сляково.
Старое Султангулово (ныне Актанышского р-на РТ) – см. Султангулово.
Старые Бугады (ныне Актанышского р-на РТ) – см. Бугады.
Старые Урьяды – см. Верхние Урьяды.
Старый Пьяный Бор (исчезнувшая деревня Мензелинского р-на РТ) – 99.
Старый Тогуз (Старый Тогуз Косой тож; деревня Енейской волости) – см. Касаево.
Старый Шигай (ныне Буздякского р-на РБ) – 83, 88.
Султангулово (ныне Старое Султангулово Актанышского р-на РТ) – 75, 93, 215–217, 300–301, 304, 306, 307, 329.
Сынгрязново (Сынгряз; ныне Илишевского р-на РБ) – 276, 281.
Суксы (ныне Татарские Суксы Актанышского р-на РТ) – 34.

Т

- Таирово (ныне Туирово Тукаевского р-на РТ) – 108.
Такталачук (деревня) – 288.
Талбазы (деревня Казанской дороги) – 72.
Тамьян (ныне Муслюмовского р-на РТ) – 20.
Тарбино (марийская деревня) – 128.
Татарские Суксы (ныне Актанышского р-на РТ) – см. Суксы.
Татарский Ахтиал – см. Ахтиал.
Текашево (Марийское Текашево Менделеевского р-на РТ) – 252.
Телдеево (Телдево; исчезнувший антропотопоним Енейской волости) – 85, 92, 94, 99–100, 164–165.
Телези (деревня) – 54.
Терпеле (Терпели; ныне Актанышского р-на РТ) – 32, 92, 95, 99, 104–106, 109–110, 116, 118–119, 143, 179, 206, 236, 253, 269, 271, 300, 302–303, 324.
Тлянчино (Тлянчиево; ныне Октябрь Муслюмовского р-на РТ) – 77.
Тогуз (Токуз; деревня Енейской волости) – 29, 38, 56, 61–62, 76, 87.
Тогуз Нарат (деревня Енейской волости) – 37–38, 41.
Тойгузино (ныне Менделеевского р-на РТ) – 158.
Тоймурзино (ныне Актанышского р-на РТ) – 152.
Тойчино (деревня Байлярской волости) – 39.
Токаево (исчезнувшая деревня Енейской волости) – 106.
Токбердино (ныне Бакалинского р-на РБ) – 71.
Торузино (деревня) – 82.

- Тугузкарагай (деревня) – 127, 130.
Тузганабика (Тузгинибика, Тюзгинебика, Тюзгино-Бика; исчезнувшая деревня) – 66, 80, 108, 128, 132.
Тулубаево (Толубаево; ныне Мензелинского р-на РТ) – 30.
Тураево (ныне Менделеевского р-на РТ) – 56.
Тыгирманликово (ныне Тегермянлек Муслюмовского р-на РТ) – 149.
- Тюково (ныне Актанышского р-на РТ) – 148–149.
Тюпкильды (ныне Туймазинского р-на РБ) – 314, 316.

У

- Уктеево (Уткеево; ныне Иглинского р-на РБ) – 279.
Улиманово (Улуймен, Улуименово; ныне Актанышского р-на РТ) – 92, 143, 152–153, 236–239, 307.
Уменево (исчезнувшая деревня) – 148–149.
Уразметмишерово (деревня) – 149.
Урмекеево (ныне Туймазинского р-на РБ) – 110–111.
Урьяды (деревня Енейской волости) – 45, 57, 63, 76, 149, 151.
Усть-Саклы (Усаклы; ныне Каракулинского р-на УР) – 252.
Усакаево (деревня) – 127, 131.
Усаклы – см. Усть-Саклы.
Усы (ныне Актанышского р-на РТ) – 80, 149, 167, 190, 239–241.
Утяганово (ныне Агрызского р-на РТ) – 41, 88, 90–91, 96, 130, 143, 150, 217–218, 223–224, 249–251, 256, 318, 320.

Ч

- Чапаево (деревня Белебеевского уезда) – 90–91.
Чекмак (деревня) – 149.
Чиньково (ныне Чинниково Актанышского р-на РТ) – 149.
Чураево (Чирю, Чуреево; ныне Актанышского р-на РТ) – 80, 151.

Ш

- Шабывово (Шабиз; ныне Актанышского р-на РТ) – 22, 32, 52, 71, 85, 94, 109–110, 112, 116, 118, 120, 142, 148, 151, 153, 155–159, 163, 281–282.

Шабизбаш (Шабызбаш, Вершины Шабиз; ныне Актанышского р-на РТ) – 128, 139.

Шадрино (деревня Сарапульского р-на УР) – 112.

Шайчурино (Шайчурово; ныне Актанышского р-на РТ) – 149.

Шареево (ныне Старое Шареево Кармаскалинского р-на РБ) – 269, 271, 277, 279, 293.

Шарлиарема (ныне Сармановского р-на РТ) – 149.

Шигаево (ныне Старый Шигай Буздякского р-на РБ) – см. Старый Шигай.

Шланлыкулево (ныне Буздякского р-на РБ) – 82–83.

Шюрач (исчезнувшая деревня Енейской волости) – 13.

Ю

Юньга (деревня Каракулинского р-на УР) – 108.

Я

Якупово (деревня Енейской волости) – 52.

Яланьяр (исчезнувшая деревня) – 63.

Ямалы (Емалы; ныне Татарские Ямалы Актанышского р-на РТ) – 104–105.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- в. – век
вв. – века
г. – год
ГА РТ – Государственный архив Республики Татарстан
гг. – года
д. – деревня, дело
ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией
дд. – деревни
др. – другие
жен. – женский
л. – лист (листы)
МИБ – Материалы по истории Башкирской АССР (Башкортостана)
муж. – мужской
НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан
об. – оборот
оп. – опись
прил. – приложение
р. – река
РБ – Республики Башкортостан
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГИА – Российский государственный исторический архив
р-н – район
рр. – реки
РТ – Республика Татарстан
рч. – речка
с. – село
см. – смотри
у. – уезд
УР – Удмуртская Республика (Удмуртия)
ф. – фонд

Каримов Тагир Тимергазимович

ТАТАРСКИЕ ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ ВОЛОСТИ
Том 3. Енейская волость

Научное издание

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева*

Подписано в печать 11.11.2025 г. Формат 70×100 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 27,95 Тираж 200 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета

ИП Казанцев Д.В.

420034, г. Казань, ул. Энергетиков, 5

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф